

Н. И. Черняевъ.

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ

ПУШКИНЪ.

Перечень статей, напечатанныхъ въ этой книгѣ:
„Стамбуль гяури нынче славятъ“, Посланіе „Къ А. П. Керпю“ Пушкина и „Лалла-Рукъ“ Жуковского, Письмо А. С. Пушкина къ А. Г. Родзянкѣ отъ 8-го Декабря 1824 г. (объ А. П. Керпю), О сродствѣ „Каменнаго гостя“ съ „Гробовщикомъ“ и „Мѣднымъ Всадникомъ“. „Выстрѣлъ“, „Анджело“, „Метель“, Есть ли что нибудь Бѣлкинское въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“? „Движеніе“, „Буря“, „Олеговъ щитъ“, Еще нѣсколько словъ о стихахъ „Анджело“, не дозволенныхъ къ печатанію Императоромъ Николаемъ I, „Цвѣтокъ“, „Черепъ“. „Цезарь путешествовалъ“ (отрывокъ о смерти Петронія), Зачеркнутая строфа „Осени“, „Родригъ“, „Исторія села Горохина“, Біографъ Ивана Петровича Бѣлкина по его письму къ издателю „Повѣстей Бѣлкина“, О „Русланѣ и Людмилѣ“, Въмѣсто заключенія—Подъ впечатлѣніемъ Пушкинскихъ дней 1899 года.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Южнаго Края“, Сумская ул., № 13.

1900.

Н. И. Черновъ.

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ

○

ПУШКИНЪ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Южнаго Края“, Сумская ул., № 13.

1900.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 13 Октября 1899 г.

Посвящается
женѣ автора,
Александрѣ Константиновнѣ
Черняевой.

**КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ
О ПУШКИНѢ.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Глава I.	„Стамбуль гяуры нынче славятъ“ 1
Глава II.	Посланіе „Къ А. П. Кернъ“ Пушкина и „Далла-Рукъ“ Жуковскаго. 33
Глава III.	Письмо А. С. Пушкина къ А. Г. Родзянкѣ отъ 8 Декабря 1824 г. (объ А. П. Кернѣ) 65
Глава IV.	О сродствѣ „Каменнаго гостя“ съ „Гробовщикомъ“ и „Мѣднымъ Всадникомъ“ 81
Глава V.	„Выстрѣлъ“ 92
Глава VI.	„Анджело“ 144
Глава VII.	„Метель“ 233
Глава VIII.	Есть ли что нибудь Бѣлкинское въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“? 293
Глава IX.	„Движеніе“ 327
Глава X.	„Буря“ 334
Глава XI.	„Олеговъ щить“ 339
Глава XII.	Еще нѣсколько словъ о стихахъ „Анджело“, не дозволенныхъ къ печати Императоромъ Николаемъ I 365
Глава XIII.	„Цвѣтокъ“ 376
Глава XIV.	„Черешъ“ 385
Глава XV.	„Цезарь путешествовалъ“ (отрывокъ о смерти Петронія). 422
Глава XVI.	Зачеркнутая строфа „Осени“ 487
Глава XVII.	„Родригъ“ 497
Глава XVIII.	„Исторія села Горохина“ 509
Глава XIX.	Біографъ Ивана Петровича Бѣлкина по его письму къ издателю „Повѣстей Бѣлкина“ 585
Глава XX.	О „Русланѣ и Людмилѣ“ 592
Глава XXI.	Вмѣсто заключенія: <i>Подъ впечатлѣніемъ Пушкинскихъ дней 1899 г.</i> 626

I.

„Стамбуль гяуры нынче славятъ“.

„Подражанія Корану“ и „Пророкъ“ обнаруживаютъ въ Пушкинѣ такую глубину и ясность художественнаго пониманія мусульманскаго Востока, какой нѣтъ ни у кого изъ другихъ поэтовъ. Его умѣнье проникаться духомъ Ислама видно, между прочимъ, и изъ стихотворенія „Стамбуль гяуры нынче хвалятъ“. Эта пьеса доселѣ не оцѣнена по достоинству, а между тѣмъ, она составляетъ одно изъ самыхъ яркихъ проявленій изумительной способности Пушкина перерождаться въ геніи чуждыхъ народностей и культовъ. Въ „Подражаніяхъ Корану“ и въ „Пророкъ“ отразились Аравія, Магометъ и созданный ими Исламъ *), а въ стихотвореніи „Стамбуль гяуры нынче славятъ“ — дореформенная Турція, турецкое міро-

---

*) См. мою книгу: Пророкъ Пушкина въ связи съ его же „Подражаніями Корану“.

созерцаніе, турецкая національность и турецкое правовѣріе.

Стамбуль гяуры нынче славятъ,
А завтра кованой пятой,
Накъ змя спящаго, раздавятъ,
И прочь пойдуть — и такъ оставятъ:
Стамбуль заснулъ передъ бѣдой.

Стамбуль отрекся отъ Пророка,
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый Западъ омрачилъ;
Стамбуль, для сладостей порока,
Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ;
Стамбуль отрыкъ отъ поту битвы,
И вьетъ вино въ часы молитвы.

Въ немъ вѣры чистый лучъ потухъ:
Въ немъ жены на базару ходятъ,
На перекрестки плюютъ старухъ,
А тѣ мужчинъ въ харемы вводятъ,
И спать подкупленный свнухъ.

Но не таковъ Арзрумъ нагорной,
Многодорожный нашъ Арзрумъ:
Не спитъ мы въ росыши позерной,
Не чарлемъ чашей непокорной
Въ винѣ развратъ, огонь и шумъ.

Постигся мы; струею трезвой
Одни фонтаны насъ поятъ;
Толной деистовой и рѣзвой
Джигиты наши въ бой летятъ;
Мы къ женамъ, какъ орлы ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоятъ *).

*) Въ „Путешествіи въ Арзрумъ“ послѣдняя строфа читается иначе:

Постигся мы струею трезвой
Святая вода насъ поятъ;

Эти строфы, написанныя Пушкинымъ въ 1830 году и вставленныя имъ пять лѣтъ спустя, съ небольшими измѣненіями, въ „Путешествіе въ Арзрумъ“, были здѣсь названы поэтомъ „началомъ сатирической поэмы, сочиненной янычаромъ Аминомъ-Оглу“. Поэтъ мистифицировалъ публику и критиковъ, выдавая оригинальное произведеніе за переводъ. Но если бы Аминъ-Оглу дѣйствительно существовалъ и соединялъ въ себѣ дарованіе крупнаго поэта съ преданностью къ Исламу и съ ненавистью къ Западу, онъ не написалъ бы ничего болѣе турецкаго

Толпой безтрепетной и рѣзвой
Джигиты наши въ бой летятъ;
Харемы наши недоступны,
Евнухи строги, неподкупны,
И смиреннѣ жены тамъ сидятъ.

Воды Арзрума поэтъ называетъ *святыми*, имѣя въ виду вѣрванія турекъ, что истокъ Ефрата и 20 другихъ источниковъ, сливающихся съ главнымъ ручьемъ рѣки, смываетъ обыкновенные грѣхи, но умерщвляетъ тѣхъ, кого преслѣдуетъ гнѣвъ Аллаха. („Земля и люди“ Реклю, IX, 375).

Въ рукописи послѣ стиха —
Непроницаемы стоятъ —
поэтъ зачеркнулъ четыре стиха:
Въ насъ умъ владѣетъ плотью дикой,
А покоренъ Керану умъ —
И потому Пророкъъ великій
Хранитъ, какъ оио, свой Арзрумъ.

и болѣе восточнаго, чѣмъ „Стамбуль гяуры нынче славятъ“. Каждый стихъ этого : превосходнаго стихотворенія проникнуть чисто турецкимъ религіозно-національнымъ фанатизмомъ, чисто турецкой гордостью, самоувѣренностью, воинственностью, чувственностью и апатіей. Каждый стихъ этого стихотворенія носитъ отпечатокъ полусонной важности и неподвижности ума. Здѣсь нѣтъ уже и тѣни пламенной арабской фантазіи: здѣсь мы имѣемъ дѣло съ духовнымъ міромъ совсѣмъ иного закала, и какъ безподобно передалъ поэтъ всѣ самые сокровенные помыслы завзятаго турка, нетронутаго европейскою цивилизаціей!

Вторая половина стихотворенія, пожалуй, еще лучше первой. Она гениально довершаетъ неотразимое впечатлѣніе, производимое начальными строфами, знакомя насъ съ реформаторскими приѣмами знаменитаго султана-преобразователя, Махмуда II-го, любившаго себя сравнивать съ Петромъ Великимъ, и съ завзятыми турками его времени.

Алла великъ!

Къ намъ отъ Стамбула
Пришелъ гонимый янычарь.
Тогда насъ буря долу гнула,
И палъ неслыханный ударь.

Отъ Рущука до старой Смирны, *)
 Отъ Трапезунда до Тульчи,
 Склика псовъ на праздникъ жирный
 Толпой ходили палачи;
 Треща въ объятіяхъ пожаровъ,
 Валились дома янычаровъ;
 Окровавленные зубцы
 Вездѣ торчали **); угли тлѣли;
 На кольяхъ, скорчась, мертвецы
 Окоченѣлые чернѣли ***).
 Алла великъ! Тогда султанъ
 Былъ духомъ гнѣва обуянъ.

Въ этихъ стихахъ говорится о тѣхъ казняхъ и массовыхъ убійствахъ, которыми сопровождалось истребленіе янычаръ, начатое 15-го іюня 1826 года, послѣ ихъ возстанія въ Константинополь, и ознаменованное особенными жестокостями, кромѣ Оттоманской столицы, въ Алеппо и въ Арзрумъ. Разсказъ турка о распра-

*) Смирна существуетъ со временъ глубокой древности. Преданія помѣстили рѣку или, лучше сказать, потокъ Мелесь, на берегу котораго родился Гомеръ, подъ стѣнами Смирны, нѣсколько разъ мѣнявшею мѣсто. (Реклю, IX. 523).

***) Т. е. городскія стѣны, ворота и главныя зданія были утыканы янычарскими головами.

***) Послѣдніе два стиха составляютъ почти дословное повтореніе двухъ стиховъ изъ отрывка „Какая ночь! морозъ трескучій“ („Опричникъ“), помѣченнаго въ рукописи 1828 годомъ—

На кольяхъ, скорчась, мертвецы
 Оцѣпенѣлые чернѣютъ...

въ Махмуда II-го съ янычарами-пре-
торіанцами открывається и завершает-
ся восклицаніемъ: „Алла великъ“...
Пушкинскій турокъ, видимо, не со-
чувствуетъ уничтоженію того войска,
на которое онъ привыкъ смотрѣть съ
дѣтства, какъ ` на твердую опору
Ислама и падишаха, но снѣ не роп-
щеть, не негодуетъ, не оплакиваетъ
жертвъ холодной мстительности и го-
сударственной дальновидности Махму-
да II-го. Набросавъ яркую картину
той рѣзни, которою ознаменовались
первые шаги Махмуда на пути къ
военнымъ реформамъ, онъ впадаетъ
въ свою обычную, степенную и важ-
ную полудремоту, находя въ благоче-
стивомъ изреченіи, столь часто пов-
торяющемся въ Коранѣ, разрѣшеніе
всѣхъ своихъ думъ и сомнѣній. Сло-
вами „Алла великъ“ турокъ хочетъ
сказать, что противъ предопредѣле-
нія нельзя бороться, и что Аллѣ луч-
ше, чѣмъ людямъ, извѣстно, зачѣмъ
нужно было погибнуть янычарамъ.
Восклицаніе „Алла великъ“ состав-
ляетъ истинно гениальный переходъ
отъ первой половины стихотворенія
къ послѣдней. Истинно гениальны и
два заключительные стиха его—

Алла великъ! Тогда султанъ
Былъ духомъ гнѣва обуянъ.

Какъ мастерски выразилъ Пушкинъ въ этихъ стихахъ и мусульманскій фатализмъ, и безграничную преданность турокъ своимъ султанамъ, которыхъ они, не въ видѣ осужденія, а съ гордостью, называютъ „кровопійцами“! *)

„Стамбуль гяуры нынче славятъ“
нужно изучать въ связи съ „Путешествіемъ въ Арзрумъ“, такъ какъ

---

*) Описывая рукописи Пушкина, хранящіяся въ румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, г. Якушкинъ говоритъ:

„Послѣ стиха:

Быль духомъ гнѣва обуянъ

— поставлены *** т. е. Пушкинъ предполагалъ продолжать пьесу“. („Русская Старина“, 1884 г. октябрь, стр. 82).

Такого же мнѣнія были и редакторы посмертнаго изданія сочиненій Пушкина: стихотвореніе „Стамбуль гяуры нынче славятъ“ было помѣщено ими подъ заглавіемъ „Начало поэмы“, котораго въ рукописи нѣтъ. Не беремъ рѣшать вопроса, что означаютъ три звѣздочки, на которыя ссылается г. Якушкинъ. Замѣтимъ только, что трудно себѣ представить чтонибудь законченное пьесы, о которой идетъ рѣчь. Какіе бы планы не соединялись съ нею у Пушкина, она изумительно прекрасна, производитъ цѣльное и стройное впечатлѣніе, не оставляетъ мѣста никакимъ недоумѣніямъ, и во всей справедливости, должна быть причислена къ самымъ зрѣлымъ, къ самымъ отдѣльнымъ и къ самымъ гениальнымъ стихотвореніямъ Пушкина.

это стихотвореніе было навѣяно наблюденіями и впечатлѣніями поэта въ бытность его при Паскевичѣ во время похода 1829 года. Четвертая и пятая главы „Путешествія“ составляютъ почти сплошной комментарий „сатирической поэмы“ Амина-Оглу. Въ „поэмѣ“ Арзрумъ противопоставляется Стамбулу, какъ стойкая твердыня Ислама и туркизма полукосмополитической столицѣ Оттоманской имперіи, а въ „Путешествіи“ говорится: „Нововведенія, затѣваемая султаномъ, не проникли еще въ Арзрумъ. Войско носитъ еще свой живописный восточный нарядъ. Между Арзрумомъ и Константинополемъ существуетъ соперничество, какъ между Казанью и Москвою“. Арзрумскій янычаръ съ гордостью отзывается о своемъ родномъ городѣ, характеризуетъ его эпитетами „нагорный“ и „многодорожный“ и прославляетъ строгость и суровость его нравовъ. Все это находитъ себѣ объясненіе въ „Путешествіи“:

„Арзрумъ почитается главнымъ городомъ азіатской Турціи. Въ немъ считалось до ста тысячъ жителей: но, кажется, число сіе слишкомъ увеличено...

„Главная сухопутная торговля между Европою и Востокомъ производит-

ся чрезъ Арзрумъ. Но товаровъ въ немъ продается мало; ихъ здѣсь и не выкладываютъ, что замѣтилъ и Турнфоръ, пишущій, что въ Арзрумѣ больной можетъ умереть за невозможностію достать ложку ревеня, между тѣмъ, какъ цѣлые мѣшки онаго находятся въ городѣ.

„Не знаю выраженія, которое было бы бессмысленнѣе словъ: „азиатская роскошь“. Эта поговорка, вѣроятно, родилась во время крестовыхъ походовъ, когда бѣдные рыцари, оставя голыя стѣны и дуговыя стулья своихъ замковъ, увидѣли въ первый разъ красныя диваны, пестрыя ковры и кинжалы съ цвѣтными камешками на рукояти. Нынѣ можно сказать: „азиатская бѣдность, азиатское свинство“ и проч., но роскошь, конечно, принадлежность Европы. Въ Арзрумѣ ни за какія деньги нельзя купить того, что вы найдете въ мелочной лавкѣ перваго уѣзднаго городка Псковской губерніи.

„Климатъ арзрумскій суровъ. Городъ выстроенъ въ лощинѣ, возвышающейся надъ моремъ на семь тысячъ футовъ. Горы, окружающія его, покрыты снѣгомъ большую часть года. Земля безлѣсна, но плодоносна. Она орошена множествомъ источни-

ковъ и отовсюду пересѣчена водопроводами. Арзрумъ славится своею водою. Эвфратъ течетъ въ трехъ верстахъ отъ города; но фонтановъ вездѣ множество. У каждаго виситъ жестяной ковшикъ на цѣпи, и добрые мусульмане пьютъ и не нахвалятся *).

„Въ арзрумскомъ арсеналѣ нашли множество стариннаго оружія, шлемовъ, латъ, сабель, ржавѣющихъ, вѣроятно, еще со временъ Годфреда **).

„Мечети низки и темны. За городомъ находится кладбище. Памятники состоятъ обыкновенно въ столбахъ, украшенныхъ каменною чалмою. Гробницы двухъ или трехъ пашей отличаются большой затѣйливостью; но въ нихъ нѣтъ ничего изящнаго; никакого вкуса, никакой мысли“...

---

*) Устройство колодцевъ и фонтановъ считается на Востокѣ богоугоднымъ дѣломъ, дѣломъ благочестія и милосердія къ людямъ, а загрязненіе источниковъ и рѣкъ—грѣхомъ и преступленіемъ, строго караемыхъ по шаріату.

***) Не въ этомъ ли замѣчаніи слѣдуетъ искать разгадку стиховъ:

А завтра кованой пятой,
Какъ змія спящаго, раздавятъ?

Не потому ли Аминъ-Оглу называлъ пяту гяуровъ кованой, что, никогда не видѣвъ ихъ, представлялъ себѣ „невѣрныхъ собакъ“ облеченными въ средневѣковые доспѣхи: въ шлемы, латы, и т. д.

Это послѣднее замѣчаніе слѣдуетъ поставить съ началомъ пятой главы „Путешествія“, въ которой говорится объ основаніи Арзрума въ началѣ V вѣка, во время Θεодосія II, и объ его минувшихъ судьбахъ. „Никакого историческаго воспоминанія не соединяется съ его именемъ. Я зналъ о немъ только то, что здѣсь, по свидѣтельству Гаджи-Бабы *), поднесены были персидскому послу, въ удовлетвореніе какой то обиды, телячьи уши вмѣсто человѣческихъ“.

Пушкинскимъ сравненіемъ Стамбула, разбросаннаго по холмамъ, долинамъ и приморскому берегу, Майковъ воспользовался въ 3-й части „Двухъ міровъ“, въ сценѣ Деція съ Лидою и Марцелломъ. Вспоминая апостола Павла и его проповѣдь, закоренѣлый язычникъ Децій говоритъ:

. . . . . Былъ забавенъ
 Восточный выговоръ его,
 И жестъ порывистъ и неславенъ,
 Но дикимъ пафосомъ своимъ
 Онъ поражалъ.. Я помню, было
 Внѣ Рима. Солнце заходило,
 И онъ указывалъ на Римъ...
 Самъ на горѣ стоялъ. Открытый,
 Высокій лобъ... Народъ кругомъ..

*) Хаджи-Баба главное дѣйствующее лицо романа Моріера того же имени въ вольномъ переводѣ барона Брамбеуса (Сенковского).

И мы подъѣхали верхомъ
 Съ прогулки... „Змѣй многоочитый,
 Онъ восклицалъ,—ты мѣръ земной,
 Обвивъ, сдавилъ его собой,
 И здѣсь, на семихолмѣхъ, въ Римѣ,
 Въ златомъ вѣнцѣ и діадемѣ
 Главой покоишься своей ...
 Я оглянулся: блескъ заката,
 Весь вѣчный городъ, блескъ огней,
 Златая кесарей палата,
 Водопроводы, виллы... Змѣй—
 Великолѣпное сравненіе!
 Онъ разумѣлъ развратъ, паденье
 И порчу нравовъ.

Для того, чтобы понять какъ слѣдуетъ, и оцѣнить по достоинству „Стамбуль гяуры нынче славятъ“, нужно припомнить обстоятельства, которыми сопровождалось истребленіе янычаръ и глубокое впечатлѣніе, произведенное на турокъ какъ этимъ событіемъ, такъ и другими важнѣйшими мѣропріятіями и преобразованіями Махмуда II. Въ виду этого, считаемъ не лишнимъ сдѣлать соответственныя извлеченія изъ первой части „Исторіи Турціи отъ побѣды реформы въ 1826 году до парижскаго трактата въ 1856 году“ Д. Г. Розена. Замѣтимъ при этомъ, что царствованіе Махмуда II (1808—1839 гг.) ознаменовалось для Турціи цѣлымъ рядомъ крупныхъ войнъ, потрясеній и реформъ, и составляетъ одну изъ замѣчательнѣй-

шихъ эпохъ въ исторіи Турціи. Махмудъ II дѣятельно работалъ надъ возрожденіемъ Турціи, надъ скрѣпленіемъ ея распадавшихся областей, надъ усмирениемъ мятежной *райи*, надъ укрѣпленіемъ своей власти, надъ возмѣщеніемъ тѣхъ потерь, которыя понесла Оттоманская имперія вслѣдствіе отпаденія Греціи и Египта, политической полунезависимости Сербіи, Молдавіи и Валахіи, и неудачныхъ войнъ съ Россіей и Мехметомъ-Али-пашой. Но ни одно событіе временъ Махмуда II не поразило турокъ такъ сильно, какъ избіеніе янычаръ, развязавшее руки султану и давшее ему возможность приступить къ осуществленію своего завѣтнаго плана преобразовать старотурецкое военное устройство и старотурецкую администрацію. 1826-ой г. составляетъ одинъ изъ поворотныхъ моментовъ въ исторіи Турціи. Имъ открылась для этого азіатскаго государства новая эра, которая длится и понынѣ, — эра прививки къ разлагающейся мусульманской ордѣ внѣшней стороны европейской цивилизаціи. Въ небольшомъ, но глубокомъ по мысли и громадномъ по содержанію, стихотвореніи Пушкина, наглядно показывается, какъ относились турки стараго закала къ непонятнымъ для

нихъ новшествахъ калифа, и какое броженіе умовъ въ Турціи должны были производить его попытки влить новое, европейское вино въ старые мѣха турецкаго государственнаго организма. Подставной авторъ „сатирической поэмы“ не довѣрялъ гяурамъ, не вѣрилъ въ искренность похвалъ, которыя расточались ими Турціи, Стамбулу, реформаторскимъ замысламъ и предпріятіямъ Махмуда II, съ недоумѣніемъ взиралъ на истребленіе янычаръ, и не ждалъ ничего, кромѣ победы, отъ вліянія „лукаваго Запада“ на древній Востокъ *).

Объ янычарахъ и ихъ уничтоженіи Розенъ говоритъ вотъ что:

„Турецкій народъ по своей численности никогда не былъ значителенъ, но въ то время, когда и послѣднія узы Восточной римской имперіи ослабѣли, когда все яснѣе и яснѣе обнаруживалась несостоятельность ея правительственной системы, сильная ор-

*) Объясненіе перваго стиха, „сатирической поэмы“ Амина-Оглу, находимъ въ слѣдующемъ замѣчаніи автора „Исторіи Турціи“ Коллаца (рус. пер., изд. 1882 г.): „Когда турецкое правительство вступило на путь реформъ, его друзья и всѣ, желавшіе найти въ немъ сильный оплотъ противъ Россіи, поощряли его своими пожеланіями и похвалами“, (стр. 130).

ганизация Османовъ далеко оставила за собою учрежденія народовъ, равныхъ и даже превосходящихъ въ чинеломъ.

Эта организация, гениальное дѣло цѣлаго яда въ высшей степени даровитыхъ государей, превосходила всѣ восточныя государства вепоколебимою твердостью династии, а западныя—учрежденіемъ постояннаго войска; весь народъ, могущій носить оружіе, служилъ въ войнѣ помощію постоянному войску и составлялъ силу, которая въ рукахъ неограниченнаго повелителя, должна была сдѣлаться опасною для слабѣе или болѣе шатко устроенныхъ сосѣднихъ государствъ. Военная аристократія и самодержецъ во главѣ ея, оба болѣе угнетавшіе народы поверенныхъ земель, нежели правившіе ими,—вотъ старотурецкое государство, тѣло, члены котораго были спаяны другъ съ другомъ не столько общими интересами, сколько общею религіею. Эта религія, поддерживаемая своими богословами всею хитростію средневѣковой схоластики, исповѣдуемая ирравно съ безмысленною вѣрою, одна составляла социальное преимущество, она одна въ средѣ разнородныхъ жителей государства заключила себѣ

господствующую касту, въ которую самый низкій райя вступалъ, какъ равноправный, если онъ соглашался на отступничество. Никогда христіанское государство не давало такого значенія своей религіи, какъ Турція магометанской; на Коранъ и на его толкованіяхъ основывались всѣ учрежденія, по немъ устраивались всѣ отношенія.

Священная война противъ невѣрныхъ въ продолженіе столѣтій была существенною стихіею государственной исторіи османовъ. Янычары, эта, еще на азіатской почвѣ султаномъ Мурадомъ I въ 1363 году учрежденная, дружина, принимавшая самое дѣятельное участіе во всѣхъ, на три части свѣта распространившихся, завоеваніяхъ султановъ, были главнымъ орудіемъ религіозной войны; и безъ освященія, полученнаго институтомъ янычаръ, при его учрежденіи, отъ одного изъ знаменитѣйшихъ въ народѣ духовныхъ особъ, длинная исторія его подвиговъ всегда бы осѣнила эго сіяніемъ святости въ глазахъ каждаго правовѣрнаго мусульманина. Несмотря на свою соразмѣрно слишкомъ раннюю испорченность, онъ до новѣйшихъ временъ пользовался уваженіемъ. Уже въ началѣ XVI вѣка

корпусъ янычаръ возмутился противъ своего полководца, султана Баязида II, въ пользу его сына, будущаго султана Селима I; столѣтіе спустя онъ сдѣлался, если не для династіи, то для царствующаго государя шайкою преторіанцевъ, заставившею Османа II (1622) заплатить за попытку отъ нихъ избавиться низверженіемъ и тюрьмою. Съ этого времени исторія янычаръ дѣлается исторіей турецкаго государства; блистательный періодъ немногихъ десятилѣтій составляетъ еще правленіе знаменитыхъ визирей изъ дома Кіѣприли, умѣвшихъ держать янычаръ нѣкоторымъ образомъ въ предѣлахъ повиновенія. Но съ конца XVII вѣка янычары все болѣе и болѣе забывали дисциплину и чѣмъ необузданнѣе и требовательнѣе они становились въ отношеніи мирныхъ согражданъ, тѣмъ слабѣе сопротивлялись внѣшнимъ врагамъ. Султаны, переселившіеся въ Адрианополь, чтобы избѣгнуть ихъ тиранства, принуждены были возвратиться въ Константинопольскій сераль, и совершенно подчиняться волѣ этой надменной солдатски. Съ того времени обыкновеннымъ явленіемъ было возмущенія янычаръ, также низложенія съ престола и тюремное заключеніе, даже умерщвленіе пр-

зрачныхъ владыкъ, казни ихъ любимцевъ и министровъ. Въ такихъ обстоятельствахъ были утрачены одна за другою важныя провинціи на сѣверѣ: Венгрія, Трансильванія, обширныя земли казаковъ и татаръ въ южной Россіи и Крымъ; Черное море перестало быть исключительно турецкимъ внутреннимъ моремъ, русскія войска проходили вдоль и поперекъ Молдавію и Валахію и уже открыли дорогу чрезъ Дунай къ Балканамъ, наконецъ въ важнѣйшихъ провинціяхъ Анатолиі и Румелиі утвердились тамъ и сямъ династы, которые противидись владычеству Порты, стремясь къ совершенной независимости. Распаденіе государства, казалось, предстояло неизбѣжно въ скоромъ времени“.

Махмудъ II, возведенный на престолъ рущукскимъ намѣтникомъ, низложившимъ съ престола его старшаго брата, и утвердившійся на престолѣ умерщвленіемъ несчастнаго Мустафы IV и торжественнымъ подтвержденіемъ всѣхъ привилегій янычарскаго войска, 18 лѣтъ подготовлялся къ его уничтоженію, собираясь съ силами и обставляя себя надежными людьми, чтобы не испытать участи своего двоюроднаго брата Селима III, поплатившаго-

ся жизнью за попытку организовать *низамъ*, регулярное, по европейски обученное, войско. Махмудъ II умѣлъ склонить на свою сторону всѣхъ турецкихъ сановниковъ, со включеніемъ муфти и аги янычаръ. Такимъ образомъ, приготовленное дѣло реформы могло быть возобновлено съ большею надеждою на успѣхъ.

Армія, въ составъ которой входили анатолійскіе ополченцы, сосредоточенная весною 1826 года начальникомъ восточнаго берега Босфора, Мугаммедъ-беемъ Бейкосскимъ, разсѣяла, кажется, послѣднее сомнѣніе касательно удачи предпріятія. Мая 29 упомянутого года султанъ собралъ во дворцѣ аги чрезвычайный диванъ, на который приглашены были, кромѣ великаго визиря, министровъ и важнѣйшихъ гражданскихъ сановниковъ, также муфти, улемы и высшіе офицеры янычаръ. Въ длинной рѣчи онъ изложилъ бѣдственное состояніе турецкихъ военныхъ силъ, безуспѣшность нѣкогда славнаго оружія противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ и указалъ какъ на причину этой слабости на то обстоятельство, что османлисы остались при своемъ стародавнемъ образѣ войны, между тѣмъ, какъ всѣ сосѣднія государства приняли новую, лучшую, си-

стему образованія солдатъ и тактики. Онъ потребоваль, чтобы собраніе подумало о средствахъ возстановить въ этомъ отношеніи прежнюю славу турецкой имперіи.

Всеобщее одобреніе сопровождало эти слова. Улемы, спрошенные первые объ ихъ мнѣніи, привели въ подтвержденіе псевдѣнія падишаха, священное изреченіе, гласившее: „противопоставьте непріятелю то же оружіе, какое онъ употребляль противъ васъ“; приведены въ примѣръ успѣхи небольшой египетской арміи въ Мореѣ и указано въ особенности на постыдное поведеніе турокъ въ послѣдней войнѣ съ русскими, послѣ чего пришли къ заключенію, что необходимо образовать новое войско подъ названіемъ муаллемъ-ишкенджіевъ, „экзерсированная рука“. Слѣдовательно избѣгли именъ *низамъ-и-джедидъ* и *сейменъ*, съ которыми со времени послѣднихъ революцій были сопряжены непріятныя воспоминанія и національныя антипатіи, и положили, согласно съ планомъ Селима III, чтобы каждый изъ 51 ортъ (батальоновъ) янычаръ постановилъ въ новое учрежденіе по 150 человекъ.

Янычары не могли сомнѣваться, что эта мѣра направлена преимущественно противъ нихъ, но, захваченные,

какъ и публика, въ расплохъ и лишенные единодушія своихъ оберъ-офицеровъ, должны были ее исполнить. Самъ великій визирь показался въ полуевропейскомъ мундирѣ, въ которомъ особенно не понравились янычарамъ узкіе штаны.

Парадъ, совершенный предъ главными казармами янычаръ, имѣлъ въ виду, конечно, ихъ униженіе и оскорбленіе: по-крайней-мѣрѣ они такъ его поняли. Долго скрываемое неудовольствіе ортовъ начало теперь громко обнаруживаться.

Юня 18 предположено было произвести въ долину Сладкихъ Водъ, подъ Константинополемъ, первый смотръ новому войску; янычары рѣшились предупредить этотъ смотръ, который заранѣе можно было считать торжествомъ муаллемъ - ишкенджіевъ. Ночью съ 14 на 15 юня сошлись унтеръ-офицеры пяти ортовъ и подали знакъ къ возстанію; солдаты, ими приводимые, съ силою вторгались въ казармы и вытащили оттуда свои полевые знаки, котлы, чтобы выставить ихъ на Этмейданѣ. Это мѣсто, по преданію, операционный базисъ янычарскихъ крамоль, лежитъ въ срединѣ Константинополя. Едва распространилось извѣстіе о пер-

вомъ шагѣ къ бунту, какъ со всѣхъ сторонъ солдаты, принадлежащіе прочимъ ортамъ, поспѣшили туда, чтобы пристать къ возстанію. До утра собралось уже около 20,000 человекъ. Многіе увѣряли вполсѣдствіи, что янычары имѣли планъ овладѣть особою султана, чтобы принудить его торжественно признать терроръ янычаръ, при малѣйшемъ сопротивленіи изрубить его съ его министрами, вмѣстѣ съ муфтіемъ и знатнѣйшими улемами, потомъ умертвить всѣхъ христіанъ, какъ райевъ, такъ и европейцевъ, конфисковать ихъ имѣнне, а ихъ женъ и дочерей продать въ неволю. Въ одной казармѣ нашли болѣе 100 столбовъ съ именами тѣхъ, которыхъ, если бы удалось предпріятіе, положено было на нихъ повѣсить. Словомъ, это была, какъ снизу, такъ и сверху, жажда крови, свойственная старинному турецкому варварству, а счастье войны должно было рѣшить, которая изъ обѣихъ партій потерпитъ *vea victis*.

Еще до захожденія солнца были собраны всѣ министры, муфти, коменданты обоихъ береговъ Босфора, знатнѣйшіе улемы и т. д. въ императорскомъ сералѣ въ Константинополѣ, который съ своими дворами и садами занимаетъ пространство небольшого го-

рода, въ резиденціи султана, омываемой съ двухъ сторонъ моремъ, а съ третьей, противъ города, защищенной стѣною съ зубцами и башнями.

У султана, три года тому назадъ, послѣ долгаго бездѣтства, родился сынъ, впослѣдствіи преемникъ его на престолѣ османовъ, Абдуль-Меджидъ; слѣдовательно, онъ болѣе не былъ единственнымъ представителемъ своей фамиліи и, въ случаѣ его гибели, забота о сохраненіи священнаго рода уже не препятствовала его умерщвленію. Извѣщенный о возстаніи, онъ прежде всего велѣлъ принести это для него милое дитя и конечно странныя чувства волновали его сердце, когда онъ его ласкалъ и цѣловалъ на прощанье. Потомъ онъ возложилъ на себя оружіе и съ мужествомъ принялъ свои мѣры.

Мало-по-малу уже прибывали отъ Босфора на большихъ лодкахъ войска Мегемеда бей и Гуссейна паши. Самъ султанъ отправился чрезъ гавань въ Тоуз-гану, чтобы съ начальникомъ артиллеріи условиться на счетъ нужныхъ мѣръ. По его возвращеніи въ сералѣ было засѣданіе дивана, въ которомъ рѣшено, какъ въ войнѣ съ невѣрными, водрузить харка-и-шерифъ, священное знамя пророка.

Между тѣмъ быстро былъ занятъ гип-подромъ и отсюда протянуть почти параллельно съ стѣною сераля, какъ къ Золотому Рогу, такъ и къ Мраморному морю, сильно укрѣпленный военный кордонъ, за которымъ выстроились для атаки пришедшіе изъ Топъ-ганы пѣшіе и конные артиллеристы съ 25 орудіями, корпусъ бомбардировъ и анатолійское ополченіе.

Въ такомъ состояніи находились обстоятельства, когда пришла депутація устовъ, что бы вручить султану свой ультиматумъ, облеченный въ форму прошенія. Въ немъ они изъявили готовность положить оружіе, если султанъ 1) распустилъ имъ ненавистное новое войско муаллемъ ишкенджіевъ, и 2) выдастъ имъ головы великаго визиря, аги паши, тогдашняго аги, муфти, агента Мегемеда-Али, начальника таможни и солихдара, собственнаго адъютанта Махмуда. Султанъ велѣлъ отвѣчать депутатамъ, что онъ привыкъ давать, а не получать приказанія и не только не выдастъ головъ своихъ вѣрныхъ, но сниметъ головы янычарамъ, если они не сдадутся безусловно. Дикій Гуссейнъ передалъ депутатамъ эти слова, подслащенные насмѣшкою. Отшествіе депу-

таціи изъ сераля было сигналомъ къ открытію враждебныхъ дѣйствій.

Священное знамя было уже вынесено изъ казнохранилища сераля и Накибъ-эль-эшрафъ, глава потомковъ, пророка, прибылъ съ обычною эскортою этой святыни, многочисленными шерифами софтами столицы, чтобы сопровождать ее въ мечеть Ахмеда. Публичные глашатаи, бѣгая по улицамъ, повсюду приглашали правовѣрный народъ соединиться подъ знаменемъ Ислама и защищать религію и султана. Успѣхъ этой мѣры превзошелъ ожиданія; тысячами стеклись магометане въ гипподромъ, всѣ сословія, всѣ возрасты отдались въ распоряженіе султана.

Махмудъ со своими войсками подступилъ къ Этмейдану, гдѣ бунтовщики безъ помощи, безъ вождей, но все таки рѣшившіеся съ фаталическимъ упорствомъ защищать свои полевые котлы, ожидали дальнѣйшихъ событій. Новое требованіе сдать безусловно было бесполезно, а потому дано повелѣніе къ атакѣ. Сопротивленіе было незначительно. Не будучи въ силахъ приступить къ наступленію и не имѣя къ своей защитѣ тяжелыхъ орудій, мятежники не могли причинить большаго вреда сво-

имъ противникамъ и цѣлыми рядами падали отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Только короткое время они выдержали эту пробу, потомъ пробѣжали въ свои, при Этмейдамъ находившіяся, казармы, зданіе просторное, но къ сторонѣ Стамбула выстроенное преимущественно изъ деревянныхъ балокъ и плетня, гдѣ они недолго могли найти безопасность. Гуссейнъ паша занялъ всѣ выходы и велѣлъ зажечь казармы. Въ отчаяніи, янычары отправили къ султану вторую депутацію умолять теперь о помилованіи. Но ихъ посланцы были немедленно изрублены въ куски. Махмудъ теперь достигъ того, къ чему стремился въ продолженіе 18 лѣтъ, онъ держалъ какъ въ западнѣ противниковъ своей неограниченной власти, убійць столь многихъ его предковъ. Муфти изрекъ торжественно проклятiе надъ нами и объявилъ ихъ истребленіе богоугоднымъ дѣломъ, а смерть, претерпѣнную въ борьбѣ съ ними, мученичествомъ за вѣру. Такимъ образомъ, началось теперь страшное кровопролитіе; кто изъ янычаръ спасся отъ пламени горѣвшей казармы, тотъ находилъ смерть отъ оружія. Только немногіе были взяты живыми,

но число плѣнныхъ быстро возростало такими лицами, которыя, хотя не участвовали прямо въ мятежѣ, но казались подозрительными по своему образу мыслей. Никогда еще выраженіе: кто не за насъ, тотъ противъ насъ, не находило такого обширнаго примѣненія. Около 9 часовъ вечера казармы этмейданскія представляли дымящіяся, трупами наполненныя, развалины; всякое сопротивленіе давно прекратилось, но рѣзня все еще продолжалась. Ворота города были заперты съ утра, кромѣ садовыхъ воротъ у Золотаго Рога (багче-капу), чрезъ которыя султанскія войска получали подкрѣпленія; всѣ караулы были заняты солдатами Гуссейна паши, а потому о побѣгѣ нечего было и думать. До 1000 янычаръ были притащены войсками и гражданскою гвардіей—эль-и-ирцъ, почетными гражданами, какъ они себя называли, въ гипподромъ и преданы военному суду, членами котораго были, кромѣ страшнаго Гуссейна паши, муфти, казіаскеры, великій визирь и т. д. Судъ былъ короткій, беспощадный. Приведеніе предъ судъ было достаточною причиною осужденія; всѣ осужденные были хладнокровно задушены и тѣла ихъ брошены въ Мраморное море.

Только 87 человекъ изъ султанскаго войска погибло во весь этотъ день: истребленіе янычаръ совершилось такъ скоро и такимъ кровавымъ образомъ, что для слѣдующихъ дней мало осталось дѣла. 16-го іюня была пятница, день, въ который султанъ, по обычаю, долженъ для совершенія полуденной молитвы отправиться съ пышностію въ мечеть и предъ входомъ въ нее давать агѣ янычаръ снимать съ себя обувь. Махмудъ послѣдовалъ обыкновенію; онъ показался предъ народомъ, какъ побѣдитель, сопровождаемый 600-ми артиллеристовъ и бомбардистовъ, начальникъ которыхъ, глава артиллеріи, исправлялъ должность генерала янычаръ. Въ тоже время котлы янычаръ, до этой поры страхъ христіанъ райевъ и предметъ благоговѣнія магометанъ, были публично запачканы грязью, знамена истоптаны ногами и разорваны, а янычарская войлочная шапка, подражаніе рукаву національнаго святаго, Гаджи Бекташа, влачена по улицамъ и изданъ фирманъ, объявившій уничтоженіе корпуса янычаръ и замѣненіе его новыми солдатами.

Такъ однимъ смѣлымъ государственнымъ переворотомъ султану открылась давно желанная возмож-

ность вести свой народъ на встрѣчу новаго времени. Побѣда была полная; между тѣмъ, какъ крикъ отчаянія бессильно борющихся противъ огня и меча раздавался черезъ Золотой Рогъ и слышенъ былъ даже въ Перѣ, мѣстопробыванія франковъ, какой то нѣмой страхъ обуялъ многочисленныхъ мугаммеданскихъ обитателей предмѣстій, и никому не пришлось въ голову произвести нападеніе на ворота диверсію въ пользу несчастныхъ. Для дивана такое убитое расположеніе духа было выгодно, даже съ намѣреніемъ распространили слухъ и ему вѣрили, что будто 33,000 янычаръ, вмѣсто 6,000, избито хладнокровно падишахомъ, и изданное тогда повелѣніе не произносить громко слова „янычаръ“ соблюдалось еще 25 лѣтъ спустя на улицахъ и рынкахъ съ какимъ то страхомъ. Большія этмейданскія казармы остались развалинами, мечеть янычаръ, таверны и кофейни, которыя они обыкновенно посѣщали, были разрушены; вообще ничто не должно было напоминать нѣкогда столь гордое и могущественное учрежденіе Мурада. Даже мраморные надгробные памятники на многочисленныхъ могилахъ, принятые за янычарскіе, по

изображенной на нихъ войлочной, на рунавъ похѣжей, шапкѣ, были уничтожены, — такъ далеко простиралось мщеніе Махмуда, — вопреки всѣмъ восточнымъ обычаямъ, разбиты безъ церемоніи до тла.

Но султанъ не остановился на этомъ первомъ успѣхѣ, не смотря на то, что народъ вездѣ, гдѣ онъ показывался публикѣ, встрѣчалъ его прадѣдовскимъ выраженіемъ благословенія *бинъ ясса* (да живетъ онъ 1000 лѣтъ)!

Уже со вступленія своего на престолъ султанъ имѣлъ списокъ всѣхъ опасныхъ и еротивныхъ лицъ, отъ котораго копіи находились у высшихъ сановниковъ. По этимъ копіямъ совершались аресты и убійства. Въ нѣсколько дней число удавленныхъ и въ море брошенныхъ достигло до 4000!

Само собою разумѣется, что и блескъ наградъ оставшимся вѣрными долгу и знамени соотвѣтствовалъ этой жестокости въ преслѣдованіи бунтовщиковъ. Дикій Гуссейнъ, какъ сераскиръ, получилъ для жительства прекраено расположенный Эски Серай, древнѣйшую резиденцію султановъ, воздвигнутую на развалинахъ главнаго дворца греческихъ императоровъ; ему, какъ и Мегемеду бѣю Бекоскому и великому визирю, подарены драгоценныя, доро-

ими каменьями осыпанные, кинжалы. Многие офицеры, отличившіеся 15-го іюня, были повышены въ чинахъ, ямаки, тонджи (артиллеристы), бостанджи были восхвалены публично и обрадованы денежными подарками.

Между тѣмъ изъ Смирны и другихъ ближайшихъ приморскихъ мѣстъ, потомъ также изъ важнѣйшихъ городовъ Румелии, наконецъ, изъ отдаленныхъ намѣстничествъ Анатоли и Сиріи, пришли извѣстія, что уничтоженіе тамашнихъ янычарскихъ ордъ (полковъ) совершилось почти безъ сопротивленія. Только въ Эрзерумѣ и Алеппо нужно было прибѣгнуть къ казнямъ. Головы осужденныхъ сопровождали это извѣщеніе, чтобы быть выставленными передъ сералемъ для позора. Хотя такіе отдѣльные роды войска, по истребленіи ихъ общаго средоточія, мало представляли повода къ опасеніямъ, и благопріятныя извѣстія объ этихъ болѣе дальнихъ успѣхахъ и многочисленныя одобрительныя адреса изъ провинцій должны бы были расположить диванъ къ болѣе снисходительности, но, не смотря на то, слѣдствія и преслѣдованія продолжались съ прежнею жестокостію.

Махмудъ ознаменовалъ вѣрнымъ послѣдователемъ турецкаго права, что

хитрость лучше всякаго оружія. Нѣкоторые высшіе офицеры янычаръ, участвовавшіе за 19 лѣтъ въ возмущеніи противъ Селима, но теперь заслужившіе своимъ поведеніемъ похвалу и повышение, были выведены изъ заблужденія о полной безопасности и казнены. Такую же участь имѣли другіе, со временъ Селима изгнанные и полузабытые во внутреннихъ городахъ Анатолиі, бунтовщики, имена которыхъ только сохранилъ кровавый списокъ. Табіали (гарнизонъ малыхъ редутовъ у Босфора), бостанджи и джебеджи, содѣйствовавшіе истребленію янычаръ и доказавшіе тѣмъ свою вѣрность, были теперь также уничтожены и принуждены вступить въ новую милицію“.

Пушкинъ участвовалъ въ турецкомъ походѣ, всего три года спустя послѣ уничтоженія янычаръ, и ужъ, конечно, прекрасно понималъ значеніе этого событія, равно, какъ и всей реформаторской дѣятельности Махмуда II. Со своей обычной любознательностью, поэтъ, вѣроятно, вступалъ съ турецкими плѣнными и арзерумскими турками въ разговоръ о кровавой расправѣ Махмуда II съ янычарами, и эти-то разговоры, нужно думать, и вдохновили его написать „Стамбуль гяуры нынче славятъ“.

II.

Посланіе „Къ А. П. Кернъ“ Пушкина и „Лалла-Рукъ“ Жуковскаго.

„Я помню чудное мгновенье“—одно изъ гениальнѣйшихъ стихотвореній Пушкина, изумительно прекрасное по музыкальности стиха, по изяществу формы, по глубинѣ содержанія, по возвышенности и искренности чувства. Еслибы Пушкинъ ничего не написалъ, кромѣ этой очаровательной пьесы, его нельзя было бы не признать первокласснымъ поэтомъ. Доколь будетъ существовать Россія, звучать и изучаться русскій языкъ,

...доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ шить,
посланіе „Къ А. П. Кернъ“ будетъ читаться и перечитываться, вызывать восторги и удивленіе, смягчать, трогать и умилять человѣческія сердца, вдохновлять талантливыхъ композиторовъ и вызывать соревнованіе даровитыхъ актеровъ, способныхъ истолковывать великія созданія великихъ поэтовъ посредствомъ дикціи, мимики и

жеста. „Я помню чудное мгновенье“ можетъ выдержать любое сравненіе. Это такой дивный гимнъ въ честь возраждающаго и облагораживающаго вліянія одухотворенной красоты, которымъ могла бы гордиться любая литература. Своимъ пославіемъ „Къ А. П. Кернъ“ Пушкинъ обезсмертилъ ее такъ же, какъ Петрарка обезсмертилъ Лауру, а Данте—Беатриче. Пройдутъ вѣка, и когда множество историческихъ событій и историческихъ дѣятелей, которые представляются намъ очень крупными, будутъ забыты, личность и судьба Кернъ, какъ вдохновительницы Пушкинской музы, будетъ возбуждать большой интересъ, вызывать споры, предположенія, и воспроизводиться романистами, драматургами, живописцами и скульпторами.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты *).

* * *

*) Въ Запискахъ академика Никитенка подь 23-мъ мая 1827 года говорится: „Нѣсколько дней назадъ г жа Штеричъ праздновала свои именины. У нея было много гостей, и въ томъ числѣ новое лицо, которое произвело на меня довольно сильное впечатлѣніе; оно мгновенно приковало къ себѣ мое вниманіе“. Это была А. П.

Въ томленьи грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго гoлoсъ нѣжной
И снились милыя черты.

* *
*

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой гoлoсъ нѣжный,
Твои небесныя черты.

* *
*

Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои,
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви

* *
*

Душѣ настало пробужденье
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ гeнiй чистой красоты.

* *
*

И сердце бьется въ упоеньи,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Кернъ, „молодая женщина поразительной красоты“. „Меня всего болѣе, замѣчаетъ Никитенко далѣе: привлекала въ ней трогательная томность въ выраженіи глазъ, улыбка, въ звукахъ гoлoса“. Ходили слухи, что императоръ Александръ Павловичъ, котораго Кернъ поразила своей красотой такъ же, какъ и всѣхъ, кто сталкивался съ ней, находилъ, что она была похожа на прусскую королеву Луизу.

Въ этомъ стихотвореніи нѣтъ метафоръ. Поэтъ хотѣлъ сказать имъ именно то, что говорится въ немъ. Оно вылилось у Пушкина прямо изъ души, было порожденіемъ внутренняго опыта и самонаблюденія. Подъ обаяніемъ красоты въ поэтѣ пробуждались и ярко сказывались и религіозное чувство съ его высокими порывами, и художественное творчество, и способность жить самую полную жизнью, и способность плакать благодатными слезами счастья и любви.

Посланіе „Къ А. П. Кернъ“ имѣетъ важное значеніе, не только какъ поэтическая исповѣдь Пушкина, но и какъ психологическій этюдъ, раскрывающій одну изъ благороднѣйшихъ тайнъ человѣческаго сердца. Посланіе „Къ А. П. Кернъ“ всегда будетъ приводиться, какъ неотразимое доказательство противъ безотрадно скептического и пессимистическаго отношенія къ человѣческой природѣ.

Напомнимъ обстоятельства, при которыхъ было написано „Я помню чудное мгновенье“.

А. П. Кернъ, рожденная Полторацкая, была дочерью полтавскаго помѣщика. Она была выдана отцомъ замужъ, противъ собственнаго желанія, за пожилого генерала, когда ей только что испол-

нилось или даже не исполнилось 16 лѣтъ. Пушкинъ впервые встрѣтилъ Кернъ въ Петербургѣ, у Олениныхъ, въ 1819 году, когда Аннѣ Петровнѣ было 17—18 лѣтъ, а ему лѣтъ 20 или около того. Во второй разъ Пушкинъ встрѣтился съ Кернъ, когда ему исполнилось 26 лѣтъ, а ей 23 или 24 года, и когда его имя гремѣло уже по всей Россіи, какъ имя знаменитаго поэта, затмившаго славу всѣхъ современныхъ ему и жившихъ раньше его русскихъ писателей. Въ воспоминаніяхъ А. П. Кернъ, напечатанныхъ въ „Библіотекѣ для чтенія“ за 1859 г., о второй встрѣчѣ ея съ Пушкинымъ рассказывается вотъ что:

„Восхищенная Пушкинымъ, я страстно хотѣла увидѣть его, и это желаніе исполнилось во время пребыванія моего въ домѣ тетки моей въ Тригорскомъ, въ 1825 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ. Вотъ какъ это было: мы сидѣли за обѣдомъ и смѣялись надъ привычкою одного г-на Рокотова, повторявшаго безпрестанно: „pardonnez ma franchise“ и „je tiens beaucoup à votre opinion“ (простите мою откровенность—и—я очень дорожу вашимъ мнѣніемъ). Какъ вдругъ вошелъ Пушкинъ съ большой толстой палкой въ рукахъ. Онъ послѣ часто къ намъ являлся во время

обѣда, но не садился за столъ; онъ обѣдалъ у себя гораздо раньше и ѣлъ очень мало. Приходилъ онъ всегда съ большими дворовыми собаками, chiens-loups (волкодавы). Тетушка, подлѣ которой я сидѣла, мнѣ его представила; онъ очень низко поклонился, но не сказалъ ни слова: робость видна была въ его движеніяхъ. Я тоже не наплась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было съ нимъ вдругъ сблизиться: онъ былъ очень неровенъ въ обращеніи: то шумно весель, то грустенъ, то робокъ, то дерзокъ, то нескончаемо любезенъ, то томительно скученъ, и нельзя было угадать, въ какомъ расположеніи духа онъ будетъ черезъ минуту. Разъ онъ былъ такъ нелюбезенъ, что самъ въ этомъ сознался сестрѣ, говоря: ai-je été assez vulgaire aujourd'hui? (достаточно ли я былъ пошлъ сегодня?). Вообще же надо сказать, что онъ не умѣлъ скрывать своихъ чувствъ, выражалъ ихъ всегда искренно и былъ неописанно хорошъ, когда что нибудь пріятное волновало его... Такъ, одинъ разъ, мы восхищались его тихою радостью, когда онъ получилъ отъ какого-то помѣщика, при любезномъ письмѣ, охотничій рогъ на бронзовой цѣпочкѣ,

который ему нравился. Читая это письмо и любуясь рогомъ, онъ сіялъ удовольствіемъ и повторялъ: *charmant! charmant!* (прелестно! прелестно!)— Когда же онъ рѣшался быть любезнымъ, то ничто не могло сравниться съ блескомъ, острою и увлекательностью его рѣчи. Въ одномъ изъ такихъ настроеній, собравши насъ въ кружокъ, онъ разсказалъ сказку про чорта, который ѣздилъ на извозчикѣ на Васильевскій островъ. Эту сказку, съ его же словъ, записалъ нѣкто Титовъ и помѣстилъ, кажется, въ „Подснѣжникъ“.

„Пушкинъ былъ невыразимо милъ, когда задавалъ себѣ тему занимать общество. Однажды съ этой цѣлью явился онъ въ Тригорское со своею большою, черною книгою, на поляхъ которой были начерчены ножки и головки, и сказалъ, что онъ принесъ ее для меня. Вскорѣ мы усѣлись вокругъ него, и онъ прочиталъ намъ своихъ „Цыганъ“. Первые мы слышали эту чудную поэму, и я никогда не забуду того восторга, который охватилъ мою душу!... Я была въ упоеніи, какъ отъ стиховъ этой чудной поэмы, такъ и отъ его чтенія, въ которомъ было столько музыкальности, что я иставала отъ наслажденія; онъ

имѣлъ голосъ пѣвучій, мелодическій, и, какъ онъ говорилъ про Овидія въ своихъ Цыганахъ:

„И голосъ шуму водъ подобный“...

Черезъ нѣсколько дней, послѣ этого чтенія, тетушка предложила намъ всѣмъ, послѣ ужина, прогулку въ Михайловское. Пушкинъ очень обрадовался этому, и мы поѣхали. Погода была чудесная; лунная юньская ночь дышала прохладой и ароматомъ полей. Мы поѣхали въ двухъ экипажахъ: тетушка съ сыномъ въ одномъ, сестра, Пушкинъ и я въ другомъ. Ни прежде, ни послѣ, я не видала его такимъ добродушнымъ и любезнымъ. Онъ шутилъ безъ остротъ и сарказмовъ; хвалилъ луну; не называлъ ее „глупою“, а говорилъ: *j'aime la lune quand elle éclaire un beau visage* (люблю луну, когда она освѣщаетъ прелестное лицо); хвалилъ природу и говорилъ, что онъ торжествуетъ, воображая въ ту минуту, будто Александръ Полторацкій остался на крыльцѣ у Олениныхъ, а онъ уѣхалъ со мною; это былъ намекъ на то, какъ онъ завидовалъ при нашей первой встрѣчѣ А. Полторацкому, когда онъ уѣхалъ со мною. Приѣхавши въ Михайловское, мы не вошли въ домъ, а пошли прямо въ старый, запущенный садъ,

Пріютъ задумчивыхъ дріадъ,

съ длинными аллеями старыхъ деревь, корни которыхъ, сплетаясь, вились по дорожкамъ, что заставляло меня спотыкаться, а моего слутника вздрагивать. Тетушка, прїѣхавши туда вслѣдъ за нами, сказала: „Mon cher Pouchkine, faites les honneurs de votre jardin à madame (милый Пушкинъ, удостойте же показать вашъ садъ дамѣ). Онъ быстро подалъ мнѣ руку и побѣждалъ скоро, скоро, какъ ученикъ, неожиданно получившій позволеніе прогуляться. Подробностей разговора нашего не помню; онъ вспоминалъ нашу первую встрѣчу у Олениныхъ, выражался о ней увлекательно, восторженно и въ концѣ разговора сказалъ „vous aviez un air si virginal; n'est-ce pas que vous aviez sur vous quelque chose comme une croix? (у васъ былъ такой дѣвственный видъ; не правда ли, на васъ было надѣто что-то вроде крестика?)

„На другой день я должна была уѣхать въ Ригу вмѣстѣ съ сестрою, Анною Николаевною Вульфъ. Онъ пришѣлъ рано утромъ и на прощаніе принесъ мнѣ экземпляръ 2-й главы Онегина, въ неразрѣзанныхъ листкахъ, между которыми я нашла въ четверо сложенный почтовый листъ бумаги со стихами:

Я помню чудное мгновенье
 Передо мной явилась ты,
 Какъ мимолетное видѣнье,
 Какъ геній чистой красоты“ и т. д.

(См. изданіе Анненкова 1855 г. т. II, стр. 389—390).

„Когда я собиралась спрятать въ шкатулку поэтической подарокъ, онъ долго на меня смотрѣлъ, потомъ судорожно выхватилъ и не хотѣлъ возвратить; насилу выпросила я ихъ опять; что у него промелькнуло тогда въ головѣ, не знаю. Стихи эти я сообщила тогда барону Дельвигу, который ихъ помѣстилъ въ своихъ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“. М. И. Глинка сдѣлалъ на нихъ прекрасную музыку и оставилъ ихъ у себя“. (См. „Сѣверные Цвѣты“ на 1827 годъ).

„Во время пребыванія моего въ Тригорскомъ, я пѣла Пушкину стихи Козлова:

„Ночь весенняя дышала
 Свѣтлоюжною красой,
 Тихо Brenta протекала,
 Серебряная луной“—и т. д.

Мы пѣли этотъ романсъ Козлова на голосъ: *Benedetta sia la madre*, баркаролы венеціанской. Пушкинъ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ эту музыку и писалъ въ это время Плетневу: „Скажи старцу Козлову, что здѣсь есть одна прелесть, которая

поеть его Ночь *. Какъ жаль, что онъ ее не увидитъ! дай Богъ ему ее слушать!*

Въ „Воспомянiяхъ объ А. С. Пушкинѣ“ племянника поэта, Л. Н. Павлицева, сына сестры Пушкина, Ольги Сергѣевны, находимъ слѣдующія подробности о томъ, какъ было положено на музыку Глинкою стихотворенiе „Я помню чудное мгновенье“, а также объ А. П. Кернѣ и объ ея отношенiяхъ къ Ольгѣ Сергѣевнѣ и ея брату.

„Романсъ Глинки на слова Пушкина, посвященный Аннѣ Петровнѣ Кернѣ, „Я помню чудное мгновенье“ былъ исполненъ въ началѣ 1830 года, **, въ домѣ моихъ родителей, при особенно удачныхъ, какъ передавалъ мнѣ отецъ, усло-

* „Венецианскую ночь“, фантазiю.

** „Появился этотъ романсъ Глинки, говоритъ Л. Н. Павлицевъ: въ печати въ 1839 году, значить 9 лѣтъ спустя, и появился уже въ другомъ видѣ. А что всего замѣчательнѣе, Глинка тогда его написалъ не для Анны Петровны, а для дочери ея, — Екатерины Ермолаевны Кернѣ, — на которой онъ хотѣлъ жениться. Впоследствии — именно въ концѣ 40 годовъ — и дѣдъ мой Сергѣй Львовичъ оказался къ Е. Е. неравнодушнымъ. Незадолго до своей смерти, Екатерина Ермолаевна вышла замужъ за г. Шокальскаго. И ее, и его я видѣлъ въ 1856 г. у Анны Петровны“. Объ Е. Е. Кернѣ см. въ Запискахъ М. И. Глинки, стр. 147—159.

вѣяхъ. Глинка сѣлъ за весьма плохія, взятыя отцомъ на прокатъ, клавикорды, и пропѣлъ свой романсъ въ присутствіи Александра Сергѣевича—автора стихотворенія и самаго предмета его вдохновенія — Анны Петровны Кернъ, гостившей тогда въ Петербургѣ. Отецъ аккомпанировалъ пѣвцу на семиструнной гитарѣ. Дядя, выслушавъ романсъ, бросился обнимать своихъ исполнителей, а добрѣйшая Анна Петровна, виновница поэтическихъ овацій, несмотря на ея, что называютъ французы, *présence d'esprit*, сконфузилась, прослезилась отъ радости, и только послѣ довольно длинной паузы проговорила, что никогда ей и не снилось счастье вдохновлять своей ничтожной особой первокласснаго въ Россіи поэта и первокласснаго въ Россіи композитора. При этой оваціи присутствовали баронъ Дельвигъ и Соболевскій, а Александръ Сергѣевичъ обратился къ Аннѣ Петровнѣ съ вопросомъ:

— Ne serez vous pas jalouse de votre cousine Оленинъ, si je réciterai mes derniers vers pour elle à notre ami Глинкѣ, auquel je les recommande particulièrement? (Не приревнуете ли вы меня къ вашей кузинѣ Олениной, если я прочитаю послѣд-

Эта идеально добрая и очень умная женщина своею красотою и умом очаровала дядю, воспѣвшаго ее въ романсѣ „Я помню чудное мгновенье“, въ первую съ ней встрѣчу въ Петербургѣ у ея тетки Олениной, рожденной Полторацкой, въ 1819 году, когда Пушкину не было еще и двадцати лѣтъ. Встрѣча произвела на Александра Сергѣевича весьма большое впечатлѣніе, въ полномъ смыслѣ, поэтическое. Онъ не могъ забыть этой минуты, и сосланному въ слѣдующемъ году Пушкину, дѣйствительно, „звучалъ долго голосъ нѣжный и снились милыя черты“.

Послѣднія двѣ строфы романса — это, позволю себѣ сказать, оттискъ радостнаго волненія восторженной души при вторичной, внезапной встрѣчѣ поэта съ предметомъ вдохновенія въ Тригорскомъ, лѣтомъ 1825 года.

„Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ гений чистой красоты“.

* *

„И сердце бьется въ упоеньи,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь“...

Разсказывая моей матери о нечаянномъ своемъ свиданіи съ Анной

Петровой въ Тригорскомъ, дядя Александръ говорилъ сестрѣ, какъ Ольга Сергѣевна мнѣ передала, слѣдующее:

— Смѣйся, не смѣйся, моимъ предчувствіямъ и примѣтамъ, мнѣ все равно, но расскажу тебѣ довольно странное обстоятельство: Анну Петровну я увидѣть не думалъ, но вообрази, что въ день вовсе неожиданнаго свиданія, у меня утромъ сталъ сильно чесаться лѣвый глазъ—знакъ, что очень обрадуюсь чему-то; послѣ этого у меня сильно билось сердце, бросало то въ жаръ, то въ ознобъ. Я предчувствовалъ радостно, что черезъ нѣсколько часовъ увижу кого-то, а кого именно—въ этомъ отчетъ дать себѣ не могъ. Такъ и вышло.

Отношенія свои къ Пушкину покойная Анна Петровна изложила, какъ нельзя лучше, въ своихъ воспоминаніяхъ. Александръ Сергѣевичъ отъ души любилъ ее. Отличаясь прелестною наружностью, непритворною веселостью, игривымъ умомъ, остроуміемъ безъ ядовитыхъ выходокъ (злословіе для Анны Петровны было *terra incognita*), эта прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ женщина несла безропотно свою горькую долю; бытъ

нянькой одержимаго подагрою старого, несноснаго мужа, Ермолая Ѳедоровича Керна (онъ былъ комендантомъ города Риги), за котораго ее выдали поневолѣ, когда она была почти дѣвочкой. Къ сожалѣнію, присущая ей веселость и врожденное, вполнѣ, однако, добродушное, можно сказать, милое кокетство, подавало зачастую пищу недоброжелательнымъ, злымъ языкамъ, распускавшимъ объ Аннѣ Петровнѣ ни на чемъ не основанные, самые неправдоподобные слухи.

Распускаемая сплетни вызвали Александра Сергѣевича, который, впрочемъ, сильно ревновалъ ее и къ ея кузену Алексѣю Николаевичу Вульффу, и къ своему брату Льву Сергѣевичу, не говоря уже о подагрикѣ— мужѣ, написать всѣмъ извѣстное стихотвореніе:

„Когда твои младыя лѣта
 Позорить шумная молва,
 И ты по приговору свѣта
 На честь утратила права,
 Одинъ, среди толпы холодной,
 Твои страданья я дѣлю,
 И за тебя мольбой бесплодной
 Кумиръ безчувственный молю“

и т. д.

Гораздо болѣе хладнокровно своихъ друзей относилась къ подлымъ сплет-

нямъ сама ихъ виновница. Незлобная Анна Петровна сказала однажды Александру Сергѣевичу и моей матери, какъ это сообщила мнѣ послѣдняя, слѣдующія слова: — „Неужели, друзья мои, вы думаете, что я такая пошлая дура, чтобы не вникнуть въ мораль басни: *„Собаки полаютъ, собаки отстаютъ“*? Совѣсть моя совершенно чиста: никому зла не дѣлала, не дѣлаю, дѣлать не буду, зла не желала, не желаю и желать не стану, а кто не въ мою пользу открываетъ широкій ротъ, тому отъ души прощаю, да низко кланяюсь: большому дураку—большое почтеніе!“

О многоуважаемой Аннѣ Петровнѣ Кернъ, которую я зналъ старушкой лѣтъ преклонныхъ, и уже какъ не Кернъ, а какъ Виноградскую, я сохранилъ самое пріятное воспоминаванье, равно какъ и о ея второмъ мужѣ, Александрѣ Васильевичѣ. Она перѣѣхала въ 1855 году съ нимъ въ Петербургъ, насколько помнится, изъ села Сосницъ, Черниговской губерніи. Живя по сосѣдству съ Ольгой Сергѣевной, Анна Петровна посѣщала мою мать до самой кончины послѣдней, бывая у нея еженедѣльно, а иногда и чаще. Старушки незамѣтно проводи-

ди время въ бесѣдахъ о минувшемъ, находя какую-то отраду въ грустныхъ воспоминаніяхъ объ Александрѣ и Львѣ Сергѣевичахъ, и вообще о тѣхъ, о которыхъ сказалъ Жуковскій: „*Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ, а съ благодарностью—были*“...

Анна Петровна кончила свое долгое жизненное поприще очень печально, подобно своему мужу. Бѣдность, и можно даже сказать, нищета не давала обоимъ покоя до гробовой доски* (стр. 167—171).

Въ Воспоминаніяхъ Л. Н. Павлищева (стр. 281) приводится, между прочимъ, письмо его матери отъ 22-го февр. 1832 г. къ мужу, въ которомъ упоминается о Кернъ въ такихъ выраженіяхъ: Имъ обоимъ (Л. С. Пушкину и А. Н. Вульффу) очень кланяется (приказываетъ передать тебѣ этотъ поклонъ) Annette Kern. Она здѣсь и просидѣла у меня третьяго дня весь вечеръ. Такая-же веселая, какъ и была, и, какъ говоритъ Александръ, по прежнему такъ же добра, какъ хлѣбъ, который ѣдятъ (*tout aussi bonne, comme du pain que l'on mange*).—Замѣтимъ, кстати, что изъ всѣхъ воспоминаній объ А. П. Кернъ, появившихся доселѣ въ печати, воспоминанія сестры Пушкина, Ольги Сергѣевны, за-

писанныя ея сыномъ, а также, и его самого, представляются наиболѣе цѣнными и нимало не подрываются воспоминаніями В. Д. Р—ва, старавшагося „развѣнчать“ А. П. Кернъ („Историческій Вѣстникъ“, 1899 г., май, стр. 610—617), и противъ воли изобразившаго ее въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ, и недоброжелательными, но противорѣчивыми отзывами Никитенка, оскорбленнаго невниманіемъ А. П. Кернъ, объ ея нравственномъ обликѣ.

Уважаемый авторъ „Этюдъ о Пушкинѣ“, проф. Н. Θ. Сумцовъ сближаетъ „Я помню чудное мгновенье“ съ стихотвореніемъ Уордсвордта („Phantom of delight“ III, 29—34). Мы думаемъ, что это стихотвореніе не носилось передъ мысленными очами Пушкина въ тогда, когда онъ писалъ: „Я помню чудное мгновенье“, ни тогда, когда онъ приписывалъ къ письму А. Н. Вульфъ, намекая на Кернъ: „Une image qui a passé devant nous, que nous avons vue et que nous ne reverons jamais“. „Я помню чудное мгновенье“ напрашивается на сближеніе не со стихотвореніемъ Уордсвордта, а съ однимъ изъ юношескихъ стихотвореній Пушкина,—съ посланіемъ „Къ ней“ (къ Бакуниной) и съ „Лал-

люю Рукъ“, однимъ изъ лучшихъ, замѣчательно изящномъ стихотвореніемъ Жуковскаго. Сходство въ содержаніи и въ основной мысли „Я помню чудное мгновенье“ и „Къ ней“ разительно: въ обѣихъ пьесахъ воспѣвается нравственное возрожденіе и перерожденіе поэта подъ вліяніемъ красоты и любви.

Въ печальной праздности я лиру забываль,
 Воображеніе въ мечтахъ не разгоралось,
 Съ дарами юности мой геній отлеталь,
 И сердце медленно хладѣло, закрывалось.
 Васъ вновь я призываль, о, дни моей весны!
 Вы, пролетѣвшіе подъ тѣнью тишины,
 Дни дружества, любви, надеждъ и грусти нѣжной,
 Когда поэзіи поклонникъ безмятежной,
 На лирѣ счастливой я тихо воспѣваль
 Волненіе любви, уныніе разлуки—
 И гулъ дубравъ горамъ передаваль
 Мои задумчивые звуки.
 Напрасно! Я влачилъ постыдной лѣни грузъ,
 Въ дремоту хладную невольно погружался,
 Бѣжалъ отъ радостей, бѣжалъ отъ милыхъ музъ,
 И—слезы на глазахъ— со славою прощался!
 Но вдругъ, какъ молніи стрѣла
 Зажглась въ увядшемъ сердцѣ младость,
 Душа проснулась, ожила,

Узнала вновь любви надежду, скорбь и
 радость.
 Все снова расцвѣло! Я жизнью трепе-
 талъ;
 Природы вновь восторженный сви-
 дѣтель,
 Живѣе чувствовалъ, свободнѣе ды-
 шалъ,
 Сильнѣй илѣняла добродѣтель...
 Хвала любви, хвала богамъ!
 Вновь лиры сладостной раздался го-
 лосъ юный,
 И съ звонкимъ трепетомъ воскреснув-
 шія струны
 Несу къ твоимъ ногамъ!

Стихотвореніе „Къ ней“ (1817 г.), кажется блѣднымъ въ сравненіи съ посланіемъ „Къ А. П. Кернъ“: оно производитъ впечатлѣніе юношескаго эскиза въ сравненіи съ законченной, дивной картиной. Тѣмъ не менѣе, ихъ сродство не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы далеки отъ мысли утверждать, будто Пушкинъ писалъ „Я помню чудное мгновенье“, имѣя въ виду стихотвореніе, посвященное Бакуниной. Въ посланіи „Къ А. П. Кернъ“ онъ лишь выразилъ тѣ психологическія явленія, которыя под мѣтиль въ себѣ еще въ ранней молодости, и выразилъ, конечно, съ несравненно большою глубиною и красотою и съ большимъ искусствомъ, чѣмъ прежде.

„Я помню чудное мгновенье“ не подражаніе, а вполне самостоятель-

ное произведение Пушкина. Нѣтъ, однако, никакого сомнѣнія, что Пушкинъ, создавая его, воспользовался кое-чѣмъ изъ „Лаллы Рукъ“ Жуковскаго. Онъ взялъ изъ него и выраженіе „геній чистой красоты“, и мысль уподобить Кернъ мимолетному видѣнію. „Лалла-Рукъ“ нѣкогда пользовалась громкой извѣстностью, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Пушкинъ вспомнилъ объ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній Жуковскаго, когда воспѣвалъ Кернъ, и впечатлѣніе, которое она на него произвела. Приводимъ „Лалла-Рукъ“, отмѣчая курсивомъ тѣ мѣста, которыя особенно напоминаютъ „Я помню чудное мгновенье“.

Милый сонъ, души плѣнитель,
*Гость прекрасный съ вышины,
 Благодатный поэтитель
 Поднебесной стороны!*
 Я тобою наслаждался
 На минуту, но вполне:
 Добрымъ вѣстникомъ явился
 Здѣсь небеснаго ты мнѣ.

* * *

Мнилъ я быть въ обѣтованной
 Той землѣ, гдѣ вѣчный миръ,
 Мнилъ я зрѣть благоуханный,
 Безмятежный Кашемиръ.
 Видѣлъ я торжествовали
 Праздникъ Розы и Весны,
 И пришелицу встрѣчали
 Изъ далекой стороны ...

* * *

И блистая, и плѣнная,
Словно ангелъ неземной—
 Непорочность молодая
 Появилась предо мной;
 Свѣтлый завѣсъ покрывала
 Оттѣнялъ ея черты,
 И застѣнчиво склоняла
 Взоръ умильный съ высоты...

Все—и робкая стыдливость,
 Подъ сіяніемъ вѣнца,
 И младенческая живость,
 И величіе лица,
 И въ чертахъ глубокость чувства
 Съ безмятежной тишиной—
 Все въ ней было безъ искусства,
 Неописанной красой.

Я смотрѣлъ,—а призракъ мимо
Увлекая душу владѣ
 Пролеталъ невозвратимо:
Я за нимъ,—его ужъ нѣтъ!...
 Постытилъ, какъ упованье,
Жизнь минутой озарилъ,
 И оставилъ лишь преданье,
 Что когда то въ жизни былъ...

Ахъ! не съ нами обитаетъ
Геній чистой красоты,—
 Лишь порой онъ навѣщаетъ
 Насъ съ небесной высоты.
 Онъ постышенъ, какъ мечтанье,
Какъ воздушный утра сонъ;*
 Но въ святомъ воспоминаньи
 Не разлученъ съ сердцемъ онъ.

---

* Не вспоминалъ ли Пушкинъ этотъ стихъ, когда сравнивалъ въ „Пророкѣ“ легкіе персты серафима со сномъ? .. ..

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
 Бытія бываетъ къ намъ,
 И приносить откровенья,
 Благотворныя сердцамаъ;
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
 Намъ туда сквозь покрывало
 Онъ даетъ взглянуть порой...

* *

И во всемъ, что здѣсь прекрасно,
 Что нашъ міръ животворить,
 Убѣдительно и ясно
 Онъ съ душою говоритъ;
 А, когда насъ покидаетъ,
 Въ даръ любви, у насъ въ виду,
 Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
 Онъ прощальную звѣзду.

Въ „Лаллѣ-Рукъ“ Жуковскій, какъ известно, изобразилъ прусскую принцессу Шарлотту, жену Великаго Князя Николая Павловича, Великую Княгиню, впоследствии Императрицу Александру Теодоровну. Въ книгѣ Грима Alexandra Feodorowna, Kaizerin von Russland, разсказывается объ эпизодѣ, послужившемъ для Жуковского поводомъ написать „Лалла Рукъ“, вотъ что:

„Зимній сезонъ 1820—1821 года въ Берлинѣ былъ необыкновенно блестящимъ. Оживленію двора и общества содѣйствовало присутствіе многочисленныхъ царственныхъ гостей. Въ числѣ ихъ, кромѣ Великаго Князя Николая Павловича и Великой Кня-

гини Александры Θεодоровны, былъ герцогъ Кумберландскій съ супругою и наслѣдственный великій герцогъ Мекленбургъ - Шверинскій, Павелъ-Фридрихъ, женихъ второй дочери короля, принцессы Александрины. По предложенію герцога Карла Мекленбургскаго, генерала прусской службы и обычнаго устроителя празднествъ при берлинскомъ дворѣ, собранные въ Берлинѣ принцы и принцессы, условились дать въ королевскомъ замкѣ представленіе, которое явилось бы соединеніемъ всѣхъ искусствъ: пластики, драмы, музыки и живописи. Сюжетомъ представленія избрана была поэма Томаса-Мура „Лалла-Рукъ“. Рѣшено было, чтобъ она была воспроизведена въ рядѣ живыхъ картинъ, сопровождаемыхъ пѣніемъ и исполненіемъ инструментальныхъ нумеровъ. Въ картинахъ принимали участіе, кромѣ августѣйшихъ особъ, весь придворный штатъ прусскихъ хозяевъ и иностранныхъ гостей и представители высшаго берлинскаго общества. Распоряженіе спектаклемъ поручено было графу Брюлю, интенданту королевскихъ театровъ; устройство декорацій и постановку картинъ взялъ на себя извѣстный архитекторъ Шинкель; Спонтини написалъ музыку для вставныхъ арій и

романсовъ, исполнять которые приглашены были первыя пѣвицы берлинской оперы, г-жи Мильдеръ, Шульцъ, Зейдлеръ и Бадеръ. Всѣхъ участниковъ на представленіи было 123 лица.

Напомнимъ вкратцѣ содержаніе Муровой поэмы: владѣтель Бухаріи, Абдалла, отправляется въ Дели, къ повелителю Индіи, Ауренгзебу, просить руки его дочери Лаллы Рукъ для сына своего Америса. Родители рѣшаютъ этотъ бракъ и молодая принцесса предпринимаетъ дальнее путешествіе въ Кашмиръ, гдѣ долженъ ее встрѣтить женихъ ея. Принцессу сопровождаютъ многочисленныя бухарскіе придворные, среди которыхъ выдается молодой поэтъ, развлекающій ее разсказами. Очарованная Лалла Рукъ влюбляется въ разсказчика. Съ грустью приближается она къ Кашмиру, помышляя о предстоящей разлукѣ съ вдохновеннымъ пѣвцомъ. Но, достигнувъ цѣли своего странствованія, она въ выходящемъ ей на встрѣчу женихѣ узнаетъ очаровавшаго ее спутника-поэта. Живыя картины должны были изображать главные моменты поэмы, а также четыре разсказа принца-поэта: Хоросанскій пророкъ подъ покрываломъ, Рай и Пери, Гебры или

огнепоклонники, праздникъ розъ въ Кашмирѣ. Аріи и романсы, исполняемые за сценою, объясняли содержаніе воспроизведенныхъ въ картинахъ разсказовъ. Заключительную картину составляла сцена встрѣчи „Лалла Рукъ“ съ принцемъ Америсомъ въ Кашмирѣ, на лѣстницѣ дворца, живописно расположеннаго на берегу озера.

Какъ ясно доказывалъ выборъ сюжета, цѣлью представленія было привѣтствовать вождемѣнный союзъ брата Русскаго Царя съ дочерью короля прусскаго. Понятно, что обѣ главныя роли выпали на долю Великаго Князя и Великой Княгини. Александра Теодоровна изображала Лаллу Рукъ. Она была въ длинномъ бѣломъ платьѣ съ корсажемъ изъ золотого глазета. Широкій поясъ обхватывалъ ея стройную талію. На шеѣ, на груди и на рукахъ блистали драгоцѣнные каменья, самые башмаки были усыпаны изумрудами. Прозрачный розовый вуаль съ серебряными прошивками былъ наброшенъ ей на плечи. Роскошные волосы падали локонами на грудь. Николай Павловичъ, исполнявшій роль принца Америса, былъ одѣтъ въ голубой кафтанъ черкесскаго покроя, съ широкимъ поясомъ; на ногахъ у него были желтыя туфли, на головѣ родъ та-

тарской шапки и зеленая чалма. Остальные роли были распределены между членами королевского семейства, иностранными гостями и знатными придворными. Великаго Могола игралъ принцъ Вильгельмъ старшій, братъ короля; сестеръ его — герцогиня Кумберландская, супруга принца Вильгельма старшаго, и дочь короля, принцесса Александра; четыре королевскіе сына, наследный принцъ и принцы Вильгельмъ младшій, Карлъ и Альбрехтъ, а также князя Сольмсъ и Радзивилль; владѣтеля Бухаріи — герцогъ Кумберландскій, и жену его — княгиня Луиза Радзивилль. Придворные были раздѣлены на два лагеря: индусовъ и бухарцевъ. Костюмы отличались не только роскошью, но и этнографическою точностью.

Представленіе состоялось въ берлинскомъ королевскомъ замкѣ 15 (27) января 1821 года, передъ избранною толпою зрителей, принадлежавшихъ исключительно къ двору и къ высшему обществу. Въ антрактахъ исполнялись танцы артистами придворнаго балета. Все обошлось какъ нельзя лучше, и старый король, большой любитель театральныхъ зрѣлищъ, былъ въ восторгѣ. Онъ рѣшился повторить пред-

ставленіе для бѣльшаго круга зрителей. 30 января (11 февраля) оно было дано снова на сценѣ только что отстроеннаго берлинскаго драматическаго театра. На этотъ разъ, въ обширной залѣ присутствовало больше 3000 приглашенныхъ“ (Татищева *Императоръ Николай и иностранныя дворы*, стр. 242—244).

Благодаря Жуковскому, въ Петербургѣ было принято называть Александру Θεодоровну Лаллоу Рукъ. Подъ этимъ именемъ ее описывалъ и Пушкинъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ (глава восьмая, XVI).*) Что Пушкинъ хо-

---

*) Подобно лиліи крылатой,
Колебясь, входитъ Лалла Рукъ,
И надъ поникшею толпою
Сіяетъ царственной главою,
И тихо вѣетъ, и скользитъ.
Звѣзда - харита межъ харитъ.

Институтки называли Александру Θεодоровну Сильфидою. Въ запискѣ А. О. Смирновъ, въ рассказѣ о посѣщеніи Императорской Семей Екатериинскаго института при Александрѣ I (I, 109), такъ описываетъ наружность Александры Θεодоровны: „за Императрицей Елизаветой вошла Сильфида.....; у нея бѣлокурые волосы. Она хороша, прелестна, высока, тонка; талія у нея, какъ у лиліи; ова проскользнула, точно фея, покачиваясь, какъ тростникъ“. Въ другомъ мѣстѣ Записокъ Смирновой сказано: „Пушкинъ читалъ намъ „Онѣгина“..... Онъ отлично

рошо зналъ и высоко цѣнилъ „Лаллу Рукъ“ Жуковскаго и живо интересовался ею, служить то, что онъ переписалъ для себя черновой, прозаическій планъ, составленный Жуковскимъ для „Лаллы Рукъ“ или, вѣрнѣе, ея философскій комментарий, сохранилъ его въ своихъ бумагахъ, среди которыхъ онъ и былъ найденъ г. Якушкинымъ. Вотъ набросокъ Жуковскаго:

„Руссо сказалъ: il n'y a de beau que ce qui n'est pas. Это не значитъ только то прекрасно, что не существуетъ, но сго нѣтъ, ибо оно являетъ-

изобразилъ Императрицу, „крылатую лилию“ Лалла Рукъ; это совершенно обрисовываетъ ее“. (I, 51). Упомянувъ въ своихъ запискахъ о томъ, Пушкинъ вывелъ Александру Θεодоровну въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ подъ именемъ Лаллы Рукъ, дочь А. О. Смирновой, О. Н. Смирнова говоритъ, что въ 20-ыхъ и 30-ыхъ годахъ была особая мода на прозвища. Великій Князь Михайлъ Павловичъ, Князь П. А. Вяземскій, А. О. Смирнова и Пушкинъ, раздавали и употребляли ихъ въ интимномъ кругѣ. То же дѣлала Императрица Александра Θεодоровна. „Мода на всякаго рода прозвища царила долго“ (стр. 22, I). Она царила не только въ Петербургѣ, но и при Берлинскомъ дворѣ. Прусскія королевская семья прозвала Александру Θεодоровну, страстно любившую цвѣты, особенно бѣлыя розы, — *blanche—fleur*. (Татищева, *Императоръ Николай и иностранные дворы*, 250).

ся намъ единственно для того, чтобы исчезнуть, чтобы намъ сказаться, чтобы намъ оживить душу, но его ни удержать, ни разглядѣть, ни постигнуть мы не можемъ. Оно не имѣетъ ни имени, ни образа; оно посвящаетъ насъ въ лучшія минуты житія. Величественное зрѣлище природы, еще болѣе величественное зрѣлище души человѣческой, поэзія, счастье, несчастье даютъ намъ сіи высокія ощущенія прекраснаго и, весьма понятно, почему почти всегда соединяется съ нами грусть... но грусть не приводящая въ уныніе, а животворная, сладкая, какое-то смутное стремленіе... Это происходитъ отъ его скоротечности, отъ его невыразимости, отъ его непостижимости... Прекрасно только то, чего нѣтъ. Въ эти минуты живого чувства стремишься не къ тому, чѣмъ оно произведено и что передъ тобою, но къ чему то лучшему, тайному, далекому, что съ нимъ соединяется и что для тебя гдѣ-то существуетъ. И это стремленіе есть одно изъ невыразимыхъ доказательствъ безсмертія души: иначе, отъ чего-бы въ минуту наслажденія не имѣть полноты и ясности наслажденія? Нѣтъ, эта грусть убѣдительно говоритъ намъ, что прекрасное здѣсь не дома, что оно толь-

ко мимо пролетающей благовѣститель лучшаго... Оно есть восхитительная тоска по отчизнѣ, оно дѣйствуетъ на нашу душу не настоящимъ, а темнымъ, въ одно мгновение соединеннымъ воспоминаніемъ всего прекраснаго въ прошедшемъ и тайнымъ ожиданіемъ чего-то въ будущемъ.

А когда насъ покидаетъ
(Вздохъ) любви, у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду...

(„Русская Старина“, 1884 г., декабрь. Срв. Сочиненія Жуковского, изд. 1895 г., II, 534).

Создавая „Я помню чудное мгновение“, Пушкинъ, какъ мы уже сказали, не подражалъ Жуковскому, а творилъ самостоятельно. У него нѣтъ ни растянутости, ни искусственности, ни туманности, ни романтическаго унынія „Лаллы-Рукъ“. Стихотвореніе Пушкина производитъ столь чарующее и неизгладимое впечатлѣніе изящной простотой замысла, а также красотой и выразительностью языка въ связи съ неподдѣльной правдивостью и своеобразной прелестью основнаго тона.

III.

Письмо А. С. Пушкина

къ А. Г. Родзянкѣ отъ 8-го декабря
1824 г. (объ А. П. Кернъ) *.

Въ „Родословномъ Сборникѣ“ Румеля и Голубцова объ Аркадіи Гавріиловичѣ Родзянкѣ и его происхожденіи сообщаются (II, стр. 330—334) слѣдующія свѣдѣнія:

А. Г. Родзянко, потомокъ хорольскаго сотника Василия Родзянки и сынъ хорольскаго уѣзднаго предводителя дворянства, родился въ 1793 году, получилъ чинъ капитана въ 1820 году, вышелъ въ отставку въ 1821

---

* Эта статья составляетъ извлеченіе изъ другой моей статьи, напечатанной въ февральской книгѣ московскаго журнала „Русское Обозрѣніе“ за 1897 г. подъ заглавіемъ *Неизданныя письма А. С. Пушкина и В. А. Жуковскаго и стихотвореніе Д. В. Давыдова (изъ бумагъ А. Г. Родзянки)* и можетъ быть рассматриваема, какъ дополненіе къ статьѣ о стихотвореніи „Я помню чудное мгновенье“.

году, былъ женатъ на Н. I. Клевцовой, имѣлъ трехъ сестеръ и четырехъ братьевъ. Онъ былъ старше ихъ всѣхъ. Годомъ позже его родился братъ его, Порфирій Гавриловичъ.

А. Г. Родзянко познакомился съ Пушкинымъ въ Петербургѣ, еще до ссылки поэта на югъ (см. Сочиненія Пушкина въ изданіи „Литературнаго фонда (Общ. вспомош. уч. и лит.), I, стр. 349).

Въ письмахъ Пушкина упоминается объ А. Г. Родзянкѣ три раза. Въ письмѣ къ брату, Льву Сергѣевичу, 25-го августа 1823 года, Пушкинъ, между прочимъ, писалъ (изъ Одессы): „Будеть Родзянка—предатель—жду его съ нетерпѣніемъ“. Въ концѣ письма къ А. А. Бестужеву изъ Кишинева, помѣченномъ 13-мъ іюня 1823 года, читаемъ: „Я увѣренъ, что тѣ, которые приписываютъ новую сатиру Арк. Родзянкѣ, ошибаются: онъ человѣкъ благородныхъ правилъ и не станетъ воскрешать временъ слова и дѣла. Доносъ на человѣка сосланнаго есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости, да и стихи сами по себѣ недостойны пѣвца сократической любви“. Въ письмѣ къ А. А. Бестужеву изъ Одессы отъ 8-го февраля 1824 года Пушкинъ, разбирая „Полярную Звѣзду“, писалъ: „Похабный мадри-

галь А. Родзянки можно бы оставить покойному Нахимову: „Вчера люблю и мыслю“ помѣстятъ современемъ въ грамматику для примѣра безсмыслицы“.—Мадригаль Родзянки „Къ милой“ оканчивается стихами:

Вчера, сегодня, безпрестанно
Люблю и мыслю о тебѣ.

Стихи А. Г. Родзянки, разбросанные по журналамъ и альманахамъ его времени, не были изданы отдѣльною книгой. Его стихотвореніе на смерть Пушкина напечатано мною въ „Русскомъ Обозрѣніи“ за 1897 годъ.

Письмо Пушкина къ А. Г. Родзянкѣ, не вошедшее еще ни въ одно изданіе писемъ Пушкина, хранится вмѣстѣ съ однимъ письмомъ Жуковского, съ стихотвореніемъ Давыдова: „У васъ Нева“ и вышеназваннымъ стихотвореніемъ Родзянки въ рукописномъ отдѣленіи Библіотеки Императорскаго Харьковскаго университета.

Письмо А. С. Пушкина.

Милый Родзянка, твой поклонъ меня обрадовалъ. Не рѣшишься ли ты, такъ какъ ты обо мнѣ вспомнилъ, написать мнѣ нѣсколько строчекъ? Онѣ бы утѣшили мое одиночество.

Объясни мнѣ, милый: что такое А. П. Кернъ, которая написала много нѣж-

ностей обо мнѣ своей кузинѣ? Говорятъ, она премиленькая вещь, но *славны Лубны за горами*. На всякій случай, зная твою влюбчивость и *необыкновенные таланты* во всѣхъ отношеніяхъ, полагаю дѣло твое сдѣланнымъ или полу-сдѣланнымъ. Поздравляю тебя, мой милый: напиши на это все элегію или хоть эпиграмму.

Полно врать. Поговоримъ о поэзіи, т. е., о твоей. Что твоя романтическая поэма *Чубъ*? Злодѣй! Не мѣшай мнѣ въ моемъ ремеслѣ, пиши сатиры хоть на меня, но не перебивай мнѣ мою романтическую лавочку. Кстати, Баратынскій написалъ поэму (не прогнѣвайся, про *Чухонку*), и эта *Чухонка*, говорятъ, чудо, какъ мила.—А я про *Цыганку*. Каковъ! Подавай же намъ скорѣй свою *Чубку*!* Ай да Парнасъ! Ай да героини! Ай да честная компанія! Воображаю, Аполлонъ, смотря на нихъ, закричитъ: „Зачѣмъ ведете мнѣ не ту“. — „А какую же тебѣ надобно, проклятый Фебъ? Гречанку? Итальянку? Чѣмъ ихъ хуже чухонка или цы-

---

* Въ подлинникѣ „Чубъ“ и „Чубка“ написаны черезъ *n*, а „кстати“—въ видѣ двухъ словъ („къ стати“). Все, напечатанное въ письмѣ курсивомъ, въ подлинникѣ подчеркнуто.

ганка? *...* т. е. оживи лучемъ вдохновенія и славы.

Если А. П. такъ же мила, какъ сказываютъ, то вѣрно она моего мнѣнія. Справься съ нею объ этомъ.

Поклонъ Порфирию и всѣмъ моимъ старымъ пріятелямъ.

Прости, украинскій мудрецъ,
 Намѣстникъ Феба и Пріапа!
 Твоя соломенная шляпа
 Покойнѣй, чѣмъ иной вѣнецъ,
 Твой Римъ—деревня, ты мой папа,
 Благослови жъ меня, пѣвецъ!

8 дек.

* * *

Подлинникъ письма написанъ рукой Пушкина на вдвое свернутомъ полулистѣ писчей бумаги. Онъ занимаетъ почти три страницы. Въ началѣ его видѣется, сдѣланная карандашемъ, надпись: „отъ Александра Серг. Пушкина“. Въ концѣ письма, подъ датой Пушкина, написано карандашемъ же: „1825 г.“ (годъ полученія письма Родзянкой). На письмѣ замѣтны слѣды сургучной печати. Сгибы письма указываютъ, какъ оно

* Затѣмъ слѣдуетъ густо зачеркнутая, совершенно нецензурная фраза, состоящая изъ трехъ словъ и двухъ предложений и заключающая въ себѣ совѣтъ Аполлону не дѣлать различія между женщинами разныхъ національностей и оказывать имъ всѣмъ одинаковую благосклонность въ эротическомъ смыслѣ слова.

было сложено Пушкинымъ, когда онъ готовился его запечатать. На письмѣ рукой Пушкина тамъ, гдѣ пишется адресъ, написано: „Поэту Родзянкѣ“. Подъ этими словами сдѣлана, вѣроятно, Родзянкой, замѣтка: „отъ Пушкина Александра Сергѣевича чрезъ Анну Петровну Кернову“.

Письмо Пушкина къ Родзянкѣ впервые появляется въ печати, хотя стихи, которыми оно заканчивается, уже давно извѣстны въ неполномъ и неточномъ видѣ изъ „Воспоминаній А. П. Кернъ“. Въ нихъ упоминается и о письмѣ, о которомъ идетъ рѣчь, и подробно излагаются обстоятельства, которыми оно было вызвано.

Вотъ что говоритъ Кернъ:

„Проживъ нѣсколько времени въ Дерптѣ, въ Ригѣ, въ Псковѣ, я возвратилась въ Полтавскую губернію къ моимъ родителямъ. Въ теченіе шести лѣтъ я не видѣла Пушкина, но отъ многихъ слышала про него, какъ про славнаго поэта, и съ жадностію читала: Кавказскій плѣнникъ, Бахчисарайскій фонтанъ, Братья-разбойники и 1-ю главу Онѣгина, которые доставлялъ мнѣ сосѣдъ нашъ Аркадій Гавриловичъ Родзянко, милый поэтъ, умный, любезный и весьма симпатичный человекъ. Онъ былъ

въ дружескихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ и имѣлъ счастіе принимать его у себя въ деревнѣ (Полтавской губерніи, Хорольскаго уѣзда). Пушкинъ, возвращаясь съ Кавказа, прискакалъ къ нему съ ближайшей станціи, верхомъ, безъ сѣдла, на почтовой лошади въ хомутѣ...

„Во время пребыванія моего въ Полтавской губерніи я постоянно переписывалась съ двоюродною сестрой моею Анной Николаевною Вульфъ, жившею у матери своей въ Тригорскомъ, Псковской губерніи, Опочецкаго уѣзда, близъ деревни Пушкина—Михайловскаго.

„Она часто бывала въ домѣ Пушкина, говорила съ нимъ обо мнѣ, потомъ сообщала мнѣ въ своихъ письмахъ различныя его фразы; такъ, въ одномъ изъ нихъ она писала: *Vous avez produit une vive impression sur Pouchkine à votre rencontre chez Olénine; il dit partout: elle était trop brillante**. Въ одномъ изъ ея писемъ Пушкинъ приписалъ съ боку изъ Байрона: *Une image qui a passé devant nous, que nous avons vue et*

---

* (Переводъ). „Вы произвели глубокое впечатлѣніе на Пушкина при вашей встрѣчѣ у Олениныхъ; онъ всюду говорить: она была слишкомъ блестяща“.

que nous ne reverons jamais*. Когда же онъ узналъ, что я выдаюсь съ Родзянко, то переслалъ черезъ меня къ нему письмо, въ которомъ были разспросы обо мнѣ и стихи:

Наперсникъ Феба иль Приапа,
Твоя соломенная шляпа
Завиднѣй, чѣмъ иной вѣнецъ.
Твоя деревня—Римъ, ты—папа,
Благослови-жь меня, пѣвецъ

„Далѣе, въ томъ же письмѣ онъ говоритъ: „Ты написалъ Хохлачку, Баратынскій—Чухонку, я—Цыганку; что скажетъ Аполлонъ?“ и проч. и проч.,—далѣе я не помню, а невѣрно цитировать не хочу. Послѣ этого мнѣ съ Родзянко вздумалось полюбезничать съ Пушкинымъ, и мы вмѣстѣ написали ему шуточное посланіе въ стихахъ. Родзянко въ немъ упоминалъ о моемъ отъѣздѣ изъ Малороссіи и о несправедливости намековъ Пушкина на любовь ко мнѣ. Посланіе наше было очень длинно, но я помню только послѣдній стихъ:

Прощайте, будьте въ дуракахъ!

„Отвѣтомъ на это посланіе были слѣдующіе стихи, отданные мнѣ Пушкинымъ, когда я черезъ мѣсяць по-

---

* „Видѣніе пронеслось мимо насъ, мы видѣли его и никогда опять не увидимъ“.

слѣ этого встрѣтилась съ нимъ въ Тригорскомъ:

„Ты * обѣщаль о романтизмѣ“.. и пр.

Сопоставляя письмо Пушкина съ воспоминаніями Кернъ, можно прійти къ слѣдующимъ выводамъ объ его содержаніи и времени написанія.

Кернъ гостила въ Тригорскомъ лѣтомъ 1825 года. Она пріѣхала въ имѣніе своей тетки, П. А. Осиповой, въ іюнѣ 1825 года, а такъ какъ письмо Пушкина къ Родзянкѣ писалось раньше этого времени и помѣчено 8 декабря, то, значить, оно относится къ 1824 г. Гг. Ефремовъ и Морозовъ, комментируя стихи: „Наперсникъ Феба иль Пріапа“,—приводимые Кернъ, пріурочили ихъ къ маю 1825 года, ссылаясь при этомъ на Кернъ, которая, по ихъ словамъ, будто-бы говоритъ, что Родзянко получилъ отъ Пушкина письмо съ обнаруженнымъ ею пятистишіемъ за мѣсяць до ея пріѣзда въ Тригорское (см. Сочиненія Пушкина, изд. Анскаго, 1882 года, II, стр. 383 и изд. „Литературнаго Фовда“ I, стр. 349); но Кернъ ничего подобнаго не говоритъ. То, что сказано ею о письмѣ Пушкина къ Родзянкѣ, за-

---

* Т. е. Родзянко.

ключавшемъ въ себѣ стихотвореніе „Ты обѣщаль о романтизмѣ“ и т. д., гг. Ефремовъ и Морозовъ отнесли, по недосмотру, къ письму Пушкина, которое заканчивалось стихотворнымъ обращеніемъ къ Родзянкѣ, начинающимся у Кернъ словами:

Наперсникъ Феба иль Пріапа.

Знакомство Пушкина съ Кернъ, какъ видно изъ ея воспоминаній, и письма Пушкина отъ 8 декабря 1824 года, знакомство, обогатившее нашу литературу дивнымъ стихотвореніемъ:

Я помню чудное мгновеніе —

подготовлялось перепиской Кернъ съ А. Н. Вульфъ, которою пользовались Кернъ и Пушкинъ для выраженія своихъ взаимныхъ симпатій, перепиской Пушкина съ Родзянкой, въ которой на первомъ планѣ стояла Кернъ, и, наконецъ, шуточнымъ посланіемъ Родзянки и Кернъ къ Пушкину. Представленный Кернъ въ Тригорскомъ, Пушкинъ смотрѣлъ на нее не только какъ на женщину, которую онъ зналъ по мимолетной встрѣчѣ у Олениныхъ въ Петербургѣ въ 1819 году, но и какъ на свою восторженную поклонницу, хорошо извѣстную ему по ея письмамъ, по письмамъ Родзянки и по рассказамъ А. Н. Вульфъ.

Черезъ кого былъ переданъ Пушкину поклонъ отъ Родзянки, послужившей поэту предлогомъ начать съ Родзянкой переписку о Кернъ? Конечно, черезъ Кернъ, которая, какъ зналъ Родзянко, обмѣнивалась письмами съ А. Н. Вульфъ. О томъ, въ какомъ Кернъ писала А. Н. Вульфъ о Пушкинѣ, можно судить по тому, что поэтъ называетъ ея отзвывы о немъ „нѣжностями“. Эти „нѣжности“, видимо, задѣли поэта за живое, пробудили въ немъ воспоминанія о впечатлѣннїи, сдѣланномъ на него Кернъ въ 1819 году, и онъ отвѣчалъ ей черезъ А. Н. Вульфъ на „нѣжности“ „нѣжностями“.— Слова: „говорять, она премиленькая вещь, но славны Лубны (вмѣсто бубны) за горами“, вѣроятно, заключаютъ въ себѣ намекъ на рассказы А. Н. Вульфъ о Кернъ и объ ея свѣтскихъ успѣхахъ въ то время, когда она жила съ мужемъ въ Лубнахъ.

А. Н. Вульфъ хорошо знала Кернъ и была очень близка съ нею. Описывая свою жизнь въ Дерптѣ въ 1819 г., А. П. Кернъ говоритъ: „Ко мнѣ туда прїѣхали дорогія гости: тетка и многолюбимая сестра Анна Николаевна Вульфъ, которая прїѣхала лѣтомъ и осталась гостить у меня до зимы. Мы тамъ мною читали, много гуляли, вы-

ходили и выѣзжали всегда вмѣстѣ".— Изъ воспоминаній Кернъ объ ея трехъ встрѣчахъ съ Императоромъ Александромъ Павловичемъ видно („Русская Старина“ 1870 годъ, томъ I), что она была представлена ему генераломъ Сакенымъ на балу въ Полтавѣ послѣ смотра, произведеннаго Государемъ войскамъ. Немедленно послѣ смотра въ Полтавѣ генераль Кернъ получилъ отъ Александра Павловича за маневры 50,000 руб. Кернъ такъ рассказываетъ о томъ, какъ она танцовала съ Императоромъ Александромъ: „Немного прибита на цвѣту — какъ говорятъ въ Малороссіи—необыкновенно робкая, выданная замужъ слишкомъ рано и слишкомъ неразборчиво, я привезена была въ Полтаву. Тутъ меня привезли на смотръ и на балъ, гдѣ я увидала Императора. Императоръ имѣлъ обыкновеніе пропустить нѣсколько паръ въ польскомъ прежде себя и потомъ, взявъ даму, идти за другими. Эта тонкая разборчивость, только ему одному сродная, и весь онъ, съ его обаятельною граціей и неизъяснимою добротой,—невозможными ни для кого другого смертнаго, даже для другого царя,—восхитили меня, оодрили, воодушевили, и робость моя исчезла совершенно. Не

смѣя ни съ кѣмъ говорить доселѣ, я съ нимъ заговорила, какъ съ давнишнимъ другомъ и обожаемымъ отцомъ! Онъ заговорилъ, и я была на седьмомъ небѣ и отъ ласковости этихъ рѣчей и отъ свисходительности къ моимъ дѣтскимъ понятіямъ и взглядамъ! Онъ говорилъ о мужѣ моемъ, между прочимъ: „C'est un brave soldat“! (храбрый воинъ)—это тогда такъ занимало ихъ! Потомъ сказалъ: „Venez à Pétersbourg chez moi“ (Пріѣзжайте въ Петербургъ ко мнѣ). Я съ величайшею наивностью сказала, что это невозможно, что мой мужъ на службѣ. Онъ улыбнулся и сказалъ очень серьезно: „Il peut prendre un semestre“ (Онъ можетъ взять отпускъ). На это я такъ расхрабрилась, что сказала ему: „Venez plutôt à Loubny! C'est si beau Loubny!“ (Пріѣзжайте лучше въ Лубны, Государь, Лубны такая прелесть!) Онъ опять засмѣялся и сказалъ: „Je viendrai, absolument, je viendrai!“ (Я непременно пріѣду!)—Этотъ эпизодъ, какъ и все прошлое Кернъ, былъ, вѣроятно, извѣстенъ Пушкину изъ рассказовъ А.Н. Вульфъ, и очень можетъ быть, что поэтъ намекалъ на него въ передѣланной имъ пословицѣ, указывавшей на малороссійское происхожденіе Кернъ.

Какъ слѣдуетъ понимать то мѣсто письма Пушкина, гдѣ онъ говоритъ о *необыкновенныхъ талантахъ* Родзянки? По всей вѣроятности, это выраженіе было взято изъ письма Кернъ къ А. Н. Вульфъ: Кернъ, какъ видно изъ ея воспоминаній, смогрѣла на Родзянку, какъ на одного изъ своихъ добрыхъ знакомыхъ и, надо думать, писала о немъ А. Н. Вульфъ немало лестнаго. Все это, должно быть, читалось Пушкинымъ и возбуждало его любопытство. Поэту, видимо, хотѣлось провѣрить все то, что онъ слышалъ о Кернъ отъ А. Н. Вульфъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уяснить для себя, въ какихъ отношеніяхъ была Кернъ съ Родзянкой. Вотъ почему онъ написалъ ему письмо 8 декабря 1824 года. Въ отвѣтъ на свои вопросы о Кернъ Пушкинъ получилъ отъ Родзянки письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что Кернъ, порвавшая было съ мужемъ, порѣшила опять сойтись съ нимъ и не хочетъ слышать о разводѣ. Родзянку писалъ Пушкину: „Вотъ, теперь вздумала мириться съ Ермолаемъ Ѳедоровичемъ: снова пришло остывшее давно желаніе имѣть законныхъ дѣтей, и я пропала“ (см. Сочиненія Пушкина въ изд. Литературнаго фонда, I, 351). Посланіе Пуш-

кина къ Родзянкѣ. „Ты обѣщаль о романтизмѣ“—было шутливымъ отвѣтомъ на это письмо.

Письмо Пушкина отъ 8 декабря 1824 года Родзянко, очевидно, читаль и даваль читать Кернъ. Этимъ и объясняется, что нецензурная фраза, встрѣчающаяся въ этомъ письмѣ, густо зачеркнута чернилами, и, видимо, не тѣми, которыми писалъ Пушкинъ. Ее зачеркнулъ, нужно думать, Родзянко, и зачеркнулъ такъ основательно, что лишь по верхнимъ и нижнимъ окончаніямъ буквъ можно разобрать слова, изъ которыхъ она состоитъ. О томъ вниманіи, съ какимъ относилась Кернъ къ перепискѣ Пушкина съ Родзянкой, можно судить по тому, что она черезъ 30 лѣтъ цитировала на память стихи, которыми заканчивалось письмо Пушкина отъ 8 декабря 1824 года. Доказательствомъ, что она цитировала ихъ на память, являются допущенныя ею искаженія и сокращенія пушкинскаго текста. Вслѣдствіе пропуска перзаго стиха („Прости, украинскій мудрецъ“), шестистишіе превратилось у нея въ пятистишіе. Въ стихѣ „Намѣстникъ Феба и Пріапа“ Кернъ замѣнила слово „намѣстникъ“ словомъ „наперсникъ“, а слово „и“ словомъ „иль“. Въ треть-

емъ стихѣ вмѣсто слова „покойнѣй“ Кернъ поставила слово „завиднѣй“. Предпоследній стихъ у Кернъ читается: „Твоя деревня—Римъ, ты—папа“, а въ подлинникѣ: „Твой Римъ—деревня, ты мой папа“.

Подъ „Чухонкой“ Баратынскаго Пушкинъ разумѣлъ его поэму „Эда“, по поводу которой онъ написалъ годъ спустя стихотвореніе „Къ Баратынскому“, напечатанное въ 1829 году въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ подъ заглавіемъ „Къ***“:

Стихъ каждой повѣсти твоей
Звучитъ и блещетъ, какъ червонецъ,
Твоя чухоночка, ей ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой зоилъ—прямой чухонецъ.

Порфирій, которому Пушкинъ просилъ передать поклонъ, былъ, какъ сказано, братъ А. Г. Родзянки.

IV.

О сродствѣ „Каменнаго Гостя“

съ „Гробовщикомъ“ и „Мѣднымъ Всадникомъ“.

Есть ли что нибудь общее между Тарквиніемъ Гордымъ и графомъ Нулинымъ, между Люкреціей и Натальей Павловной? Кому бы могло прійти въ голову, что „Графъ Нулинъ“ былъ написанъ подъ впечатлѣніемъ „Люкреціи“ Шекспира, что онъ былъ навѣянъ преданіемъ о трагической судьбѣ благородной римской матроны, не имѣвшей силъ пережить свой позоръ, и покончившей самоубійствомъ? И что же? Оказывается, что „Графъ Нулинъ“ былъ созданъ изъ желанія „пародировать исторію и Шекспира“ и посмотреть, что выйдетъ, если перенести мѣсто и время дѣйствія первой части шекспировской поэмы въ русскую помѣщичью усадьбу средней руки, съ замѣною героевъ и героини классическаго міра обыкновенными, будничными людьми, непригодными для кровавой трагедіи, но вполне подходящими

для легкой и веселой комедіи. Въ черновыхъ замѣткахъ 1833 года Пушкинъ самъ открылъ одну изъ любопытнѣйшихъ тайнъ своего творчества. „Въ концѣ 1825 г.,—говоритъ онъ:—находился я въ деревнѣ, и, перечитывая „Люкрецію“, довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: что, если бы Люкреціи пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинію? Быть можетъ, это охладило-бъ его предпримчивость и онъ со стыдомъ принужденъ былъ отступить. Люкреція не зарѣзалась бы, Публикола не взбѣсился бы *—и міръ, и исторія міра

---

* Здѣсь поэтъ впалъ въ неточность: въ „Люкреціи“ Шекспира о Публиколѣ не упоминается. Онъ не игралъ выдающейся роли при низложеніи Тарквинія Гордаго. Пушкинъ, очевидно, смѣшалъ Публиколу съ мужемъ Люкреціи, Коллатиномъ, который, какъ выражается Пушкинъ шутливымъ тономъ, дѣйствительно, „взбѣсился“ послѣ смерти жены, т. е. воспыпалъ ненавистью къ Тарквинію и организовалъ заговоръ, имѣвшій цѣлю превратить Римъ въ республику. Публий Валерій, иначе Валерій Мопликола или, какъ пишетъ Пушкинъ на французскій ладъ, Публикола, былъ однимъ изъ первыхъ консуловъ римской республики. Кстати: гнусный поступокъ, приписываемый Пушкинымъ Тарквинію, былъ совершенъ не имъ, а однимъ изъ его сыновей. Поэтъ придерживался въ данномъ случаѣ не исторіи, а „Люкреціи“ Шекспира.

были бы не тѣ. Мысль пародировать исторію и Шекспира мнѣ представилась, я не могъ воспротивиться двойному искушенію и въ два утра написалъ эту повѣсть“. „Графъ Нулинъ“, такимъ образомъ, былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ той особенноти Пушкина, которую онъ признавалъ въ статьѣ о предисловіи Лемонте къ переводу басень Крылова на французскій языкъ отличительною чертою нашихъ нравовъ — „какому то веселому лукавству ума“ и живому воображенію, быстро ставившему и легко распутывавшему вопросъ: какъ должно разрѣшиться то или другое столкновеніе событій, страстей и интересовъ въ ту или другую эпоху, среди той или другой обстановки?

Тотъ творческій процессъ, который происходилъ въ Пушкинѣ при созданіи „Графа Нулина“, несомнѣнно, повторялся въ немъ неоднократно. Это можно утверждать не на основаніи предположеній, а на основаніи неопровержимыхъ доказательствъ. Изъ одного подготовительнаго очерка къ „Египетскимъ ночамъ“, начинающихся словами: „Ахъ, расскажите, расскажите“, видно, что Пушкинъ хотѣлъ связать Лидину съ Алексѣемъ Ивановичемъ такимъ же договоромъ, какимъ связали себя Cleopatra e i suoi amanti,

Мы увѣрены, что „Гробовщикъ“ и „Мѣдный всадникъ“ были задуманы подъ вліяніемъ побужденій, имѣвшихъ много общаго съ тѣми побужденіями, которыми руководился поэтъ, когда писалъ „Графа Нулина“ и набросокъ о сдѣлкѣ петербургской вдовы по разводу съ ея обожателемъ.

Адріанъ Прохоровъ, оскорбленный на вечеринкѣ сапожника Готлиба Шульца предложеніемъ будочника Юрка выпить, по примѣру хозяина и его гостей—ремесленниковъ, за здоровье своихъ кліентовъ, за здоровье своихъ мертвецовъ,—возвращается домой сердитый и пьяный и, укладываясь спать, выражаетъ намѣреніе позвать къ себѣ на новоселье, на зло хохотавшей надъ нимъ компаніи, прарославныхъ покойниковъ, на которыхъ онъ работалъ. Раззадоренный возраженіями изумленной и перепуганной служанки, онъ говоритъ: „Ей-Богу, созову и на завтрашній-же день. Милости просимъ, мои благодѣтели, завтра попировать. Угощу, чѣмъ Богъ послалъ“. Разсказъ заканчивается, неподобнымъ по живости, описаніемъ сна Адріана о собраніи въ его домѣ мертвецовъ, которыхъ онъ хоронилъ, и объ его столкновеніи съ ними. Самодурная выходка Адріа-

на, естественная при его ремеслѣ, характерѣ и въ томъ невмѣняемомъ состояніи, въ которомъ она была совершена, напоминаетъ обращеніе Донъ-Жуана къ статуѣ командора, а сходка мертвецовъ въ домѣ Прохорова, его страхъ при видѣ ихъ и его обморокъ, когда они валяются на него—напоминаютъ появленіе статуи командора у Доны Анны и гибель Донъ Жуана, —напоминаетъ, конечно, какъ пародія оригиналь. Эта пародія такъ же, какъ и „Графъ Нулинъ“, подъ перомъ Пушкина сдѣлалась прелестнымъ художественнымъ произведеніемъ, исполненнымъ психологической и бытовой правды. Въ запискахъ и, вообще, въ рукописяхъ Пушкина, нѣтъ никакихъ указаній на тотъ ходъ мысли, путемъ котораго сложилась у поэта фабула „Гробовщика“. Совмѣстное и пристальное изученіе „Каменнаго Гостя“ и „Гробовщика“ приводитъ, однако, къ убѣжденію, что „Гробовщикъ“ долженъ быть признанъ такою-же своеобразною переработкою легенды о Донъ Жуанѣ, какою былъ „Графъ Нулинъ“ относительно преданія о Лукреціи. Происхожденіе „Гробовщика“ представляется намъ такимъ образомъ:

„Гробовщикъ“ былъ написанъ осенью 1830 года въ Болдинѣ. Тогда-же и

тамъ-же былъ написанъ и „Каменный Гость“. Работая надъ нимъ, поэтъ старался придать сценѣ приглашенія командора къ Донѣ Аннѣ полную естественность. Вдумываясь въ эту сцену, онъ былъ, вѣроятно, пораженъ ея чисто испанскимъ духомъ и положительной невозможностью допустить, чтобы какой-нибудь русскій Донъ-Жуанъ (Мазепа, Онѣгинъ, кавказскій плѣнникъ, гусаръ Минскій и т. д.) могъ бы позвать къ себѣ или къ предмету своей страсти покойника. „А при какихъ-же условіяхъ можетъ русскій человѣкъ сдѣлать то, что сдѣлалъ Донъ Жуанъ?“ спросилъ себя Пушкинъ. И у него сложилась фабула разсказа, въ которомъ блестящій, гордый аристократъ былъ замѣненъ плебеемъ и кулакомъ, Адрианомъ Прохоровымъ. Дикая выходка испанскаго гранда повторяется, въ видоизмѣненной формѣ московскимъ мѣщаниномъ, привыкшимъ обращаться съ мертвецами за панибрата и постоянно имѣть ихъ передъ своими глазами. На то, что позволяетъ себѣ Донъ Жуанъ въ порывѣ восторга, въ минуту чрезвычайнаго подъема духа, Адрианъ Прохоровъ рѣшается лишь подъ вліяніемъ излишне выпитаго вина, потерявъ голову, не давая себѣ

яснаго отчета въ своихъ словахъ. Дерзкій вызовъ Донъ Жуана обратился у Адриана Прохорова въ благодушное и наивное обращеніе къ жителямъ загробнаго міра, совершенно чуждое самомнѣнія и дерзости и лишенное даже тѣни кощунственнаго отношенія къ памяти умершихъ. Въ „Гробовщикѣ“ Пушкинъ хотѣлъ „пародировать“ „Каменнаго Гостя“, и легенду о Донъ Жуанѣ, переложить ее на русскіе мѣщанскіе нравы и провести юмористическую параллель между испанскою и русскою національностями. Сопоставленіе Адриана Прохорова съ Донъ Жуаномъ было у Пушкина проявленіемъ такого-же „вселаго лукавства ума“, какое сказалось у него въ противопоставленіи графа Нулина Тарквинію Гордому, а Натальи Павловны—Люкреціи. Сонъ Адриана Прохорова можетъ быть приведенъ, какъ новое доказательство очевиднаго сродства „Каменнаго Гостя“ съ „Гробовщикомъ“. Командоръ приходитъ къ Донѣ Аннѣ, загораживаетъ выходъ изъ ея комнаты и наводитъ ужасъ на любовника своей жены; мертвецы, которыхъ хоронилъ Адрианъ Прохоровъ, наполняютъ его домъ, и, въ концѣ концовъ, набрасываются на него и доводятъ его

до обморока. Но и тутъ бросается въ глаза рѣзкая разница между разсказомъ Бѣлкина и „Каменнымъ Гостемъ“. Командоръ приходитъ къ Донъ Аннѣ наказать Донъ Жуана за его преступленія; мертвецы приходятъ къ Адриану Прохорову безъ грозныхъ для него намѣреній. Ужасъ Донъ Жуана при встрѣчѣ съ командоромъ объясняется тѣмъ, что Донъ Жуанъ долженъ былъ видѣть въ немъ орудіе Божьяго гнѣва; ужасъ Адриана Прохорова вытекалъ изъ естественнаго страха живого человѣка передъ выходцами съ того свѣта, столкновение же Прохорова съ его гостями было дѣломъ обоюднаго недоразумѣнія, — не болѣе. Другими словами, Пушкинъ остался въ „Гробовщикѣ“ отъ начала до конца вѣренъ „веселому лукавству ума“, натолкнувшему его на мысль передѣлать одну изъ самыхъ характерныхъ легендъ средневѣковой Испаніи на московскіе нравы XIX вѣка.

Весьма вѣроятно также, что и развязка „Мѣднаго всадника“ была задумана и разработана Пушкинымъ подъ влияніемъ легенды о „Донъ-Жуанѣ“ и воспоминаній о „Каменномъ Гостѣ“. Донъ-Жуанъ обращается съ оскорбительной выходкой къ статуѣ командора, а Езерскій обращается съ угроза-

ми и укорами къ памятнику Петра Великаго. Статуя командора наводитъ на Донъ-Жуана трепетъ своимъ появленіемъ, а памятникъ Петра Великаго, преслѣдуетъ несчастнаго Езерскаго. Въ томъ и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло со статуями, одухотворенными и приведенными въ движеніе какою-то высшею таинственною силою и преисполненными праведнаго гнѣва. Самое названіе „Мѣднаго Всадника“ наводитъ мысль на „Каменнаго Гостя“. Первое слово въ обоихъ этихъ названіяхъ указываетъ на матеріаль, изъ котораго были сдѣланы памятникъ мужа Доны Анны и памятникъ перваго русскаго императора. Соболевскій сообщилъ г. Бартеневу, что „Мѣдный Всадникъ“ былъ задуманъ Пушкинымъ подъ впечатлѣніемъ разсказа графа М. Ю. Вѣльгорскаго о снѣ Батурина, которому пригрезилось во время вторженія Наполеона I въ Россію, что статуя Петра Великаго поворотила къ нему свой ликъ, съѣхала на конѣ съ своей гранитной скалы, прискакала ночью во дворецъ къ императору Александру и сказала ему, что пока она будетъ стоять на своемъ мѣстѣ, Петербургу нечего опасаться. Въ „Запискахъ“ Смирновой, тамъ, гдѣ она рассказываетъ про разговоръ о приви-

дѣвнѣяхъ, говорится между прочимъ: „Кошэть (m-lle Кочетова) вѣрнѣе въ монаха, который появляется на террасѣ у Самсона въ Петергофѣ; она увѣряетъ, что этотъ монахъ явился покойному Государю передъ его отъѣздомъ въ Таганрогъ. Когда всѣ засмѣялись, Кошэть разсердилась. Тогда Пушкинъ сказалъ ей: „Я желалъ-бы видѣть Петра Великаго, скачущаго въ свѣтлую ночь верхомъ по Пѣтрополю. Это было-бы чудесно. Какъ онъ былъ-бы величественъ! Я постоянно объ этомъ мечтаю съ тѣхъ поръ, какъ Вѣльгорскій разсказалъ мнѣ про сонъ Батурина въ 1812 году. Голицынъ передалъ объ этомъ покойному Государю. Вотъ это сонъ“! Одному Пушкину являюся такія поэтическія, величественныя, поразительныя видѣнія и такія оригинальныя мысли“ (I, 77). Изложивъ сонъ Батурина, Смирнова записала въ своемъ дневникѣ: „Возможно, что это было первымъ зерномъ знаменитой сцены съ сумасшедшимъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“. Возможно. Нужно думать, однако, что сонъ Батурина переплетался у Пушкина съ воспоминаніемъ о „Каменномъ Гостѣ“. Можетъ быть онъ потому именно такъ поразилъ Пушкина, что поэтъ былъ уже подготовленъ леген-

дою о Донъ-Жуанѣ къ живому воспріятію сказаній о статуяхъ, получающихъ чудесную способность движенія. Сонъ Батурина не давалъ матеріала для превращенія памятника Петра Великаго въ оскорбленнаго и разгнѣваннаго гиганта. Если Пушкинъ и имѣлъ въ виду сонъ Батурина, то, онъ все таки видоизмѣнилъ его въ духѣ заключительной сцены „Каменнаго Гостя“ и, вообще, легенды о Донъ-Жуанѣ.

У.

„ВЫСТРѢЛЪ“.

Что хотѣлъ сказать Пушкинъ „Выстрѣломъ“, какъ мыслитель-психологъ? Идея этого разсказа сводится къ протесту противъ убійствъ, совершаемыхъ на дуэляхъ, и къ разъясненію той истины, что злобное и мстительное чувство не можетъ поработить истинно благородную душу.

Пушкинъ не разъ касался въ своихъ произведеніяхъ дуэлей и вопросовъ чести. Еще за четыре года до „Выстрѣла“, въ шестой главѣ „Евгенія Онѣгина“, онъ высказалъ свой взглядъ на поединки. Принявъ вызовъ Ленскаго, Онѣгинъ

Наединѣ съ своей душой
Былъ недоволенъ самъ собой.

Пушкинъ его обвиняетъ въ томъ, что у него не хватило нравственного мужества оказать себя

Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и умомъ.

Обсуждая ссору Онѣгина съ Ленскимъ, поэтъ писалъ:

Онъ могъ бы чувства обнаружить,
А не шетиниться, какъ звѣрь;
Онъ долженъ былъ обезоружить
Младое сердце. „Но теперь
Ужъ поздно; время улетѣло...
Къ тому жъ—онъ мыслить—въ это
дѣло

Вмѣшался старый дуэлистъ;
Онъ золь, онъ сплетникъ, онъ рѣ-
чистъ...

Конечно: быть должно презрѣнье
Цѣной его забавныхъ словъ;
Но шопоть, хохотня глупцовъ...“
И вотъ общественное мнѣнье!
Пружина чести, нашъ кумиръ!
И вотъ на чемъ вертится миръ!

Приступая къ описанію дуэли Онѣ-
гина съ Ленскимъ, Пушкинъ говоритъ:

Враги! Давно ли другъ отъ друга
Ихъ жажда крови отвела?
Давно-ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дѣла
Дѣляли дружно? Нынѣ злобно,
Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
Какъ въ странномъ, непонятномъ снѣ,
Они другъ другу въ тишинѣ
Готовятъ гибель хладнокровно...
Не засмѣются-ль имъ, пока
Не обагрилась ихъ рука,
Не разойтись-ли полюбовно?...
Но дико свѣтская вражда
Бои́тся ложнаго стыла.

Еще яснѣе сказывается мысль поэ-
та объ убійствахъ, совершаемыхъ на
дуэляхъ, въ тѣхъ размышленіяхъ, ко-

торыми онъ заканчиваетъ описаніе смерти Ленскаго:

Пріятно дерзкой эпиграммой
 Вабѣсить оплошнаго врага;
 Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
 Склонивъ бодливые рога,
 Невольно въ зеркало глядится
 И узнавать себя стыдится;
 Пріятнѣй, если онъ, друзья,
 Завоетъ сдуру: это я!
 Еще пріятнѣе въ молчаньи
 Ему готовить честный гробъ,
 И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
 На благородномъ разстояньи;
 Но отослать его къ отцамъ
 Едва-ль пріятно будетъ вамъ?
 Что-жь, если вашимъ пистолетомъ
 Сраженъ пріятель молодой,
 Нескромнымъ взглядомъ, иль отвѣ-
 томъ,

Или бездѣлицей иной
 Васъ оскорбившій за бутылкой,
 Иль даже самъ въ досадѣ пылкой
 Васъ гордо вызвавшій на бой?
 (кажите: вашею душой
 Какое чувство овладѣетъ,
 Когда недвижимъ на землѣ,
 Предъ вами съ смертью на челѣ,
 Онъ постепенно костенѣетъ,
 Когда онъ глухъ и молчаливъ
 На вашъ отчаянный призывъ?

Въ „Капитанской дочкѣ“ Пушкинъ осудилъ дуэли съ точки зрѣнія военнаго долга, народныхъ понятій и христіанскаго міросозерцанія устами старика Гринева, Ивана Кузьмича, Ивана Игнатъича и Марьи Ивановны. Меж-

ду героями Пушкина есть два завязанных дуэлиста: Зарѣцкій и Швабринъ. Оба они большіе негодяи и большіе трусы. Бреттерскій задоръ Зарѣцкаго вытекалъ не изъ отваги, а изъ хитрости, низости и безсердечія:

Хоть и ему инья штуки
 Не проходили безъ науки,
 Хоть иногда и самъ вирсакъ
 Онъ попадался, какъ просякъ.
 Умѣлъ онъ весело поспорить,
 Остро и тупо отвѣчать,
 Порой расчетливо смолчать,
 Порой расчетливо поздорить.

На этомъ же основывалось и бреттерство Швабрина, опозорившаго себя, въ видахъ сохраненія жизни, измѣною и ваявшагося въ ногахъ Пугачева. Зарѣцкимъ и Швабринымъ Пушкинъ показалъ, что можно быть завязтымъ дуэлистомъ и не имѣть настоящаго чувства чести. Въ лицѣ Ивана Кузьмича и Ивана Игнатьича Пушкинъ далъ живое доказательство того, что можно быть безупречно честнымъ и до героизма мужественнымъ человѣкомъ и отрицать дуэль, какъ бессмысленный и безнравственный обычай. То же самое выразилъ Пушкинъ и своимъ Сильвіо. Сильвіо долго страдалъ и боролся съ самимъ собою, долго бился въ сѣтяхъ ложна-

го стыда и злобныхъ помысловъ, но окончилъ тѣмъ, что вышелъ съ торжествомъ изъ своей внутренней борьбы, не обагривъ рукъ кровью графа, не оцетинился, какъ звѣрь, и оказалъ себя

Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и съ умомъ.

Онъ отомстилъ графу великодушнѣе, онъ подарилъ ему жизнь и далъ спасительный нравственный урокъ.

Идея „Выстрѣла“ заключается въ тѣхъ соображеніяхъ, въ силу которыхъ Сильвіо два раза опускаетъ пистолетъ, направленный на графа. Когда графъ стоитъ на поединкѣ съ безпечнымъ и веселымъ видомъ, Сильвіо думаетъ: что пользы лишить его жизни, когда онъ ея вовсе не дорожитъ? Когда же онъ видитъ его растеряннымъ и униженнымъ, онъ говоритъ: я видѣлъ твое смятеніе, твою робость, съ меня довольно. Выходить, такимъ образомъ, что при однихъ обстоятельствахъ убійство на дуэли является дѣломъ безцѣльнымъ, а при другихъ—дѣломъ ненужной жестокости. Сильвіо не возвысился до христіанскихъ воззрѣній на дуэль, но онъ понялъ своимъ благороднымъ и мужественнымъ сердцемъ, путемъ

долгихъ размышленій и страданій, что истинная отвага и требованія чести не идутъ въ разрѣзъ съ прощеніемъ враговъ и не имѣютъ ничего общаго съ звѣрскою злобою и беспощадною местию. Чтобы смыть оскорбленіе, нанесенное графомъ, Сильвіо два раза далъ неопровержимое доказательство своей, ни передъ чѣмъ не останавливающейся, храбрости. Разставаясь съ графомъ навсегда, онъ наглядно показалъ ему свое нравственное превосходство. И графъ понялъ это, не смотря на все свое легкомысліе. Онъ понялъ низость своего поведенія относительно Сильвіо и принялъ, какъ милостыню, его пощаду. А Сильвіо? Сильвіо остался не отомщеннымъ въ грубомъ смыслѣ этого слова, но онъ достигъ того, что примирился съ самимъ собою и своимъ врагомъ. Онъ остался не отомщеннымъ, но онъ вправѣ былъ примѣнить къ себѣ слова скупого рыцаря Пушкина:

Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Се. о сознанья..

Пушкинъ хотѣлъ сказать „Выстрѣломъ“, что человѣку оскорбленному нѣтъ надобности для возстановленія чести обагрять свои руки кровью и что онъ можетъ инымъ способомъ

доказать свое мужество и свое благородство... *

Пушкинъ знакомитъ насъ съ Сильвіо по воспоминаніямъ подполковника И. П. Л., по признаніямъ самого Сильвіо и по разсказамъ графа. Мы видимъ, поэтому, Сильвіо въ различномъ освѣщеніи, но не имѣемъ ни его характеристики, сдѣланной самимъ Пушкинымъ, ни ясной разгадки его дѣйствій и побужденій. Читатель самъ долженъ

* По поводу второго эпиграфа къ „Выстрѣлу“, взятаго Пушкинымъ изъ повѣсти А. Бестужева (Марлинскаго) „Вечеръ на бивуакѣ“, Поливановъ впалъ въ очевидное недоразумѣніе: онъ говоритъ, что въ повѣсти А. Бестужева нѣтъ такого мѣста, на которое ссылается Пушкинъ. Отмѣчая курсивомъ слова, поставленныя Пушкинымъ въ видѣ эпиграфа, приводимъ изъ восьмой части „Полнаго собранія сочиненій“ А. Марлинскаго (изд. 3, 1838 г.) ту тираду, въ которой они находятся: „Бѣшенство и месть, какъ молнія запалили кровь мою. Я поклялся застрѣлить его по праву дуэли (за нимъ остался еще мой выстрѣлъ), чтобы коварная не могла торжествовать съ нимъ. Я рѣшился высказать ей все, укорить ее... однимъ словомъ, я неистовствовалъ“. (Стр. 172). Такимъ образомъ, вопреки Поливанову (Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Поливанова, 1887 г., IV, 75 и 76), Пушкинъ не сдѣлалъ никакой ошибки, написавъ подъ вторымъ эпиграфомъ къ „Выстрѣлу“: „Вечеръ на бивуакѣ“.

найти ключъ къ его поступкамъ. Поэтъ съ умысломъ окуталь нѣкоторою таинственностью своего героя и задрапироваль нравственный смыслъ своего разсказа. Критика должна, разъясня идею „Выстрѣла“, внимательно разобраться въ тѣхъ, повидимому, отрывочныхъ и сбивчивыхъ показаніяхъ о Сильвіо, которые, при внимательномъ изученіи разсказа, сливаются въ одно стройное и гармоническое цѣлое.

Для того, чтобы понять характеръ Сильвіо, необходимо выяснитъ, на кого мѣтилъ Пушкинъ, создавая героя „Выстрѣла“. Это можно сдѣлать по нѣкоторымъ намекамъ разсказа, яснымъ для русской публики 30-хъ годовъ, но далеко невразумительнымъ для читателей нашего времени.

Подполковникъ И. П. Л., который общлъ Бѣлкину исторію Сильвіо и придумаль для него романической псевдонимъ во вкусѣ нашихъ старинныхъ беллетристовъ, отзывающійся не то Италіей, не то Испаніей, говоритъ, что Сильвіо „казался русскимъ, а носилъ иностранное имя“. Хотя изъ „Выстрѣла“ и видно, что настоящее имя Сильвіо не имѣло ничего общаго съ даннымъ ему прозвищемъ, намъ случалось встрѣчаться съ людьми, совершенно убѣж-

денными, что Сильвіо принадлежит къ числу тѣхъ международныхъ злодѣевъ, которые такъ часто появлялись нѣкогда въ повѣстяхъ и драмахъ, и если не были, то хотѣли казаться чистокровными венеціанцами или кордуанцами. Пушкинъ ни мало не повиненъ въ такомъ недоразумѣніи: онъ велъ повѣствованіе „Выстрѣла“ не отъ своего имени и долженъ былъ примѣняться къ литературнымъ вкусамъ и обычаямъ людей такого склада, какъ подполковникъ, сообщившій Бѣлкину свои воспоминанія о Сильвіо.

Какой-же національности былъ Сильвіо?

Этотъ вопросъ рѣшается послѣдними строками „Выстрѣла:“ „Сказываютъ, что Сильвіо, во время возмущенія Александра Ипсиланти, предводительствовалъ отрядомъ этеристовъ и былъ убитъ въ сраженіи подъ Скулянами“. Очевидно, что Сильвіо былъ грекъ.

Сраженіе подъ Скулянами, происшедшее 27-го іюня 1821-го года, ничего не говоритъ ни уму, ни сердцу людей нашего времени, но, въ началѣ царствованія Императора Николая Павловича, та часть русскаго общества, которая слѣдила съ живымъ участіемъ за отчаянной борьбою грековъ съ

турками, хорошо знала всё подробности этой битвы. Ихъ тщательно собиралъ Пушкинъ, жившій въ 1821 году въ Кишиневѣ. О побоищѣ подъ Скулянами онъ зналъ не только изъ газетъ, но и изъ рассказовъ лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ этомъ кровавомъ дѣлѣ. Сраженіе подъ Скулянами, видимо, сильно поразило воображеніе Пушкина своимъ своеобразно-дикимъ и геройскимъ характеромъ и онъ упоминалъ о немъ не только въ „Выстрѣлѣ“, но и при описаніи подвиговъ Кирджали. Говоря объ его участіи въ возстаніи этеристовъ, Пушкинъ писалъ:

„... Наканунѣ сраженія подъ Скулянами, Кантукузинъ просилъ у русскаго начальства позволенія вступить въ нашъ караванъ. Огрядъ остался безъ предводителя; но Кирджали, Сафианосъ, Кантагони и другіе не находили никакой нужды въ предводителѣ.

„Сраженіе подъ Скулянами, кажется, никѣмъ не описано во всей его трогательной истинѣ. Вообразите себѣ семьсотъ человѣкъ арнаутовъ, албанцевъ, грековъ, болгаръ и всякаго сброду, не имѣющихъ понятія о военномъ искусствѣ и отступающихъ въ виду пятнадцати тысячъ турецкой

конницы. Этотъ отрядъ прижался къ берегу Прута и выставилъ передъ собою двѣ маленькія пушечки, найденныя въ Яссахъ на дворѣ господаря, и изъ которыхъ, бывало, палили во время именинныхъ обѣдовъ. Турки рады были-бы дѣйствовать картечью, но не смѣли безъ позволенія русскаго начальства; картечь непременно перелетѣла-бы на нашъ берегъ. Начальникъ карантина (нынѣ уже покойникъ), сорокъ лѣтъ служившій въ военной службѣ, отъ роду не слыхивалъ свиста пуль; но тугъ Богъ привелъ услышать. Нѣсколько ихъ прожужжали мимо его ушей: старичекъ ужасно разсердился и разбранилъ за то маіора Охотскаго пѣхотнаго полка, находившагося при карантинѣ. Маіоръ, не зная, что дѣлать, побѣжалъ къ рѣкѣ, за которою гарцовали делибаши, и погрозилъ имъ пальцемъ. Делибаши, увидя это, повернулись и ускакали, а за ними и весь турецкій отрядъ. Маіоръ, погрозившій пальцемъ, назывался Хорчевскій. Не знаю, что съ нимъ сдѣлалось.

„На другой день, однакожъ, турки атаковали этеристовъ. Не смѣя употреблять ни картечи, ни ядеръ, они рѣшились, вопреки своему обыкновению, дѣйствовать холоднымъ оружіемъ.

Сраженіе было жестокое. Рѣзались ятаганами. Со стороны турокъ замѣнены были копья, дотолѣ у нихъ небывалыя; эти копья были русскія: некрасовцы сражались въ ихъ рядахъ. Этеристы, съ разрѣшенія нашего государя, могли перейти Прутъ и скрыться въ нашемъ карантинѣ. Они начали переправляться. Кантагони и Софіанось остались послѣдніе на турецкомъ берегу. Кирджали, раненый наканунѣ, лежалъ уже въ карантинѣ. Софіанось былъ убитъ. Кантагони, человекъ очень толстый, раненъ былъ копьемъ въ брюхо. Онъ одной рукою поднималъ саблю, другою схватился за вражеское копьё, всадилъ его въ себя глубже и такимъ образомъ могъ достать саблю своего убійцу, съ которымъ вмѣстѣ и повалился.

„Все было кончено. Турки остались побѣдителями. Молдавія была очищена“.

По словамъ пушкинскаго Кирджали, Софіанось, разстрѣлявъ всю свою картечь, явился въ русскій карантинъ къ товарищамъ, переправившимся черезъ Прутъ и отобралъ у раненыхъ для послѣднихъ зарядовъ пуговицы, гвозди, цѣпочки и набалдашники съ ятагановъ.

Въ „Исторіи девятнадцатаго вѣка“ Гервинуса битва подъ Скулянами

описывается нѣсколько иначе, чѣмъ у Пушкина. Объ этой битвѣ Гервинусъ говоритъ (V, 137—138) вотъ что: „Турки, ожидая въ Браиловѣ исхода происшествій въ Валахїи, давали князю (Кантакузину) время сыграть роль въ родѣ Ипсиланти; онъ собралъ собраніе, предложилъ избраніе другого предводителя, а вмѣстѣ предложилъ также укрѣпить Скуляны на Прутѣ, чтобы оттуда тревожить непріятели небольшими набѣгами. Этотъ плохой совѣтъ былъ принятъ, и Скуляны были укрѣплены; туда отправился даже самъ Кантакузинъ. Но едва пришла вѣсть о побѣдѣ при Драгачанѣ, какъ Юсуфъ-паша двинулъ всѣ свои войска на Яссы, которыми онъ овладѣлъ безъ выстрѣла; и на слѣдующій день князь отправился за Прутъ въ русскій карантинъ, подъ предлогомъ еще разъ поговорить съ своею матерью, чтобы потомъ тотчасъ возвратиться на мѣсто опасности. Греческіе гопархи, между которыми былъ храбрый Аеавасіо, герой Галаца, съ самаго начала смотрѣли на него, какъ на бѣглеца, отвергнули его предложеніе перейти въ Бессарабію, какъ недостойное людей, любящихъ честь и свободу, и на ночномъ пиру въ Скулянахъ торжественно пригото-

лялись къ смерти. Юсуфъ-паша напалъ на нихъ съ 6,000 чел. въ ихъ жалкой засѣлкѣ, занятой 400—500 человекъ. При первомъ сильномъ натискѣ турецкой конницы это маленькое войско храбро отразило его. Три новыхъ нападенія также были безуспѣшны. Наконецъ туркамъ удалось такъ разставить свои орудія, что они могли острѣливать окопы, не задѣвая русской области. Нѣкто Конто изъ Эпира, раненый, заклиналъ своихъ товарищей не подражать примѣру неаполитанцевъ. И 300 человекъ этого маленькаго войска, между ними Аеанасіо, вѣрные своему слову, пали послѣ восьмичасового боя, къ удивленію самихъ непріятелей. Немногіе спаслись вплавь черезъ Прутъ, никто не отдавался въ плѣнъ. Губернаторъ Бессарабіи, смотрѣвшій на этотъ бой, сказалъ имъ: съ такими людьми Ипсиланти долженъ бы былъ сопротивляться въ четверо сильнѣйшему непріятелю. Около полудня явился сюда сербъ Бладенъ съ 450 всадниками, которыхъ Кантакузинъ отрядилъ передъ этимъ въ Романо. Прибывъ нѣсколькими часами раньше, они, можетъ быть, дали бы другой оборотъ битвѣ при Скулянахъ, теперь же они имѣютъ съ другими ув-

лечены были въ пораженіе. Самъ Бладенъ, которому русскіе ночью предложили черезъ посланнаго переправиться за Прутъ, погнушался этимъ спасеніемъ и съ немногими вѣрными поѣхалъ искать олимпійца Георгія, которому должна была выпасть послѣдняя честь этой борьбы на молдаванской землѣ“. Капитанъ Аѳанасіо, павшій подъ Скулянами, приобрѣлъ громкую извѣстность въ маѣ 1821-го года защитою Галаца противъ турокъ. Располагая всего 43 недисциплинированными инсургентами и, засѣвъ въ самомъ крѣпкомъ редутѣ Галаца, Аѳанасіо цѣлый день отбивалъ приступы цѣлаго турецкаго корпуса (стр. 132). Очень можетъ быть, что Аѳанасіо Гервинуса и Софіаносъ Пушкина—одно и тоже лицо.

О Софіаносѣ и Кантагони упоминается и въ черновыхъ наброскахъ Пушкина о греческомъ возстаніи, относящихся къ 1821 году (*Notice sur la révolution d'Ipsylanti*).

Исправляя неточности, вкравшіяся у Пушкина въ разсказъ „Кирджали“, кишиневскій знакомый Пушкина И. П. Липранди, между прочимъ, говоритъ („Русскій Архивъ“, 1866 г., № 10-й), что поэтъ ошибочно называлъ Кондогони *Кантагони*,—а Софі-

аносомъ—*Софіано*, „брата храбраго полковника Камчатскаго полка“.

Весьма вѣроятно, что, рассказывая о Сильвіо, Пушкинъ имѣлъ въ виду Софіано—этериста, и, судя по указаніямъ Липранди, близко стоявшаго къ русскимъ военнымъ группамъ. Мы далеки отъ мысли, что Пушкинъ далъ въ „Выстрѣлъ“ портретъ Софіано или рассказалъ эпизодъ изъ его жизни, хотя мы не можемъ и отрицать такого предположенія. Липранди былъ знакомъ съ Софіано; но былъ ли онъ знакомъ съ Пушкинымъ—неизвѣстно. Судя по всему, однако, все, что слышалъ поэтъ о Софіано, произвело на него сильное впечатлѣніе, и нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ имѣлъ его въ виду, когда писалъ „Выстрѣлъ“*. Если сопоставить заключительныя строки этого разсказа съ описаніемъ сра-

---

* Намъ не извѣстно навѣрно, какъ сложилась у Пушкина фабула „Выстрѣла“. По преданію, она была придумана имъ еще въ ранней юности. Рассказывая о литературныхъ импровизаціяхъ, которыми забавлялись иногда Пушкинъ и Дельвигъ съ товарищами въ Лицеѣ, Анненковъ говоритъ, основываясь на чьихъ то воспоминаніяхъ, что Пушкинъ „при такомъ случаѣ, еще въ грубыхъ чертахъ, разумѣется, передалъ двѣ повѣсти: *Метель* и *Выстрѣлъ*, которыя позднѣе явились въ „Повѣстяхъ

женія подъ Скулянами въ „Кирджали“, то нельзя не придти къ заключенію, что въ воображеніи Пушкина Сильвіо и Софіано сливались въ одно лицо. Въ томъ же, что Сильвіо былъ грекъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Не говоря уже о томъ, что всѣ главные этеристы и сподвижники Александра Ипсиланти были греки, объ этомъ свидѣтельствуется все, что мы знаемъ о Сильвіо: его характеръ, его привычки, его внѣшность—все это мало подходитъ къ человѣку Запада и обличаетъ въ немъ иностранца, извѣдавшаго вліяніе Востока и, хотя обрусѣвшаго, но чувствовавшаго себя чужимъ въ русской средѣ.

Содержаніе и психологія „Выстрѣла“ во многомъ напоминаетъ шекспи-

Бѣлкина“: (*А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его биографіи, 18*). Не имѣя точныхъ данныхъ для того, чтобы безусловно признать или отвергнуть это преданіе, замѣтимъ только, что имя, отчество и фамилія подполковника И. П. Л., со словъ котораго былъ рассказанъ „Выстрѣлъ“ Бѣлкинымъ, имѣютъ такіе же инициалы, какъ имя, отчество и фамилія И. П. Липранди, кн. шеневскаго знакомаго Пушкина. Случайность ли это? Можетъ быть, случайность, а можетъ быть, и намекъ поэта на лицо, сообщившее ему нѣкоторыя черты изъ жизни Софіано-Сильвіо.

Нѣтъ, то-бъ была награда, а не мечь.
 Въ безпечномъ снѣ отца онъ умерт-
 виль,
 Въ веснѣ грѣховъ цвѣтушаго, какъ
 май.
 Что случилось съ нимъ, то вѣдаетъ Соз-
 датель;
 Но, думаю, судьба его тяжка.
 Отищу ли я, убивъ его въ молитвѣ,
 Готоваго въ далекую дорогу?
 Нѣтъ, мечь въ ножны! ты будешь об-
 наженъ
 Ужаснѣе: когда онъ будетъ пьянъ,
 Во снѣ, въ игрѣ, въ забавахъ сладо-
 страстныхъ,
 Съ ругательствомъ въ устахъ, среди
 занятій,
 Въ которыхъ нѣтъ святыни и слѣда—
 Тогда рази, чтобы пятами къ небу
 Онъ въ тартаръ полетѣлъ, съ душою
 черной
 И проклятой, какъ адъ. Мать ждетъ
 меня.
 Живи еще, но ты уже мертвецъ.

Гамлетъ при этомъ не рѣшается
 сознаться даже самому себѣ, что онъ
 питаетъ непреодолимое отвращеніе къ
 дѣлу кровавой мести, къ которому
 былъ призванъ. Отсюда всѣ эти
 утонченныя соображенія о безцѣль-
 ности убійства Клавдія, „готоваго въ
 далекую дорогу“.

Актеръ, который приметъ за чистую монету слова Датскаго принца и не вдумается въ нихъ поглубже, поступитъ крайне опрометчиво. Крайне

опрометчиво поступилъ и подполковникъ И. П. Л., вполнѣ положившись на объясненія Сильвіо тѣхъ побужденій, въ силу которыхъ онъ отказался стрѣлять въ графа. Подполковникъ И. П. Л. не понялъ, что не коварный расчетъ и не лютая злоба были причиною великодушія и пощады, оказанныхъ Сильвіо графу, а иныя, болѣе сложныя, возвышенныя и истинно человѣческія чувства, въ которыхъ Сильвіо самъ не могъ разобраться, и которыхъ, можетъ быть, онъ даже стыдился. Подполковникъ И. П. Л. не понялъ, что у Сильвіо не поднималась рука на графа, и что онъ, безтрепетно смотря на дуло его пистолета, считалъ низостью стрѣлять въ безоружнаго врага и цѣлиться въ него, какъ въ мишень. Будучи плохимъ психологомъ и поверхностнымъ наблюдателемъ, подполковникъ И. П. Л.* не могъ разгадать затаенныхъ чувствъ и мыслей Сильвіо, поэтому Сильвіо и представлялся ему сущимъ дьяволомъ, поставившимъ задачею своей жизни безпощадную, страшную месть. Самъ Сильвіо давалъ поводъ своему недалёковидному пріятелю составить о немъ такое мнѣніе. „Съ тѣхъ поръ не прошло ни одного дня, чтобы я не думалъ о мщеніи,

нынѣ мой часъ насталь^а, говоритъ Сильвіо, заканчивая свой рассказъ о первой дуэли съ графомъ*. Затѣмъ онъ предрекаетъ неминуемую смерть графу, производя на своего собесѣдника впечатлѣніе тигра.

Развязка „Выстрѣла“ доказываетъ, что Сильвіо былъ не тигромъ, а глубоко-несчастливымъ человекомъ, мучительно страдавшимъ при мысли о полученномъ оскорбленіи и истерзаннымъ борьбою между жаждою мести и непреодолимымъ отвращеніемъ къ убійству. Въ концѣ концовъ, Сильвіо одерживаетъ побѣду и надъ собою, и надъ покладистою совѣстью графа, причемъ, и для себя, и для него раскрываетъ тайну своего отреченія отъ права выстрѣла. „Пуля тяжела. Мнѣ все кажется, что у насъ не дуэль, а убійство“. То же самое казалось Сильвіо и тогда, когда графъ стоялъ у

* Считаемо не лишнимъ отмѣтить, что слова Сильвіо Пушкинъ вложилъ вослѣдствіи съ небольшими измѣненіями въ уста Русалки, въ пятой сценѣ драмы того же имени. Въ концѣ этой сцены Русалка говоритъ:

Съ той поры,
Какъ бросилась безъ памяти я въ воду,
Прошло ужъ восемь долгихъ лѣтъ.
Я каждый день о мщеніи помышляю—
И нынѣ, кажется, мой часъ насталь.

барьера, беззаботно кушая черешни. Сильвіо обманывалъ и подполковника И. П. Л., и самого себя, когда объяснялъ ему тѣ побужденія, въ силу которыхъ отказался стрѣлять на первой дуэли. Онъ не хотѣлъ говорить о своемъ великодушіи, какъ человѣкъ, не любившій позъ и рисовки. Къ тому же онъ не давалъ себѣ въ немъ яснаго отчета и считалъ долгомъ чести носить личину человѣка, всецѣло поглощеннаго мыслью объ утонченной, беспощадной мести. Вникните поглубже въ рассказъ Сильвіо объ его первой дуэли съ графомъ, и вы убѣдитесь, что поведеніе Сильвіо объясняется исключительно его чуткой совѣстью и непреодолимымъ отвращеніемъ къ пролитію крови во имя личныхъ счетовъ.

„Секунданты, говоритъ Сильвіо: отмѣрили намъ двѣнадцать шаговъ. Мнѣ должно было стрѣлять первому: но волненіе злобы во мнѣ было столь сильно, что я не понадѣялся на вѣрность руки и, чтобы дать себѣ время остыть, уступалъ ему первый выстрѣлъ; противникъ мой не соглашался. Положили бросить жребій: первый нумеръ достался ему, вѣчному любимцу счастья. Онъ прицѣлился и прострѣлилъ мнѣ фуражку. Очередь

была за мною. Жизнь его, наконецъ, была въ моихъ рукахъ; я глядѣлъ на него жадно, стараясь уловить хотя одну тѣнь безпокойства. Онъ стоялъ подь пистолетомъ, выбирая изъ фуражки спѣлыя черешни и выплевывая косточки, которыя долетали до меня. Его равнодушіе взбѣсило меня. Что пользы—подумаль я—лишить его жизни, когда онъ ею вовсе не дорожить? Злобная мысль мелькнула въ умѣ моемъ. Я опустил пистолетъ. „Вамъ, кажется, теперь не до смерти, сказалъ я ему: вы изволите завтракать; мнѣ не хочется вамъ помѣшать“. „Вы ничуть не помѣшаете мнѣ, возразилъ онъ: извольте себѣ стрѣлять, а впрочемъ, какъ вамъ угодно; выстрѣлъ вашъ остается за вами; я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ“. Я обратился къ секундантамъ объявивъ, что нынче стрѣлять не намѣренъ, и поединокъ тѣмъ и кончился“.

Развязка „Выстрѣла“ доказываетъ, что только что приведеннымъ словамъ Сильвіо нельзя давать безусловной вѣры. Правдиво излагая внѣшніе факты, Сильвіо далъ ложное освѣщеніе тому, что творилось въ его душѣ. Неизъяснимое „нетерпѣніе“ и „волненіе“ Сильвіо происходили не отъ злобы, а отъ тяжелой внутренней борь-

бы,—отъ горечи полученнаго оскорбленія и отъ незнанія, какъ согласовать возстановленіе своей чести съ твердой рѣшимостью не обагрять рукъ въ крови графа. Сильвіо говоритъ, будто онъ уступилъ первый выстрѣлъ графу по эгоистическому и злобному расчету, желая выиграть время и успокоиться, чтобы потомъ уже навѣрняка попасть въ графа. Но можно ли допустить, чтобы Сильвіо, съ его замѣчательнымъ самообладаніемъ, съ его желѣзными нервами и съ его феноменальною способностью къ стрѣльбѣ въ цѣль, — можно ли допустить, чтобы этотъ второй Вильгельмъ Телль опасался сдѣлать промахъ на разстояніи двѣнадцати шаговъ и растерялся до дрожи въ рукахъ? Сильвіо уступилъ графу первый выстрѣлъ, потому что хотѣлъ во что бы то ни стало избавиться отъ необходимости стрѣлять въ него. Онъ предпочиталъ ей собственную смерть, которая положила бы конецъ его нежданно-негаданно разбитой жизни. Обманувшись въ расчетахъ, возлагавшихся на выстрѣлъ графа, Сильвіо придумываетъ для себя явно искусственный поводъ къ прекращенію поединка. Онъ отсрочиваетъ его, оставляя за собой право выстрѣла, — отсрочиваетъ для того, чтобы... вто-

рично подставить свой лобъ подъ дуло графскаго пистолета, шесть лѣтъ спустя. Мы не утверждаемъ, что Сильвіо дѣйствовалъ по заранѣе составленному плану. Нѣтъ, Сильвіо дѣйствительно упорно и настойчиво думалъ о мщевіи, лишь смутно сознавая тотъ благородный инстинктъ, которымъ онъ руководился въ рѣшительныя минуты дуэли,—инстинктъ состраданія и глубокой увѣренности въ неизблемости заповѣди: не убей. Допустите наше пониманіе психологіи Сильвіо, и въ ней все сдѣлается яснымъ. Если же вы положитесь вполне на слова Сильвіо и отзывы подполковника И. П. Л., вы въ ней ничего не разберете и не въ состояніи будете примирить рассказъ Сильвіо съ развязкой „Выстрѣла“.

Что же такое Сильвіо, въ концѣ концовъ? Наша критика, сбита съ толку его романтическимъ псевдонимомъ и принявъ за чистую монету все, что говоритъ о немъ подполковникъ И. П. Л., а также и все то, что говоритъ Сильвіо самъ о себѣ, смотритъ на него совершенно неправильно: она видитъ въ немъ чисто байроновскій, сочиненный типъ, послѣднее проявленіе байроновскаго вліянія на Пушки-

на *. Говоря о переломѣ въ міросозерцаніи и художественномъ творчествѣ Пушкина, о переломѣ, отмѣченномъ обращеніемъ къ нашей дѣйствительности, Ап. Григорьевъ посвятилъ Сильвіо слѣдующія строки: „Испуганный страшнымъ призракомъ Сильвіо, ошеломленный его мрачной сосредоточенностью въ одномъ дѣлѣ, въ одной мстительной мысли,—онъ еще не сомнѣвается въ томъ, что Сильвіо *можетъ* существовать: только въ наше время, въ повѣстяхъ Толстого, дошелъ онъ анализомъ до предположенія, что такихъ людей, какъ Сильвіо, не бываетъ. У Пушкина онъ знаетъ только, что самъ онъ вовсе не Сильвіо, и боится этого типа. „Нѣтъ ужъ“—говоритъ онъ—„лучше пойду я къ людямъ попроще“, и первый опускается въ простые и такъ-называемые низкіе слои жизни“. (Сочиненія Ап. Григорьева, I, 253). Исходя изъ

---

* Такого мнѣнія былъ нѣкогда и пишущій эти строки (см. мою книгу: Капитанская дочка Пушкина, стр. 17). Изученіе „Выстрѣла“ показало намъ на опытѣ, какъ осторожно надо относиться къ тому, что кажется съ перваго взгляда у Пушкина недостатками. Его „недостатки“ обыкновенно исчезаютъ при болѣе внимательномъ и глубокомъ отношеніи къ его произведеніямъ.

такой же точки зрѣнія, Л. И. Поливановъ видитъ въ „личности мрачно сосредоточеннаго самолюбца“ Сильвіо „предшественника Печорина“ и Сальери, центръ характера котораго составляютъ: черта зависти и червь неудовлетвореннаго самолюбія. (Сочиненія Пушкина, изд. Поливанова, IV, 73—76). И Ап. Григорьевъ, и Поливановъ ни на волосъ не поняли Сильвіо и поэтому смѣшали ихъ съ типами, ничего не имѣющими съ нимъ общаго. Сильвіо и Печоринъ! Сильвіо и Сальери! Можно ли вообразить себѣ болѣе противоположные характеры? Печоринъ безжалостно и съ чистою совѣстью убиваетъ своего товарища, съ которымъ долго играетъ, какъ кошка съ мышью, а Сальери отравляетъ своего преданнаго и незлобиваго друга, оправдывая свой поступокъ цѣлымъ рядомъ хитрыхъ софизмовъ. Какое же сходство между Печоринымъ и Сальери, съ одной стороны, и благороднымъ, великодушнымъ и честнымъ Сильвіо, съ другой? Ровно никакого! Нѣтъ основанія относить Сильвіо, подобно Ап. Григорьеву (ст. 245), и къ мрачнымъ характерамъ. Нѣтъ, наконецъ, ни малѣйшаго основанія утверждать, будто такихъ людей, какъ Сильвіо, не бываетъ: Сильвіо живое,

глубоко задуманное и прекрасно очерченное лицо.

Сильвіо—мощная, выдающаяся натура; онъ не можетъ не выдѣляться изъ толпы, не можетъ не сознавать себя выше окружающихъ его людей; онъ призванъ первенствовать и повелѣвать, подчинять другихъ своему вліянію и вести ихъ за собою; его смѣло можно назвать героемъ; его мужественная душа не знаетъ страха, его нельзя испугать никакою опасностью, онъ прирожденный вождь, — одинъ изъ тѣхъ вождей, за которыми даже самые обыкновенные смертные безбоязненно идутъ въ огонь и воду.

Сильвіо—герой не только по своей, если такъ можно выразиться, боевой отвагѣ, не только по неумѣнью робѣть при личныхъ столкновеніяхъ, но и по тому, что онъ не привыкъ жить чужимъ умомъ, руководствоваться чужими взглядами, раболѣпствовать передъ общественными предрасудками, входить въ сдѣлки съ совѣстью и собственными убѣжденіями изъ боязни подвергнуться остракизму и общему презрѣнію. Властный Сильвіо, конечно, мучительно страдалъ, получивъ пощечину отъ графа. Онъ убилъ бы его, еслибъ ихъ не разъединили, когда они оба бросились

къ саблямъ; но онъ держаль себя съ графомъ впослѣдствіе такъ, какъ находилъ нужнымъ, не придавая никакого значенія пересудамъ товаришей и не унижаясь до оправданія передъ ними. Если онъ раскрыль свою душу передъ И. П. Л., такъ потому, что отличаль его отъ дрѹгихъ, замѣчаль его преданность и не хотѣль огорчать его. Неуклонная твердость и послѣдовательность въ дѣйствіяхъ Сильвіо вытекали у него не изъ самолюбія, не изъ заносчивости и гордости (ихъ не было у Сильвіо), а изъ того источника, изъ котораго онъ проистекають у всѣхъ людей такого закала, изъ инстинктивнаго отвращенія къ нравственному пресмыкательству, изъ желѣзной нравственной устойчивости и изъ увѣренности въ своей правотѣ, или, лучше сказать, въ правдѣ своего этического кодекса.

Честность составляетъ одну изъ главныхъ чертъ Сильвіо. Ложь, хитрость, притворство ему неизвѣстны. Онъ гнушается ими, всегда ходить прямыми путями. Его искренность изумительна: она поразила даже близорукаго И. П. Л. Сильвіо относится очень строго къ себѣ и очень снисхо-

дительно къ другимъ. Разсказывая И. П. Л. о графѣ, онъ представилъ въ самомъ неприглядномъ свѣтѣ себя и свои поступки, о графѣ-же говорилъ не только съ полнымъ безпристрастіемъ, но всячески стараясь рельефно выставить его привлекательныя стороны, хотя, при своемъ умѣ, могъ-бы раскрыть и его неприглядныя стороны. И. П. Л. напиралъ на обыкновенную угрюмость, крутой нравъ и злой языкъ Сильвіо; но не нужно забывать, что И. П. Л. зналъ Сильвіо, когда его жизнь была уже испорчена, когда онъ долженъ былъ оставить военную службу, когда онъ долженъ былъ держать себя на сторожѣ, чтобы застраховать себя отъ нескромныхъ разспросовъ о причинѣ того образа жизни, который онъ велъ, отъ нескромнаго залѣзанія въ душу и, вообще, отъ разговоровъ о своемъ прошломъ и о своихъ расчетахъ на будущее. Въ воспоминаніяхъ И. П. Л. о Сильвіо мы имѣемъ дѣло съ Сильвіо, выбитымъ изъ колеи,—съ Сильвіо, переживающимъ тяжелую внутреннюю борьбу. Угрюмость, крутой нравъ и злой языкъ отнюдь нельзя считать основными чертами характера Сильвіо. Онѣ были у него временнымъ, случайнымъ и вынужденнымъ явленіемъ.

нiемъ. Сильвіо былъ безусловно добрѣ отъ природы. Его душа была способна и къ дружбѣ, и къ любви, и къ состраданью, и ко всѣмъ самымъ возвышеннымъ порывамъ и движеніямъ. Объ этомъ смутно догадывался даже и недалекій И. П. Л. „Онъ любилъ меня, замѣчаетъ И. П. Л. про Сильвіо; по крайней мѣрѣ, со мной однимъ оставлялъ обыкновенное свое злорѣчіе, и говорилъ о разныхъ предметахъ съ простодушіемъ и необыкновенною пріятностію“. Очевидно, что „простодушіе и необыкновенная пріятность“ были основными свойствами умнаго и безтрепетнаго, но не коварнаго и незлобливаго Сильвіо, что и обнаруживалось, когда онъ сбрасывалъ съ себя маску, которую носилъ, проживая въ глухомъ мѣстечкѣ юго-западнаго края, гдѣ и познакомился съ нимъ подполковникъ И. П. Л. Въ полку товарищи обожали Сильвіо и обожали, судя по всему, не за одну удалъ и гусарское молодечество, а за общительный нравъ, доброту и веселость. О ней упоминаетъ и подполковникъ И. П. Л. Когда Сильвіо былъ въ духѣ, онъ дѣлался душой общества. Онъ умѣлъ и говорить, и шутить, и сыпать острыми словами. Онъ не рисовался, не становился на ходули,

не драпировался въ мантию таинственной особы, но умѣлъ внушать къ себѣ не только любовь, но и уваженіе. Въ его обращеніи, въ его сверкающихъ глазахъ и во всей его внѣшности чуствовались сила и рѣшительность, не допускавшія фамильярности и панибратства. Замѣчателенъ тонъ, которымъ говоритъ о Сильвіо И. П. Л. „Никто не зналъ ни его состоянія, ни его доходовъ, и никто не осмѣливался о томъ его спрашивать“... „Намъ и въ голову не приходило подозрѣвать въ немъ что-либо похожее на робость. *Есть люди, коихъ одна наружность удаляетъ такія подозрѣнія*“.

Сильвіо умѣлъ остановить cadaго нахала сухимъ тономъ и внушительнымъ взглядомъ, но онъ былъ мягокъ и предупредителенъ съ деликатными, робкими и неназойливыми людьми, въ чемъ могъ убѣдиться на опытѣ И. П. Л., романтически настроенному воображенію котораго Сильвіо представлялся мелодраматическимъ злодѣемъ.

Быль-ли Сильвіо бреттеромъ въ эпоху Sturm'a и Drang'a своей жизни? „Я былъ первымъ бунномъ по арміи... Я перепилъ славнаго Бурцова, воспѣтаго Денисомъ Давыдовымъ. Дуэли въ нашемъ полку случались поминутно.

Я на всѣхъ былъ или свидѣтелемъ, или дѣйствующимъ лицомъ“, говоритъ о себѣ Сильвіо, вспоминая свою службу въ гусарскомъ полку. Сильвіо слѣдовалъ модѣ своего времени, но онъ не былъ ни пьяницею, ни дуэлистомъ по призванію, и если тратилъ свои силы на „буйство“, то лишь потому, что жилъ среди людей, у которыхъ „буйство“ считалось благороднымъ спортомъ и своего рода доблестью. Въ данномъ случаѣ Сильвіо слѣдовалъ модѣ не потому, что не имѣлъ характера противостать ей, а потому, что она все-таки давала исходъ его богатырской мощи, его потребности въ сильныхъ ощущеніяхъ. Сильвіо перепилъ Бурцова, но не спился съ круга и никогда не напивался. Онъ перепилъ Бурцова потому, что не терялъ отъ вина ни самообладанія, ни ясности мысли. Онъ участвовалъ во множествѣ дуэлей, но, ужъ конечно, никого не убилъ и не изувѣчилъ: до столкновения съ графомъ онъ и на дуэль смотрѣлъ, какъ на невинную гусарскую забаву. Для того, чтобы понять Сильвіо, нужно вспомнить время, въ которое онъ жилъ, и нравы военныхъ кружковъ того времени. Они отразились въ извѣстной „Пѣснѣ стараго гусара“ Дениса Давыдова:

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ гусары коренные,
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники сѣдые?

Дѣды! помню васъ и я,
Испивающихъ ковшами,
И сидящихъ вкругъ огня
Съ красносизыми носами...

На затылкѣ кивера,
Доломаны до колѣна,
Сабли, пашки до бедра
И диваномъ кипа сѣна.

Трубки черныя въ зубахъ;
Всѣ безмолвны, дымъ гуляетъ
На закрученныхъ вискахъ,
И усы перебѣгаетъ.

Ни полслова... Дымъ столбомъ..
Ни полслова... Всѣ мертвецки
Пьютъ и, преклонясь челомъ,
Засыпаютъ молодецки ..

Но едва проглянетъ день,
Каждый по полю порхаетъ:
Киверъ звѣрски на бекрень,
Ментикъ съ вихрями играетъ.

Конь кипитъ подъ сѣдокомъ,
Сабля свищетъ, врагъ валится..
Бой умолкъ, — и вечеромъ
Снова ковшикъ шевелится.

Что-жъ удивительнаго, что Сильвіо,
чувствовавшій не недостатокъ, а избы-
токъ силъ, и жившій среди „старыхъ
гусаровъ“, увлекался кутежами и пер-

венствовалъ на попойкахъ такъ-же, какъ вездѣ и во всемъ, такъ-же, какъ и передъ лицомъ смерти, такъ-же, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было обнаружить нравственное самообладаніе и умѣнье сдерживать пламенный размахъ своихъ страстей во имя высшаго долга?

Служа въ гусарахъ среди людей, напоминавшихъ Турбина графа Л. Н. Толстого, Сильвіо пользовался между ними не меньшимъ вліяніемъ, чѣмъ Долоховъ изъ „Войны и мира“ среди военной молодежи. Но Сильвіо, не уступавшій Долохову ни по уму, ни по отвагѣ, рѣзко и выгодно для себя отличается отъ него въ другихъ положеніяхъ. О гусарскихъ дуэляхъ Сильвіо въ „Выстрѣлѣ“ говорится вскользь. Sturm и Drang Сильвіо совпали съ той порой, когда русская армія покрыла себя неувядаемой славой въ „Отечественной“ войнѣ, и когда офицеры считались героями своего времени. Удаля Сильвіо на гусарскихъ дуэляхъ проявлялась, судя по всему, совсѣмъ не такъ, какъ у Долохова. Въ безоблачный періодъ своей гусарской жизни Сильвіо напоминалъ не Долохова, а людей совсѣмъ другого типа, — людей, въ родѣ декабриста М. Л. Лунина, о которомъ декабристъ

П. Н. Свистуновъ рассказываетъ, между прочимъ, вотъ что:

„Я упомянулъ о его безстрашии, хотя слово это не вполне выражаетъ того свойства души, которымъ надѣлила его природа. Въ немъ проявлялась та особенность, что ощущеніе опасности было для него наслажденіемъ. Напримѣръ, походомъ въ 1812 г. онъ, въ своемъ кавалергардскомъ бѣломъ колетѣ, слѣзаль съ коня, бралъ солдатское ружье и, изъ одного удовольствія, становился въ цѣпь застрѣльщиковъ. Много шума надѣлалъ въ свое время странный поединокъ его съ Алексѣемъ Федоровичемъ Орловымъ. Въ Стрѣльнѣ стояла лагерь I-я гвард. кирасирская бригада. Офицеры кавалергардскаго и конно-гвардейскаго полковъ, по какому-то случаю, обѣдали за общимъ столомъ. Кто-то изъ молодежи замѣтилъ шуткой Михаилу Сергѣевичу, что А. Ф. Орловъ ни съ кѣмъ еще не дрался на дуэли. Лунинъ тотчасъ-же предложилъ Орлову доставить ему случай испытать новое для него ощущеніе. А. Ф. былъ въ числѣ молодыхъ офицеровъ, отличавшихся степеннымъ поведеніемъ и дорожилъ мнѣніемъ о немъ начальства; но отъ вызова, хотя и шутливой формою прикрытаго, нельзя было отказать. Орловъ досадовалъ. Лунинъ

сохранялъ свою безпечную веселость и, какъ испытанный въ поединкахъ, наставлялъ своего противника и проповѣдывалъ ему хладнокровіе. А. Θ. Орловъ далъ промахъ. М. С. выстрѣлилъ въ воздухъ, предлагая А. Θ. попытаться другой разъ, поощряя и обнадеживая его, указывая при томъ прицѣливаться то выше, то ниже. Вторая пуля прострѣлила М. С. шляпу; онъ опять выстрѣлилъ въ воздухъ, продолжая шутить и ручаясь за полный успѣхъ при третьемъ выстрѣлѣ. Тутъ Михаилъ Ѳедоровичъ, секундантъ своего брата, уговорилъ его прекратить неравный бой съ человѣкомъ безоружнымъ, чтобы не запятнать совѣсти убійствомъ. Впослѣдствіи, будучи въ Сибири на поселеніи, Лунинъ одинъ отправлялся въ лѣсъ на волковъ, то съ ружьемъ, то съ однимъ кинжаломъ, и съ утра до поздней ночи наслаждался ощущеніемъ опасности, заключающейся въ недоброй встрѣчѣ или съ медвѣдемъ, или съ бѣглыми каторжниками.“ („Русскій Архивъ“, 1871 г., 346—347).

Не беремся судить, насколько вѣрны данныя, сообщаемыя Свистуновымъ о Лунинѣ, и дѣйствительно ли Лунинъ находилъ наслажденіе въ опасностяхъ. Мы привели отрывокъ изъ воспомина-

ній Свистунова для того, чтобы показать, въ какихъ формахъ проявлялась удалъ молодыхъ офицеровъ временъ Александра I. Служа въ гусарахъ, Сильвіо готовъ былъ каждую минуту рисковать жизнью безъ всякой надобности, потому что не задумывался надъ нею, какъ-бы не вѣрилъ въ смерть, думалъ о ней, какъ о чемъ-то далекомъ и постороннемъ, но въ немъ никогда не было и тѣни злобнаго безсердечія Швабрина и холодной жестокости Долохова. Простодушный, благородный, честный, прямой и мужественный Сильвіо, въ непосредственной и цѣльной натурѣ котораго было много дѣтской чистоты и сказывалось вліяніе расы, не тронутой разлагающимъ вліяніемъ западно-европейской цивилизаціи XVIII и начала XIX вѣка, былъ добръ, привязчивъ и отзывчивъ къ чужому горю, и это сказывается во всемъ, что мы знаемъ о немъ и объ его отношеніяхъ къ графу и къ графинѣ, молодость и счастье которыхъ смягчили его сердце и склонили его къ прощенью полученнаго имъ оскорбленія. Пощечина графа произвела переломъ въ жизни Сильвіо, заставила его углубиться въ себя, сдѣлала его серьезнѣе и сразу состарила его на много лѣтъ, наложила свой отпеча-

токъ на его характеръ и обращеніе съ людьми. Сильвіо, котораго зналъ И. П. Л., уже не тотъ Сильвіо, который отличался въ гусарскихъ продѣлкахъ. Въ небольшомъ разсказѣ Пушкинъ показалъ намъ Сильвіо въ разные періоды жизни, начиная съ періода безпечальнаго веселья и кончая періодомъ полного нравственнаго просвѣтленія, завершившагося прощеніемъ врага и геройскою смертію за освобожденіе родины отъ турецкаго ига. Сильвіо всегда оставался самимъ собой, хотя это ему и не легко было сдѣлать. Его честность, прямота и отвращеніе ко лжи передъ собой и передъ другими ярко выражаются, между прочимъ, въ тонѣ, въ какомъ онъ говоритъ съ И. П. Л. о графѣ. Онъ не можетъ безъ содроганія вспоминать о пощечинѣ, но онъ откровенно рассказываетъ своему поклоннику и, при томъ, безъ всякаго вызова съ его стороны, объ ужасномъ для себя столкновеніи съ графомъ, во всемъ обвиняетъ самого себя, и отзывается о графѣ и объ его легкомысленномъ, безсердечномъ поступкѣ въ такихъ выраженіяхъ, какихъ могъ бы ожидать графъ развѣ только отъ лучшаго изъ своихъ друзей. Сильвіо, конечно, не былъ идеаломъ чистой

жизни. Въ молодости онъ обманывалъ мужей, ибо не видѣлъ въ томъ ничего дурного, и не вѣдалъ, что творилъ; да и какой гусаръ его времени смотрѣлъ иначе на легкія отношенія къ женщинамъ? Но онъ не былъ бездушнымъ Донъ-Жуаномъ, да и не могъ имъ быть: донжуанизмъ былъ противенъ его душѣ, жаждавшей правды, самоотверженія и жившей въ годы полнаго сознанія высокими нравственными и политическими помыслами и идеалами.

Сильвіо былъ спартанецъ по наклонностямъ: онъ былъ богатъ, но презиралъ роскошь и комфортъ. Онъ былъ, очевидно, родовитъ, но у него не было ничего похожаго на аристократическую спѣсь. Проживая въ провинціальной глуши, онъ не опускается и не дѣлается ни развратникомъ, ни картежникомъ. Онъ не избѣгаетъ общества офицеровъ, но его образъ жизни—образъ жизни полуотшельника, считающаго себя человекомъ обреченнымъ и готоваго каждую минуту все бросить и принести себя въ жертву святому дѣлу. Тайственность Сильвіо и его загадочныя связи, какъ видно изъ послѣднихъ строкъ „Выстрѣла“, объяснялись не только тѣмъ, что онъ былъ поглощенъ

думами о неоконченныхъ расчетахъ съ графомъ, но и тѣмъ, что онъ былъ этеристомъ,* чего не могли подозрѣвать ни подполковникъ И. П. Л., ни другіе офицеры. Создавая героя „Наканунъ“ Инсарова, Тургеневъ явно кое что позаимствовалъ изъ „Выстрѣла“. Если бы подполковникъ И. П. Л. зналъ, что Сильвіо зорко слѣдилъ за тѣмъ, что происходитъ въ Турціи и Греціи и, вообще, на Балканскомъ полуостровѣ; если бы онъ зналъ, что Сильвіо смотритъ на себя, какъ на человѣка, призваннаго въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ умереть за свободу Эллады; если бы онъ зналъ, что Сильвіо политическій заговорщикъ и ждетъ не дождется того дня, когда ему можно будетъ уѣхать изъ Россіи и принять участіе въ возстаніи противъ турокъ,—онъ понялъ бы многое изъ того, что казалось ему въ Сильвіо нецонятымъ. Онъ понялъ бы, между прочимъ, почему у Сильвіо водились большею частію военныя книги. Сильвіо читалъ ихъ не для препровожденія времени и не ради одной любо-

---

* Пушкинъ называлъ Гетерію и гетеристовъ—Этерією и этеристами, на французскій ладъ.

знательности и любви къ чтенію, а съ весьма опредѣленными цѣлями.

Таковъ Сильвіо, какимъ мы его себѣ представляемъ. Онъ требуетъ и заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія, какъ одно изъ дивныхъ изваяній пушкинскаго генія, и даетъ обильный матеріалъ для психологическихъ выводовъ. Въ Сильвіо отразились, съ одной стороны, тотъ интересъ, съ какимъ слѣдилъ Пушкинъ, во время пребыванія на югѣ, за греческимъ возстаніемъ, а съ другой стороны—глубокое знаніе человѣческаго сердца и нѣкоторыя изъ нравственныхъ воззрѣній великаго поэта. Вникая и вчитываясь въ „Выстрѣлъ“, нужно имѣть въ виду и „Кирджали“, и нѣкоторыя изъ тѣхъ сочиненій Пушкина, на которыя мы уже ссылались, и письма Пушкина къ А. Н. Раевскому, совершенно чуждая идеализаціи греческаго возстанія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и высоко цѣнившія его даровитѣйшихъ и благороднѣйшихъ представителей. Прибавимъ въ заключеніе, что, создавая Сильвіо и графа, Пушкинъ кое что списывалъ и съ самого себя. Извѣстно, что эпизодъ съ вишнями, о которомъ разсказывается въ „Выстрѣлѣ“, взятъ изъ жизни поэта и имѣлъ мѣсто во

время его дуэли съ Зубовымъ въ Кишиневѣ, на которую Пушкинъ явился съ черешнями и завтракалъ ими, когда Зубовъ цѣлился и стрѣлялъ въ него. Сильвіо и графъ—какъ бы раздвоенный Пушкинъ. Соедините мысленно привлекательнѣйшія черты двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ „Выстрѣла“, и вы получите нравственный обликъ поэта съ его огненной, глубокой натурой, дѣтскимъ простодушіемъ и плѣнительнымъ нравомъ.

Кромѣ Сильвіо прекрасно обрисованы въ „Выстрѣлѣ“ подполковникъ И. П. Л. и графъ Б. Подполковникъ И. П. Л.—одинъ изъ представителей того *смирнаго* типа, который съ такимъ усердіемъ разрабатывался Тургеневымъ и другими писателями 40-хъ годовъ. Это одинъ изъ тѣхъ сѣренькихъ и будничныхъ людей, которые чувствуютъ непреодолимую склонность состоять при комънибудь въ качествѣ наперстниковъ и передъ кѣмънибудь преклоняться. До тѣхъ поръ, пока Сильвіо казался И. П. Л. ходячею загадкою и героемъ какой то таинственной повѣсти, И. П. Л. былъ преданъ всею душою своему кумиру, невольно подчиняясь его обаянію и вліянію его сильной природы. Сильвіо понималъ, что чувствовалъ къ

нему его почитатель и отличалъ его отъ другихъ знакомыхъ офицеровъ: Сильвію, очевидно, трогала привязанность И. П. Л. и онъ не только не оттолкнулъ его отъ себя а полюбилъ и приблизилъ его къ себѣ. „Я васъ люблю“, говоритъ Сильвію И. П. Л., передъ разлукой съ нимъ, и Сильвію дѣйствительно любилъ И. П. Л., хотя, конечно, насквозь видѣлъ его и не могъ чувствовать къ нему Сольшого уваженія, не могъ относиться къ нему, какъ къ равному. Искреннія отношенія между Сильвію и И. П. Л. нарушились съ тѣхъ поръ, какъ въ голову И. П. Л. засѣла мысль, что Сильвію струсилъ передъ поручикомъ, бросившимъ въ него шандаль. Тихій и застѣнчивый отъ природы, И. П. Л., подобно большинству сларыхъ людей, тяготѣлъ только къ силѣ и склоненъ былъ видѣть въ храбрости верхъ человѣческихъ достоинствъ и извиненіе всевозможныхъ пороковъ. То, что И. П. Л. считаетъ „романическимъ воображеніемъ“, было въ немъ послѣдствіемъ нравственной дряблости. И. П. Л. недалекъ отъ природы и, когда Сильвію познакомилъ его съ своимъ прошлымъ, онъ ничего не понялъ изъ его намековъ и словъ и не сумѣлъ оцѣнить довѣренность, благородство и мужество своего

бывшаго кумира. Когда И. П. Л. узналъ тайну Сильвіо и услышалъ отъ графа, чѣмъ кончилось его послѣднее свиданіе съ нимъ, онъ сталъ смотрѣть на Сильвіо со страхомъ, какъ на сущаго дьявола, такими-же глазами, какими смотрѣли на него графъ и графиня. Прямота Сильвіо, его двукратный отказъ отъ права выстрѣла, холодная отвага, съ которою Сильвіо два раза стоялъ на краю могилы противъ направленнаго на него пистолета, тяжелыя нравственныя страданія Сильвіо, великодушная пощада, оказанная имъ графу,—все это ему не раскрыло глазъ; изъ всего этого И. П. Л. вывелъ только одно заключеніе, что Сильвіо былъ чудовищемъ непримиримой злобы и утонченной мстительности. „Романическое воображеніе“ И. П. Л. жаждало ходульныхъ героевъ во вкусѣ Марлинскаго и могло быть удовлетворено только ими. Встрѣтившись съ настоящимъ героемъ, онъ просто растерялся и понялъ все шиворотъ на выворотъ. Отсюда и нѣкоторыя изъ его замѣчаній, вродѣ: „Сильвіо поблѣднѣлъ отъ злости;...“ „Мрачная блѣдность, сверкающіе глаза и густой дымъ, выходящій изо рта, придавали ему видъ настоящаго дьявола“. Плохой психологъ, И. П. Л. не понималъ, что въ тѣ ми-

нуты, когда Сильвіо казался ему настоящим дьяволомъ, несчастный невыносимо страдалъ и переживалъ тяжелую внутреннюю борьбу. Максимъ Максимовичъ вспоминаетъ о Печоринѣ, столь безжалостно оттолкнувшемъ его отъ себя, съ задушевною теплотою. Въ воспоминаніяхъ подполковника И. П. Л. о Сильвіо о ней нѣтъ и помину; въ нихъ проглядываютъ только растерянность, недоумѣніе, ужасъ, а мѣстами даже недоумѣніе. Тонъ, какимъ говоритъ И. П. Л. о Сильвіо, диаметрально противоположенъ тону, какимъ онъ говоритъ о графѣ. Въ графѣ онъ, очевидно, обрѣлъ свой идеалъ. Аристократизмъ, самоувѣренность и снисходительность графа обворожили и поработили его такъ же, какъ и богатая обстановка графскаго дома. И. П. Л. не долго былъ поклонникомъ Сильвіо, но зато онъ ужъ навѣрное никогда не измѣнилъ своего взгляда на графа, всегда прославлялъ его въ своемъ окологдѣ и навсегда остался его всепокорнѣйшимъ слугою. Смерть графа, если-бы только графъ умеръ раньше И. П. Л., несомнѣнно сильно опечалила бы его, но смерть Сильвіо ни мало не огорчила И. П. Л. и онъ упоминаетъ о ней въ концѣ „Выстрѣла“ въ такихъ выраженіяхъ, въ какихъ сообща-

ють въ газетахъ о послѣднихъ новостяхъ.

Переходимъ къ графу Б. Сильвіо называетъ его блистательнымъ счастливецомъ и превозноситъ похвалами его умъ, красоту, веселость, храбрость и т. д. Подполковникъ И. П. Л. восхищается открытымъ и дружелюбнымъ видомъ графа, его простотой и любезностью. Вообще, въ графѣ было много такого, что обезпечивало ему успѣхъ въ обществѣ и между женщинами, но если всмотрѣться въ него глубже, то окажется, что этотъ баловень Фортуны, надѣлившей его многими привлекательными качествами и всѣми благами міра, былъ не Солѣе, какъ тѣмъ, что называется добрымъ малымъ,—человѣкомъ довольно зауряднымъ и ограниченнымъ. Ни изъ чего не видно, чтобы его умъ возвышался надъ уровнемъ посредственности. Его апломбъ, его благовоспитанность и его безпечальное настроеніе духа объясняются условіями жизни и воспитаніемъ графа, которому, судя по всему, никогда и ни надъ чѣмъ не приходилось задумываться и который привыкъ смотрѣть на себя, какъ на общаго любимца, предназначеннаго самою судьбою всѣмъ нравиться, во всемъ имѣть успѣхъ

и проводить жизнь, какъ сплошной праздникъ. У графа уравновѣшенная натура, крѣпкій организмъ, здоровые нервы и пріятный нравъ. Этимъ, собственно, и ограничиваются всѣ его природныя достоинства. Ничего исключительнаго въ графѣ Б. не было. Къ нему цѣликомъ можетъ быть отнесена десятая строфа восьмой пѣсни „Евгенія Онѣгина“.

Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ,
 Блаженъ, кто во время созрѣлъ,
 Кто постоянный жизни холодъ
 Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ;
 Кто страннымъ снамъ не предавался;
 Кто черни свѣтской не чуждался;
 Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ
 Иль хватъ,

А въ тридцать выгодно женатъ;
 Кто въ пятьдесятъ освободился
 Отъ частныхъ и другихъ долговъ;
 Кто славы, денегъ и чиновъ
 Спокойно въ очередь добился,
 О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
 N. N. прекрасный человѣкъ!

Графъ Б. „смолоду былъ молодъ“, „страннымъ снамъ не предавался“, „черни свѣтской не чуждался“, въ юные годы былъ и франтъ и хватъ и всю жизнь пользовался извѣстностью „прекраснаго человѣка“, но у него рѣзко обозначена, какъ выдающаяся черта характера, какая-то тупость сердца, соединенная съ наивнымъ эгоизмомъ и легкомысліемъ. Эта черта про-

является и въ поведеніи графа во время дуэли съ Сильвіо, и во всѣхъ отношеніяхъ графа къ Сильвіо, и въ его разсказѣ о послѣдней встрѣчѣ съ нимъ. Эпизодъ съ черешнями объясняется настолько же молодымъ задоромъ графа, не чуждымъ желанія порисоваться, какъ и его ребяческимъ, несерьезнымъ взглядомъ на жизнь. Подходя къ барьеру и готовясь къ страшному дѣлу крови, графъ велъ себя, какъ школьникъ, собирающійся играть въ мячъ. Графъ, конечно, считалъ себя рыцаремъ безъ страха и упрека, но въ поступкахъ его очень мало рыцарскаго. Онъ два раза стрѣляетъ въ Сильвіо, не имѣя на то никакого права, и стрѣляетъ съ явнымъ желаніемъ убить его, и только второй выстрѣлъ нѣсколько тяготилъ совѣсть графа. „Не понимаю, что со мною было, говоритъ графъ, и какимъ образомъ могъ онъ меня къ тому принудить, говоритъ графъ, вспоминая послѣднее свиданіе съ Сильвіо, но я выстрѣлилъ и попалъ вотъ въ эту картину“. По словамъ графа, онъ, „кажется, не соглашался“ вторично бросать жребій, кому стрѣлять первому. Очевидно, что его протестъ противъ столь унижительно для него предложенія Сильвіо, былъ не продолжителенъ и не настой-

чивъ. Судя по всему, графъ очень скоро согласился бросить жребій о правѣ перваго выстрѣла и тогда, когда дуэль происходила въ присутствіи секундантовъ. Исходъ жребія совершенно успокоилъ совѣсть графа и онъ съ легкимъ сердцемъ прострѣлил шляпу Сильвіо. По крайней мѣрѣ, онъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о томъ, что раскаялся въ своемъ проступкѣ. Вызывающій и самодовольный тонъ, какимъ графъ говорилъ съ Сильвіо послѣ сдѣланнаго выстрѣла, доказывалъ, что графъ и не подозревалъ, что ему не слѣдовало воспользоваться предоставленной ему льготой. „Я выстрѣлилъ и, слава Богу, далъ промахъ“, замѣчаетъ графъ, говоря о второмъ выстрѣлѣ. О своемъ первомъ выстрѣлѣ онъ не вспоминалъ съ краскою стыда и сожалѣнія и, вѣроятно, не особенно сожалѣлъ бы, еслибы Сильвіо былъ убитъ на повалъ. Еще разительнѣе обрисовывается покладистая совѣсть графа послѣ того, какъ Сильвіо отказывается стрѣлять въ него и оставляетъ его домъ. Графъ не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки остановить Сильвіо и заставить его довести поединокъ до конца. Онъ не добивается новой встрѣчи съ нимъ и не разыскиваетъ его. Онъ принима-

еть данную ему пощадy и хотя смутно догадывается, что игралъ далеко не благородную роль при послѣднемъ свиданіи съ Сильвіо, но смотритъ на Сильвіо, какъ на человѣка, жестоко отомстившаго ему. Онъ не догадывается, что Сильвіо проявилъ въ отношеніи къ нему величайшее милосердіе и величайшее великодушіе. Графъ и не подозрѣваетъ, что на немъ, съ точки зрѣнія чести, лежалъ нравственный долгъ или заставить Сильвіо стрѣлять въ него, или протянуть Сильвіо руку примиренія и дружбы, открыто сознаться въ неправотѣ своихъ поступковъ, просить прощеніе за столь безжалостно нанесенное имъ своему товарищу страшное оскорбленіе и употребить всѣ усилія, чтобы изгладить изъ памяти Сильвіо, насколько было возможно, то зло, которое ему было сдѣлано. Вообще, все, что мы знаемъ объ отношеніяхъ графа къ Сильвіо, даетъ не особенно выгодное понятіе объ умѣ, совѣсти, проницательности и чувствѣ достоинства графа. При первомъ же столкновеніи съ жизнью онъ обнаружилъ и бездушное себялюбіе, и дряблость характера, и готовность къ нравственнымъ компромиссамъ, и неспособность возвыситься до пониманія истиннаго благородства. Графъ

съ легкимъ сердцемъ далъ Сильвіо пощечину, не сознавая ясно жестокости и страшнаго значенія своего поступка, но, затѣмъ, безропотно выпилъ до дна чашу униженія, которую тотъ ему поднесъ.

-

„А Н Д Ж Е Л О“.

Новелла Пушкина „Анджело“, представляющая гениальную переработку драмы, или, пожалуй, комедіи Шекспира „Measure for measure“ („Мѣра за мѣру“), была написана поэтомъ въ 1833 году и напечатана въ „Новосельѣ“, изданномъ Смирдинымъ въ 1834 году. Это произведеніе испытало такую же участь, какая выпала на долю почти всѣхъ лучшихъ и наиболѣе зрѣлыхъ произведеній Пушкина. Оно не было понято ни публикой, ни критикой, мало читалось, долго возбуждало недоумѣнье и стало цѣниться по достоинству, да и то не многими, лишь въ послѣдніе годы.

Въ № 22. „Молвы“ за 1834 годъ появилась небольшая статья, посвященная Пушкину и тому охлажденію, которое стала обнаруживать къ нему публика. Эту статью Аполлонъ Григорьевъ приписывалъ Бѣлинскому. Въ ней давался объ „Анджело“ слѣдующій отзывъ: „Боккаціо, отецъ Декамерона, былъ пер-

вымъ, начавшимъ писать въ томъ родѣ, къ которому принадлежитъ „Анджело“. Простой, самый естественный, безстрастный, не размышляющій рассказъ происшествій, какъ они были, есть отличительная черта сего рода произведеній, являвшихся въ свое время не случайно, не по прихоти литературной, а вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, развивавшихъ въ разные періоды времени различные роды стихотвореній: сагу, романсъ, балладу и т. д. Возможно ли подобное воссозданіе какого-либо рода стихотвореній во всякое время по волѣ самаго сильнаго дарованія? Имѣетъ ли право талантъ, не обращая вниманія на современное, его окружающее, постоянно усиливаться воскресить прошлое, идти назадъ, не стремиться впередъ? Можетъ ли имѣть успѣхъ подобное направленіе? Въ правѣ ли писатель винить публику, если она не раздѣляетъ его стремленія къ минувшему, а въ силу вѣчно неизмѣняемаго влеченія къ будущему остается равнодушною, непризнательною къ его тягостному боренію съ вѣкомъ, усилію, часто обнаруживающему тѣмъ разительнѣе всю великость его дарованія? Вотъ вопросы, которые въ настоящее время было бы кстати

предложить на разрѣшеніе, и отвѣчать на которые мы не можемъ въ статьѣ библиографической, хотя и въ нихъ-то существенно должна заключаться истинная оцѣнка пьесы Пушкина, полной искусства, доведеннаго до естественности, ума, скрытаго въ простотѣ разительной, и сверхъ того неотъемлимо отличающейся истиннымъ признакомъ зрѣлости поэта — тѣмъ спокойствіемъ, которое мы постигаемъ въ твореніяхъ первоклассныхъ писателей*. Въ этомъ отзывѣ о прелестной пушкинской новеллѣ, несмотря на всю его близорукость, есть нѣкоторые проблески вѣрнаго пониманія „Анджело“. Такого пониманія у Бѣлинскаго не было, и мы думаемъ, поэтому, что издатели собранія его сочиненій были правы, не напечатавъ между ними только что приведенной статьи. Взглядъ Бѣлинскаго на „Анджело“, высказанный въ „Литературныхъ мечтаньяхъ“, въ сущности, ничѣмъ не отличается отъ взгляда „Жителя Сивцева-вражка“, такъ пробирающаго Пушкина въ № 24 „Молвы“ за 1834 годъ: „По моему искреннему убѣжденію, „Анджело“ есть самое плохое произведеніе Пушкина; еслибъ не было подъ нимъ его имени, я бы не повѣрилъ, чтобъ это

стихотвореніе принадлежало къ послѣднему двадцатипятилѣтію нашей словесности, и счелъ бы его старою, вытасценною изъ отысканнаго вновь портфеля какого нибудь изъ второстепенныхъ образцовъ писателей прошлаго вѣка. Такъ мало походить оно на пушкинское даже самою версификаціею, изобилующею до невѣроятности усѣченными прилагательными и распространенными предлогами!* Не сообразивъ того, что Пушкинъ съ умысломъ употреблялъ въ своей новеллѣ архаическіе обороты рѣчи, желая придать повѣствованію оттѣнокъ итальянской старины, „Житъ ль Сивцева вражка“ побѣдоносно приводилъ нѣсколько отрывковъ изъ „Анджело“ и, затѣмъ, прибавлялъ: „Спрашиваю, чѣмъ эти и многіе подобные стихи лучше стиховъ не только Хераскова и Кострова, даже нѣкоторыхъ Сумарокова? Я уже не упоминаю о томъ, что въ отношеніи къ содержанію „Анджело“ есть не что иное, какъ передѣлка шекспировой „Measure for measure“ изъ прекрасной драмы въ вялую, пустую сказку. Не думайте, чтобы я былъ предубѣжденъ противъ творца этой передѣлки; напротивъ, увѣряю васъ, что никто больше меня не чув-

ствуетъ живѣйшей признательности къ Пушкину за неоцѣненные минуты, кои онъ доставлялъ мнѣ своими первыми произведеніями, благоухавшими свѣжей сладостью мощнаго, роскошнаго таланта. И потому, читая „Анджело“, я повторялъ съ чувствомъ глубочайшей горести его же прекрасный стихъ, въ то время глубоко запавшій мнѣ въ душу: увы!

„Таковъ ли былъ онъ, расцвѣтая?“.. *

Въ такомъ же духѣ отзывался объ „Анджело“ и Бѣлинскій въ „Литературныхъ мечтаньяхъ“:

„Пушкинъ, читаемъ здѣсь: царствозалъ десять лѣтъ: „Борисъ Годуновъ“ былъ послѣднимъ великимъ его подвигомъ; въ третьей части полнаго собранія его стихотвореній замерли звуки его гармонической лиры. Теперь мы не узнаемъ Пушкина; онъ умеръ или, быть можетъ, обмеръ на время. Можетъ быть, его уже нѣтъ, а можетъ быть, онъ и воскреснетъ; этотъ вопросъ, это гамлетовское „быть или не быть“ скрывается во мглѣ будущаго. По крайней мѣрѣ, судя по его сказкамъ, по его поэмѣ „Анджело“ ** и

* Зелинскій. *Русская критическая литература*. А. С. Пушкинъ, VII, 91—99.

** Курсивъ нашъ.

по другимъ произведеніямъ, обрѣтающимся въ „Новосельѣ“ и „Библиотекѣ для чтенія“, мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю... Гдѣ теперь эти картины жизни и природы, передъ которыми была блѣдна жизнь и природа?.. Увы, вмѣсто нихъ, мы читаемъ теперь стихи съ правильною цезурою, съ богатыми и полубогатыми приемами, съ пѣвическими вольностями, о коихъ такъ пространно, такъ удовлетворительно и такъ глубокомысленно разсуждали архимандритъ Аполлосъ и г. Остолоповъ!.. Странная вещь, непонятная вещь! Неужели Пушкина, котораго не могли убить ни изступленныя похвалы энтузіастовъ, ни хвалебные гимны торгашей, ни сильные, нерѣдко справедливые, нападки и порицанія его антагонистовъ, неужели, говорю я, этого Пушкина убило „Новоселье“ г. Смирдина? И однакожъ, не будемъ слишкомъ поспѣшны и опрометчивы въ нашихъ заключеніяхъ; предоставимъ времени рѣшить этотъ запутанный вопросъ*.

Двѣнадцать лѣтъ спустя, въ 1846 г., въ одиннадцатой статьѣ о Пушкинѣ, Бѣлинскій отзывался объ „Анджело“ съ такою же холодностью, съ какою и встрѣтилъ появленіе этой новеллы:

„Анджело“ составляет переходъ отъ эпическихъ поэмъ къ драматическимъ; по крайней мѣрѣ, діалогъ играетъ въ этой пьесѣ большую роль: „Анджело“ принять публикою очень сухо, и по дѣломъ. Въ поэмѣ видно какое то усиліе на простоту, отчего простота ея слога вышла какъ то искусственна. Можно найти въ „Анджело“ счастливыя выраженія, удачныя стихи, если хотите, — много искусства, но искусства чисто техническаго, безъ вдохновенія, безъ жизни. Коротче: эта поэма недостойна таланта Пушкина. Больше о ней нечего сказать“. (Бѣлинскій, изд. 5-е, VIII, 668).

Ап. Григорьевъ въ половинѣ 50-хъ годовъ первый указалъ на высокое значеніе „Анджело“, при чемъ съ восторгомъ отзывался о „суровой жестокости(?) манеры“, которою написанъ пушкинскій рассказъ, обнаружившій „тяготѣніе къ Шекспиру“ великаго русскаго поэта. (Зелинскій, VII, 89 и сочиненія Ап. Григорьева, I, 109 и 237). Въ разборъ „Анджело“ Ап. Григорьевъ не входилъ. Первая попытка выяснить значеніе этой новеллы и опредѣлить солѣе или менѣе научно историко-литературное значеніе „Анджело“ была сдѣлана лишь въ 80-хъ годахъ извѣстнымъ нашимъ

шекспирологомъ, проф. Н. И. Стороженкою. Характеризуя въ дни празднествъ по случаю открытія памятника Пушкина въ Москвѣ отношенія Пушкина къ Шекспиру, профессоръ Стороженко въ слѣдующихъ выраженіяхъ высказался объ „Анджело“:

„Обыкновенно принимаютъ, что періодъ шекспировскаго вліянія на Пушкина заканчивается 1832 годомъ, потому что съ этихъ поръ онъ не пробуетъ себя болѣе въ драматическомъ родѣ. Это мнѣніе можетъ быть принято не иначе, какъ съ большими оговорками. Справедливо, что послѣ „Русалки“ Пушкинъ не написалъ ничего драматическаго, но что онъ не переставалъ заниматься Шекспиромъ, это доказывается нѣкоторыми мѣстами его записокъ, гдѣ онъ старается проникнуть въ характеръ Фальстафа проведенной параллелью между Шекспиромъ и Мольеромъ и т. д. и, наконецъ, его поэмой „Анджело“ (1833), которая есть ничто иное, какъ передѣлка шекспировой „Мѣры за мѣру“. Не догадываясь объ источникѣ „Анджело“, не подозревая, съ какими трудностями приходилось бороться Пушкину, Бѣлинскій несправедливо призналъ это произведеніе недостой-

нымъ таланта Пушкина, * между тѣмъ, какъ оно несомнѣнно обладаетъ многими существенными достоинствами: помимо художественной простоты разсказа и прекраснаго стиха, Пушкинъ былъ сильно заинтересованъ психологической проблемой, заключающейся въ характерѣ „Анджело“. „Анджело — лицемѣръ, — замѣчаетъ онъ въ запискахъ, — потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ его тайнымъ страстямъ. А какая глубина въ этомъ характерѣ!“. Сообразно своей задачѣ, Пушкинъ выбрасываетъ изъ своего переложенія все, не идущее прямо къ цѣли и, напротивъ того, пользуется всякимъ выраженіемъ, всякой чертой, проскользнувшей въ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ, которая можетъ бросить свѣтъ на загадочный характеръ Анджело. У Шекспира Анджело бросаетъ Маріану, главнымъ образомъ, потому, что придавое ея погибло во время кораб-

---

* Ап. Григорьевъ думалъ подобно проф. Стороженкѣ, будто Бѣлинскій не зналъ, что „Анджело“ со тѣмъ является переработку „Мѣры за мѣру“ Шекспира (Зелинскій, VII, 96). Бѣлинскій не могъ не знать этого хотя бы потому, что объ этомъ говорилось въ „Молвѣ“, въ которой онъ сотрудничалъ.

лекрушенія. Пушкинъ справедливо счелъ этотъ мотивъ слишкомъ тривиальнымъ для человѣка съ такой чистой репутаціей, какъ Андже́ло, и, упомянувъ вскользь объ этомъ обстоятельстве * , выдвигаетъ другой мотивъ, именно, дурные слухи, которые ходили объ его невѣстѣ.

Пускай себѣ молвы неправо обиненье,—
Нѣтъ нужды. Не должно коснуться по-
дозрѣнья

Къ супругѣ Кесаря.

Послѣднихъ стиховъ нѣтъ у Шекспира: они прибавлены Пушкинымъ на первый планъ и какъ нельзя болѣе соответствуютъ характеру Андже́ло, которому была всего дороже его незапятнанная репутація. Разсматриваемый, какъ психологическій этюдъ, „Андже́ло“ окажется весьма замѣчательнымъ произведеніемъ, а мастерской переводъ нѣсколькихъ сценъ показываетъ, что мы лишились въ Пушкинѣ великаго переводчика Шекспира.“ (Вѣнокъ на памятникъ Пушкина, 225—226).

В. В. Чуйко, разбирая въ своей книгѣ *Шекспиръ и его произведенія* „Мѣру за мѣру“, провелъ параллель между ней и пушкинскимъ „Андже́ло“. Вотъ главнѣйшія изъ замѣчаній Чуй-

---

* Объ этомъ обстоятельстве Пушкинъ совсѣмъ не упоминаетъ.

кò, о взглядахъ котораго намъ придется еще говорить:

„Пушкинъ держится очень близко шекспировскаго подлинника, но мѣстами отступаетъ отъ него. Такъ случилось и съ монологомъ Клавдіо. * Пушкинъ значительно сократилъ его и передалъ только смыслъ, какъ бы на мѣренно избѣгая мрачныхъ картинъ:

„Такъ... однакожъ... умееть,
Идти небѣдомо куда, во гробѣ тлѣть,
Въ холодной тѣснотѣ... увы! земля пре-
красна

И жизнь мила. А тутъ: войти въ нѣ-
мую мглу,

Стремглавъ и низвергнуться въ кипя-
щую смолу,

Или во лѣду :астыть, иль съ вѣтромъ
быстр. течнымъ...

Носиться въ пустотѣ, пространствомъ
безконечнымъ...

„Далѣе слѣдуютъ точки, послѣ чего: о Изабелла восклицаетъ: „О. Боже!“ Изъ этого мы можемъ заключить, что Пушкинъ для впечатлѣнія на Изабелу считалъ продолженіе монолога нужнымъ, но остановился, какъ бы не желая придавать слишкомъ мрачный оттѣнокъ поэмѣ“.

Приводя монологъ герцога изъ первой сцены третьяго акта „Мѣры за

---

* Здѣсь говорится о монологѣ Клавдіо объ ужасахъ смерти изъ перваго акта третьяго дѣйствія „Мѣры за мѣру“.

мѣру“ о ничтожности жизни и призрачности ея обольщеній, Чуйко говорить:

„У Пушкина весь этотъ монологъ пропущенъ. Нашъ поэтъ замѣнилъ его слѣдующими стихами:

Старикъ доказывалъ страдальцу молодому,
 Что смерть и бытіе равны одно другому,
 Что здѣсь и тамъ одна безсмертная душа,
 И что подчунный міръ не стоитъ ни гроша.
 Съ нимъ бѣдный Клавдіо печально соглашался,
 А въ сердцѣ милою Джульетой занимался.

„Замѣчательно, что Пушкинъ во всей поэмѣ избѣгаетъ мрачныхъ картинъ; собственно самую драму онъ сократилъ насколько было возможно и слишкомъ большое мѣсто (?) удѣлилъ мелодраматической (?) развязкѣ. Вслѣдствіе этого самый характеръ произведенія совершенно измѣнился: въ то время, какъ у Шекспира мы видимъ мрачную драму съ цѣлымъ рядомъ трагическихъ положеній, у Пушкина, благодаря преобладанію эпического тона, напротивъ того, является спокойный рассказъ, въ которомъ нѣтъ ничего трагического“ (стр. 436—438).

Вотъ, собственно, и все, что было высказано нашею критикой объ „Анджело“ въ продолженіе 65-ти лѣтъ. А есть еще люди, воображающіе, что Пушкинъ разъясненъ, обслѣдованъ и понятъ и въ общемъ, и въ частностяхъ. Увы, мы только начинаемъ догадываться, что Пушкина нужно изучать, да изучать, что мы его совсѣмъ не знаемъ, сплошь и рядомъ судимъ о немъ поверхностно и невѣжественно и зачастую принимаемъ храбрыя обобщенія и наивные приговоры за серьезную критику. Слова Бѣлинскаго объ „Анджело“ могутъ быть приведены, какъ яркое доказательство только что сказаннаго. Бѣлинскій, какъ критикъ, стоялъ неизмѣримо ниже великаго національнаго и міроваго поэта, котораго ему приходилось уяснять своимъ современникамъ, и поэтому онъ нерѣдко не только не боролся съ литературной близорукостью русскаго общества, а поддерживалъ и закрѣплялъ ее. Такъ поступалъ Бѣлинскій, между прочимъ, и съ „Анджело“. Постараемся, хотя отчасти, пополнить пробѣлъ, существующій въ нашей бѣдной критической литературѣ относительно превосходной и единственной въ своемъ родѣ новеллы Пушкина.

Почему Пушкинъ, задумавъ написать новеллу на одну изъ шекспировскихъ темъ, остановился на „Мѣръ за мѣру“? „Мѣра за мѣру“, какъ видно изъ замѣтокъ Пушкина, относящихся къ 1833 году, къ тому самому году, въ которомъ былъ написанъ „Анжело“, принадлежала къ числу любимыхъ пьесъ Пушкина изъ Шекспировскаго репертуара. „Лица, созданныя Шекспиромъ, говоритъ онъ: не суть, какъ у Мольера, типы какой-то страсти, какого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразныя, многосложныя характеры. У Мольера скупой скупъ—и только; у Шекспира Шейлокъ скупъ, смѣтливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ. У Мольера лицемеръ, волочится за женой своего благодѣтеля—лицемеря, спрашиваетъ стаканъ воды—лицемеря. У Шекспира лицемеръ произноситъ судебный приговоръ со тщеславной строгостью, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленными сужденіями государственнаго чловѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, а не смѣшною смѣсью набожности и

волокистства". И такъ, „Мѣра за мѣру“ привлекала Пушкина своей психологической, сложною и выдающеюся духовною организациею главнаго дѣйствующаго лица. Пушкинъ остановился на „Мѣрѣ за мѣру“, вѣроятно, и въ виду того, что эта пьеса легче другихъ драмъ и комедій Шекспира передавалась переработкѣ въ рассказъ. У Пушкина, надо думать, были еще и другія побужденія, въ силу которыхъ онъ написалъ „Анжели“. Но объ этихъ побужденіяхъ можно только догадываться, не выдавая своихъ предположеній за неопровержимыя данныя.

Пушкинъ, который вмѣнялъ себѣ въ особенную заслугу то, что онъ пробуждалъ своей лирой „чувства добрыя“

И милость къ падшимъ призывалъ,— или, по первоначальной редакціи „Памятника“,

И милосердіе воспѣлъ;— Пушкинъ, который призывалъ милосердіе и воспѣвалъ милость съ той поры, когда онъ еще юношей написалъ романсъ

Подъ вечеръ осенью ненастной;... не могъ не плѣниться основною мыслью „Мѣры за мѣру“,—пьесы, отразившей въ себѣ взгляды Шекспира на задачи

правосудія и на примиреніе законности съ высшею правдой,—пьесы, какъ бы предназначенной въ вѣчное назиданіе правителямъ, судьямъ и сильнымъ міра сего, призваннымъ карать и прощать. Въ актовомъ рѣчи В. В. Никольскаго „Идеалы Пушкина“ высказывается предположеніе, что „Анжело“, сътъ можетъ, имѣлъ у Пушкина какое-нибудь „дѣйствительное примѣненіе“. Повидимому, Никольскій считалъ вѣроятнымъ, что поэтъ обращался съ своей новеллой къ Императору Николаю Павловичу съ иносказательной просьбою о смягченіи участи какого нибудь опредѣленнаго лица. Не настаивая на этой догадкѣ, Никольскій подкрѣплялъ ее словами Гоголя: „Какъ Пушкинъ весь оживлялся и вспыхивалъ, когда дѣло шло къ тому, чтобы облегчить участь какого-либо изгнанника, или подать руку падшему! Какъ выжидалъ онъ первой минуты царскаго благоволенія къ нему, чтобы заикнуться не о себѣ, а о другомъ упавшемъ несчастномъ“.*

---

* Въ дополненіе къ словамъ Гоголя, можно привести слѣдующее мѣсто изъ перваго тома Записокъ А. О. Смирновой: „Пушкинъ приходилъ ко мнѣ и показывалъ стихи Одоевскаго и письмо, присланное изъ Сибири. Онъ долго говорилъ о

Никольскій впадаетъ въ преувеличеніе, сводя весь смыслъ „Анджело“ къ заключительнымъ словамъ новеллы:

И Дукъ его простилъ.

Пушкинъ, съ его глубокимъ умомъ, широкимъ міросозерцаніемъ и политической дальновидностью, не могъ со-вѣтовать монархамъ—прощать все и всѣхъ. Характеризуя Дука, какъ чадолюбиваго отца народа и какъ друга мира, истины, художествъ и наукъ, онъ тутъ же замѣчалъ, какъ истолкователь, а не переводчикъ изъ Шекспира:

*Но власть верховная не терпитъ сла-
быхъ рукъ,
А добротѣ своей онъ слишкомъ пре-
давался.
Народъ любилъ его, и вовсе не бо-
ялся.*

дѣятеляхъ 14-го числа; какъ онъ имъ вѣ-ренъ! Онъ кончилъ тѣмъ, что сказалъ:

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы Государь былъ обо мнѣ хорошаго мнѣнія. Если бы онъ мнѣ довѣрялъ, то, можетъ быть, я могъ бы добиться какой-нибудь милости для нихъ. (Стр. 94).

Изъ словъ Гоголя, а также и изъ другихъ источниковъ, видно, что Пушкинъ старался пользовагься близостью къ Императору Николаю Павловичу не только въ интересахъ декабристовъ, но и другихъ лицъ.

Пушкинъ понималъ, что „излишняя доброта“ и „слабья руки“ губельно отражаются на дѣлахъ государства.

Не рѣдко добрый Дукъ, раскаянемъ
 смущенный,
 Хотѣлъ возстановить порядокъ упу-
 щенный.

Создавая свою новеллу, Пушкинъ ярко и выпукло отгѣнилъ основную мысль „Мѣры за мѣру“. Въ чемъ же заключается эта мысль? Мы думаемъ, что Гервинусъ (Шекспиръ, изд. 2-е, III, 101) вырзиль ее вполнѣ вѣрно въ слѣдующихъ афоризмахъ: „Ревностное правосудіе еще не есть истинное правосудіе; истинное правосудіе состоитъ въ осмотрительной снисходительности, которая не даетъ исключительно преобладать ни милости, ни строгому примѣненію буквы закона, которая въ наказаніе не воздастъ *мѣра за мѣру*, но самое наказаніе прилагаетъ съ мѣрою“. Осуждая фари́сеевъ, побивающихъ камнями своихъ ближнихъ за тѣ прегрѣшенія, которыя ими самими творятся, въ тайнѣ, Пушкинъ былъ далекъ отъ мысли проповѣдывать, что нѣтъ судей, которые были бы вправѣ произносить обвинительные приговоры. Выѣстъ съ авторомъ „Мѣры за мѣру“ великій русскій поэтъ только предостерегалъ го-

сударей и вельможъ отъ увлеченія формальной правдой и напоминаль имъ о великомъ значеніе милосердія, о томъ, что правосудіе не должно смѣшивать злой воли со слабой волею, закоренѣлыхъ преступниковъ со случайными, что оно должно принимать во вниманіе и безупречное прошлое виновнаго, и его раскаянье, и многое другое.

Земныхъ властителей ничто не украшаетъ,

Какъ милосердіе, —

говорить Изабела. И Пушкинъ воспѣлъ въ „Анджело“ милосердіе такъ же, какъ и въ стихотвореніи „Пиръ Петра Великаго“, написанномъ пять лѣтъ спустя. Въ этомъ стихотвореніи прославлялся первый русскій императоръ, умѣвшій повелѣвать и внушать повиновеніе, но умѣвшій, вмѣстѣ съ тѣмъ, прощать и миловать, мало того: торжествовавшій прощеніе, какъ побѣду надъ врагомъ, и отъ души радовалъ, когда являлась возможность примириться съ подданнымъ и отпустить виноватому вину. Воспѣвая милосердіе и подчеркивая его святость и красоту, Пушкинъ зналъ, что дѣлалъ: онъ не безъ основанія назвалъ въ „Памятникъ“ свой вѣкъ „жестокимъ“. Тѣмъ же временемъ Пуш-

кина сплошь и рядомъ попирала Божескіе и человѣческіе законы и жестокосердно разбивала жизнь тѣхъ, кто попадалъ въ ея руки. При такихъ условіяхъ у поэта, весьма естественно, могла явиться мысль познакомить русское общество съ „Мѣрою за мѣру“ въ эпической передѣлкѣ, благодаря которой нравственный смыслъ и психологическая глубина шекспировской пьесы сдѣлались бы всѣмъ доступны безъ помощи театровъ. На русскій театръ Пушкинъ не возлагалъ большихъ надеждъ относительно распространенія въ публикѣ любви къ Шекспиру.

Останавливаясь на „Мѣрѣ за мѣру“, Пушкинъ, быть можетъ, хотѣлъ, кромѣ того, рѣшить психологическую загадку, ставившую въ тупикъ современниковъ Александра I, усиленно и тщетно ломавшихъ голову надъ рѣшеніемъ вопроса: чѣмъ можно объяснить исключительное расположеніе и безразличное довѣріе кроткаго, мягкаго и рыцарски благороднаго Александра I къ честному и преданному, но суровому, жестокому, грубому и прямолинейному исполнителю законовъ, Аракчееву? Видя печальныя слѣдствія своей неумѣренной доброты, Дукъ сознавалъ, что онъ не способенъ твердо держать въ

своихъ рукахъ бразды правленія и „часто сѣтовалъ“.

Что дѣлать? Долго Дукъ терпѣлъ и
размышлялъ.
Размысливъ, наконецъ, рѣшился онъ
на время
Предать инымъ рукамъ верховной
власти бремя,
Чтобъ новый властелинъ расправой
новой могъ
Порядокъ вдругъ завести, и былъ бы
крутъ и строгъ.

Нѣчто подобное было и съ Александромъ I, когда онъ надѣлялъ обширными полномочіями Аракчеева, и Пушкинъ не могъ не замѣтить сходства между тѣмъ, что происходило „въ Италіи счастливой“, воспроизводимой въ „Анджело“, и тѣмъ, что происходило въ нашемъ отечествѣ во вторую половину царствованія императора Александра I.

Почему Пушкинъ не перевелъ „Мѣру за мѣру“, а написалъ „Анджело“, рассказъ въ стихахъ? Касаясь этого вопроса, П. В. Анненковъ говоритъ: „До сихъ поръ многіе критики еще затрудняются опредѣленіемъ намѣреній поэта при переложеніи въ рассказъ Шекспировой драмы: „*Measure for measure*“ (Мѣра за мѣру). Рассказъ „Анджело“ написанъ Пушки-

нымъ тоже въ 1833 году. Только однимъ обстоятельствомъ и поясняется мысль Пушкина—именно послѣднимъ направлениемъ его. Эпическій рассказъ сдѣлался столь важенъ и такъ завладелъ всей творческой способностью его, что, можетъ быть, хотѣлъ онъ видѣть, какъ одна изъ самыхъ живыхъ драмъ новаго искусства отразится въ повѣствованіи. Сознаемся, что предположеніе это имѣетъ для насъ уже очевидность, не подлежащую сомнѣнію“. (А. С. Пушкинъ, Матеріалы для его біографіи, 381). Тяготѣніе Пушкина къ эпосу, несомнѣнно, имѣетъ большое значеніе при объясненіи происхожденія „Анжелло“. Но Пушкинъ, одаренный необычайно тонкимъ артистическимъ чувствомъ, не позволилъ бы себѣ передѣлывать драму въ рассказъ, еслибъ думалъ, что она не поддастся такой передѣлкѣ и что нибудь потеряетъ вслѣдствіи ея. Пушкинъ былъ убѣжденъ, что тема, разработанная Шекспиромъ въ „Мѣръ за мѣру“ въ драматической формѣ, гораздо лучше можетъ быть разработана въ формѣ эпической. Каждый, кто вдумается въ содержаніе „Мѣры за мѣру“, едва ли найдетъ наше предположеніе произвольнымъ. Шекспирологи склоняются

къ тому взгляду, что драма Шекспира, не смотря на всѣ ея достоинства, принадлежитъ къ числу тѣхъ его пьесъ, которыя наименѣе соотвѣтствуютъ задачамъ и требованіямъ театра. Оговорившись, что Шекспиръ смягчилъ и очистилъ въ „Мѣрѣ за мѣру“ сюжетъ новеллы Джиральди Чинтіо и драмы Ветстона „Промось и Кассандра“, Гервинусъ продолжаетъ: „Но въ такомъ видѣ эта пьеса для чувства читателей нашего времени не вполне утрачиваетъ отталкивающій характеръ по своему содержанію. Мы не можемъ простить нашему поэту, что онъ перенесъ суровые сюжеты итальянской новеллистики на сцену и въ этой драмѣ, и въ драмѣ: *Все хорошо, что хорошо кончилось*, и въ *Цимбелинѣ*, и что онъ заставляетъ насъ болѣе чувствительнымъ окомъ смотрѣть на то въ подробной картинѣ, что въ разсказѣ лишь поверхностно скользитъ по болѣе тупому слуху. Правда, въ степенной Англии даютъ на сценѣ драму: *Мѣра за мѣру* безъ сокращеній и очищенія текста, и опытъ доказываетъ, что именно въ представленіи даже смягчается многое, что намъ кажется предосудительнымъ въ чтеніи пьесы. И все таки эта пьеса у большинства англійскихъ

критиковъ: Гунтера, Найта, и др. не находятъ себѣ никакой пощады“. Гервинусъ не соглашается съ англійскими критиками, находящими „Мѣру за мѣру“ безусловно тягостною пьесою. Но онъ, какъ мы видѣли, признаетъ долю правды въ ихъ положеніяхъ. Этого мало. Изъ его дальнѣйшихъ разсужденій оказывается, что у него мелькала мысль о возможности передѣлать „Мѣру за мѣру“ въ новеллу. Гервинусъ, конечно, не читалъ „Анджело“, а между тѣмъ, онъ написалъ нѣчто въ родѣ объясненія тѣхъ соображеній, которыми Пушкинъ могъ руководиться, передѣлывая шекспировскую драму въ рассказъ. „Если пьесу Шекспира обратить въ новеллу, удержавъ въ ней всѣ черты, которыми онъ характеризуетъ свои дѣйствующія лица и то, какъ онъ представляетъ отношенія между ними, и если сопоставить такую новеллу съ первоначальнымъ ея источникомъ или съ сюжетомъ пьесы Ветстона, то это всего проще и всего выразительнѣе дастъ намъ почувствовать чудное различіе между поэзіей и поэзіей, то различіе, которое выдѣляетъ нашего поэта изъ среды всѣхъ прочихъ... Какая глубина характеровъ, которые у него дѣйствуютъ и которые невольно останавливаютъ на себѣ

наше вниманіе, еще прежде, нежели мы видимъ ихъ впутанными въ мучительныя сплетенія происшествій! И какая смѣлось—вплести эти благороднѣйшія личности въ такую ужасную путаницу, точно будто дѣло въ томъ, чтобы еще болѣе умножить трудности, внутреннія противорѣчія дѣйствія! А затѣмъ, какая осторожная постановка обстоятельствъ, которыя съ самаго начала успокаиваютъ насъ на счетъ этихъ непріятныхъ происшествій и даютъ намъ предчувствовать, что эти происшествія не поведутъ къ слишкомъ дурному концу!“ (Гервинусъ, *Шекспиръ*, III, 76—77). Комичныя сцены „Мѣры за мѣру“, сцены, въ которыхъ участвуютъ Переспѣла, Помпей, Локоть и т. д., не смотря на мастерство, съ какимъ онѣ написаны, носятъ характеръ интермедій, лишь внѣшнимъ образомъ связанныхъ съ главнымъ ходомъ пьесы. Ея же интрига не представляетъ большой занимательности, такъ какъ зрители уже съ перваго акта чувствуютъ себя совершенно спокойными, зная, что всѣ продѣлки „Анджело“ совершаются на глазахъ герцога. Вотъ разгадка, почему „Мѣра за мѣру“, какъ замѣчаетъ Чуйко, не имѣла успѣха даже въ Германіи, гдѣ такъ любятъ Шек-

спира. „Въ чтеніи, говоритъ Чуйко: „Мѣра за мѣру“ имѣеть особенную прелесть, и этимъ обстоятельствомъ я объясняю то, что Пушкинъ пересказалъ ее въ поэмѣ“. (В. В. Чуйко, *Шекспиръ. Его жизнь и произведенія*, 438). Вѣроятно, читая „Мѣру за мѣру“, Пушкинъ подумалъ, что Шекспиръ только потому написалъ ее въ формѣ драмы, что чувствовалъ себя въ своей сферѣ лишь въ драматической поэзіи. А такъ какъ великій русскій поэтъ писалъ одинаково свободно во всѣхъ родахъ изящной литературы, то онъ и сдѣлалъ то, чего не могъ сдѣлать Шекспиръ—разказалъ сущность его пьесы въ новеллѣ.

Къ чему же сводится въ немногихъ словахъ историко-литературное значеніе „Анджело“? Къ тому же, Пушкинъ сдѣлалъ изъ превосходной, но и имѣющей свои недостатки, драмы превосходную, идеально-совершенную новеллу. И только? спросятъ насъ. Да, хотя бы и только. Но въ этомъ и только заключается громадная заслуга. Того, что сдѣлалъ Пушкинъ, если не ошибаемся, не сдѣлалъ ни одинъ поэтъ ни до него, ни послѣ него. Хорошо передѣлать гениальное дра-

матическое произведеніе въ эпическое также трудно, и даже, пожалуй, гораздо труднѣй, чѣмъ хорошо пере-дѣлать геніальный романъ или геніальную повѣсть въ трагедію или комедію. Изъ „Донъ-Кихота“ Сервантеса и изъ лучшихъ романовъ Вальтеръ-Скотта цѣлыми десятками выкраивались пьесы для театра, но ни одна изъ нихъ не могла продержаться долго на сценѣ. Отчего? Оттого, что авторы этихъ пьесъ были пигмеями въ сравненіи съ Сервантесомъ и Вальтеръ-Скоттомъ и, не возвышаясь до конгеніальнаго творчества съ ними, лишь обкрадывали ихъ, уподобляясь при этомъ воронѣ, желавшей украсить себя павлиньими перьями. Если бы какой нибудь писатель сдѣлалъ изъ „Донъ-Кихота“ пьесу или цѣлый рядъ пьесъ, которыя ничего не теряли бы при сравненіи съ безсмертнымъ романомъ и давали бы первокласснымъ актерамъ матеріалъ для тонкой и глубоко задуманной игры, — такой писатель вправѣ былъ бы рассчитывать на самую громкую и неизмѣнную славу. Для того, чтобы писать для театра на темы изъ „Донъ-Кихота“ и писать такъ, чтобы въ пьесѣ безукоризненно отражалось, а не искажалось и не принижалось великое соз-

даніе Сервантеса, для этого нужно стоять на одномъ уровнѣ съ нимъ. Въ наше время больше, чѣмъ когда либо, господствуетъ страсть переносить на театральныя подмостки дѣйствіе и дѣйствующихъ лицъ всѣхъ, болѣе выдающихся, романовъ. Но много ли можно указать скольконибудь удачныхъ опытовъ такого рода? Они всѣ на перечетъ, и ни одинъ изъ нихъ не касается истинно прекрасныхъ, образцовыхъ романовъ. А есть ли въ западно-европейскихъ литературахъ въ полномъ смыслѣ слова художественные романы, повѣсти и рассказы, передѣланные изъ трагедій и комедій міровыхъ поэтовъ? Мы, по крайней мѣрѣ, не можемъ указать на другого „Анджело“. Никому, кромѣ Пушкина, не удалось достойнымъ образомъ помѣриться силами съ Шекспиромъ при передѣлки его трагедій и комедій въ произведенія эпической поэзіи и на тѣ самыя темы, которыя разрабатывалъ Шекспиръ въ своихъ пьесахъ. Нужно ли доказывать, что только романистъ или новеллистъ съ громаднымъ талантомъ и особеннымъ на то призваніемъ могъ бы передѣлать въ романы или новеллы „Короля Лира“, „Гамлета“, „Макбета“, „Отелло“, „Ромео и Джульетту“ и т. д.? „Анджело“

доказываетъ, что у Пушкина были всѣ данныя для такой работы, и—почемъ знать? Очень можетъ быть, что еслибъ онъ не погибъ въ разцвѣтѣ своего генія, онъ обогатилъ бы русскую литературу цѣлымъ рядомъ такихъ новеллъ на шекспировскіе сюжеты, какъ „Анджело“ и тѣмъ самымъ навсегда сроднилъ бы Шекспира съ Россіей и далъ бы возможность вполне понять его и наслаждаться имъ соотечественникамъ, лишеннымъ возможности видѣть Шекспира въ хорошемъ сценическомъ исполненіи.

Своимъ „Анджело“ Пушкинъ, кромѣ того, показалъ, какъ нужно и можно переводить Шекспира на русскій языкъ. Всѣ, имѣющіеся на русскомъ языкѣ переводы Шекспира, въ сравненіи съ пушкинскимъ переводомъ тѣхъ сценъ и отрывковъ изъ „Мѣры за мѣру“, которые вошли въ „Анджело“, кажутся сущей тредьяковщиной. Пушкинъ мало переводилъ, но всѣ его переводы верхъ совершенства. Онъ переводилъ Андрэ Шенье, Мицкевича, Аріосто, Анакреона, Катулла, Франческо Джіани, Вильсона и т. д.,—онъ переводилъ стихи и прозу (Джона Теннера и Моро-де-Бразе) и переводилъ, какъ геній перевода, такъ что

скоро сталъ неизмѣримо выше своего учителя Жуковского и въ этомъ отношеніи. Для того, чтобы сдѣлать наглядную разницу между пушкинскимъ переводомъ Шекспира и тѣми переводами Шекспира, которые у насъ считаются хорошими, приведемъ въ видѣ примѣровъ два—три параллельныхъ мѣста изъ „Анджело“ и изъ „Мѣры за мѣру“ въ переводѣ Ѡ. Б. Миллера, написанномъ для гербельскаго изданія сочиненій Шекспира на русскомъ языкѣ.

Миллеръ:

Послушайте, васъ подкупить хочу я;

Да, подкупить подарками такими,
 Которые раздѣлить съ вами небо.
 Не золота чеканнаго мѣшками,
 Не камнями, цѣна которыхъ часто
 Мѣняется по прихоти—о, нѣтъ!
 Но чистою, смиренною молитвой,
 Что по утрамъ, до восхожденья солнца,
 Возносится къ далекимъ небесамъ—
 Молитвой дѣвъ невинныхъ и смирен-
 ныхъ,

Отрекшихся отъ міра на всегда.

Пушкинъ:

Послушай, воротись!...прими мои дары,
 Они не суетны, но честны и добры,
 И будешь ими ты дѣлиться съ не-
 бесами:

Я одарю тебя молитвами души
 Предъ утренней зарей, въ полунощ-
 ной тиши.

Молитвами любви, смиренія и мира,

Молитвами святыхъ, угодныхъ небу
 дѣвъ,
 Въ уединеніи умершихъ ужъ для міра,
 Живыхъ для Господа“.

Миллеръ:

. . . . . О, вѣрьте мнѣ,
 Что ни одинъ изъ атрибутовъ власти,
 Ни скиптръ, ни мечъ намѣстника ко-
 роны,
 Ни жезлъ вождя, ни тога судіи,
 Не придадутъ такого блеска,
 Какъ милость.

Пушкинъ:

Повѣрь мнѣ, говоритъ, ни царская ко-
 рона,
 Ни мечъ намѣстника, ни бархатъ судіи,
 Ни полководца жезлъ — все почести
 сіи —
 Земныхъ властителей ничто не укра-
 шаетъ,
 Какъ милосердіе. Оно ихъ возвышаетъ.

Тѣ мѣста „Мѣры за мѣру“, кото-
 рые Пушкинъ переводилъ, — онъ пе-
 реводилъ не буквально и не дослов-
 но, не придерживаясь рабски под-
 линника, но мастерски передавая
 его смыслъ и красоту. Желая вы-
 держать форму старинной новеллы,
 Пушкинъ съ умысломъ употреблялъ
 кое гдѣ усѣченныя окончанія въ имен-
 нахъ прилагательныхъ и нѣкоторыя
 архаическія выраженія, вродѣ дхнетъ,
 увѣрчивость, понесла (въ смыслѣ
забеременѣла), воспалилъ (въ смыслѣ
одержимъ) и т. д. Ради сохра-

ненія вѣрности итальянскому быту, Пушкинъ уклонился отъ Шекспира, дѣйствующія лица котораго говорятъ всё другъ другу, согласно англійскому обычаю, *вы*. У Пушкина герцогъ говоритъ всѣмъ *ты*, Анджело, какъ намѣстникъ, говоритъ Изабелѣ тоже *ты*. На *ты* говоритъ съ нимъ и Изабела, какъ съ вельможею, облеченнымъ неограниченной властью. Переводъ Пушкина не возбуждаетъ никакихъ недоумѣній, за исключеніемъ двухъ стиховъ изъ той части разговора Изабелы съ Анджело, въ которой онъ неоднократно обращается къ ней съ многозначительными намеками.

Анджело.

Я съ тобою
Теперь не о душѣ толкую... Дѣло въ томъ,
Братъ осужденъ на казнь; спасти его
грѣхомъ

Не милосердіе-ль?

Изабела.

Передъ Богомъ я готова
Душою отвѣчать: грѣха въ томъ ника-кого,

Повѣрь, и нѣтъ. Спаси ты брата моего!
Тутъ милость, а не грѣхъ.

Анджело.

Спасешь-ли ты его,
Коль милость на вѣсахъ равно съ грѣ-хомъ потянетъ?

Какъ понимать этотъ послѣдній во-просъ?

Только что приведенный нами монологъ нѣсколько сокращенъ Пушкинымъ сравнительно съ подлинникомъ. Въ подлинникѣ онъ читается такъ:

Ang. I talk not of your soul: Our compell'd sins

Stand more for number than account.
Isab. How say you?

Ang. Nay, I'll not warrant that; for I can speak

Against the thing I say. Answer to this; -

I, now the voice of the recorded law,
Pronounce a sentence on your brother's life:

Might there not be a charity in sin,
To save this brother's life?

Isab. Please you to do't,
I'll take it as a peril to my soul:

It is no sin at all, but charity.

Ang. Pleas'd you to do't, at peril of 'your soul,

Were equal poise of sin and charity.

Андж. Я не говорю о вашей душѣ: грѣхи, которые мы совершаемъ по принужденію, скорѣе только считаются, чѣмъ засчитываются намъ. *)

Изаб. Какъ вы говорите?

Андж. Нѣтъ, я не буду утверждать этого, ибо я могу сказать и противное тому, что говорю. Отвѣчайте вотъ на что: я теперь, голосъ объявленнаго закона, произнесъ приговоръ надъ

---

* Т. е. они не вмѣняются намъ въ вину Божественнымъ правосудіемъ.

жизнью вашего брата. Можетъ ли быть милосердіе въ грѣхѣ—спасти жизнь этого брата?

Изаб. Благоволите совершить его, я приму отвѣтственность на свою душу. Это былъ бы вовсе не грѣхъ, а милость.

Андж. Если бы вы приняли отвѣтственность на свою душу, вѣсь грѣха и милости былъ бы одинаковъ.

Пушкинъ измѣнилъ смыслъ послѣдней фразы Анджело.

Спасешь ли ты его,
Коль милость на вѣсахъ равно съ грѣ-
хомъ потянетъ?

значить: согласна ли ты спасти брата, если милость и грѣхъ будутъ имѣть на вѣсахъ (Божественнаго правосудія) одинаковый вѣсъ, одинаковое значеніе? Т. е. согласна ли ты выказать состраданіе къ брату въ грѣховной формѣ? (подразумѣвается: уступивъ постыднымъ желаніямъ Анджело).

Пораженный характеромъ Анджело и, задумавъ построить на немъ свою новеллу, Пушкинъ рѣшился сосредоточить на немъ все свое вниманіе и обставить его лишь тѣми лицами, безъ обрисовки которыхъ Анджело, его поступки и его судьба остались бы невыясненными. Изъ дѣйствующихъ лицъ „Мѣры за мѣру“ Пушкинъ ввелъ

въ свою повѣсть, кромѣ Анджели, только Изабелу, Клавдіо, Дука, Люціо и Маріану. О Джульетѣ Пушкинъ упоминаетъ только вскользь. Эскаль, Профось, монахъ Ѡома, монахъ Петръ, констабль Локоть, Пѣнка, Помпей, Мерзило, Бернардинъ и Переспѣла не только не играютъ никакой роли въ новеллѣ, но даже и не упоминаются въ ней, вслѣдствіе чего цѣлый рядъ сценъ „Мѣры за мѣру“ обходится въ „Анджело“ совершеннымъ или почти совершеннымъ молчаніемъ. Поддонки общества, люди, утратившіе человѣчскій образъ, и вертепы разврата, которымъ удѣлено такъ много мѣста въ „Мѣрѣ за мѣру“, отсутствуютъ въ новеллѣ Пушкина, что не могло не отразиться на ея стилѣ. Комичныхъ сценъ, написанныхъ въ ultra-реальномъ духѣ нѣтъ въ новеллѣ Пушкина. Да и вообще комичной стороны жизни въ ней отведено самое скромное мѣсто. Веселыя ноты звучатъ лишь въ не совсѣмъ скромной болтовнѣ Люціо въ восьмой главѣ первой части. Юморъ рассказчика искрится въ изложеніи тѣхъ доводовъ, которыми герцогъ, переодѣтый монахомъ, старался примирить Клавдіо съ мыслью о смерти, и еще въ двухъ—трехъ мѣстахъ, но, говоря вообще, общій тонъ

повѣствованія отличается серьезностью, спокойствіемъ и плавностью, напоминающими тонъ той новеллы Джиральди Чинтіо, которая положена въ основу „Мѣры за мѣру“, и ея предшественницы, драмы Вестона: „Исторія Промоса и Кассандры“. Разказчикъ не скрываетъ, кому и чему онъ сочувствуетъ. Онъ не избѣгаетъ ни политическихъ разсужденій, ни нравственныхъ приговоровъ, ни психологическихъ разьясненій; но онъ никогда не впадаетъ въ патетическое настроеніе, не пронизируетъ и не затягиваетъ повѣствованія своими размышленіями, длинными характеристиками и длинными объясненіями побужденій дѣйствующихъ лицъ. Въ отличіе отъ новеллъ Боккаччіо въ „Анджело“ нѣтъ ни скабрзныхъ положеній, ни трактатовъ житейской мудрости. Новелла Пушкина представляетъ образецъ изящнаго, стройнаго, плавнаго и безыскусственнаго или, вѣрнѣе сказать, истинно художественнаго и въ высшей степени искуснаго и, въ то же время, простаго разказа, нравственный смыслъ котораго выясняется самъ собой безъ всякихъ дидактическихъ и философскихъ комментаріевъ. Черезъ всю новеллу Пушкина

просвѣчиваетъ возвышенное міросозерцаніе, не допускающее никакихъ компромиссовъ съ пороками и слабостями людей, но запечатлѣнное въ то же время мягкимъ, кроткимъ и любовнымъ отношеніемъ къ ближнимъ и чуждое даже тѣни безпощадной и фарисейской строгости.

Скажемъ нѣсколько словъ объ архитектурѣ „Анджело“:

Въ первой части „Анджело“, состоящей изъ 13-ти главъ разной величины (отъ 8 до 36^{1/2} стиховъ), излагается содержаніе перваго акта и первыхъ двухъ сценъ второго дѣйствія. Вторая сцена второго дѣйствія,—не вся, впрочемъ,—была отнесена Пушкинымъ къ первой части его новеллы. Послѣдній монологъ Анджело, произносимый по уходѣ Изабелы и Люціо, былъ отнесенъ имъ ко второй части. Первая часть, такимъ образомъ, состоитъ изъ разсказа объ отъѣздѣ герцога, о возведеніи Анджело въ званіе намѣстника, о строгости Анджело, о бѣдствіи, обрушившемся на Клавдію, о встрѣчѣ съ нимъ Люціо, о разговорѣ Люціо съ Изабелой въ монастырѣ и о первомъ посѣщеніи Анджело Изабелю.

Вторая, самая большая часть новеллы, состоящая изъ семи главъ (отъ 4^{1/2} строкъ до 72), обнимаетъ конецъ второй сцены, третью сцену второго акта и первую половину первой сцены третьяго дѣйствія. Она открывается изображеніемъ внутренней борьбы Анджемо и вообще его душевнаго состоянія послѣ разговора съ Изабеллою; далѣе слѣдуетъ второе объясненіе между ними, пересказъ сцены между Клавдіо и утѣшающимъ его, подъ видомъ монаха, герцогомъ и сцена между Клавдіо и Изабеллою.

Третья часть новеллы, наименьшая по объему, состоитъ изъ семи главъ (отъ 9 до 32 стиховъ) и знакомитъ читателя съ содержаніемъ второй половины первой сцены третьяго акта, съ четвертымъ и пятымъ актами.

Ни при раздѣленіи „Анджемо“ на части, ни при раздѣленіи каждой части новеллы на главы, Пушкинъ не придерживался раздѣленія „Мѣры за мѣру“ на дѣйствія и на сцены. Въ „Анджемо“ Пушкинъ слѣдовалъ той же системѣ, какая бросается въ глаза въ „Русланъ и Людмилъ“, въ „Евгеніи Онѣгинъ“ „Выстрѣлъ“ и т. д. Почти каждая глава „Руслана“ и „Онѣгина“ обрывается тогда, когда любопытство читателя напрягается до край-

ней степени, тоже самое замѣчается и въ „Анджело“, въ концѣ каждой части. Въ первой части нѣтъ никакого намека на паденіе Анджело и дается лишь слабая надежда на прощеніе Клавдію. Вторая часть изображаетъ двойное искушеніе Изабелы: коварными и безчестными доводами Анджело и робкими, эгоистичными просьбами малодушнаго и неустойчиваго брата. Въ третьей части „Анджело“ мастерски и быстро распутывается хитросплетенный узелъ происшествій, о которыхъ говорится въ новеллѣ. Въ ея архитектурѣ, въ общемъ ходѣ разсказа и во всѣхъ его подробностяхъ, ярко сказывается столь свойственное Пушкину умѣнье вести повѣствованіе, ни на минуту не теряя изъ виду его занимательности и главнаго русла и не разбрасывая безъ надобности вниманія читателей по сторонамъ. Въ построеніи „Анджело“ чувствуется та рука, которою сыи написаны „Капитанская дочка“ и „Метель“.

Относясь къ Шекспиру, какъ равный къ равному, Пушкинъ отступалъ отъ его драмы тамъ, гдѣ находилъ нужнымъ это сдѣлать, и дѣлалъ это, конечно, на основаніи вѣскихъ соображеній, которыя критика должна разгадать и объяснить. Само собой

разумѣется, что при этомъ основная мысль и глубина шекспировской драмы ничего не теряли, а, наоборотъ, много выигрывали.

Изъ Вѣны Пушкинъ перенесъ дѣйствіе въ Италію, приурочивъ его къ эпохѣ Возрожденія, на которую ясно указываютъ и любовь Дука къ наукамъ и искусствамъ, и ученость Анджемо, и самая фабула, имѣющая своею первоосновою итальянскую новеллу конца XVI столѣтія. Не желая витать въ пространствѣ, и желая имѣть твердую почву подъ ногами, Пушкинъ предпочелъ Италію, съ языкомъ и литературою которой онъ былъ знакомъ, мало извѣстной ему, старинной Вѣнѣ. Онъ считалъ себя вправѣ сдѣлать это тѣмъ болѣе, что исторіи Анджемо, Изабелы, Клавдіо и Маріаны и ихъ характеры явно отзываются Италіей, похождения же, нравы и жаргонъ Мереспѣлы, Помпеи и Локтя носятъ чисто англійскій, а не вѣнскій отпечатокъ. Такъ какъ побочное дѣйствіе и побочныя дѣйствующія лица „Мѣры за мѣру“ были вычеркнуты изъ „Анджемо“, то Пушкинъ и долженъ былъ, весьма естественно, остановиться на мысли придать своему разсказу итальянскій оттѣнокъ, и, при томъ, оттѣнокъ, если и не точно,

то, все таки, опредѣленнаго времени. Благодаря этому, въ „Анджело“ не чувствуется недостатка историческаго правдоподобія, исторической вѣрности, и того, что французы называютъ *couleur local*, который чувствуется въ „Мѣръ за мѣру“. Въ „Мѣръ за мѣру“ Вѣна даетъ себя знать только въ авторской отмѣткѣ о томъ, гдѣ происходитъ дѣйствіе, въ „Анджело“ же и форма, и тонъ, и краски повѣствованія, и его герои и героини отзываются Италіей XV—XVI вѣка.

Въ „Мѣръ за мѣру“ не указанъ возрастъ герцога, но изъ того, что герцогъ дѣлаетъ предложеніе Изабеллѣ, изъ того, что она не отказывается ему и изъ того, что онъ считаетъ нужнымъ въ первомъ актѣ предупредить брата Оому, что онъ ищетъ убѣжище въ монастырѣ не ради цѣлей и стремленій кипучей юности, (the aims and ends of burning youth), слѣдуетъ думать, что Шекспиръ рисовалъ въ своемъ воображеніи герцога Винченціо молодымъ человѣкомъ, или человѣкомъ среднихъ лѣтъ, и уже, во всякомъ случаѣ, не старикомъ. Отбросивъ увлеченіе герцога Изабеллою, не вызываемое строгою необходимостью и не вытекающее ни изъ характера герцога, ни изъ хода дѣйствія, и об-

наруживающееся неожиданно лишь въ послѣдней сценѣ пьесы, Пушкинъ сдѣлалъ Дука старымъ, благодаря чему получилъ возможность стройнѣе выдержать его патріархальное отношеніе къ подданнымъ. Дукъ Пушкина въ полномъ смыслѣ слова чадолюбивый отецъ народа, всецѣло живущій его радостями и печалями. Старому Дуку Пушкина гораздо болѣе пристало, чѣмъ молодому Винченціо, то спокойное, возвышенное, безстрастное и скорбное возрѣніе на жизнь, которое сквозитъ въ бесѣдѣ герцога съ Клавдіо въ тюрьмѣ, передъ приходомъ Изабелы. Старому Дуку Пушкина гораздо болѣе пристали, чѣмъ молодому Винченціо Шекспира, и житейская мудрость много видѣвшаго человѣка, и снисходительное отношеніе къ людскимъ слабостямъ и заблужденіямъ, и тяготѣніе къ монастырямъ и духовному сану, — тяготѣніе, выражающееся въ переодѣваніяхъ въ монашеское платье, а также и въ умѣломъ исполненіи обязанности пастыря церкви въ дѣлѣ назиданія и нравственной поддержки узниковъ и всѣхъ несчастныхъ, и плохо гармонирующее съ увлеченіемъ „дѣвичьей прелестью“ Изабелы.

Въ „Мѣрѣ за мѣру“ герцогъ Винченціо, передавая свою власть на время Анджело, хочетъ, между прочимъ, испытать этого человѣка, безупречная и подвижническая жизнь котораго внушаетъ ему подозрѣніе. „Если, говорить онъ брату Томѣ: власть измѣняетъ человѣка*, мы увидимъ, что за люди наши лицемѣры (what our seemers be). Въ „Анджело“ Дукъ рѣшается—

..... на время
 Предать инымъ рукамъ верховной власти
 бремя,

отнюдь не имѣя въ виду подвергать Анджело какимъ либо соблазнамъ, а лишь съ тою цѣлью,—

Чтобъ новый властелинъ расправой
 новой могъ
 Порядокъ вдругъ завести, и былъ бы
 крутъ и строгъ.

Пушкинскій Дукъ слѣдитъ за распоряженіями Анджело, но онъ не произноситъ надъ нимъ строгаго нравственнаго осужденія въ самомъ началѣ новеллы, а совершенно искренно прибѣгаетъ къ его содѣйствію, какъ къ содѣйствію человѣка испытанной честности и твердости. Сбивчивая двойственность намѣреній шекспиров-

---

* Собственно: намѣреніе (surprise).

скаго Винченціо исчезаетъ у Пушкина, и дѣйствія Дука не возбуждаютъ никакихъ недоразумѣній.

Въ „Мѣръ за мѣру“ грозный законъ противъ нарушителей седьмой заповѣди не примѣнялся къ дѣлу всего 18 лѣтъ. У Пушкина этого закона

Въ томъ городѣ никто не помнилъ, не слышалъ.

Анджело откопалъ его въ грудѣ статутовъ, отжившихъ свой вѣкъ въ незапамятныя времена. Вслѣдствіи этого, деспотическій характеръ и жестокость Анджело ярче обрисовываются въ пушкинской новеллѣ, чѣмъ въ шекспировской драмѣ, да и распущенность Люціо и легкій взглядъ Клавдіо на свой проступокъ и на унижительное для Изабелы домогательство намѣстника, дѣлаются совершенно понятными, чего нельзя сказать о „Мѣръ за мѣру“, при чтеніи которой самъ собою является вопросъ: какимъ образомъ Вѣна могла дойти до столь ужасной разнузданности нравовъ при Винченціо, до котораго обольщеніе и развратъ систематически карались смертью, что едва ли могло способствовать распространенію и укорененію такихъ, чисто декамероновскихъ взглядовъ на отношенія между по-

лами, какихъ придерживаются Люціо и даже Клавдіо.

Разсказывая романъ Люціо и Джульеты, Пушкинъ ничего не говоритъ объ ея приданомъ, находя, вѣроятно, что характеръ и міросозерцаніе Клавдіо вполне достаточны для объясненія того тяжелаго положенія, въ которое онъ поставилъ себя и любимую женщину.

Въ „Мѣръ за мѣру“ сцена между Изабелою и ея братомъ въ тюрьмѣ обрывается негодующими словами Изабелы, возмущенной себялюбіемъ и малодушіемъ Клавдіо. У Пушкина эта сцена заканчивается раскаяніемъ юноши, пристыженнаго добродѣтелью и твердостью сестры, и ихъ примиреніемъ, прекрасно завершающимъ вторую часть новеллы и нисколько не идущимъ въ разрѣзъ ни съ характеромъ непоколебимо чистой, но нѣжной Изабелы, ни съ характеромъ слабого и податливаго, но вовсе не въ конецъ испорченнаго, Клавдіо.

Въ „Мѣръ за мѣру“ Маріана—бывшая невѣста Анджели, уже обручившаяся съ нимъ, но отвергнутая и лживо обезславленная имъ, послѣ гибели ея брата и корабля, на которомъ онъ находился, съ ея приданымъ. Эта подробность, превращаю-

щая . Анджело въ корыстолюбиваго плута и негодяя, на все способнаго подь вліяніемъ денежныхъ соображеній, рѣзко противорѣчитъ всему тому, что мы знаемъ объ его внутреннемъ мірѣ, объ ужасѣ, съ какимъ онъ говоритъ наединѣ съ собою о своемъ паденіи, о благородномъ и мужественномъ приговорѣ, который онъ произноситъ надъ собой по вызову своего государя. У Шекспира герцогъ Винченціо принимаетъ на себя обязанности свата и, сначала путемъ обмана, а пототь силою своей власти, соединяетъ Маріану съ Анджело и отдаетъ приказъ перевѣнчать ихъ, не смущаясь вопросомъ: будетъ ли счастливъ бракъ, заключенный при такихъ условіяхъ. Иначе стоитъ дѣло въ новеллѣ Пушкина; въ ней говорится объ Анджело:

Онъ былъ давно женатъ. Летунья лег-
кокрыла,

Младой его жены молва не пощадила,
Безъ доказательства насмѣшливо коря;
И онъ ее прогналъ, надменно говоря:

„Пускай себѣ молвы неправо обви-
ненье,

Нѣтъ нужды. Не должно коснуться по-
дозрѣнья

Къ супругѣ Кесаря“. Съ тѣхъ поръ
она жила

Одна въ предмѣстіи, печально изнывая.

Соображенія, вызвавшія разрывъ
Анджело съ Маріаной въ новеллѣ Пуш-

кина, вполне согласуются съ главными чертами характера Анджело. Сдѣлавъ Маріану женой Анджело, Пушкинъ тѣмъ самымъ устранилъ натяжки изъ заключительной главы новеллы и придалъ ей развязкѣ полную естественность. Пушкинскій Дукъ не женить Анджело противъ его желанія, а только даетъ возможность Маріанѣ торжественно и всенародно доказать лживость позорившихъ ее слуховъ, доказать мужу свою непоколебимую, всепрощающую преданность, спасти его, а тѣмъ самымъ, вѣроятно, смягчить его сердце и примирить гордаго, но униженнаго своими страстями, человѣка съ возобновленіемъ совместной семейной жизни, о которой такъ долго и такъ пламенно мечтала несчастная женщина.

Въ „Мѣръ за мѣру“ герцогъ Винченціо съ непонятной и никому ненужной жестокостью вводитъ Изабелу въ заблужденіе, сказавъ ей, будто Клавдіо казненъ, и лишь въ концѣ пьесы открываетъ ей всю истину. Онъ два раза незаслуженно подвергаетъ ее страшнымъ душевнымъ потрясеніямъ. Въ новеллѣ Пушкина Дукъ не дѣлаетъ для Изабеллы тайны изъ спасенія ея брата.

Въ „Мѣръ за мѣру“ Анджело каз-

нить Клавдіо единственно въ силу опасенія, что братъ Изабелы, если бы онъ остался живъ, отомстилъ бы за позоръ сестры. Пушкинъ устранилъ изъ своей новеллы такое объясненіе вѣроломнаго поступка намѣстника: онъ нашель его, вѣроятно, несомѣстнымъ съ мужествомъ, самоувѣренностью и гордостью суроваго вельможи. Почему же Анджело Пушкинской новеллы нарушаетъ слово, данное Изабелѣ? Потому что онъ, утоливъ внезапно нахлынувшій на него порывъ страсти, гнушается своей продѣлки и смотритъ на помилованіе Клавдіо, какъ на беззаконіе, которое могло бы только усугубить преступность подлаго обольщенія Изабелы. Впавъ въ тотъ самый грѣхъ, за который Клавдіо былъ приговоренъ къ смерти, Анджело не хотѣлъ торговать правосудіемъ: съ его точки зрѣнія обмануть самымъ низкимъ образомъ дѣвушку было не столь безнравственно, какъ превратиться въ продажнаго правителя. Изображая Анджело фарисеемъ, Пушкинъ не смѣшиваль его съ мелкими трусами.

Въ „Мѣръ за мѣру“ Изабела, еще недавно съ ужасомъ и ненавистью говорившая объ Анджело, вымаливаетъ для него прощеніе у герцога, не смот-

ря на свою увѣренность въ томъ, что она проситъ за бездушнаго и лживаго палача своего брата. Этихъ психологическихъ скачковъ и натяжекъ нѣтъ въ пушкинскомъ разсказѣ. У Пушкина Изабелѣ не приходится оплакивать смерть брата. Возвышая свой голосъ за Анджело, она уже знаетъ, что онъ самъ попалъ въ раскинутыя имъ сѣти и, въ сущности, никому не сдѣлалъ зла, хотя и по независившимъ отъ него обстоятельствамъ. Запутанная и явно искусственная развязка шекспировской драмы превращается въ пушкинской новеллѣ въ простое и вполне естественное разрѣшеніе интриги, излагаемое сжато, безъ малѣйшихъ признаковъ растянутости, но не упускающее ни одной, сколько нибудь важной психологической черты. „Мѣра за мѣру“ оканчивается двумя браками, заключаемыми по приказанію герцога: бракомъ Анджело съ Маріаной и бракомъ Люціо съ оболъщенной имъ дѣвушкой, при чемъ въ перспективѣ виднѣется бракъ герцога съ Изабелою и ея возвращеніе изъ монастыря въ міръ. Ничего подобнаго нѣтъ у Пушкина. Его новелла не даетъ никакого основанія предполагать, что Изабеля откажется отъ мысли посвятить себе

Богу: все, что она извѣдала при первомъ близкомъ столкновеніи съ жизнью, не могло отклонить ее отъ разъ принятаго намѣренія отречься отъ міра и его соблазновъ.

„Анджело“ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ обыкновенно печатается, не вполне совпадаетъ съ текстомъ новеллы, который былъ представленъ поэтомъ Императору Николаю Павловичу въ 1833 году: сравнительно съ этимъ текстомъ, въ „Анджело“, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ намъ извѣстенъ, есть нѣкоторыя пробы. Они до сихъ поръ не установлены. Не выяснено ни ихъ число, ни ихъ величина.

Въ примѣчаніяхъ къ 3-му тому Сочиненій Пушкина въ изданіи Анскаго (1882 г.), П. А. Ефремовъ, полемизируя съ Анненковымъ, нашедшимъ рукопись „Анджело“ въ тетрадяхъ поэта, принадлежащихъ къ 1833 году, говорить: „Почтенный издатель не промолвился: цензурой или авторомъ были исключены или даже были ли написаны тѣ 6^{1/2} стиховъ поэмы, которые и въ прежнихъ, и въ его, и въ послѣднихъ изданіяхъ означаются точками. Теперь изъ прошенія Пушкина въ цензурный комитетъ, напечатаннаго въ VII томѣ нынѣшняго из-

данія (стр. 292—293), ужъ видно, что стихи были написаны, но исключены по волѣ Государя Николая Павловича. Къ сожалѣнію, замѣтимъ, что рукопись, которою пользовался г. Анненковъ, не находится въ числѣ прочихъ, пожертвованныхъ сыномъ поэта въ московскій музей. Гдѣ же она? (стр. 465).

Въ прошеніи Пушкина, поданномъ по случаю задуманнаго поэтомъ, но не состоявшагося при его жизни второго, исправленнаго изданія „Анджело“ („перевода изъ Шекспира“), между прочимъ, сказано: „Въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ Государь изволилъ возвратить мнѣ сочиненіе мое, дозволивъ оное печатать, за исключеніемъ собственноручно замѣненныхъ мѣстъ“. Прошеніе не помѣчено ни числомъ, ни мѣсяцемъ, ни годомъ, но, судя по имѣющимся въ немъ библиографическимъ указаніямъ, оно относится къ 1834 году. Подъ „прошлымъ маемъ“ нужно разумѣть, слѣдовательно, май 1833 года. Опираясь на прошеніе Пушкина, г. Ефремовъ думаетъ, что тѣ строки „Анджело“, которыя замѣняются обыкновенно точками должны быть принимаемы за мѣста, недозволенные для печати Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Такихъ строкъ

г. Ефремовъ насчитываетъ $6\frac{1}{2}$, но, въ дѣйствительности, ихъ на одну строчку больше. Одна изъ нихъ находится во второй главѣ первой части „Анжелю“, а всѣ остальные—въ шестой главѣ второй части. Но можно ли допустить, чтобы Пушкинъ наполнялъ точками мѣста, отмѣченныя Государемъ? Онъ просто выбросилъ бы ихъ. Да и трудно предположить, чтобы Императоръ усмотрѣлъ что-нибудь нецензурное хотя бы въ тѣхъ двухъ тирадахъ Клавдіо, въ которыхъ $6\frac{1}{2}$ строкъ заставлены точками.

Начало первой тирады, въ которой встрѣчается пропускъ, отмѣчаемый нами курсивомъ, въ дословномъ переводѣ читается такъ: *„Да.—Въ немъ такія страсти, которыя его понуждаютъ нарушить законъ * въ ту самую минуту, когда онъ хотѣлъ примѣнить его (къ другимъ)?“* А вотъ и вторая половина монолога Клавдіо объ ужасахъ смерти, замѣненная въ „Анжелю“ точками: *„Или быть хуже худшихъ изъ тѣхъ, которые выражаютъ воемъ свои преступные и безумные помыслы! О, это слишкомъ ужасно. Самая тяжелая и самая ужасная земная жизнь, которую старость, болѣзнь, ни-*

---

* Bite the law by the nose.

щета и заточеніе могутъ наложить на (человѣческую) природу,—есть рай въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ насъ страшитъ смерть*. Очевидно, что тѣ, только что приведенныя слова Клавдіо, которыя не вошли въ „Анджело“, не заключаютъ ничего такого, что могло бы подвергнуться запрету Императора Николая Павловича, цензура котораго, къ слову сказать, никогда не была мелочной и стѣснительной для Пушкина. Предположеніе г. Ефремова имѣетъ нѣкоторое правдоподобіе лишь относительно одного стиха, замѣненнаго точками въ концѣ второй главы второй части, если допустить, что онѣ поставлены вмѣсто окончанія монолога Анджело, который излагается Пушкинымъ въ повѣствовательной формѣ. Говоря о своихъ разбушевавшихся страстяхъ, Анджело замѣчаетъ: „О власть, о вѣшній блескъ! Ваша оболочка внушаетъ уваженіе глупцамъ и дѣйствуетъ на умныхъ своимъ ложнымъ подобіемъ! Кровь! ты—кровь! Если написать „добрый ангелъ“ на рогѣ діавола, діаволь черезъ это не сдѣлается добрымъ ангеломъ“*.

* 'Tis not the devil's crest—это не (будетъ) шлемъ діавола, т. е. это не измѣнитъ его природы, не дастъ ему права на титулъ ангела.

Трудно, однако, допустить, чтобы все это мѣсто было сведено Пушкинымъ къ одному стиху. По всей вѣроятности, оно было опущено самимъ поэтомъ, точками же онъ хотѣлъ лишь порѣзче отдѣлить разсказъ о душевномъ разладѣ Анджемо отъ заключительныхъ двухъ стиховъ главы:

По утру къ Анджемо явилась Изабелла
И странный разговоръ съ намѣстникомъ имѣла.

Вопросъ о тѣхъ стихахъ „Анджемо“, которые не были дозволены къ печати Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, выяснится лишь тогда, когда будетъ найдена подлинная рукопись пушкинской новеллы. По всей вѣроятности, запретъ государя относился къ нѣкоторымъ рѣзкимъ замѣчаніямъ о сильныхъ міра сего, которыми изобилуетъ „Мѣра замѣру“,—къ замѣчаніямъ, вродѣ знаменитаго монолога Изабелы изъ второй сцены второго акта о людскомъ самомнѣніи *.

---

* Приводимъ этотъ монологъ въ переводѣ О. Миллера:

О, если бъ всѣ могучіе могли
Гремѣть, какъ Зевсъ: онъ былъ бы
оглушенъ.

Тогда бы самый жалкій судія
Сталъ потрясать своимъ перуномъ небо,

Любопытно прослѣдить, какъ пользовался Пушкинъ текстомъ „Мѣры за мѣру“ въ своей новеллѣ. Каждый, кто станетъ изучать „Анджело“ параллельно съ драмой Шекспира, будетъ съ лихвою вознагражденъ за свой трудъ: передъ нимъ шагъ за шагомъ будетъ раскрываться необыкновенное умѣнье Пушкина пользоваться всякимъ намекомъ Шекспира, собирать здѣсь и тамъ разбросанныя указанія для характеристики эпохи, мѣстности и дѣйствующихъ лицъ и извлекать изъ ихъ признаній и диалоговъ матеріалы и краски для своего рассказа.

Первыя двѣ главы первой части „Анджело“, за исключеніемъ общей характеристики стараго Дука, въ ко-

---

И все бы лишь гремѣлъ. О, Боже
правый!

Ты громовой стрѣлою разбиваешь
На тысячи кусковъ могучій дубъ,
Не мирту слабую; но человѣкъ,
Гордясь своимъ величіемъ ничтож-

нымъ,
Забывъ, что самъ онъ хрупокъ, какъ
стекло,
Какъ гнѣвная мартышка, передъ не-

бомъ
Кривляется съ такимъ ожесточеньемъ,
Что плачутъ ангелы; но будь они
Настроены, какъ мы — они бъ такому
Безумію смѣялись бы до слезъ.

торой Пушкинъ является самостоятельнымъ истолкователемъ Шекспира, и, отчасти, и самостоятельнымъ творцомъ, построены на разговорѣ герцога съ монахомъ Томою изъ третьей сцены перваго акта. Но какъ построены? Какъ строить геніальный архитекторъ по чужому плану, безбоязненно и свободно отступая отъ него, когда находить это нужнымъ, и налагая на сооружаемое зданіе, и въ общемъ, и въ подробностяхъ, свой отпечатокъ.

Герцогъ.

Я поручилъ Анджело —человѣку
Надежному и самыхъ строгихъ пра-
вилъ—

Мои права и власть надъ государ-
ствомъ.

Онъ думаетъ, что я поѣхалъ въ Польшу,
Какъ я велѣлъ народу объявить
И какъ всѣ думаютъ. Теперь, отецъ,
Вы спросите, зачѣмъ я это сдѣлалъ?

Братъ Тома.

Да, я хотѣлъ бы васъ спросить объ
этомъ.

Герцогъ.

Имѣемъ мы суровые законы,
Они необходимы для народа,
Какъ удила для дикихъ лошадей.
Восемнадцать лѣтъ законы эти дрем-
лютъ,

Какъ устарѣвшій левъ въ своей бер-
логѣ,

Который на добычу ужъ не ходитъ.
Какъ добрые, но слабые отцы,

Связавъ пукъ розогъ, вѣшаютъ его
 Передъ дѣтьми—для страха, не для
 дѣла,
 Такъ что онѣ внушаютъ лишь на-
 смѣшки,
 А не боязнь: такъ и законы наши,
 Умершіе для кары, стали мертвы
 И для самихъ себя,—и своеволие
 Нахально водить за носъ правосудье;
 Ребенокъ няньку бьетъ; порядокъ
 гибнетъ.

Братъ Вома.

Но, государь, зависѣло отъ васъ
 Оковы снять съ поруганныхъ зако-
 новъ
 И, исходя отъ васъ, не отъ Анджело,
 Страшнѣй была бъ та мѣра не-
 сравненно.

Герцогъ.

Боюсь, что было бъ слишкомъ страш-
 но. Я
 По слабости свободу далъ народу—
 И тираніей было бъ то карать,
 Что позволялъ: кому безъ наказанья
 Проступки сходятъ съ рукъ, тому они
 Дозволены. Затѣмъ, святой отецъ,
 Я на Анджело это возложилъ,
 Пусть онъ караетъ подъ моей защитой,
 Межъ тѣмъ, какъ я останусь въ сто-
 ронѣ,
 Свободный отъ клеветъ и порицаній.
 А вотъ какъ переработалъ Пуш-
 кинъ эту сцену въ своей новеллѣ:
 Въ одномъ изъ городовъ Италіи
 счастливой
 Когда-то властвовалъ предобрый, ста-
 рый Дукъ,
 Народа своего отецъ чадолюбивый,

Другъ мира, истины, художествъ и
 наукъ.
 Но власть верховная не терпитъ сла-
 быхъ рукъ,
 А добротѣ своей онъ слишкомъ пре-
 давался.
 Народъ любилъ его, и вовсе не бо-
 ялся.
 Въ судѣ его дремалъ карающій законъ,
 Какъ дряхлый звѣрь, уже къ ловитвѣ
 неспособный.
 Дукъ это чувствовалъ въ душѣ своей
 незлобной
 И часто сѣтовалъ. Самъ ясно видѣлъ
 онъ,
 Что хуже дѣдушекъ съ дня на день
 были внуки,
 Что грудь кормилицы ребенокъ ужъ
 кусалъ,
 Что правосудіе сидѣло сложа руки
 И по носу его лѣнивый не щелкалъ.

* *

Нерѣдко добрый Дукъ, раскаянемъ
 смущенный,
 Хотѣлъ возстановить порядокъ упу-
 щенный,
 Но какъ? Зло явное, терпимое давно,
 Молчаніемъ суда уже дозволено
 И вдругъ его казнить совѣмъ не-
 справедливо
 И странно было бы, тому же особливо,
 Кто первый самъ его потворствомъ
 ободрялъ.
 Что дѣлать? Долго Дукъ терпѣлъ и
 размышлялъ.
 Размысливъ, наконецъ, рѣшился онъ
 на время
 Предать инымъ рукамъ духовной вла-
 сти бремя,

Чтобъ новый властелинъ расправой
 новой могъ
 Порядокъ вдругъ завести, и былъ бы
 крутъ и строгъ.

Сближеніе первыхъ двухъ главъ „Анжело“ съ соотвѣтственною сценою „Мѣры за мѣру“, показываетъ, съ какою легкостью слагалось у Пушкина повѣствованіе на шекспировскія темы, и какъ плавно, изящно, сжато и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно и колоритно развивалось оно у него, лишь изрѣдка прибѣгая къ вольному переводу или перефразамъ шекспировскаго текста.

Третья глава первой части „Анжело“ писалась Пушкинымъ столь же самостоятельно, какъ „Подражанія Корану“ и по такой же системѣ, по какой писались они.

Былъ нѣкто Анжело, мужъ опыт-
 ный, не новый
 Въ искусствѣ властвовать, обычаемъ
 суровый,
 Блѣднѣющій въ трудахъ, ученьи и
 постѣ,
 За нравы строгіе прославленный вездѣ,
 Стѣснившій весь себя оградой закон-
 ной,
 Съ нахмуреннымъ лицомъ и съ волей
 непреклонной.
 Его-то старый Дукъ нахѣстникомъ на-
 рекъ.
 И въ ужасъ ополчилъ, и милостью
 облекъ,
 Неограниченны права ему вручая,
 А самъ, докучнаго вниманья избѣгая,

Съ народомъ не простясь, incognito,
 одинъ
 Пустился странствовать, какъ древній
 паладинъ.

Мы напрасно будемъ искать въ „Мѣ-
 рѣ за мѣру“ мѣсто, которое соотвѣт-
 ствовало бы этимъ двѣнадцати сти-
 хамъ. Пушкинъ пользовался, когда
 писалъ ихъ, тремя сценами, при чемъ
 имѣлъ въ виду и слова герцога, и сло-
 ва Люціо. Въ первой сценѣ перваго
 акта, герцогъ говоритъ Эскалу объ
 Анджело:

Вамъ должно знать, что мы съ особой
 цѣлью

Въ правители назначили его,
 Отдавъ ему и страхъ и милость нашу, *
 И ввѣривъ, какъ намѣстнику, ему
 Всю нашу власть. Что скажете на это?
 Эскаль отвѣчаетъ герцогу:

Когда найдется въ Вѣнѣ кто достойный
 Такой великой милости и чести,
 Такъ это — графъ Анджело.

Далѣе герцогъ говоритъ, обращаясь
 къ Анджело:

Есть у тебя черты такія въ жизни,
 Что наблюдатель въ нихъ увидитъ ясно
 Всю жизнь твою. Способности твои
 Не одному тебѣ принадлежать,

* У Шекспира:

Leat him our terror, drlst him with our
 love.

Смысль и сила этого стиха великолѣпно
 переданы у Пушкина:

И въ ужасъ ополчилъ, и милостью об-
 лекъ.

Чтобъ самому лишь пользоваться ими.

Пока насъ нѣтъ, собою замѣни:
Пусть въ Вѣнѣ смерть и милость будетъ
только

Въ твоихъ устахъ и сердцахъ жить.

Въ четвертой сценѣ третьяго акта Люціо въ такихъ выраженіяхъ сообщаетъ Изабелѣ объ отъѣздѣ герцога: Здѣсь за него теперь, какъ самодержецъ, Всѣхъ править графъ Анджело—человѣкъ,

Въ которомъ, вмѣсто крови, ледяна
Вода, который никогда не зналъ
Игриваго движенія чувствъ сердечныхъ,
Который ихъ старался подавить
Постомъ, трудомъ и умственной работой.

Вотъ тѣ мѣста, которыми пользовался Пушкинъ, когда писалъ первые девять стиховъ третьей главы „Анджело“, заключающей въ себѣ характеристику Анджело или, лучше сказать, характеристику того необыкновеннаго человѣка, какимъ онъ казался и хотѣлъ быть, и перечисленіе полномочій, данныхъ ему Дукомъ. Для объясненія послѣднихъ трехъ стиховъ разбираемой главы, нужно вернуться снова къ діалогу герцога съ монахомъ Томой, а также къ первой сценѣ, къ сценѣ герцога съ Анджело и Эскаломъ. Отцу Томѣ герцогъ говоритъ:

Онъ (Анджело) думаетъ, что я уѣхалъ
въ Польшу,

Какъ я велѣлъ народу объявить,
И какъ всё думаютъ.

Надѣляя Анджело чрезвычайными
правами передъ своимъ мнимымъ отъѣз-
домъ, герцогъ говоритъ:

Я ѣду тайно. Я люблю народъ мой,
Но не хочу являться передъ нимъ:
Хотя восторгъ и возгласы его
Всѣ отъ души; но мнѣ они противны
И не считаю умнымъ я того,
Кто любитъ ихъ. Прощайте!

Поэтомъ то и старый Дукъ Пушки-
на пускается въ странствованіе, —

. . . докучнаго вниманья избѣгая,
Съ народомъ не простаясь.

Четвертая глава первой части „Анд-
жело“ цѣликомъ принадлежитъ Пуш-
кину.

Лишь только Анджело вступилъ во уп-
равленье,
И все тотчасъ другимъ порядкомъ по-
текло,
Пружинны ржавыя опять пришли въ дви-
женье,
Законы поднялись, хватая въ когти зло;
На полныхъ площадяхъ, безмолвныхъ
отъ боязни,
По пятницамъ пошли разыгрываться
казни,
И ухо сталъ себѣ почесывать народъ
И говорить: „хе, хе! да этотъ уже не
тотъ!“

Обо всемъ этомъ въ „Мѣрѣ за мѣру“
не упоминается. Но все это могло быть
и даже должно было произойти пос-
лѣ того, какъ Дукъ устранилъ себя

отъ правленія и даль неограниченную власть Анджело.

Пятая, шестая и седьмая главы „Анджело“ написаны по указаніямъ второй сцены перваго акта „Мѣры за мѣру“. То, что говорятъ у Пушкина Анджело о необходимости возстановить забытый законъ, представляетъ соединеніе его словъ (изъ первой сцены второго акта) и словъ Люціо (изъ четвертой сцены перваго дѣйствія). Люціо принадлежитъ сравненіе уголовныхъ законовъ, не примѣняемыхъ къ дѣлу, со львомъ, вокругъ котораго шмыгають мыши.

Восьмая глава „Анджело“ имѣетъ своей основою четвертую сцену перваго акта шекспировской драмы. Являясь въ монастырь къ Изабелѣ, Люціо звонить, чего нѣтъ у Шекспира. Циничный и легкомысленный разговоръ Люціо объ отношеніяхъ Клавдіо къ Джульетѣ и о послѣдствіяхъ этихъ отношеній опущенъ въ „Анджело“ и замѣненъ вставкой, давшей поэту возможность обрисовать душевную чистоту и незагрязненное воображеніе Изабелы.

Туть онъ въ подробныя пустился описанья,

Номного жесткія своею наготою
Для дѣвственныхъ ушей отшельницы
младой;

Но со вниманіемъ всё выслушала дѣ-
ва,
Безъ приторныхъ причудъ стыдли-
вости и гнѣва.

Она чиста была душою, какъ эфиръ.
Ее смутить не могъ невѣдомый ей міръ
Своею суетой и праздными рѣчами.*)

Пять послѣднихъ главъ первой ча-
сти „Анджело“, составляющія сокра-
щенный переводъ разговора Изабелы
съ намѣстникомъ при ихъ первомъ
свиданіи, заключаютъ въ себѣ 70 сти-
ховъ, какъ разъ вдвое меньше,
чѣмъ у Шекспира, несмотря на то,
что у Пушкина діалогъ неоднократ-
но прерывается пояснительными замѣ-
чаніями, раскрывающими характеры

---

*) Все это мѣсто изъ „Анджело“ состав-
ляетъ какъ-бы развитіе небольшого раз-
сужденія Пушкина о „прюдствѣ“, вошед-
шаго въ составъ „Отрывковъ изъ писемъ,
мыслей и замѣчаній“ его, напечатанныхъ
въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ за 1828 годъ:

„Coquette, prude. Слово кокетка обрусѣ-
ло, но prude не переждено и не вошло
еще въ употребленіе. Слово это означаетъ
женщину, чрезмѣрно щекотливую въ сво-
ихъ понятіяхъ о чести (женской)—недо-
трогу. Таковое свойство предполагаетъ
нечистоту воображенія, отвратительную
въ женщинѣ, особенно молодой. Пожилой
женщинѣ позволяется многое знать и мно-
гаго опасаться; но невинность есть луч-
шее украшеніе молодости. Во всякомъ
случаѣ, прюдство или смѣшно, или не-
сносно“.

дѣйствующихъ лицъ и ихъ душевное состояніе въ данную минуту. Всю существенную часть рѣчей Изабелы и Анджело Пушкинъ, однако, перевелъ и перевелъ превосходно, хотя и не гоняясь за буквальной точностью и весьма свободно обращаясь съ шекспировскимъ текстомъ, тѣмъ не менѣе, сама собой приходитъ мысль, что если Императоръ Николай Павловичъ и могъ признать нецензурнымъ что-нибудь въ „Анджело“, такъ развѣ только изъ сцены перваго свиданія суроваго вельможи съ сестрою Клавдію. Въ „Анджело“ вѣтъ ни той филиппики противъ человѣческаго высокомерія, о которой мы уже говорили, ни слѣдующихъ за нею обличительныхъ изреченій о неодинаковомъ отношеніи законовъ къ простымъ смертнымъ и къ сильнымъ міра сего:

Не мѣрь другихъ на собственную мѣру;
Пусть сильные глумятся надъ святыней:

То, что у нихъ зовется остроумьемъ,
У низшихъ то кощунствомъ называютъ.

Что у вождя зовемъ мы гнѣвнымъ
словомъ,

То у солдата будетъ богохульствомъ.

Предпоследняя тирада Изабелы у Пушкина, начинающаяся стихомъ:

Ты-ль первый изрѣчешь сей приго-
воръ ужасный —

представляетъ сокращенное соеди-
неніе двухъ тирадъ ея, раздѣленныхъ
у Шекспира 30-ю стихами.

Почти вся первая глава второй
части „Анджело“ сводится къ пере-
воду послѣднихъ стиховъ монолога,
произносимаго по уходѣ Изабелы на-
мѣстникомъ, котораго Пушкинъ, къ
слову сказать, нигдѣ не называетъ гра-
фомъ.

Вторая глава второй части „Андже-
ло“ есть тоже переводъ или, соб-
ственно, пересказъ (въ 3-мъ лицѣ)
монолога Анджело изъ четвертой сце-
ны второго акта, за исключеніемъ по-
слѣднихъ стиховъ, которые до нѣко-
торой степени замѣняются оговоркою
про „важность мудрую“ Анджело,

Которой весь народъ безсмысленно ди-
вился.

Второму разговору Изабелы съ Анд-
жело Пушкинъ удѣлилъ 80 стиховъ
(3-я и 4-ая глава 2-ой части), т. е. опять
таки почти вдвое меньше, чѣмъ Шек-
спиръ: въ четвертой сценѣ 2-го акта
„Мѣры за мѣру“ этому разговору удѣ-
лено 157 стиховъ. Пушкинъ и въ дан-
номъ случаѣ переводилъ, устраняя
всякую растянутость, всякое много-
словіе, всякія разсужденія, всякія эти-

ческія и практическія обобщенія, не выясняющія нравственнаго облика Анджело и Изабелы. Монологъ, который произноситъ Изабела у Шекспира по уходѣ Анджело, замѣненъ у Пушкина сжатымъ, пластическимъ воспроизведеніемъ ея ужаса.—„Мы слабы“, у Шекспира говоритъ Анджело, Пушкинъ же оканчиваетъ этими словами одну изъ тирадъ Изабелы для того, чтобы имѣть возможность выбросить то, что говоритъ Изабела и что вяжется лишь внѣшнимъ образомъ съ содержаніемъ драмы. Остановимся на данномъ случаѣ, такъ какъ онъ показываетъ намъ наглядно, чѣмъ руководствовался Пушкинъ, дѣлая урѣзки шекспировскаго текста. Та часть сцены, которую мы разбираемъ, у Шекспира читается такъ:

Анджело.

Такъ меньше-ль ты жестока, чѣмъ
законъ,
Который ты за строгость осуждаешь?

Изабела.

Позорный выкупъ можно ли сравнить
Съ прощеньемъ добровольнымъ? милость
Законную со сдѣлкою безчестной?

Анджело.

Сейчасъ законъ считала ты тираномъ,
А братнина вина тебѣ казалось
Скорѣе шуткою, чѣмъ преступленьемъ.

Изабела.

Простите, графъ! Вѣдь, часто такъ
бываетъ:

Когда чего сердечно мы желаемъ,
То говоримъ не то, что на умѣ.
Ахъ, такъ и я проступокъ извиняю
Для выгоды того, кто дорогъ мнѣ.

Анджело.

Мы слабы всѣ!

Изабела.

Ахъ, пусть-бы умеръ онъ,
Когда-бъ онъ былъ одинъ грѣха вас-
саломъ;
Но вѣдь, мы всѣ наслѣдники грѣха!

Анджело.

И женщины, конечно, слабы тоже.

Изабела.

Какъ зеркало, въ которое глядятся:
Оно легко такъ можетъ и разбиться,
Какъ отражаетъ о разъ нашъ легко.
О, женщины! Да сохранить ихъ небо!
Все лучшее позорить въ нихъ муж-
чина,

Во зло употребляя. Называйте
Насъ слабыми, затѣмъ — что нѣжны мы,
Какъ весь нашъ организмъ, и легче
васъ
Всѣмъ ложнымъ впечатлѣньямъ под-
даемся.

Анджело.

Да, это такъ; а такъ какъ ты не-
вольна

Сознала въ слабости своей —
Сознаться надо, что и мы, мужчины,
Нисколько не сильнѣе васъ и также
Легко, какъ вы, соблазну поддаемся —
Я выскажусь смѣлѣй, я придерусь

Къ твоимъ словамъ: будь женщиной,
какъ есть.
Захочешь большимъ быть — не бу-
дешь ею:
Но женщиной оставшись—въ этомъ
мнѣ
Краса твоей порукой—докажи
Свои слова и сбрось свое притвор-
ство.

Изабела.

Графъ, у меня одинъ языкъ; молю,
Не измѣняйте вашего со мною.

Анджело.

Такъ знай теперь, что я тебя люблю.
У Пушкина это мѣсто сокращено
такъ:

Анджело.

За что-жь казалось тебѣ безчеловѣчно
Рѣшеніе суда? Ты обвиняла насъ
Въ жестокосердіи. Давно-ль еще? Сей-
часъ
Ты праведный законъ тираномъ на-
зывала,
А братній грѣхъ едва-ль не шуткой
почитала.

Изабела.

Прости, прости меня. Невольно я ду-
шой.
Тогда лукавила. Увы! себѣ самой
Противорѣчила я, милое спасая
И ненавистное притворно извиняя.
Мы слабы.

Анджело.

Я твоимъ признаньемъ ободренъ.
Такъ! женщина слаба, я въ этомъ
убѣжденъ,
И говорю тебѣ: будь женщина, не
болѣ —

Иль будешь ничего. Такъ покорися
 Судьбы своей. волѣ

Изабела.

Тебя я не могу понять.

Анджело.

Поймешь: люблю тебя.

Поэтъ, очевидно, счелъ излишнимъ сохранить то, что говоритъ Изабела въ защиту женщинъ и тѣ доводы, которыми она отражаетъ очевидную софистику Анджело. Пушкину казалось, вѣроятно, не совсѣмъ естественнымъ, чтобы Изабела, поглощенная мыслью о братѣ, могла терять драгоценныя минуты на обсужденіе вопроса о нравственныхъ преимуществахъ мужчинъ надъ женщинами, и обратно. Урѣзывая шекспировскій текстъ, Пушкинъ неоднократно соединялъ двѣ тирады въ одну, но, обыкновенно, точно передавалъ смыслъ тѣхъ мѣстъ, которыя переводилъ.

Сцена между Изабелою и Клавдіо въ тюрьмѣ переведена Пушкинымъ съ меньшими сокращеніями, чѣмъ обѣ сцены Изабелы съ Анджело. Въ этой сценѣ у Пушкина насчитывается 76 стиховъ, а у Шекспира 100. У Шекспира она заканчивается негодующими словами Изабелы и оставляемымъ безъ отвѣта восклицаніемъ Клавдіо: „О,

выслушай меня, Изабела!“ Въ пушкинской новеллѣ размолвка между сестрой и братомъ завершается ихъ примиреніемъ:

И узникъ молодой
Удерживалъ се за платье. Изабела
Отъ гнѣва своего насиду охладѣла,
И брата бѣднаго простила и опять,
Лаская, начала страдальца утѣшать.

Такая развязка вполне согласна съ любящей природой Изабелы.

Въ третьей части „Анджело“ интрига новеллы развивается и распутывается съ поразительнымъ мастерствомъ: вполне послѣдовательно, сжато, быстро, съ опущеніемъ всего, не вытекающаго изъ отношеній и характеровъ дѣйствующихъ лицъ, но безъ всякихъ скачковъ и безъ всякихъ недомолвокъ.

Первая глава, возвращая насъ къ сценѣ герцога съ монахомъ Оомою, построена, главнымъ образомъ, на бесѣдѣ герцога съ Изабелою изъ первой сценой третьяго акта. Дополняя отъ себя шекспировскій текстъ, Пушкинъ совершенно естественно объясняетъ, на первый взглядъ нѣсколько неправдоподобное, проживание герцога *incognito* въ своихъ владѣніяхъ послѣ возведенія Анджело въ званіе намѣстника:

Пока народъ считалъ его въ чужихъ
 краяхъ
 И сравнивалъ, шутя, съ бродящею
 кометою,
 Скрывался онъ въ толпѣ, все видѣлъ,
 наблюдалъ
 И соглядатаемъ незримымъ посѣщалъ
 Палаты, площади, монастыри, боль-
 ницы,
 Развратные дома, театры и темницы,
 Воображеніе живое Дукъ имѣлъ;
 Романы онъ любилъ, и, можетъ быть,
 хотѣлъ
 Халифу подражать Гаруну Аль-Ра-
 шиду.

Дальнѣйшіе 3^{1/2} стиха превосходно
 дорисовываютъ благородный образъ
 добраго Дука.

Младой отшельницы подслушалъ раз-
 говоръ,
 Въ растроганномъ умѣ рѣшилъ тотъ
 часъ же онъ
 Не только доказать жестокость и
 обиду,

Но сладить кое что...

Вторая глава третьей части „Ан-
 джело“ построена, какъ и предше-
 ствующая глава, на первой сценѣ
 третьяго акта „Мѣры за мѣру“,
 третья глава—на первой сценѣ чет-
 вертаго, а четвертая—на второй сце-
 нѣ того же дѣйствія. Событія, изло-
 женныя въ 5-ой главѣ, взяты изъ
 второй и третьей сцены четвертаго
 акта, а все, о чемъ рассказывается
 въ шестой главѣ, взято изъ третьей и

четвертой сценъ четвертаго и первой сцены пятаго акта.

Содержаніе послѣдней сцены новеллы исчерпывается содержаніемъ послѣдней сцены шекспировской драмы. Дукъ производитъ у Пушкина судъ и расправу торжественно и открыто, безъ всякихъ проволочекъ, не дѣлая вида, будто онъ не вѣритъ Изабелѣ. Онъ сразу срываетъ маску съ Анджело, ставитъ ему вопросъ: чего онъ достоинъ, и, выслушавъ его отвѣтъ, произноситъ: да гибнетъ судія—торгашъ и обольститель! Опуская цѣлый рядъ эпизодовъ, которыми сопровождается развязка шекспировской драмы, Пушкинъ приводитъ только просьбы о помилованіи Анджело, съ которыми обращаются къ Дуку Маріана и Изабела, и завершаетъ новеллу словами:

...И Дукъ его простилъ.

Въ нашу программу не входитъ дѣлать подробныя характеристики героевъ и героинь „Анджело“. Это завело бы насъ слишкомъ далеко и обратило бы нашу статью въ этюдъ не только объ „Анджело“, но и о „Мѣръ за мѣру“. Мы ограничимся лишь выясненіемъ, какъ смотрѣлъ Пушкинъ на главныхъ дѣйствующихъ лицъ шекспировской драмы. Други-

ми словами, мы будемъ говорить о Пушкинѣ, какъ о поэтѣ-истолкователѣ Шекспара.

Анджело въ психологическомъ отношеніи представляетъ тотъ интересъ, что служить живымъ подтвержденіемъ словъ апостола: „всякъ человѣкъ есть ложь“. Въ святоотеческой литературѣ и, особенно, въ сочиненіяхъ восточныхъ аскетовъ, часто дѣлаются напоминанія, что никто не можетъ быть убѣжденъ въ своей праведности и ручаться за себя; что бывали случаи, когда великіе пустынножители, зорко слѣдившіе въ теченіе многихъ лѣтъ за каждымъ своимъ душевнымъ движеніемъ и достигшіе поразительной и, какъ бы, сверхчеловѣческой, нравственной чистоты, неожиданно поддавали подъ вліяніе соблазна въ послѣдній день жизни, когда имъ оставалось только увѣнчать свои подвиги и пріять отъ Бога заслуженную награду. На эту тему Пушкинъ еще въ 1819 году написалъ стихотвореніе „Русалка“ („Надъ озеромъ, въ глухихъ дубравахъ“). Анджело привлекъ его вниманіе глубиною и сложностью своего характера. Въ Анджело соединялись необузданныя страсти съ презрѣніемъ къ пороку, стремленіе къ Богу съ тяго-

тѣніемъ къ діаволу, тщеславная гордость своей добродѣтелью съ циничной чувственностью, поклоненіе законности и формализму съ деспотическими замашками, мужественная стойкость въ рѣшительныя минуты съ малодушной соязнью общественнаго осужденія и съ постояннымъ трепетомъ за свое доброе имя, за славу святоши. Пушкинъ не смягчаетъ темныхъ сторонъ Анджело. Онъ надѣляетъ Анджело „мрачнымъ челомъ“, сверкающимъ, мрачнымъ взоромъ, называетъ его суровымъ, угрюмымъ, жестокосердымъ, злобнымъ и надменнымъ вельможею, но, видимо, пораженъ крупными размѣрами и своеобразными чертами его характера, въ которомъ лицемѣріе и искренность, низость и благородство, смѣлость и трусость такъ причудливо соединялись въ одно цѣлое.

Въ началѣ новеллы, Анджело, послѣ нѣсколькихъ ударовъ пушкинскаго рѣзца, сразу обрисовывается передъ нами, какъ строгій, неуклонный и беспощадный исполнитель долга, какъ фарисей въ лучшемъ смыслѣ слова, какъ человѣкъ, не знающій снисхожденія не только къ другимъ, но и къ себѣ. Поэтъ сразу даетъ вамъ понять, что честолюбивый и гор-

дый Андже́ло, изну́ряющій свою́ плоть въ трудахъ, ученѣ́ и постѣ́, и пользу́ющійся славою́ государственнаго мужа́ съ незапятнанною́ жизнью, не имѣ́еть въ себѣ́ и тѣ́ни христі́анской любви́, христі́анской кротости́ и христі́анскаго́ милосерді́я, что́ его́ праведность́ заключа́етъ много́ дѣ́ланнаго, что́ ему́ постоянно́ нужно́ слѣ́дить за собою́, чтобы́ не сдѣ́латься жертвою́ грубыхъ́ влеченій́ свое́й природы́, въ кото́рой совѣ́мъ не замѣ́тно доброты́. Направля́я Изабелу́ къ намѣ́стнику, Кла́вдію́ рассчиты́валъ на увѣ́рчивость́ и сладость́ ея́ рѣ́чей и думалъ́, что́

. . . . . рыдающая́ младость
 Мягчи́тъ сердца́ людей.
 Люціо́ говори́тъ Изабелѣ́:
 Ступа́йте къ Андже́ло, и зна́йте отъ
 меня́,
 Что́ если́ дѣ́вица, колѣ́ни преклоня́
 Передъ́ мужчиною́, и проси́тъ, и ры́
 дае́тъ,
 Какъ́ Богъ́, онъ́ все́ дае́тъ, чего́ не по́
 желае́тъ.

Кла́вдію́ и Люціо́ не зна́ли Андже́ло, не зна́ли, что́ у него́ вмѣ́сто сердца́ каменъ́, что́ сострада́ніе́ ему́ неизвѣ́стно. Красота́, умъ́, юность́, слезы́ и мольбы́ Изабелы́ произвели́ на Андже́ло неотрази́мое впечатлѣ́ніе, но совѣ́мъ не то́, како́го ожида́ли ея́

братъ и его пріятель: Изабела, сама того не зная, разбередила подавленные, какъ бы засыпанныя пепломъ, страсти Анджели, и онѣ вспыхнули въ немъ съ страшною силою. Первое свиданіе Изабелы съ Анджели было для него какъ бы сценою обольщенія; каждое слово, каждый взглядъ, каждый жестъ Изабелы, производили на него такое дѣйствіе, которому могла бы позавидовать самая опытная кокетка, вздумавшая испробовать обаяніе своихъ чаръ надъ какимъ-нибудь анахаретомъ. Анджели, замѣтивъ, что его стоицизму угрожаетъ крушеніе, старается положить конецъ разговору съ Изабелой, удалить ее, но это ему не удается. Его доводамъ она противопоставляетъ свои доводы, его рѣшительнымъ отказамъ — неистоцичную находчивость, его ссылкамъ на требованія религіи, закона и политики — ученіе христіанской любви. Когда Изабела говоритъ намѣстнику, что и онъ могъ бы пасть, какъ Клавдіо, и выражаетъ сомнѣніе, что въ его грѣшной душѣ никогда не тлѣли грѣшныя мысли, Анджели вздрагиваетъ, смущается, поникаетъ головой, но вовсе не потому, что убѣдился ея доводами и сталъ склоняться въ пользу Клавдіо, а потому, что чувствовалъ стыдъ

отъ сознанія, что онъ близокъ къ паденію и что грѣшныя мысли не только тлѣютъ, а царятъ въ его душѣ. Назначивъ Изабелѣ на слѣдующій день новое свиданіе, Анджело ни о чемъ не можетъ думать, какъ только о ней. Тщетно ищетъ онъ спасенія въ размышленіяхъ и молитвѣ: его неотступно преслѣдуетъ образъ Изабелы и звукъ ея голоса. Съ ужасомъ и стыдомъ слѣдигъ онъ за тѣмъ, что происходитъ съ нимъ, съ человѣкомъ, котораго не могла захватить въ свои сѣти никакая гетера.

Нескромной красотою
Я не былъ отъ роду къ соблазнамъ
увлеченъ,
И чистой дѣвою теперь я побѣжденъ.
Влюбленный человѣкъ доселѣ мнѣ ка-
зался
смѣшнымъ, и я его безумству удив-
лялся.

А нынѣ!..:

Любилъ ли Анджело Изабелу? Нѣтъ, онъ сгоралъ не любовью, а дикою вспышкой страсти, и это обнаруживается въ сценѣ второго свиданія его съ Изабелою, когда онъ старается обольстить ее. Какъ же онъ дѣлаетъ это? Сообразно съ особенностями своего характера. Онъ не старается понравиться ей, тронуть ее, вызвать въ ней по отношенію къ себѣ чувство нѣж-

ности и благодарности. Онъ добиваетъ своей цѣли одними софизмами и угрозами. Прежде онъ доказывалъ ей, что Клавдію нельзя помиловать, ибо его казнить законъ, а не тотъ или другой человѣкъ, что законъ, подъ дѣйствіе котораго подпалъ Клавдію, не умиралъ, а былъ лишь въ усыпленіи, ибо потворство грѣху преступно: Карая одного, спасаю многихъ я.

Илѣнившись Изабелой, Анджелио доказываетъ ей, что, если она рѣшается, ссылаясь на любовь къ брату, просить объ его помилованіи, несмотря на всю гнусность совершеннаго имъ преступленія, то можетъ и *искупить* казнь брата своимъ позоромъ:

Положимъ: тотъ, кто-бъ могъ одинъ
спасти его,

.....
.....

Къ тебѣ желаньемъ былъ преступнымъ
воспаленъ,
И требовалъ, чтобъ ты казнь брата
искупила
Своимъ паденіемъ, не то — рѣшишь
законъ.

Что скажешь? какъ бы ты въ умѣ
своемъ рѣшила?

Анджело даже въ качествѣ судьи — торговца и оболъстителя остается лицомъ, желающимъ соблюсти внѣшность строгаго блюстителя правды. По его логикѣ выходитъ такъ:

„Правосудіе поругано и требуетъ удовлѣтворенія; если Клавдіо будетъ помилованъ, кто нибудь долженъ искупить его казнь. Согласившись сдѣлаться предметомъ грубыхъ наслажденій намѣстника, Изабела расплатилась бы мѣрой за мѣру за грѣхъ брата, ибо, въ такомъ случаѣ, то, что совершилъ Клавдіо подъ вліяніемъ любви къ Джульетѣ, было бы совершенно Изабелою подневольно, съ отчаяніемъ и сознаніемъ своего позора“. У Шекспира объ *искупленіи* казни Клавдіо нѣтъ рѣчи. Одною чертою, однимъ словомъ Пушкинъ геніально освѣтилъ жестокою натурою и жестокой умъ Анджело.

Сбросивъ съ себя маску, Анджело совѣтуетъ Изабелѣ оставить и слезы, и моленья, и краску робкую, называя все это глупостями, и безропотно подчиниться его требованіямъ. Разсказывая объ уходѣ Изабелы отъ Анджело, поэтъ называетъ его домъ мерзостными палатами, обнаруживая тѣмъ свое отношеніе къ намѣстнику и его чернымъ дѣламъ. Что чувствовалъ Анджело, разставаясь съ Маріаной, которую онъ принималъ за Изабелу? Стыдъ и угрызеніе совѣсти. Онъ могъ бы повторить слова Пушкинскаго Мефистофеля, приписываемыя послѣднимъ Фаусту:

На жертву прихоти моей
 Гляжу, упившись наслажденьемъ
 Съ неодолимымъ отвращеньемъ:
 Такъ безрасчетный дуралей,
 Вотще рѣшась на злое дѣло,
 Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
 Бранить ободранное тѣло;
 Такъ на продажную красу,
 Насытись ею торопливо,
 Развратъ косится боязливо.

Анджело узнаетъ о возвращеніи
 Дука и спѣшитъ къ нему на встрѣчу
 . . . . . смущенный,
 Грызомый совѣстью, предчувствіемъ
 стѣсненный.

Когда Изабела бросается въ ноги
 Дуку, умоляя его о помилованіи бра-
 та, Анджело блѣднѣетъ, трепещетъ,
 бросаетъ на дѣвушку дикіе взоры, но
 не теряетъ присутствія духа и гото-
 вится доказать ей на дѣлѣ, что его
 ложь * имѣетъ болѣе вѣса, чѣмъ ея
 правда. Когда все объясняется, и ког-
 да выступаетъ истина, Анджело обна-
 руживаетъ лучшія стороны своего ха-
 рактера и, до извѣстной степени, при-
 миряетъ съ собою читателя.

. . . . . Дукъ тогда: „что Анд-
 жело, скажи,
 Чего достоинъ ты?“ Безъ слезъ и безъ
 боязни
 Съ угрюмой твердостью тотъ отвѣча-
 етъ:—кѣзни!
 И объ одномъ молю: скорѣе прикажи
 Вести меня на смерть.

* У Шекспира нѣтъ этого выраженія.

Этотъ прямой и смѣлый отвѣтъ показываетъ, что у Анджемо, несмотря на отталкивающія стороны его характера и вызванное ими паденіе, была мужественная душа, не утратившая ни сознанія долга, ни чувства чести, ни готовности безропотно подвергнуться незаслуженной отвѣтственности. Онъ служитъ залогомъ возможности для Анджемо нравственнаго возрожденія, и объясняетъ намъ, за что его любила вѣрная Маріана.

Тотъ грозный судія, святоша тотъ жестокий,

Чьи взоры строгіе во всѣхъ родятъ боязнь.

Чья избранная рѣчь шлетъ отроковъ на казнь,—

могъ возвышаться въ инныя минуты до истиннаго героизма. Еслибъ Анджемо жилъ въ Испаніи временъ Филиппа II, и попалъ бы въ члены инквизиціи, онъ хладнокровно обрекалъ бы на ауто-да-фе сотни и тысячи дѣйствительныхъ и мнимыхъ еретиковъ, а если бы онъ жилъ во Франціи временъ террора и былъ назначенъ членомъ Комитета общественнаго спасенія, онъ спокойно приговаривалъ бы къ гильотинѣ всѣхъ „подозрительныхъ“ людей. Но онъ и самъ не дрогнулъ бы, восходя на костеръ или на плаху, и умѣлъ бы не только вы-

слушать смертный приговоръ, но и умереть съ тою угрюмой твердостью, съ которою далъ свой отвѣтъ Дуку.

Изабела, судя по всему, принадлежала къ числу шекспировскихъ героинь, особенно плѣнявшихъ Пушкина. Онъ говоритъ о ней съ нѣжностью, а два раза сравниваетъ ее съ ангеломъ. Любовь Изабелы къ брату, ея благоговѣніе къ памяти отца, ея теплая вѣра, ея готовность жертвовать собой, не нарушая нравственного долга, ея кротость, ея смиреніе, ея праведный гнѣвъ противъ тѣхъ, кто пытается совратить ее съ истиннаго пути, ея несокрушимая твердость противъ всякихъ соблазновъ и ея непреодолимое отвращеніе къ сдѣлкамъ съ совѣстью—все это дѣлаетъ Изабелу прямою противоположностью бѣсовскому милосердію Анджело и безпринципной податливости Клавдіо. Жалѣя брата и заступаясь за него, она гнушается совершеннымъ имъ грѣхомъ. Она готова безъ колебанія отдать свою жизнь за брата, но предпочитаетъ самую лютую казнь тому, что ей предлагаетъ Анджело. Изабела—монахиня по призванію. Она любитъ брата, она любитъ всѣхъ несчастныхъ, она жалѣетъ даже объ Анджело, когда онъ попадаетъ въ

свои собственныя сѣти, но нѣтъ та-
кой земной привязанности, которая
могла бы вытѣснить изъ сердца Иза-
белы любовь къ Богу или ослабить
ее. Умъ Изабелы—по преимуществу,
религіозный умъ. Этимъ и объясняет-
ся „увѣрчивость и сладость“ ея рѣ-
чей и то, что называлъ Клавдіо ея
искусствомъ,—умѣнье обращаться съ
людьми, вліять на нихъ, проникать
въ ихъ мысли. Думая постоянно о
Богѣ, о спасеніи души и о загробной
жизни, Изабела усвоила себѣ серьез-
ное, спокойное и мудрое міросозерца-
ніе, которое не могло не отличать ее
отъ дѣвушекъ одного возраста съ
нею и могло быть выработано лишь
путемъ внутренняго опыта и созерца-
тельной жнзни. Въ стихахъ Пуш-
кина—

Сказалъ и вышелъ вонъ, невинную дѣ-
вицу
Оставя въ ужасѣ. Поднявши къ небе-
самъ
Молящій, ясный взоръ и чистую дес-
ницу,
Отъ мерзостныхъ палатъ спѣшитъ она
въ темницу —

мы видимъ Изабелу, точно прекрасное
изваяніе или прекрасно написанное на
полотнѣ лицо.

Маріанѣ и ея нѣжной красотѣ по-
священо въ пушкинской новеллѣ все-

го нѣсколько строкъ, но молодая, отвергнутая жена Анджело, беззавѣтно преданная своему мужу, какъ живая, стоитъ передъ вами, съ

Душою нѣжною, печальной и смиренной,
Душой, отвергнутой мучителемъ своимъ.

Описывая, какъ Изабела учила Мариану обмануть Анджело, Пушкинъ въ немногихъ словахъ раскрываетъ все, что должна была чувствовать несчастная женщина, слушая свою подругу.

Марьяна, бѣдная, сквозъ слезы улыбаясь,
Готовилась дрожа—и дѣва съ ней разсталась.

Люціо въ „Анджело“ не бранить Дука, не распускаетъ про него нелѣпыхъ и лживыхъ слуховъ изъ мести за неполученную должность и не старается отдѣлаться отъ обольщенной имъ дѣвушки. Онъ привлекательнѣе шекспировскаго Люціо, хотя Пушкинъ не прибавилъ къ нему ни одной черты, не заимствованной изъ „Мѣры за мѣру“. Пушкинскій Люціо—

. . . . . гуляка беззаботной,
Повѣса, вздорный враль, но малый
доброхотной.

Въ одномъ мѣстѣ Пушкинъ называетъ Люціо усерднымъ, а въ другомъ— добрымъ.

Старый Дукъ Пушкина гораздо понятнѣй шекспировскаго герцога Винченціо. Дукъ „Анджело“ въ полномъ смыслѣ слова—

Народа своего отецъ чадолюбивый,
Другъ мира, истины, художествъ и
наукъ,—

съ живымъ воображеніемъ, наталкивающимъ его на такія затѣи (III, 5), какъ незримое соглядатайство à la Гарувъ-Аль-Рашидъ или примиреніе Анджело съ Маріаною путемъ хитрости.

Клавдіо Пушкина ничѣмъ не отличается отъ Клавдіо изъ „Мѣры замѣру“. Онъ любитъ Джульету, онъ чувствуетъ привязанность и къ Изабелѣ, но въ немъ есть большая доля наивнаго эгоизма и нравственной неустойчивости, благодаря которой онъ и обращается на время въ союзника Анджело. Клавдіо слабовольный юноша, неспособный къ инициативѣ и къ рѣшительному образу дѣйствія. Пушкинъ прекрасно обрисовалъ его двумя стихами, поясняющими, какъ слушалъ Клавдіо увѣщанія мнимаго монаха, убѣждавшаго его,

Что смерть и бытіе равны одна дру-
гому
И что и здѣсь, и тамъ одна безсмертная
душа,

И что подлунный міръ не стоитъ ни гроша.*

Какъ же относился Клавдіо къ философіи переодѣтаго Дука?

Съ нимъ бѣдный Клавдіо печально соглашался,

А въ сердце милою Джульетой занимался.

Подведемъ итоги нашимъ замѣткамъ объ „Анджело“. Эта прелестная новелла въ стихахъ, въ строго выдержанномъ стилѣ старинныхъ итальянскихъ новеллъ, безукоризненно передающая сущность и нравственный смыслъ шекспировской драмы, равно,

* Весь этотъ монологъ, въ которомъ шекспирологи видятъ отраженіе идей Монтаня, Пушкинъ выбросилъ изъ своей новеллы, замѣнивъ его шутливымъ изложеніемъ того, что говорилъ Дукъ, въ качествѣ монаха, совершенно серьезно. Нельзя не замѣтить, что шекспировскій Винченціо вовсе не утверждалъ, въ качествѣ мнимаго монаха, „что смерть и бытіе равны одно другому“ и т. д. Тождественность бытія и небытія возвѣстилъ Гегель, а раньше его проповѣдывалъ древне-греческій философъ Гераклитъ. „Все существуетъ, говорилъ онъ: и все не существуетъ; потому что, хотя все приходитъ въ бытіе, но оно немедленно вслѣдъ затѣмъ перестаетъ быть“. Это ученіе о вещахъ, какъ о постоянномъ приливѣ и отливѣ, Гегель считалъ предвосхищеніемъ своего знаменитаго тезиса: Sein und Nichtsein ist dasselbe. Вотъ надъ

какъ и психологію главныхъ дѣйствующихъ лицъ ея. Передѣлка „Мѣры за мѣру“ въ новеллу требовала самостоятельнаго творчества и способности, съ одной стороны, глубоко проникаться шекспировскимъ духомъ, а съ другой—умѣнья не поработаться ему и не терять изъ виду своихъ собственныхъ цѣлей. Въ нашей литературѣ „Анджело“ доселѣ составляетъ единичное явленіе. По своему характеру его нѣсколько напоминаютъ развѣ только „Пѣснь торжествующей любви“ И. С. Тургенева и „Пульчинелль“ А. Н. Майкова, которыя и писались, по всей вѣроятности, не безъ мысли объ „Анджело“.

этимъ то тезисомъ, вызвавшимъ въ свое время не мало насмѣшекъ, особенно въ Англии, Пушкинъ иронизировалъ въ „Анджело“: эквилибристика гегелевской диалектики не могла обаятельно дѣйствовать на ясный и свѣтлый умъ Пушкина. Былъ ли извѣстенъ Пушкину истинный смыслъ столь запутаннаго и неточно выраженаго логическаго закона Гегеля? Зналъ ли онъ, что Гегель разумѣлъ подъ *Nichtsein* не несуществующее, а отсутствіе феноменовъ? (см. Льюиса *Исторія философіи*, пер. Чэико, стр. 92). Вѣроятно, зналъ. Онъ подшучивалъ только надъ головоломной фразеологіей нѣмецкаго метафизика, умѣвшаго вносить путаницу въ самыя простыя понятія.

Для того, чтобы разъяснить наглядно значеніе того творческаго процесса, который породилъ „Анджело“, мы приведемъ примѣръ изъ области пластическихъ искусствъ.

Представьте себѣ большое полотно какого-нибудь первокласснаго живописца, на которомъ главныя, центральныя фигуры, воплощающія въ себѣ поэтическую идею картины и всю ея красоту, обставлены цѣлымъ рядомъ мастерски выполненныхъ, но, собственно говоря, ненужныхъ фигуръ, увеличивающихъ размѣры композиціи, но не много прибавляющихъ къ ея основному содержанію. Пришелъ скульпторъ, равный по таланту нашему живописцу, и, восхищенный главными фигурами, воспроизвелъ ихъ съ своеобразнымъ очарованіемъ, въ дивно исполненной мраморной группѣ.

Картина — это „Мѣра за мѣру“ Шекспира, мраморная группа — это „Анджело“ Пушкина.

УІІ.

„М е т е л ь“.

Съ перваго взгляда „Метель“ кажется хотя мастерскимъ и занимательнымъ, но легенькимъ и незатѣйливымъ рассказомъ, чрезвычайно искусно построеннымъ на сцѣпленіи разныхъ случайностей. На самомъ дѣлѣ, въ ней заключаются и глубокія мысли, раскрывающія философское и этическое міросозерцаніе Пушкина, и высокія художественныя достоинства.

Прежде всего, въ „Метели“ живо чувствуется вѣра въ Провидѣніе, — вѣра въ то, что, какъ говоритъ Гамлетъ, —

Есть Божество, ведущее насъ къ цѣли.

Въ этомъ отношеніи „Метель“ является какъ-бы предшественницей „Капитанской дочки“. „Милая Марія Ивановна! говоритъ Гриневъ своею невѣстѣ, вырвавъ ее изъ когтей Швабрина: чудныя обстоятельства соединили насъ неразрывно; ничто на свѣтѣ не можетъ насъ разлучить“. То же самое могъ бы сказать и Бурминъ Марьѣ Гавриловнѣ: ихъ тоже соеди-

нили „чудныя обстоятельства“, столкнувшіяся самымъ причудливымъ образомъ для того, чтобы не допустить брака Марьи Гавриловны съ Владимиромъ. Что можетъ быть проще и естественнѣе того, что въ вечеръ, когда было рѣшено бѣгство Марьи Гавриловны изъ родительскаго дома, разыгралась метель; что Владимиръ сбился съ дороги и проплуталъ до пѣтуховъ въ лѣсу и полѣ; что повѣса Бурминъ, тоже сбившійся съ дороги, неожиданно-негаданно попалъ въ церковь и перевѣнчался съ незнакомою ему дѣвушкой, а, затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ встрѣтился съ нею и полюбилъ ее? Все это просто и естественно, но во всемъ этомъ ясно видна какая-то разумная послѣдовательность и чья-то руководящая рука. Эпиграфомъ къ „Метели“ можно было бы поставить французскій афоризмъ: *l'occasion est l'incognito de la Providence*. Говоря о „чудныхъ обстоятельствахъ“ своей жизни въ Оренбургскомъ краѣ, Гриневъ разумѣлъ ихъ загадочность, ихъ мистичность. Въ этомъ-же смыслѣ и мы называемъ „чудными обстоятельствами“ странное сцѣпленіе событий „Метели“. Пушкинъ не былъ послѣдователемъ мусульманскихъ понятій о предопредѣленіи, и мы далеки

отъ мысли сопоставлять его „Метель“ съ „Фаталистомъ“ Лермонтова, но онъ усматривалъ персть Божій и что-то роковое въ нѣкоторыхъ событіяхъ своей жизни, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что его религіозный взглядъ на человѣческую жизнь, уже достаточно опредѣлившійся и окрѣпшій къ началу 30-хъ годовъ, отразился и въ „Метели“. Въ подтвержденіе того, что Пушкинъ создалъ фабулу „Метели“, имѣя въ виду не одну занимательность повѣствованія, а нѣчто болѣе серьезное, служатъ, между прочимъ, нѣкоторыя указанія разсказа. Сонъ Марьи Гавриловны имѣетъ такой же вѣщій характеръ, какъ сонъ молодого Гринева или Татьяны. Подобно тому, какъ Гринева видѣлъ во снѣ аллегорическое изображеніе пугачевщины и того вліянія, какое она имѣла въ послѣдствіи на его жизнь, а Татьяна—гибель Ленскаго отъ руки Онѣгина,—Марья Гавриловна видѣла Владиміра, лежащаго на травѣ, блѣднаго, окровавленнаго: „онъ, умирая, молилъ ее пронзительнымъ голосомъ поспѣшить съ нимъ обвинчаться...“ Она какъ бы почувствовала, что ей не суждено быть женой Владиміра, и что онъ не долго проживетъ. А вотъ, разсказъ Бурмина, какъ онъ попалъ въ церковь, въ ко-

торой Марья Гавриловна ожидала Владимира: „Пріѣхавъ однажды на станцію поздно вечеромъ, я велѣлъ, было, поскорѣе закладывать лошадей, какъ вдругъ поднялась ужасная метель, и смотритель и ящики совѣтовали мнѣ переждать. Я ихъ послушался, но непонятное безпокойство овладѣло мною; казалось, кто-то меня такъ и толкалъ. Между тѣмъ, метель не унималась; я не вытерпѣлъ, приказалъ закладывать и поѣхалъ въ самую бурю“. Очевидно, что Пушкинъ видѣлъ въ случайностяхъ, изъ которыхъ сотканъ ходъ событий „Метели“, стройную, разумную и цѣлесообразную связь, открывающуюся избраннымъ умамъ, сквозь хаосъ и сумракъ, повидимому, бессмысленныхъ и беспорядочныхъ явленій жизни.

„Метель“ писалась одновременно съ послѣднею главою „Евгенія Онѣгина“, въ то время, когда Пушкинъ оканчивалъ ее и когда она уже, конечно, была обдумана имъ во всѣхъ частяхъ. Въ основу „Метели“ положена та самая идея, которая лежитъ въ основѣ послѣдней главы „Евгенія Онѣгина“ и печальной развязки романическихъ отношеній Дубровскаго къ Марьѣ Кириловнѣ,—идея святости брака, какъ таинства и неразрывнаго союза. Въ

„Метели“ такъ же, какъ и въ послѣдней главѣ „Евгенія Онѣгина“, „Дубровскомъ“ и въ „Капитанской дочкѣ“ отразились крѣпкіе религіозно-нравственные устои русской жизни, еще нетронутые разлагающимъ вліяніемъ невѣрія и скептицизма. Марья Ивановна Миронова смотритъ на бракъ, какъ на великое и святое дѣло, разъ навсегда рѣшающее участь женщины. Марья Кириловна Троекурова, стоя подъ вѣнцомъ съ княземъ Верейскимъ, съ замираніемъ сердца ждетъ Дубровскаго, какъ своего освободителя и любимаго человѣка, но съ той минуты, когда священникъ произноситъ невозвратимыя слова, она уже не помышляетъ о томъ, что ей можно бросить князя и отдаться Дубровскому. Когда Дубровскій останавливаетъ карету, въ которой она ѣдетъ съ мужемъ изъ церкви, она говоритъ: „Поздно, я обвиняна, я жена князя... Прикажите освободить его и оставьте меня съ нимъ. Я не обманывала, я ждала васъ до послѣдней минуты... Но теперь, говорю вамъ, теперь поздно. Пустите насъ“. На слова Дубровскаго: „нѣтъ! вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться,..." — Марья Кириловна отвѣчаетъ: „Я согласилась, я дала клятву“. Она счита-

ла себя на вѣкъ связанною своею символически выраженной клятвою и своимъ безмолвнымъ, чисто пассивнымъ согласіемъ. Въ этомъ отношеніи Марья Кириловна вполнѣ солидарна съ Татьяной и могла бы повторить Дубровскому послѣднія слова Татьяны Онѣгину:

Я васъ люблю (къ чему лукавить).
Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна .

Кому не извѣстно, сколько споровъ, недоумѣній и протестовъ возбуждали и возбуждаютъ эти знаменитые три стиха,—этотъ благородный и прекрасный отвѣтъ Татьяны на страстные изліянія Онѣгина? Всѣ эти протесты вытекаютъ, конечно, изъ весьма мутнаго этического источника, — изъ доктрины „эмансипаціи плоти“ и изъ самаго грубаго непониманія того, что говорить Татьяна. Ея словамъ, обыкновенно, приписывается такой смыслъ, какого она и не думала имъ придавать. „Помилуйте! возражаютъ зоицы Пушкина; она смотритъ на себя, какъ на вещь, какъ на безсловесное созданье, ибо считаетъ себя какою то неотъемлемою собственностью генерала на томъ основаніи, что она *отдана* ему матерью, не считавшею нужнымъ справляться съ сердечными влеченіями дочери и думав-

шею лишь о томъ, чтобы устроить для нея „хорошую партію“ и поскорѣе выдать ее замужъ“. Какъ ни пошло и какъ ни нелѣпо такое толкованье словъ Татьяны, съ нимъ нельзя не считаться въ виду его распространенности.—Татьяна не объясняетъ, кѣмъ она *другому отдана*, но это разумѣется само собою. Татьяна была проникнута самой теплой вѣрой и усматривала проявленіе Высшей воли въ главныхъ событіяхъ своей жизни.

Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ, писала она Онѣгину. Мысль о Богѣ никогда не покидала ея страстной, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, религиозно настроенной души. Говоря:

Но я другому отдана,—

Татьяна хотѣла сказать, что она отдана мужу Богомъ и Церковью и навсегда связана клятвою, данною передъ алтаремъ.

Въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ исповѣдницею святости и неразрывности брака является одна Татьяна, а въ „Дубровскомъ“—одна Марья Кириловна. То, чему Татьяна придаетъ такое громадное значеніе, въ глазахъ Онѣгина не имѣетъ никакой цѣны. Дубровскій далекъ отъ либеральныхъ взглядовъ Онѣгина на бракъ, но и онъ не при-

давалъ таинству брака рѣшающаго значенія въ тѣхъ случаяхъ, когда невеста шла подъ вѣнецъ, подъ вліяніемъ нравственнаго насилія отцовской власти. Главныя дѣйствующія лица „Метели“ проникнуты такимъ несокрушимымъ убѣжденіемъ въ рѣшающемъ значеніи брака, какъ таинства, что считаютъ навсегда связанными людей, которые соединены брачными узами даже при такихъ исключительныхъ условіяхъ, съ какими имѣли дѣло Марья Гавриловна и Бурминъ. Съ канонической и богословской точки зрѣнія, конечно, можно было бы оспаривать дѣйствительность брака Марьи Гавриловны съ Бурминымъ, ибо Марья Гавриловна, стоя подъ вѣнцомъ, была въ полной увѣренности, что она выходитъ замужъ за Владиміра, а Бурминъ былъ далекъ отъ мысли жениться на незнакомой ему дѣвушкѣ. То, что произошло въ церкви во время метели, не было и не могло быть занесено въ метрическія книги, такъ что, съ формальной стороны, Марья Гавриловна и Бурминъ вполне могли располагать своей судьбой и считать себя не состоящими въ бракѣ; но герой и героиня „Метели“ не интересовались формальной стороной вопроса и, не вникая въ тонкости каноническаго пра-

ва, признавали таинство брака совершившимся и разъ навсегда соединившимъ ихъ жизнь. Вернувшись изъ церкви, Марья Гавриловна смотрѣла на себя уже, какъ на замужнюю женщину, а на Владиміра, какъ на посторонняго, хотя и любимаго человѣка. Она не видѣлась съ нимъ по возвращеніи домой и навсегда прекратила съ нимъ всѣ сношенія. Передала ли она ему чтонибудь черезъ священника, черезъ Машу или черезъ плаферовъ? Написала ли она ему что-нибудь, вернувшись въ отцовскій домъ? Въ „Метели“ объ этомъ не говорится. Нѣтъ никакого сомнѣнія, однако, что Владиміръ вѣрно понялъ причину болѣзни Марьи Гавриловны. Онъ понялъ, что, при свиданіи съ Марьей Гавриловной, онъ не услышалъ бы ничего, кромѣ рыданій и безнадежнаго рѣшенія Татьяны:

Я васъ люблю (къ чему лукавить)?
 Но я другому отдана;
 Я буду вѣкъ ему вѣрна.

Такой же отвѣтъ Марья Гавриловна собиралась дать Бурмину, когда вызывала его на объясненіе въ любви. На это именно и намекаетъ Пушкинъ, говоря, что „она пріуготовляла развязку самую неожиданную“. „Я никогда не могла быть вашею женою“,

говорить Марья Гавриловна Бурмину, выслушавъ его признаніе въ любви и намекая на свое замужество съ таинственнымъ незнакомцемъ, разлучившимъ ее съ Владиміромъ.

Владиміръ не находилъ въ поведеніи Марьи Гавриловны ничего страннаго и, судя по всему, даже не пытался возобновить свои прежнія къ ней отношенія. На загадочный бракъ Марьи Гавриловны съ неизвѣстнымъ ей офицеромъ онъ смотрѣлъ съ такой же точки зрѣнія, какъ и Марья Гавриловна. Поэтому то онъ и не воспользовался предложеніемъ ея родителей пріѣхать въ Ненародово и въ отвѣтъ на ихъ согласіе на бракъ, о которомъ онъ прежде такъ страстно мечталъ, объявлялъ имъ, что нога его не будетъ никогда въ ихъ домѣ, и просилъ забыть о несчастномъ, для котораго смерть остается единою надеждою. Непонятный для Гаврилы Гавриловича смыслъ письма Владиміра заключался въ томъ, что Владиміръ считалъ ее принадлежащею другому и чувствовалъ себя въ положеніи тургеневской Лизы послѣ того, какъ она узнаетъ, что жена Лаврецаго жива.

Вънчаясь съ Марьей Гавриловной, вѣтранный Бурминъ не придавалъ никакого значенія своей преступной про-

казѣ, но, сдѣлавшись серьезнѣе, возмужавъ и умственно, и нравственно, онъ сталъ иначе относиться къ ней и, полюбивъ Марью Гавриловну, открываетъ ей свою тайну, чтобы навсегда положить непреодолимую преграду между собою и любимую дѣвушкой. Онъ не смѣетъ и думать о бракѣ съ нею, ибо считаетъ себя женатымъ. „Да, говоритъ Бурминъ, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но—я несчастнѣйшее созданіе... я женатъ!.. Я женатъ, я женатъ уже четвертый годъ, и не знаю—кто моя жена, и гдѣ она, и долженъ ли свидѣться съ нею когда нибудь“!

Марья Гавриловна, Владиміръ и Бурминъ совершенно одинаковыми глазами смотрятъ на таинство брака и его значеніе. На этомъ и построена фабула „Метели“, основанная на преобладаніи чувства долга надъ влеченіями сердца.

Многіе считаютъ Марью Гавриловну безцвѣтнымъ лицомъ. Такого мнѣнія и мы прежде держались, и даже высказывали его печатно (см. нашу книгу „Капитанская дочка“ Пушкина, стр. 17). Пристальное изученіе „Повѣстей Бѣлкина“ измѣнило нашъ взглядъ на героиню „Метели“. Кто

поглубже вдумается въ ея характеръ, тотъ неизбежно придетъ къ заключенію, что Марья Гавриловна превосходно обрисована Пушкинымъ и занимаетъ не послѣднее мѣсто въ его галлерей уѣздныхъ барышень.

У Марьи Гавриловны есть черты, сближающія ее съ Татьяною. Она была тоже воспитана на французскихъ романахъ и тоже имѣла романическое воображеніе. То, что говорится въ 24-й строфѣ 3-ей главы „Евгенія Онегина“ о Татьянѣ, можетъ быть примѣнено съ нѣкоторыми оговорками и къ Марьѣ Гавриловнѣ.

За что жъ виновнѣе Татьяна?
 За то-ль, что въ милой простотѣ
 Она не вѣдаетъ обмана
 И вѣритъ избранной мечтѣ?
 За то-ль, что любитъ безъ искусства,
 Послушная вѣченью чувства,
 Что такъ довѣрчива она,
 Что отъ небесъ одарена
 Воображеніемъ мятежнымъ,
 Умомъ и волею живой,
 И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ?
 Ужели не простите ей
 Вы легкомыслія страстей?

Было-бы, однако, верхомъ близорукости отождествлять Марью Гавриловну съ Татьяной. У Марьи Гавриловны нѣтъ той сложности характера, той глубины чувства и того духовнаго изящества, которыми отли-

чается Татьяна. Въ Татьянѣ нѣтъ ничего будничнаго и вульгарнаго. Татьяна — избранная, возвышенная и поэтическая натура. Этого, конечно, нельзя сказать о Марьѣ Гавриловнѣ. Татьяна одна изъ немногихъ, а Марья Гавриловна одна изъ многихъ. Она не лишена своеобразной прелести, но у нея есть и комичныя черты, не имѣющія ничего плѣнительнаго. Вспомните ея сентиментальную дружбу съ чувствительной барышней, ея письменныя изліянія, ея тульскую печатку съ изображеніемъ двухъ пылающихъ сердець, ея непреодолимое любопытство. Марья Гавриловна похожа на Татьяну, какъ плохенькая пародія на чудный оригиналь (говоримъ такъ, имѣя въ виду нравственное достоинство обѣихъ героинь Пушкина, а не ихъ художественное воспроизведеніе: каждая изъ нихъ обрисована съ законченностью и пластичностью, не оставляющими желать ничего лучшаго). Въ пользу Марьи Гавриловны подкупаютъ насъ ея женственность, ея вѣрность долгу, ея мягкость и доброта, тѣмъ не менѣе, Марья Гавриловна не болѣе, какъ нѣчто среднее между Татьяною и Ольгою. Она увлеклась Владиміромъ, на котораго Татьяна не обратила бы вниманія. Марья Гавриловна не чуж-

да страстишки порисоваться и разыгрывать красивыя роли. Она не прочь и пококетничать, и поиграть въ любовь, хотя, несомнѣнно, любила по своему Владиміра и была вѣрною женою Бурмину. Въ ея отношеніяхъ къ отцу и матери есть много трогательнаго, но Марья Гавриловна сама не знала, гдѣ у нея кончались фразы и позаимствованная изъ романовъ экзальтація, и гдѣ начиналось неподдѣльное чувство. Къ тому-же, Марья Гавриловна, несмотря на свою чувствительность и слабые нервы, со всѣмъ не годится въ героини трагедіи, но могла-бы быть вставлена безъ особаго труда въ число дѣйствующихъ лицъ самой веселой комедіи. И неудивительно: преобладающими чертами ея характера является женское любопытство и воображеніе,—не пламенное и сильное воображеніе, а воображеніе избалованной дѣвушки, разстроенное неумѣреннымъ и преждевременнымъ чтеніемъ всякихъ небылицъ. Въ „Метели“ Пушкинъ блеснулъ столь свойственнымъ ему добродушнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лукавымъ и изящнымъ юморомъ. Имъ прелестно освѣщенъ характеръ Марьи Гавриловны. Пушкинъ насквозь видѣлъ Марью Гавриловну со всѣми ея

недостатками, но, видимо, любовался ею, хотя, конечно, не могъ смотрѣть на нее иначе, какъ сверху внизъ. „Тѣ изъ моихъ читателей, которые не жили въ деревняхъ, говоритъ поэтъ въ „Барышнѣ—крестьянкѣ“: не могутъ вообразить, что за прелесть эти уѣздныя барышни! Воспитанныя на чистомъ воздухѣ, въ тѣни своихъ садовыхъ яблонь, онѣ знаніе свѣта и жизни почерпаютъ изъ книжекъ. Уединеніе, свобода и чтеніе рано въ нихъ развиваютъ чувства и страсти, неизвѣстныя разсѣяннѣмъ нашимъ красавицамъ. Для барышни звонъ колокольчика есть уже приключеніе; поѣздка въ ближній городъ полагается эпохою въ жизни, и посѣщеніе гостя оставляетъ долгое, иногда и вѣчное воспоминаніе. Конечно, всякому вольно смѣяться надъ нѣкоторыми ихъ странностями; но шутки поверхностнаго наблюдателя не могутъ уничтожить ихъ существенныхъ достоинствъ, изъ коихъ главное: особенность характера, самобытность (*individualité*), „безъ чего, по мнѣнію Жанъ-Поля, не существуетъ и человѣческаго величія. Въ столицахъ женщины получаютъ, можетъ быть, лучшее образованіе; но навыкъ свѣта скоро сглаживаетъ характеръ и дѣлаетъ души столь же

однообразными, какъ и головные уборы“. Стихи изъ „Осени“—

И вы, любимицы златой моей зари—
Вы, барышни мои, съ открытыми плечами,

Съ висками гладкими и томными
очами—

всецѣло могутъ быть отнесены съ точки зрѣнія Пушкина, между прочимъ, и къ Марьѣ Гавриловнѣ.

Къ роману Марьи Гавриловны съ Владиміромъ, да и къ ней самой, дѣвица К. И. Т., со словъ которой Бѣлкинъ рассказываетъ „Метель“, относится не серьезно, а нѣсколько иронически. Что побудило Марью Гавриловну рѣшиться на бракъ съ Владиміромъ? Она „была воспитана на французскихъ романахъ, и, слѣдственно, была влюблена“. Для того, чтобы понять это слѣдственно, нужно принять во вниманіе, что дѣйствіе „Метели“ происходитъ въ то время, когда „La nouvelle Héloïse“ Руссо имѣла громадное вліяніе на умы и сердца молодыхъ людей и когда каждый юноша считалъ своимъ долгомъ походить на пламеннаго Сентъ-Пре, а каждая дѣвушка—на пламенную Юлію. Воспитавшись на романахъ, Марья Гавриловна читала, вѣроятно, не только „La nouvelle Héloïse“, но и „Кларису“ Ричардсона, и „Дельфину“ m-me Сталь,

и проникалась ихъ душевнымъ настроеніемъ, имѣвшимъ весьма мало общаго съ той уѣздной глушью и съ той безхитростной помѣщичьей семьей, въ которой росла дочь добрѣйшаго Гаврила Гавриловича и добрѣйшей Прасковьи Петровны.

Воображаясь героиней
Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,
Клариссой, Юліей, Дельфиной,
Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
Одна съ опасной книгой бродить;
Она въ ней ищетъ и находитъ
Свой тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты.

Разница между Татьяной и Марьей Гавриловной заключается въ томъ, что Татьяна находила въ романахъ лишь выраженіе того, что сама чувствовала:

*Свой тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,—*

Марья же Гавриловна, такъ сказать, напускала на себя вычитанныя въ романахъ чувства, вовсе не страдавая избыткомъ „сердечной полноты“. Владиміръ былъ сначала для Марьи Гавриловны не болѣе, какъ „предметъ, избранный ею“, за отсутствіемъ болѣе подходящаго героя, для осуществленія своихъ романическихъ замысловъ. Если бы отецъ и мать ничего не возражали противъ ея затѣи, Марья Гавриловна едва ли бы на-

стаивала на ней. Но явилось препятствіе, началась переписка, начались тайныя свиданія въ сосновой рощѣ и у старой часовни, клятвы въ вѣчной любви, сѣтованіе на „жестокихъ“ родителей, и Марья Гавриловна, послѣ долгихъ колебаній, рѣшается на побѣгъ, оправдывая свой поступокъ „неодолимою силою страсти“. Въ дѣйствительности, въ данномъ случаѣ, никакой страсти не было, а была взбалмошность избалованной, слабовольной и не особенно далекой молоденькой дѣвушки, не умѣвшей разобраться въ своихъ чувствахъ и обманывавшейся въ нихъ. Если бѣ Марьей Гавриловной руководила непреодолимая сила страсти, она не откладывала бы побѣга со дня на день, не писала бы наканунѣ побѣга длиннаго письма своей чувствительной подругѣ, не терзалась бы во снѣ „ужасными мечтаніями“, не заливалась бы слезами при мысли о разлукѣ съ родителями. Все, что намъ извѣстно о романѣ Марьи Гавриловны съ Владиміромъ, приводитъ къ убѣжденію, что въ немъ было много дѣланнаго, и что, совершая побѣгъ, Марья Гавриловна смутно сознавала, что она дѣлаетъ большую глупость, предпринимаетъ ничѣмъ неоправдываемый шагъ, ко-

торый не дастъ ей счастья, но очень огорчить ея родителей, а ихъ она любила и, ужъ конечно, не считала въ глубинѣ души жестокими.

Для пониманія того, что передумала и переживала Марья Гавриловна въ церкви, въ ожиданіи Владиміра и во время совершенія брака, нужно припомнить разсказъ Бурмина. Войдя въ церковь, онъ нашелъ Марью Гавриловну въ обморокѣ. Не нужно думать, что обморокъ вызванъ былъ исключительно позднимъ появленіемъ того, кого она принимала за своего жениха. Нѣтъ, Марья Гавриловна смотрѣла на себя, какъ на преступницу, чувствовала одновременно и страхъ, и угрызенія совѣсти, и все то, что должна чувствовать нервная, слабенькая, робкая, нерѣшительная и лишенная инициативы дѣвушка въ ту минуту, когда она совершаетъ легкомысленный и рискованный поступокъ. Замѣчательно, что, при появленіи мнимаго Владиміра, котораго Марья Гавриловнѣ пришлось такъ долго ждать, она не обнаружила радости и прилива силъ. Она была въ полубессознательномъ состояніи, когда ее вѣнчали, не смотрѣла и не замѣчала, съ кѣмъ ее вѣнчаютъ. Къ священнодѣйствию, которымъ должна была на-

чаться для нея новая жизнь, она относилась такъ же разсѣяннo, какъ и Бурминъ, хотя и по совершенно другимъ причинамъ. Она взглянула на Бурмина только тогда, когда священникъ сказалъ имъ: „поцѣлуйтесь!“ Только тогда она увидѣла, что тотъ, съ кѣмъ ее перевѣнчали, былъ *не онъ*. Еслибъ она, дѣйствительно любила Владиміра,¹ съ ней не могло бы произойти того, что произошло въ церкви, когда Бурмину вздумалось исполнить обязанности импровизированнаго жениха. Можно себѣ представить, какъ она была поражена, увидѣвъ около себя вмѣсто Владиміра—Бурмина, сдѣлавшись женой неизвѣстнаго ей, тотчасъ же скрывшагося, человѣка! Еслибъ ей пришлось вернуться домой ни съ чѣмъ, она, быть можетъ, отрезвилась бы отъ своего увлеченія Владиміромъ и перестала бы думать о побѣгѣ отъ родителей. Но она пріѣхала подъ ихъ кровъ навсегда связанною съ таинственнымъ незнакомцемъ, который могъ каждую минуту предъявить свои прара съ незнакомцемъ, и который, вѣроятно, представлялся ей напуганному воображенію если не выходцемъ съ того свѣта, такъ какимъ нибудь Мельмотомъ, Корсаромъ или Сбогаромъ (см.

„Евгеній Овѣгнъ, III, 12). Не мудрено, что неудачный побѣгъ и необычайная свадьба разрѣшились для бѣдной Марьи Гавриловны горячкой, едва не унесшей ее въ могилу.

Романъ съ Владиміромъ, закончившійся столь печально, болѣзнь Марьи Гавриловны, смерть Владиміра и смерть отца не могли не отразиться на героинѣ „Метели“, но они не отразились на ней очень замѣтно и не измѣнили ея характера. Она сдѣлалась нѣсколько задумчивѣй прежняго, и только. „Память его (Владиміра) казалась священною для Маши“, говорится въ „Метели“, но тутъ же прибавляется: *но крайней мѣрѣ*, она берегла все, что могло его напомнить: книги, имъ нѣкогда прочитанныя, его рисунки, ноты и стихи, имъ переписанные для нея“. Вотъ все, въ чемъ выражалось горе Марьи Гавриловны. Постоянство и печальная вѣрность дѣвственной Артемизы мертвому Владиміру происходили не отъ глубины ея чувства, а потому, что она считала себя замужней женщиной, чего никто не зналъ. Это не мѣшало ей замѣтить Бурмина и возгорѣться желаніемъ разыграть передъ нимъ эффектную роль героини романа. Марья Гавриловна сдѣлалась женой Бурмина и, вѣроят-

но, убѣдила въ послѣдствіи себя и его въ томъ, что она чувствовала себя несчастнѣйшею изъ женщинъ, пока не выслушала его исповѣди, ибо не могла думать о замужествѣ съ нимъ, а между тѣмъ, была привлекаема къ нему „неодолимою силою страсти“. Но и къ Бурмину Марья Гавриловна не питала страстной привязанности, хотя онъ нравился ей и хотя она съ удовольствіемъ сознавала, что произвела на него неотразимое впечатлѣніе. Психологическій анализъ отношеній Марьи Гавриловны къ Бурмину раскрываетъ передъ нами всю ея душу и даетъ самое ясное понятіе объ ея чисто женственномъ, но отнюдь не глубокомъ нравственномъ обликѣ. „Но болѣе всего.... (болѣе его нѣжности, болѣе пріятнаго разговора, болѣе интересной блѣдности, болѣе перевязанной руки) молчаніе молодого гусара болѣе всего подстрекало ея любопытство и воображеніе. Она не могла не сознаваться въ томъ, что она очень ему нравилась; вѣроятно, и онъ, съ своимъ умомъ и опытностью, могъ уже замѣтить, что она отличала его; какимъ же образомъ до сихъ поръ не видала она его у своихъ ногъ и еще не слышала его признанія? Что удерживало

его? Робость, неразлучная съ истинною любовью, гордость или кокетство хитраго волокиты? Это было для нея загадкою. Подумавъ хорошенько, она рѣшила, что робость была единственно тому причиною, и положила ободрить его большею внимательностью и, смотря по обстоятельствамъ, даже нѣжностью. Она приготовляла развязку самую неожиданную, и съ нетерпѣніемъ ожидала минуты романческаго объясненія. Тайна, какого рода ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу*. Какую же развязку приготовляла Марья Гавриловна, наталкивая Бурмина на объясненіе въ любви? Она собиралась сказать ему нѣчто подобное тому, что сказала Татьяна Евгению Онѣгину при послѣднемъ свиданіи съ нимъ:

Я васъ люблю (къ чему лукавить?)
 Но я другому отдана;
 Я буду вѣкъ ему вѣрна.

Произнося эти слова, Татьяна не рисовалась и не любовалась собою, Марья же Гавриловна ни на минуту не забывала бы, разрушая надежды Бурмина, что она дѣйствуетъ, какъ подобаешь дѣйствовать героинѣ романа. Не нужно объяснять, что ея ходульный языкъ, о которомъ можно судить по ея письму къ родителямъ и

по восклицанію въ разговорѣ съ Бурминымъ: „Молчите, ради Бога, молчите: вы терзаете меня!“ рѣзко отличался отъ того простого, но поэтичнаго языка, какимъ говорила Татьяна съ Онегинимъ, навсегда разставаясь съ нимъ. Марья Гавриловна изящна, граціозна и мила, но ее нельзя было воспроизвести, не прибѣгая къ юмористическому тону, который и просвѣчиваетъ черезъ всю „Метель“, не смотря на мистическій колоритъ нѣкоторыхъ мѣстъ этого разсказа.

Владиміръ Николаевичъ еще менѣе похожъ на героя, чѣмъ Марья Гавриловна на героиню. Онъ ни мало не напоминаетъ Грандисона, которымъ она, быть можетъ, его себѣ представляла.

Свой слогъ на важный ладъ настроя,
 Бывало, пламенный творецъ
 Являлъ намъ своего героя.
 Какъ совершенства образецъ.
 Онъ одарялъ предметъ любимый,
 Всегда несправедно гонимый,
 Душой чувствительной, умомъ
 И привлекательнымъ лицомъ.
 Питая жаръ чистѣйшей страсти,
 Всегда восторженный герой
 Готовъ былъ жертвовать собой.

Владиміръ погибаетъ подъ Москвою,
 тяжело раненый подъ Бородинимъ.
 Марья Гавриловна находитъ его имя

въ списокѣ офицеровъ, отличившихся въ великой битвѣ народовъ. Онъ былъ храбръ на войнѣ, безкорыстенъ, честенъ,—вообще, имѣлъ много хорошихъ сторонъ, но принять его за тотъ „совершенства образецъ“, на которомъ выѣзжали старинные романисты по рецепту изъ одиннадцатой строфы третьей главы „Евгенія Онѣгина“, могла, да и то не надолго, лишь такая молоденькая, неопытная и сантиментальная дѣвушка, какъ Марья Гавриловна. У Владиміра не было недостатка ни въ чувствительности, ни въ восторженности, но онъ не выдѣлялся изъ ряда воиновъ ни по уму, ни по характеру. Неустрашимый въ огнѣ, онъ не отличался ни смѣлостью, ни находчивостью, ни стойкостью, ни самостоятельностью въ жизни. Въ личныхъ отношеніяхъ онъ былъ скорѣе робокъ, чѣмъ смѣлъ, и не обладалъ умѣньемъ подчинять людей своему вліянію, внушать имъ довѣріе и уваженіе къ себѣ. Безобидные родители Марьи Гавриловны отвадили его отъ своего дома, начавъ принимать хуже, чѣмъ отставного засѣдателя, когда замѣтили взаимную склонность молодыхъ людей. Имъ, очевидно, и въ голову не приходило, что съ Владиміромъ нельзя такъ поступать, и что имъ

слѣдовало бы его побаиваться. Владиміръ „пылалъ страстью“, но онъ заговорилъ о побѣгѣ не скоро, сталъ же настаивать на немъ лишь нѣскольکو мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ пересталъ появляться въ Ненародовѣ. Голова Владиміра была такъ же разстроена отъ чтенія романовъ, какъ и голова Марьи Гавриловны. Его любовныя письма писались такимъ же приподнятымъ и ходульнымъ тономъ, какъ и ея изліянія. Владиміръ Николаевичъ въ каждомъ письмѣ умолялъ ее *предаться ему, вѣнчаться тайно, скрываются нѣсколько времени, броситься потомъ къ ногамъ родителей*, которые, конечно, будутъ тронуты, наконецъ, героическимъ постоянствомъ и несчастіемъ любовниковъ, и скажутъ имъ непремѣнно: *„дѣти! придите въ наши объятія“*. Нетерпѣніе и рѣшительность не были удѣломъ Владиміра. Въ его натурѣ сказывается что то дряблое, что не могло не проглядывать и въ его наружности. Неудивительно, что онъ не вселилъ въ Марью Гавриловну большой привязанности и не приобрѣлъ надъ ней большой власти. Страсть, которою онъ „пылалъ“, не горѣла яркимъ пламенемъ и не дѣйствовала заразительно. Марья Гаврилова смотрѣла на Влади-

міра не снizu вверху, а сверху внизъ. Къ ея любви примѣшивалась значительная доза жалости и смутнаго сознанія своего превосходства надъ своимъ „предметомъ“. Владиміръ являлся ей во снѣ отнюдь не въ героическомъ видѣ: ей снилось наканунѣ побѣга, что онъ *молилъ* ее *пронзительнымъ* *голосомъ* поспѣшить съ ней обвѣнчаться. Очевидно, что наяву онъ только и дѣлалъ, что *умолялъ* и *молилъ* Марью Гавриловну. Въ немъ не замѣтно чертъ сильнаго и властнаго характера. Если-бъ онъ женился на Марьѣ Гавриловнѣ, онъ былъ бы—

Мужъ мальчикъ, мужъ слуга изъ женинныхъ пажей,
Московскій идеаль *московскихъ* *всѣхъ*
мужей.

Вѣря въ свой „жаръ чистѣйшей страсти“, Владиміръ отнюдь не былъ Ромео, жившимъ и дышавшимъ своею Джульетой. Его поведеніе въ день побѣга чрезвычайно характерно и вполне обрисовываетъ и его самого, и его взмыленную „страсть“ къ Марьѣ Гавриловнѣ. Онъ проводитъ весь день въ развѣздахъ, какъ ни въ чемъ не бывало остается обѣдать у Дракина, въ порывѣ напускнаго энтузіазма обнимаетъ двухъ шаферовъ, дотягиваетъ дѣло до вечера и не самъ увозитъ Марью Гаври-

ловну, а поручаетъ это сдѣлать... своему кучеру Терешкѣ, вслѣдствіе чего романическая затѣя влюбленныхъ заканчивается самымъ неожиданнымъ образомъ. Не нужно доказывать, что Ромео не остался бы обѣдать у пріятеля въ день, назначенный для похищенія Джульеты, и что онъ, ужъ конечно, самъ увезъ бы ее. Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ бы на того, кто посоветовалъ бы ему отправить за Джульетой слугу. Онъ не понялъ бы возможности замѣнить себя кѣмъ нибудь другимъ въ столь важный моментъ своей жизни. Владиміръ разсуждалъ иначе, хотя не могъ не догадываться, что Марья Гавриловна должна была испытывать и страхъ и волненіе, самовольно покидая отцовскій домъ и бросаясь въ неизвѣстное будущее. Безпечный и вялый Владиміръ не подумалъ объ этомъ и ввѣрилъ участь Марьи Гавриловны, несмотря на позднее время, Терешкѣ и поѣхалъ въ церковь отдѣльно отъ нея. „Шалость“ Бурмина увѣнчалась успѣхомъ только потому, что „чувствительный“ и „восторженный“ Владиміръ велъ себя въ день увоза Марьи Гавриловны, точно будто хлопоталъ по постороннему для себя дѣлу.

А что онъ предпринимаетъ по воз-

вращеніи изъ церкви, когда узнаетъ, что Марья Гавриловна перевѣнчалась съ какимъ то проѣзжимъ? Ровно ничего. Онъ не дѣлаетъ попытки объясниться съ ней, не принимаетъ никакихъ мѣръ къ разъясненію страннаго случая, не возбуждаетъ вопроса о недѣйствительности брака, состоявшагося при столь странныхъ обстоятельствахъ, и сидитъ въ своей усадьбѣ въ то время, когда бѣдная дѣвушка борется между жизнью и смертію. Онъ не является въ домъ Гаврила Гавриловича, ибо „быль напуганъ обыкновеннымъ приемомъ“, другими словами, боялся попасть въ неловкое положеніе, боялся, что ему укажутъ добродушные старички на дверь. „Полусумашедшее“ письмо, присланное Владиміромъ въ отвѣтъ на согласіе родителей Марьи Гавриловны выдать за него свою дочь, объясняется не только тѣмъ, что Владиміръ смотрѣлъ на Марью Гавриловну, какъ на замужнюю женщину, но и тѣмъ, что онъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ нею, стыдился смотрѣть ей въ глаза и побаивался встрѣчи съ нею, не зная навѣрно, какъ она его приметъ. Разрывъ Владиміра съ Марьей Гавриловной не дешево обошелся и ей, и ему,

но они могли себя утѣшать тѣмъ, что нѣтъ худа безъ добра. Владиміръ не гнался за приданнымъ Марьи Гавриловны и, не питая къ ней страстной привязанности, вѣроятно, даже былъ отчасти радъ возможности навсегда разстаться съ нею, не расхлебывая той каши, которую онъ заварилъ и оставляя за собою право считать себя „несчастливымъ, для котораго смерть остается единою надеждою“. Неудачное катанье съ кучеромъ Терешкой, въ связи съ испугомъ и болѣзнью, не могло не подѣйствовать отрезвляющимъ образомъ и на Марью Гавриловну и, ужъ во всякомъ случаѣ, не усилило ея „неодолимой страсти“ къ Владиміру. Она безропотно примирилась со своей участью неизвѣстно чьей жены и „никогда не упоминала о Владимірѣ“. Она его ни въ чемъ не упрекала, но, бѣдный прапорщикъ, умершій прекрасною смертью защитника отечества, не долго и не прочно царилъ въ ея сердцѣ. Нѣтъ надобности прибавлять, что Владиміръ былъ бы вытѣсненъ изъ сердца Марьи Гавриловны въ самомъ началѣ своего романа, еслибъ она раньше встрѣтилась съ Бурминымъ.

Бурмина мы знаемъ частью по характеристикѣ дѣвицы К. И. Т., частью по его изліяніямъ и исповѣди передъ Марьей Гавриловной; главнымъ-же образомъ, по его поведенію въ церкви, въ которую онъ случайно попалъ во время снѣжной бури.

„Бурминъ, по словамъ дѣвицы К. И. Т., былъ, въ самомъ дѣлѣ, очень милый молодой человѣкъ. Онъ имѣлъ именно тотъ умъ, который нравится женщинамъ: умъ приличія и наблюденія, безо всякихъ притязаній и безопасно насмѣшливый. Поведеніе его съ Марьей Гавриловной было просто и свободно, но, что-бы она ни сказала или ни сдѣлала, душа и взоры его такъ за нею и слѣдовали. Онъ казался нрава тихаго и скромнаго, но молва увѣряла, что нѣкогда былъ онъ ужаснымъ повѣсою, и это не вредило ему во мнѣніи Марьи Гавриловны, которая (какъ и всѣ молодыя дамы вообще) съ удовольствіемъ извиняла шалости, обнаруживающія смѣлость и пылкость характера“.

Очевидно, что Бурминъ нравился не только Марьѣ Гавриловнѣ, но и дѣвицѣ К. И. Т. Очевидно, что она вполне одобряла выборъ Марьи Гавриловны, съ удовольствіемъ слушала

разговоръ Бурмина, и, не дѣлая его превыспреннымъ героемъ, глубокою натурой и „рыцаремъ духа“, считала его благовоспитаннымъ и въ полномъ смыслѣ слова „порядочнымъ“ человекомъ, который могъ быть украшеніемъ любой провинціальной гостиницы. На былыя „шалости“ Бурмина дѣвица К. И. Т. охотно набрасывала покрывало, охотно вѣрила тому, что въ нихъ сказывалась лишь смѣлость и пылкость милаго полковника. Дѣвица К. И. Т., однако, такъ хорошо обрисовала его, что читателю кажется, будто онъ видѣлъ Бурмина и его мягкое, благородное и, въ то же время, исполненное увѣренности въ себѣ обращеніе, будто онъ слышалъ его незатѣйливый, но не пошлый, легкій, веселый и остроумный разговоръ. Дѣвица К. И. Т. показываетъ намъ Бурмина такимъ, какимъ онъ бывалъ и казался въ женскомъ обществѣ, когда онъ пристально слѣдилъ за собой, сдерживалъ себя и хотѣлъ произвести на окружающихъ пріятное впечатлѣніе. Поэтому характеристика Бурмина, сдѣланная дѣвицей К. И. Т., можетъ быть названа чисто внѣшней и, притомъ, не только одностороннею, но и нѣсколько пристрастною въ смыслѣ благопріятномъ для Бурмина. Было

бы опрометчиво судить о Бурминѣ исключительно по этой характеристикѣ; было бы опрометчиво думать, что у Бурмина былъ „тихій и скромный нравъ“ и что тѣ „шалости“, которыя приписывала ему молва въ ту пору его жизни, когда онъ слылъ ужаснымъ повѣсой, проистекали только изъ смѣлости и пылкости характера. Было бы, затѣмъ, крайне опрометчиво думать, что тотъ Бурминъ, котораго знала дѣвица К. И. Т.,—Бурминъ болѣе или менѣе остепенившійся и возмужавшій подъ вліяніемъ великихъ событій, которыя совершились на его глазахъ и въ которыхъ онъ принималъ участіе въ качествѣ боевого и храбраго офицера, не имѣлъ ничего общаго съ прежнимъ Бурминымъ, славившимся такими проказами, которымъ могъ бы позавидовать каждый самый удалой гусарь. Заграничная жизнь, знакомство съ западноевропейскими литературами, военныя опасности, долгіе походы, рана и т. д., все это, конечно, должно было отразиться на нравственномъ обликѣ Бурмина, но не могло передѣлать его настолько, чтобы мы были вправѣ принять его характеристику, сдѣланную дѣвицей К. И. Т., за чистую монету и отождествить подлин-

наго Бурмина съ тѣмъ Бурминымъ, который сложился въ воображеніи дѣвицы К. И. Т.

Въ то время, когда дѣвица К. И. Т. узнала Бурмина, онъ, подчиняясь модѣ и духу времени, невольно корчилъ изъ себя не то идеальнаго Грандисона, не то пылкаго и чувствительнаго героя „Новой Элоизы“ Руссо—St. Preux. Настоящій Бурминъ сказывался въ немъ лишь тогда, когда онъ сбрасывалъ маску и обнаруживалъ свой легкій, поверхностный, неглубокий, но здравый умъ и свою безпечную насмѣшливость, не имѣвшую ничего общаго съ тою напускною романтическою меланхоліей, въ которую онъ считалъ нужнымъ драпироваться во время объясненія съ Марьей Гавриловной. Дѣланіость и фальшь этой меланхоліи, равно какъ и всего точка, въ какомъ говорить Бурминъ съ Марьей Гавриловной, открывая ей одну изъ невиннѣйшихъ прудѣлокъ своей молодости, молодая дѣвушка, начитанная въ романахъ не меньше Бурмина, замѣтила изъ перваго же его приступа къ объясненію въ любви. „Я васъ люблю... Я васъ люблю страстно. Я поступилъ неосторожно, предаваясь милой привычкѣ видѣть и слышать васъ ежедневно“,—такъ началъ Бурминъ,

желая *открыть* Марьѣ Гавриловнѣ *свое сердце*, и она тотчасъ же вспомнила письмо St. Preux, такъ какъ Бурминъ, вѣроятно, самъ того не сознавая, но инстинктивно стараясь говорить по красивѣе и быть какъ можно интереснѣе, заимствовалъ у St. Preux весь складъ своей рѣчи, особенно въ началѣ и концѣ ея, когда ему приходилось готовить Марью Гавриловну къ разсказу о дикой, легкомысленной и жестокой продѣлкѣ, дающей весьма нелестное представленіе оъ его умѣ и сердцѣ, и оправдывать себя въ этой продѣлкѣ *).

*) Начало перваго письма St. Preux къ Юли:

„Il faut vous fuir, mademoiselle, je le sens bien: j'aurais dû beaucoup moins attendre; ou plutôt il falloit ne vous voir jamais. Mais que faire aujourd'hui? comment m'y prendre? Vous m'avez promis de l'amitié; voyez mes perplexités et conseillez moi“.

Далѣе въ томъ же письмѣ читаемъ:

Cependant je vous vois tous les jours, et je m'aperçois que, sans y songer, vous aggravez innocemment des maux que vous ne pouvez plaindre, et que vous devez ignorer. Je sais, il est vrai, le parti que dicte en pareil cas la prudence au défaut de l'espoir; et je me serois efforcé de le prendre, si je pouvois accorder en cette occasion la prudence avec l'honnêteté: mais comment me retirer déceimment d'une maison dont la maîtresse elle-même m'a offert l'entrée, où elle m'accable de bontés, où elle

Всего лучше характеризуетъ Бурмина не обманчивый портретъ его, набросанный дѣвицею К. И. Т. и не его, заранѣе приготовленная и до мелочей обдуманная, исповѣдь передъ Марьей Гавриловной, а та рѣшительность и то хладнокровіе, съ которыми онъ перевѣнчался, пользуясь общимъ переполохомъ и темнотою въ церкви, съ чужою невѣстою, и то равнодушіе, съ какимъ онъ предалъ забвенію этотъ эпизодъ изъ своей жизни.

Бурминъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые, подъ вліяніемъ прихоти, подъ вліяніемъ минутнаго каприза, сумасбродной фантазіи, ни передъ чѣмъ не останавливаются,

---

me croit de quelque utilité à ce qu'elle a de plus cher au monde?

Конецъ третьяго письма St. Preux къ Юліи:

Il faut vous rendre le repos que j'ai perdu pour toujours, et que je vous ôte ici malgré moi. Il est juste que je porte seul la peine du crime dont je suis coupable. Adieu, trop belle Julie; vivez tranquille, et reprenez votre enjouement; dès demain vous ne me verrez plus. Mais soyez sûre que l'amour ardent et pur dont j'ai brûlé pour vous ne s'éteindra de ma vie, que mon cœur, plein d'un si digne objet, ne sauroit plus s'avilir, qu'il partragera désormais ses uniques hommages entre vous et la vertu, et qu'on ne verra jamais profaner par d'autres feux l'autel où Julie fut adorée.

никого и ничего не щадять, а прибавокъ, имѣють еще и крайне покладистую совѣсть, быстро забывающую то, что слѣдовало бы ей хорошо помнить, и не нарушающую душевнаго комфорта своихъ обладателей. „Я женатъ, говоритъ Бурминъ: я женатъ уже четвертый, годъ и не знаю, кто моя жена и гдѣ она, и долженъ ли я свидѣться съ ней когданибудь“. Если бы его слушала не Марья Гавриловна, не его жертва, то, вслѣдъ за этимъ признаніемъ, самъ собою явился бы вопросъ: „Какъ же это могло случиться? Вѣроятно, васъ перевѣнчали съ кѣмънибудь путемъ хитрости и обмана, когда вы были пьяны, въ безпамятствѣ и, вообще, въ невѣняемомъ состояніи“? Бурминъ понималъ это и старался представить дѣло передъ Марьей Гавриловной такъ, какъ будто онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ гипноза, по чьему нибудь внушенію. Онъ ссылается на свою разсѣянность на *непонятную* вѣтренность и, вообще, дѣлаетъ видъ, будто онъ не можетъ объяснить себѣ своего поступка. Но разгадка его продолжки чрезвычайно проста; Марья Гавриловна показалась ему недурна, и онъ сразу рѣшилъ въ своемъ умѣ, что роль жениха, которую ему навя-

звали по недоразумѣнію шафера, горничная Марья Гавриловны и священникъ,—весьма пріятная и благодарная роль, и онъ безъ колебанія принялъ ее на себя. Въ данномъ случаѣ Бурминъ угодился тѣмъ самозванцамъ, которые попадали въ самозванцы безъ всякихъ усилій со своей стороны и ограничивались тѣмъ, что ловили рыбу въ мутной водѣ, не противились увлекавшему ихъ теченію, не старались разсвѣять общее заблужденіе на счетъ своей особы, охотно становились на приготовленный для нихъ пьедесталъ и снимали пѣнки съ неожиданно занятого положенія. Бурминъ, конечно, не Хлестаковъ; онъ гораздо умнѣе, гораздо даровитѣе Хлестакова. Въ немъ нѣтъ ни хлестаковской пошлости, ни хлестаковского ничтожества. Но его приключеніе въ церкви положительно напоминаетъ приключеніе Хлестакова въ уѣздномъ городкѣ. Бурминъ провозгласилъ женомъ лица, окружавшія Марью Гавриловну, а Хлестакова провозгласили ревизоромъ Бобчинскій съ Добчинскимъ и сбитые ими съ толку чиновники. Бурминъ такъ же, какъ и Хлестаковъ, сначала слегка недоумѣваетъ, а потомъ продѣлываетъ все то, чего отъ него ждутъ. Хлестаковъ производитъ

ревизію, принимаетъ жалобы, угощеніе, беретъ взятки, обручается и цѣлуется съ Марьей Антоновной, а Бурминъ становится съ Марьей Гавриловной передъ налогомъ, обвиняется съ ней и дѣлаетъ попытку поцѣловать ее. И ничего непонятнаго во всемъ этомъ нѣтъ. „Въ то время, говоритъ Бурминъ: я такъ мало полагаю важности въ преступной моей проказѣ, что, отъѣхавъ отъ церкви, заснулъ и проснулся на другой день по утру на третьей уже станціи“. Очевидно, что онъ такъ же, какъ и Хлестаковъ, забылъ о своемъ самозванствѣ тотчасъ же, какъ только отъѣхалъ на нѣсколько верстъ оттуда, гдѣ онъ всѣхъ обморочилъ. Онъ „полагалъ мало важности“ въ своей легкомысленной подѣлкѣ не только въ то время, когда совершалъ ее, но и впослѣдствіе. Въ теченіе трехъ лѣтъ съ лишнимъ онъ не интересовался участію несчастной дѣвушки, надъ которой онъ испробовалъ свое ухарство. Онъ вспомнилъ о ней только тогда, когда влюбился въ Марью Гавриловну. А между тѣмъ, онъ не былъ ни атеистомъ, ни вольнодумцемъ. И, несмотря на то, онъ съ легкимъ сердцемъ продолжалъ путь въ Вильну, какъ Хлестаковъ въ Сара-

товскую губернію. У Хлестакова не было царя въ головѣ, а у Бурмина былъ неистощимый запасъ наивнаго себялюбія и привычки ни въ чемъ себѣ не отказывать,—большой запасъ самодурства, отваги, доходящей до дерзости, неуваженія къ человѣческому достоинству, склонности къ приключеніямъ, молодого задора и беспечнаго, легкомысленнаго, взбалмошнаго, насмѣшливаго отношенія къ жизни.

Франція и Германія отшлифовали Бурмина, придали ему лоскъ цивилизованнаго и воспитаннаго челоѣка, дающаго себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ и сознающаго свои нравственныя обязанности. Но изъ подъ этого лоска просвѣчиваетъ грубая и и неглубокая натура безшабашнаго удальца, съ которымъ васъ нѣсколько примиряетъ только его мужество. Почему-же вы, однако, не допускаете мысли, что Бурминъ переродился, побывавъ на чужбинѣ и въ сраженіяхъ? быть можетъ, скажутъ намъ. Да потому, что нѣтъ основанія вѣрить въ истинность такой метаморфозы. Умъ Бурмина,—умъ „приличія и наблюденія, безъ всякаго притязанія и беспечно насмѣшливый“,—вполнѣ гармонируетъ съ его духовнымъ складомъ.

Бурминъ скоро смекнулъ, какъ слѣдуетъ держать себя, чтобы не отстать отъ героевъ своего времени и нравиться не только Дравинымъ, землемѣрамъ Шмитамъ и шестнадцатилѣтнимъ уланамъ, но и такимъ представителямъ женскаго пола, какъ Марья Гавриловна и дѣвица К. И. Т. Предполагать, что забубенный сорванецъ Бурминъ сдѣлался русскимъ St. Preux, сантиментальнымъ и нѣсколько буколическимъ, хотя и пламеннымъ витяземъ во вкусѣ „Новой Элоизы“, значило-бы совершенно не понимать людей такого закала, какъ Бурминъ. Мы знаемъ только одну проказу Бурмина. Смѣло можно сказать, что его проказамъ не было конца. За нимъ, безъ всякаго сомнѣнiя, водились и многочисленныя дуэли, затѣвавшiяся отъ нечего дѣлать или изъ желанiя показать себя, и азартная игра въ карты съ большими выигрышами и проигрышами, и отчаянные кутежи, и полунасильственный увозъ женщинъ, и иные подвиги во вкусѣ такихъ прожигателей жизни, какъ графъ Турбинъ изъ „Двухъ гусаровъ“ графа Л. Н. Толстого, декабристъ Якубовичъ, извѣстный въ свое время Толстой—американецъ и т. д. Бурминъ былъ, можетъ быть,

нѣсколько сдержаннѣй ихъ, но онъ все таки приходился нѣсколько сродни имъ...

Обстоятельства сложились такъ, что Бурмину надо было разстаться съ Марьей Гавриловной тотчасъ послѣ бракосочетанія. Но если бы онъ былъ разительно похожъ на Владимира, и еслибъ ему можно было разыгрывать его роль и по выходѣ изъ церкви, онъ едва ли бы усомнился увезти съ собой Марью Гавриловну, а затѣмъ, когда его обманъ обнаружился бы, поступить сообразно съ обстоятельствами: бросить Марью Гавриловну, еслибъ она надоѣла ему, или открыто признать ее своей женой, еслибъ она имѣла счастье вскружить ему голову. Бурминъ—человѣкъ такого же типа, какъ графъ изъ „Выстрѣла“ и Минскій изъ „Станціоннаго зрителя“. Онъ ни на минуту не усомнился бы, въ случаѣ столкновенія съ благороднымъ Сильвіо, разбить его жизнь пощечиной, а потомъ стрѣлять въ него безъ всякаго на то права, или увезти у такого бѣдняка, какъ Выринъ, молоденькую дочь, его единственную отраду, а затѣмъ всунуть ему въ руку пачку кредитныхъ билетовъ и вытолкать въ шею.

При бѣгломъ чтеніи „Метели“ Бур-

минъ можетъ показаться тѣмъ милымъ, добрымъ и кроткимъ молодымъ человѣкомъ, какимъ выставляетъ его дѣвица К. И. Т. Но всмотритесь глубже въ его характеръ, и вы увидите, что въ лицѣ Бурмина Пушкинъ вывелъ одного изъ русскихъ гоюворѣзовъ царствованія Императора Александра I, прирожденнаго хищника, весело, хладнокровно и безпечно коверкавшаго чужія жизни ради шутки, отъ скуки, для потѣхи и для минутнаго удовольствія. Нашептывая Марьѣ Гавриловнѣ сладкія слова, Бурминъ щеголялъ передъ ней въ овечьей шкурѣ, но нужно сътъ слѣпымъ, чтобы не разглядѣтъ подъ нею волчьихъ когтей и волчьихъ повадокъ. Мы вовсе не хотимъ сказать, что Бурминъ лицемѣритъ, принимая позы St. Preux и говоря его языкомъ. Мороча женщинъ, онъ морочитъ до извѣстной степени и самого себя. Мы хотимъ только сказать, что Бурминъ—St. Preux., если поскрести его, окажется прежнимъ Бурминымъ—Бурминымъ 1812 года.

Гаврилъ Гавриловичъ и Прасковья Петровна, которые казались Владимиру Николаевичу, а иногда и Марьѣ Гавриловнѣ, „жестокими“ родителями,

могутъ быть названы воплощенной добротой, изъ которой вытекали и ихъ привѣтливое гостепріимство, и ихъ неподдѣльное радушіе, благодаря которымъ въ ихъ домѣ не переводились гости. Очевидно, что подъ кровомъ простодушныхъ, непритязательныхъ и незлобивыхъ хозяевъ каждый могъ отдохнуть душой, встрѣтить сочувствіе къ своему горю и къ своей радости. Смѣло можно сказать, что ненарадовская чета жила душа въ душу и была такъ же далека отъ зависти, мстительныхъ чувствъ и желанія повредить, подставить кому-нибудь ногу, какъ и отъ всякихъ страстей и бурныхъ порывовъ.

Гавриль Гавриловичъ и его жена могли служить нагляднымъ опроверженіемъ пессемистическихъ теорій: они были, по своему совершенно счастливы, хотя ихъ незамысловатое счастье не могло бы, уже конечно, удовлетворить Марью Гавриловну. Для того, чтобы жить, какъ жили ненарадовскіе помѣщики, нужно было не только походить на нихъ характеромъ, но и свыкнуться съ тѣмъ простымъ и неподвижнымъ бытомъ, который господствовалъ въ зажиточныхъ помѣщичьихъ усадьбахъ стараго закала начала XIX столѣтія, съ ихъ разъ навсегда усвоенными привыч-

ками и понятіями. Гавриль Гавриловичъ и Прасковья Петровна не были противниками образованія, но имѣли о немъ смутное понятіе и, пригласивъ для своей единственной дочери гувернантку-француженку, не замѣтили, какъ Марья Гавриловна, начитавшись романовъ, стала смотрѣть на міръ Божій совсѣмъ не тѣми глазами, какими смотрѣли ея отецъ и мать. Разладъ между дочерью и родителями обнаружился тотчасъ же, какъ только они замѣтили ея отношенія къ Владиміру. Они „запретили ей о немъ думать“, а ему перестали оказывать то радушіе, съ какимъ всѣхъ принимали, но Марья Гавриловна не обратила вниманія на приказанія родителей, ибо нимало не боялась ихъ и хорошо знала, что они не въ силахъ поставить на своемъ, и, въ концѣ концовъ, уступятъ ей, если она будетъ настойчиво дѣйствовать. Марья Гавриловна не была пріучена подчиняться волѣ родителей, ибо они ее любили самою нѣжной любовью и отнюдь не отличались силою характера.

Марья Гавриловна отвѣчала родителямъ на привязанность привязанностью, но, какъ своенравная и избалованная дѣвушка, она была не склонна сообразовать свои желанія съ желаніями роди-

телей. Задумавъ покинуть отцовскій домъ, она жалѣла бѣдныхъ стариковъ, хорошо зная, какъ они будутъ поражены и огорчены, когда увидятъ ея комнату опустѣвшею. Но она не признавала ихъ права вмѣшиваться въ ея строй жизни. Гавриль Гавриловичъ и Прасковья Петровна не подозрѣвали того, что происходило въ сердцѣ и въ головѣ Марьи Гавриловны. Крестья, цѣлуя, лаская и лелѣя ея, они въ простотѣ души думали, что ихъ Маша живетъ и будетъ жить такъ же, какъ они жили. Ни о Руссо, ни о его „Новой Элоизѣ“ родители Марьи Гавриловны не имѣли никакого понятія. Когда Марья Гавриловна заболѣла, Гавриль Гавриловичъ и Прасковья Петровна, убѣдившись изъ ея бреда, что она смертельно влюблена во Владиміра, сначала порѣшили, что причиной ея болѣзни была любовь, а затѣмъ послали за Владиміромъ и извѣстили его о своемъ согласіи на бракъ. Добрые старички остались въ данномъ случаѣ вѣрными самимъ себѣ; упрямство, настойчивость, крутыя мѣры и всякая скольконибудь послѣдовательность въ дѣйствіяхъ были имъ совершенно чужды, и они готовы были согласиться на что угодно, лишь бы видѣть свою Ма-

шу веселою и довольною, при чемъ не всегда дѣлали различіе между ея счастьемъ и исполненіемъ ея прихотей. Отношеніе Гаврила Гавриловича и Прасковьи Петровны къ дочери наглядно и трогательно обрисовывается, между прочимъ, въ тѣхъ мѣстахъ „Метели“, гдѣ говорится объ ихъ обращеніи съ дочерью,—обращеніи, исполненномъ кротости, любви и заботливости. Если-бъ судьба столкнула Гаврила Гавриловича и Прасковью Петровну съ Иваномъ Кузьмичемъ и Василисой Егоровной (изъ „Капитанской дочки“), объ четы, несмотря на различіе въ условіяхъ жизни, общественномъ положеніи и характерахъ, оцѣнили бы одна другую и сошлись съ между собою: онѣ мазаны однимъ миромъ и имѣютъ много общаго. Про Гаврилу Гавриловича и Прасковью Петровну можно сказать то же самое, что говоритъ молодой Гриневъ о бѣло-орскомъ комендантѣ и его супругѣ: они были самые почтенные люди и должны быть отнесены къ привлекательнѣйшимъ, хотя и не лишеннымъ комизма, помѣщичьимъ типамъ Пушкина. Тотъ легкій, задумчивый, осторожный и едва замѣтный юморъ, съ какимъ говорится о нихъ въ „Метели“, даетъ для папеньки и мамень-

ки Марьи Гавриловны самое подходящее освѣщеніе. Его нѣсколько напоминаетъ освѣщеніе, въ какомъ Гоголь показалъ намъ Аванасія Ивановича съ Пульхеріей Ивановной.

О каждомъ изъ трехъ свидѣтелей (шаферовъ) бракосочетанія Маріи Гавриловны, такъ же, какъ и объ ея родителяхъ, Пушкинъ сказалъ всего нѣсколько словъ, но они, какъ живые, стоятъ передъ нами. Знакома насъ съ уѣзднымъ обществомъ средней руки начала XIX столѣтія и съ его „служивымъ“ отпечаткомъ.

„Цѣлый день Владиміръ былъ въ разъѣздѣ. Утромъ былъ онъ у жадринскаго священника, насилу съ нимъ уговорился, потомъ поѣхалъ искать свидѣтелей между сосѣдними помѣщиками. Первый, къ кому явился онъ, отставной сорокалѣтній корнетъ Дравинъ согласился съ охотою. Это заключеніе, увѣрялъ онъ, напоминало ему прежнее время и гусарскія проказы. Онъ уговорилъ Владиміра остаться у него отобѣдать и увѣрилъ его, что за другими двумя свидѣтелями дѣло не станетъ. Въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ послѣ обѣда явились землемѣръ Шмитъ, въ усахъ и шпорахъ, и сынъ капитанъ-исправника, маль-

чикъ лѣтъ шестнадцати, недавно поступившій въ уланы. Они не только приняли предложеніе Владиміра, но даже клялись ему въ готовности жертвовать для него жизнью. Владиміръ обнялъ ихъ съ восторгомъ и поѣхалъ домой приготовляться^а.

Отставной сорокалѣтній корнетъ Дравинъ одинъ изъ тѣхъ дворянъ, которые слѣшили получить первый чинъ, а затѣмъ выходили въ отставку и безпечально проводили весь вѣкъ въ родовой усадьбѣ, живя изо дня въ день и не подвергая себя ни боевой опасности, ни дисциплинарной зависимости. Дравинъ—это типъ недоросля по призванію, не имѣющаго ни благороднаго честолюбія, ни сознанія сословнаго долга. Дравинъ вовсе не одержимъ желаніемъ защищать свою родину. Онъ не безъ спѣса носитъ свой перый и единственный чинъ, любитъ поговорить о томъ времени, когда онъ жилъ въ полку, прихвастнуть былой удалейю и рассказывать о своихъ гусарскихъ проказахъ, сильно при этомъ, конечно, привирая. Въ гусарѣ Дравинѣ очень мало „гусарскаго“, хотя онъ и старался казаться самымъ настоящимъ гусаромъ. Онъ байбакъ и лѣнтяй отъ природы, да къ тому же и порядочный трусъ, иначе онъ не сидѣлъ бы

дома въ то время, когда Россія вела войны съ Наполеономъ и съ цѣлою Европой; но, будучи трусомъ, Дравинъ щеголялъ военной выправкой и уже въ зрѣломъ возрастѣ старался имѣть видъ лихого кутилы и сорви-головы. Онъ зналъ, какъ обаятельно дѣйствуетъ на женщинъ, да и не на однихъ женщинъ, слово: гусаръ, и выставлялъ на показъ и свое гусарство, и чинъ корнета. Отставной сорокалѣтній корнетъ съ охотою соглашается помочь Владиміру украсть Марью Гавриловну, смотря на его затѣю, какъ на неподобный случай внести жизнь и разнообразіе въ деревенскую скуку и прогремѣть на весь уѣздъ своимъ ухарствомъ. Дравинъ считалъ совершенно невозможнымъ отказать Владиміру въ своемъ содѣйствіи: онъ не могъ допустить, чтобы корнетъ-гусаръ сплеховалъ передъ прапорщикомъ. Онъ думалъ, что *noblesse oblige*, ухватился обѣими руками за предложеніе Владиміра и, зная хорошо своихъ пріятелей, въ числѣ которыхъ, что весьма характерно для Дравина, былъ и шестнадцатилѣтній мальчикъ, — хорошо зная, что и они исповѣдуютъ въ душѣ тотъ кавалерійскій культъ, которому онъ поклонялся, ручался Владиміру, что за другими свидѣтелями

дѣло не станеть, что ихъ не зачѣмъ разыскивать, и что они явятся сами собой. Изнывая отъ бездѣлья, Дравинъ не хотѣлъ отпустить отъ себя Владимира, ибо радъ былъ каждому заѣзжему гостю, какъ человѣку, съ которымъ можно было отвести душу, поболтавъ на свою обычную тему о полковыхъ воспоминаніяхъ и о бывалыхъ и небывалыхъ проказахъ.

Землемѣръ Шмитъ „въ усахъ и шпорахъ“ совершенно подходящій собесѣдникъ для Дравина. Онъ, вѣроятно, страшно завидовалъ и его кавалерійскому чину, и его званію гусара. Несчастнѣй! Шмитъ никогда не служилъ въ военной службѣ, но, желая походить на военныхъ, и при томъ, на кавалеристовъ, отпустилъ себѣ усы и придѣлалъ себѣ шпоры, хорошо зная, что усы и шпоры оказываютъ неотразимое дѣйствіе на женскія сердца, и вообще придаютъ своему обладателю видъ героя и высоко цѣнятся во всемъ уѣздѣ и помѣщиками, и чиновниками, и мужиками. Четырьмя, какъ бы вскользь брошенными словами, Пушкинъ знакомитъ читателей и съ землемѣромъ Шмитомъ, и съ тѣмъ кружкомъ, въ которомъ онъ вращается.

Шестнадцатилѣтній сынъ капита-

на-исправника, юноша не дравинскаго типа. Онъ поступилъ въ уланы въ такое время, когда военная служба была сопряжена съ величайшей опасностью. Юный уланъ, очевидно, не только любовался своимъ мундиромъ, но и рвался на войну, вродѣ Пети изъ „Войны и мира“ гр. Л. Н. Толсто:о.

Землемѣръ Шмитъ и сынъ капитана - исправника не только приняли предложеніе Владиміра (могли ли они не принять его?), но даже клялись ему въ готовности жертвовать для него жизнью и, вѣроятно, тутъ же сошлись съ нимъ на *ты*. Землемѣръ Шмитъ не могъ обрадоваться случаю доказать на дѣлѣ, что онъ не служитъ въ кавалеріи лишь вслѣдствіе рокового стеченія обстоятельствъ, но что по привычкамъ и по наклонностямъ онъ сущій кавалеристъ. Молоденькій уланъ весьма естественно долженъ былъ обрадоваться возможности принять участіе въ похищеніи Марьи Гавриловны и тѣмъ доказать свою зрѣлость, свою отвагу, свой уланскій духъ и свое право состоять въ короткихъ отношеніяхъ со взрослыми мужчинами.

Все, что разсказывается въ „Метели“ о Дравинѣ и его пріятеляхъ отъ сездѣля, а также объ ихъ отноше-

ніяхъ къ Владиміру, сжато и бѣгло, но превосходно характеризуетъ нравы и понятія уѣзднаго общества временъ Александра I-го, когда военный элементъ, по всей справедливости, стоялъ на первомъ планѣ, и когда романтизмъ носился въ воздухѣ, зачастую принимая комичную окраску. Корнетъ Дравинъ, землемѣръ Шмидтъ и молоденькій уланъ, конечно, только силуэты. но силуэты, набросанные рукою великаго мастера и дающіе наглядное представленіе объ изображаемой эпохѣ и о той средѣ, которая порождала такихъ людей, какъ Владиміръ и Бурминъ.

Дѣвица К. И. Т., со словъ которой, какъ значитса въ примѣчаніи издателя „Повѣстей Бѣлкина“, были написаны „Метель“ и „Барышня-крестьянка“, нигдѣ не упоминаетъ о себѣ, и если сы Пушкинъ не далъ понять, въ предисловіи къ повѣстямъ „Бѣлкина“ *отъ издателя*, что оба сказа ведуться отъ имени женщины, то о томъ трудно было бы догадаться. Нужно внимательно вчитаться въ „Метель“, чтобы возстановить нравственный обликъ дѣвицы К. И. Т., какъ онъ представлялся поэту и какъ онъ прогляды-

влетъ между строкъ „Метели“, въ ея тонѣ, отступленіяхъ, попутныхъ замѣчаніяхъ, языкѣ и т. д.

Дѣвица К. И. Т. представляется намъ особою не первой молодости. Она смотритъ на Марью Гавриловну какъ бы сверху внизъ, какъ на совсѣмъ молоденькую, неопытную дѣвушку. Почти съ такою же, слегка насмѣшливою улыбкой она относится и къ роману Владиміра Николаевича. Все это сказывается хотя бы въ тѣхъ вводныхъ предложеніяхъ, которыми дѣвица К. И. Т. иронически уснащаетъ свое повѣствованіе о любви и любовныхъ затѣяхъ Марьи Гавриловны и ея „предмета“: „Марья Гавриловна была воспитана на французскихъ романахъ и, слѣдственно, была влюблена“... *„Само собой разумѣется, что молодой человѣкъ пылалъ равною страстью“*... *„Переписываясь и разговаривая такимъ образомъ, они (что весьма естественно) дошли до слѣдующаго разсужденія“*... *„Разумѣется, что эта счастливая мысль пришла сперва въ голову молодому человѣку и что она весьма понравилась романическому воображенію Марьи Гавриловны“*... и т. д. Дѣвица К. И. Т. знакома съ русской и иностранными дитературами, съ грече-

ской миеологіей, она цитируетъ Грибоѣдова, итальянскіе стихи, упоминаетъ о героѣ „Новой Элоизы“, какъ о всѣмъ извѣстномъ лицѣ, и вставляетъ въ свою рѣчь французскія слова. Вѣроятно, было время, когда и она зачитывалась французскими романами такъ же, какъ и Марья Гавриловна, но это время давно прошло, и она судить о жизни и о житейскихъ вопросахъ безъ той сантиментально-романтической экзальтаціи, которою отличались дочь Гаврила Гавриловича и ея неудавшійся обожатель. Дѣвица К. И. Т., видимо, очень религіозна. Кромѣ того, въ ней сказывается мистическое настроеніе: она вѣритъ въ предчувствіе и въ сны. Все ея сочувствіе на сторонѣ родителей Марьи Гавриловны. Марью Гавриловну она видитъ насквозь. Насквозь видитъ она и Владиміра. Но Бурминъ, хотя она и догадывалась, какого онъ поля ягода, склонилъ ее въ свою пользу и она готова сквозь пальцы смотрѣть на его прошлое. Въ этомъ, а также и въ тонкомъ анализѣ женскаго сердца и женскихъ слабостей, просвѣчиваетъ рассказчикъ-женщина. Женщина же просвѣчиваетъ и въ томъ мѣстѣ „Метели“, гдѣ говорится о возвращеніи

русскихъ войскъ изъ-за границы и объ энтузіазмѣ, съ какимъ ихъ встрѣчали женщины. Дѣвица К. И. Т. умна, наблюдательна, одарена юморомъ и здравымъ смысломъ. Судя по всему, она представлялась Пушкину дѣвушкой, привыкшей къ самостоятельной жизни, любившей и умѣвшей рассказывать свои воспоминанія и достаточно знавшей жизнь, но не претендовавшей на аристократизмъ. Все это, повторяемъ, не бросается въ глаза, но дѣлается яснымъ при изученіи „Метели“. Почему же Пушкинъ нашелъ нужнымъ рассказать „Метель“ отъ имени женщины? Можетъ быть, потому, что это давало ему возможность взглянуть на героевъ и героинь „Метели“ съ болѣе мягкой, женской точки зрѣнія и придать черезъ то всему повѣствованію своеобразный колоритъ. Очень можетъ быть также, что поэтъ не хотѣлъ слишкомъ подчеркивать основной идеи рассказа, не хотѣлъ навлекать на себя упрекъ въ его философской закъскѣ. Пушкинъ думалъ, вѣроятно, что, ведя рассказъ отъ себя, онъ долженъ будетъ развить подробнѣе его содержаніе, вложивъ же его въ уста дѣвицы К. И. Т., онъ могъ ограничиться рамками „Метели“ и

указаніемъ или, лучше сказать, намекомъ на то религіозное пониманіе жизни, которое поэтъ вовсе не намѣренъ былъ доказывать художественнымъ вымысломъ, но которое ему хотѣлось все таки высказать, какъ плодъ

Ума холодныхъ наблюденій

И сердца горестныхъ замѣтъ...

„Метель“ такъ же, какъ и „Выстрѣлъ“, принадлежитъ къ числу занимательнѣйшихъ рассказовъ, какіе только можно себѣ представить. Ея фабула задумана и развита съ изумительнымъ искусствомъ. Интересъ, возбуждаемый въ читателѣ судьбою дѣйствующихъ лицъ рассказа, съ каждою страницею усиливается все болѣе и болѣе. Это объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что отдѣльные эпизоды, на которые распадается рассказъ, до крайности возбуждая любопытство читателя, заставляютъ его все время теряться въ догадкахъ, которыя находятъ свое разрѣшеніе лишь въ заключительномъ объясненіи Бурмина съ Марьей Гавриловной. Одному Пушкину было под силу придумать цѣлый рядъ приключеній, которыя сдѣлали вполне естественнымъ и понятнымъ бракъ, соединившій молодого мужчину и молодую дѣвушку, не знавшихъ другъ друга и

перевѣнчавшихся частью въ шутку, частью по ошибкѣ, а затѣмъ полюбившихъ одинъ другого и оказавшихся, къ обоюдному удовольствію, уже четвертый годъ мужемъ и женою.

Если бы на эту рискованную тему взялся написать рассказъ или романъ человѣкъ, не имѣвшій исключительной способности легко и быстро набрасывать самые сложные планы эпическихъ произведеній, „Метель“ была бы переполнена цѣлымъ рядомъ натяжекъ и несообразностей, у Пушкина же она вышла послѣдовательно и просто развивающимся клубкомъ событій, которыя вызываются одно другимъ безъ малѣйшаго произвола и безъ всякихъ скачковъ,—событій, составляющихъ одно неразрывное цѣлое, въ которомъ нѣтъ помину ни о швахъ, ни о бѣлыхъ ниткахъ. Въ этомъ отношеніи „Метель“ и „Выстрѣлъ“ рѣзко отличаются отъ трехъ другихъ „Повѣстей Бѣлкина“ и занимаютъ между ними по архитектурѣ особую группу.

Пушкинъ былъ великимъ мастеромъ по части придумыванія фабулъ для своихъ рассказовъ, повѣстей, романовъ и поэмъ. Къ числу созданій поэта, въ которыхъ эта особенность поэта проявилась съ особенной яркостью, должна

быть отнесена и „Метель“. Если Анненковъ былъ правъ, сообщая съ чьихъ-то словъ, будто Пушкинъ импровизировалъ, хотя и въ грубыхъ чертахъ, содержаніе „Метели“ еще въ лицѣ (А. С. Пушкинъ. *Матеріалы для его біографіи*, 18), то приходится только удивляться раннему развитію его художественной изобрѣтательности, какъ эпического поэта.

Говоря о „Метели“, нельзя не отмѣтить тѣхъ страницъ ея, на которыхъ описывается вьюга, исполняющая роль орудія Провидѣнія, и блужданіе сбившагося съ дороги Владимира. Эти страницы представляютъ чудный образецъ описательной и повѣствовательной прозы и всегда будутъ служить предметомъ изученія для русскихъ романистовъ. Въ сравненіи съ этими страницами кажутся блѣдными и „Буря“ С. Т. Аксакова, и „Хозяинъ и работникъ“ графа Л. Н. Толстого, и его же „Метель“. Въ нашей литературѣ есть только одно произведеніе, въ которомъ вьюга и скитаніе заблудившихся путниковъ воспроизведены еще короче, еще проще, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще лучше, чѣмъ въ пушкинской „Метели“. Мы говоримъ о „Капитанской дочкѣ“, во второй гла-

въ которой находится неподобная по лаконизму, правдивости и изобразительности описаніе бурана, во время котораго молодой Гриневъ сталкивается съ Пугачевымъ.

УІІІ.

Есть ли что нибудь бѣлкинское въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“?

Мы уже имѣли случай возбуждать этотъ вопросъ въ печати и отвѣчать на него отрицательно *). Въ виду важности этого вопроса, считаемъ не лишнимъ остановиться на немъ еще разъ и разобрать его съ возможной обстоятельностью, чтобы выяснять ту мистификацію, жертвою которой, благодаря названію, данному А. С. Пушкинымъ пяти рассказамъ, написаннымъ въ Болдинѣ въ 1830 году, сдѣлалась почти вся читающая публика.

До Ап. Григорьева „Повѣсти Бѣлкина“ не возбуждали большихъ споровъ и толковъ. Ап. Григорьевъ первый обратилъ на нихъ серьезное вниманіе, первый понялъ и оцѣнилъ ихъ высокое достоинство. Въ этомъ заключается одна изъ его крупныхъ заслугъ. Но онъ же внесъ и нѣкото-

---

*) См. нашъ историко-критическій очеркъ „Капитанская дочка“ Пушкина“, стр. 16 и 17.

рую путаницу въ сужденія о „Повѣстяхъ Бѣлкина“, смѣшавъ типъ Бѣлкина съ типами, имѣющими съ нимъ мало общаго, пустивъ въ ходъ мысль, будто Пушкинъ перевоплотился въ Бѣлкина, когда писалъ „Повѣсти“, изданныя подъ его именемъ, и будто въ этихъ „Повѣстяхъ“ до мелочей раскрываются и на каждомъ шагу проглядываютъ міросозерцаніе, сочувствія, привычки и, вообще, всѣ особенности бытового и психологическаго склада Бѣлкина, — словомъ, весь его душевный строй.

Въ 1859 году, въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина“, Ап. Григорьевъ писалъ:

„Что такое Пушкинскій Бѣлкинъ, тотъ Бѣлкинъ, который плачется въ повѣстяхъ Тургенева о томъ, что онъ вѣчный Бѣлкинъ, что онъ принадлежитъ къ числу „лишнихъ людей“, или „куцыхъ“, — которому въ Писемскомъ смерть хотѣлось бы — но совершенно тщетно — посмѣяться надъ блестящимъ и страстнымъ типомъ, котораго хочетъ не въ мѣру и насильственно поэтизировать (графъ Л. Н.) Толстой, и предъ которымъ, даже Петръ Ильичъ драмы Островскаго: „Не такъ живи, какъ хочется“, — смиряется... по крайней мѣрѣ, до новой масляницы и до новой Груши?“

„Бѣлкинъ Пушкинскій есть простой здравый толкъ и здравое чувство, кроткое и смиренное,—вопіющіе законно противъ злоупотребленія нами нашей широкой способностью понимать и чувствовать: стало быть, начало только отрицательное,—правое только какъ отрицательное; ибо, предоставьте его только самому себѣ—оно перейдетъ въ застой, мертвящую лѣнь, въ хамство Фамусова и добродушное взяточничество Юсова.

„Посмотрите на этотъ отрицательный типъ у Пушкина—вездѣ, гдѣ у него самолично является, или гдѣ поэтъ повѣствуетъ въ его тонѣ и съ взглядомъ на жизнь... Запуганный страшнымъ призракомъ Сильвіо, ошеломленный его мрачной сосредоточенностью въ одномъ дѣлѣ, въ одной мстительной мысли,—онъ еще не сомнѣвается въ томъ, что Сильвіо *можетъ* существовать... Онъ знаетъ только, что самъ онъ вовсе не Сильвіо, и боится этого типа. „Нѣтъ ужъ, говорить онъ, лучше пойду я къ людямъ попроще“, и первый опускается въ простые и такъ-называемые, нившіе слои жизни. Въ „Гробовщикѣ“—зерно всѣхъ нашихъ теперешнихъ отношеній къ этимъ слоямъ жизни, а въ

„Станціонномъ Смотрителѣ“ — зерно всей натуральной школы.

„Но съ этой жизнью попроще, куда онъ хочетъ спуститься, онъ вѣдь тоже разобщенъ кой-какимъ образованіемъ, а, главное, онъ уже смотритъ на нее съ высоты этого кой-какого образованія.

„Комизмъ положенія человѣка, который считаетъ себя обязаннымъ, по своему образованію, смотрѣть, какъ на нѣчто себѣ чуждое, на то, съ чѣмъ у него гораздо болѣе общаго, чѣмъ съ пріобрѣтенными имъ верхушками образованности,—является необыкновенно ярко въ лицѣ Бѣлкина, автора „Лѣтописи села Горохина“... Эта лѣтопись—точнѣйшая и вмѣстѣ добродушно-поэтическая насмѣшка надъ цѣлою вѣковою полосою нашего развитія, надъ всею нашею поверхностною образованностію, изъ которой мы вынесли взглядъ, совершенно неприложимый къ явленіямъ окружающей насъ дѣйствительности... Въ этой наивной лѣтописи села Горохина лукаво скрыты и всѣ наши пошлые взгляды на нашъ бытъ и нашу старину, выражавшіеся то стихами въ родѣ:

Россійскіе князья, бояры, воеводы,
Пришедшіе чрезъ Донъ отыскивать
свободы,

то фразами, какъ напริมѣръ: „Ярославъ прїѣхалъ господствовать надъ трупами“, или „отселѣ исторія наша прїемлетъ достоинство истинно государственной“,—и, по удивительному поэтическому предвѣдѣнію, скрыты также всѣ теперешнія наши отношенія къ дѣйствительности.

И вѣдь мало того, что въ этомъ легкомъ очеркѣ, въ этихъ немногихъ гениальныхъ страницахъ—бездна самой беспощадной ироніи: въ нихъ есть нѣчто высшее ироніи. Откуда въ немъ, въ этомъ Бѣлкинѣ, который считаетъ обязанностью писать съ важностью древнихъ историковъ о странѣ, называемой Горохинымъ, и живописуетъ вычурнымъ тономъ нравы ея обитателей,—откуда въ немъ такое удивительное знаніе этихъ нравовъ и такое любовное и вѣстѣ совершенно правильное въ этомъ отношеніи?... О, сказки Ирины Родіоновны,—пробившіяся въ натурѣ нашего поэта сквозь всѣ искусственныя произростанія.—вы хранили такую свѣжую, чистую струю въ душѣ молодого, воспитаннаго по французски барича,—что отдаленное потомство помянетъ васъ добрымъ словомъ и благословленіемъ, забывши разные принципы, сознательнымъ проведе-

ніемъ которыхъ гг. NN, ZZ и иные, стоятъ якобы выше Пушкина и Гоголя!“ (Соч. Ап. Григорьева, I, 252—254).

Только что приведенные отрывки изъ вышеназванной статьи Григорьева принадлежатъ къ числу блестящихъ страницъ даровитаго критика; въ нихъ многое угадано чрезвычайно вѣрно, но въ нихъ много есть и произвольнаго. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что „Повѣсти Бѣлкина“ превосходны съ художественной точки зрѣнія, что въ нихъ ярко отразилась современная поэту русская жизнь, что онѣ имѣли громадное вліяніе на нашу изящную литературу. что онѣ никогда не утратятъ своего значенія, но типъ Бѣлкина тутъ совершенно не при чемъ, такъ какъ въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“, позволимъ повторить еще разъ сдѣланное нами замѣчаніе,—нѣтъ ничего бѣлкинскаго. Мы всѣ хорошо знаемъ Ивана Петровича Бѣлкина, но не по тѣмъ „Повѣстямъ“, которыя Пушкинъ назвалъ въ шутку его именемъ, а по „Исторіи села Горохина“ съ приложеннымъ къ ней введеніемъ автобіографическаго содержанія, и по предисловію, предпосланному къ „Повѣстямъ Бѣлкина“ „отъ издателя“ А.

П., — по предисловію, заключающему въ себѣ прелестное по выдержанности языка и, вообще, всего тона и по своеобразному юмору письмо деревенскаго сосѣда и пріятеля Бѣлкина. Это письмо, къ слову сказать, какъ нельзя лучше обрисовываетъ и Бѣлкина, и его домовитаго, степеннаго, хозяйственнаго и расчетливаго друга, занимающаго далеко не послѣднее мѣсто въ чудной галлерей комичныхъ типовъ Пушкина. Бѣлкинъ извѣстенъ намъ до мелочей. Его внѣшность, вкусы, характеръ и всѣ повадки очерчены поэтомъ съ такою опредѣленностью и такъ мастерски, что двухъ мнѣній о Бѣлкинѣ не можетъ быть, и если мы будемъ судить о немъ, опираясь на точныя указанія самого Пушкина, не обезцвѣчивая Ивана Петровича путемъ отождествленія съ нимъ цѣлаго ряда другихъ типовъ, то мы не найдемъ въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“ никакихъ намековъ на него, если не считать общаго заглавія этихъ „Повѣстей“.

Есть основаніе думать, что Пушкинъ лишь тогда создалъ своего Бѣлкина и порѣшилъ приписать ему „Повѣсти“, изданныя подъ его именемъ, когда онъ уже были написаны. Другими словами, — Пушкинъ не подго-

няль и не могъ подгонять языкъ и содержаніе своихъ рассказовъ къ міросозерцанію и слогу Бѣлкина. Судя по черновымъ рукописямъ поэта, „Гробовщикъ“ былъ оконченъ 9-го сентября, „Станціонный смотритель“ — 14-го сентября, „Барышня—крестьянка“ — 20-го сентября, „Выстрѣль“ — 14-го октября, „Мятежь“, 20-го октября 1830 года. Когда Пушкинъ написалъ къ „Повѣстямъ Бѣлкина“ предисловіе отъ издателя, — неизвѣстно; письмо Ненародовскаго помѣщика и добраго знакомаго Бѣлкина объ его жизни, нравѣ и наружности, помѣчено Пушкинымъ 16-мъ ноября 1830 года. Подъ предисловіемъ издателя нѣтъ никакой даты, но, очевидно, что если-бы Пушкинъ захотѣлъ сдѣлать ее, то ему пришлось-бы еще болѣе отдалиться отъ дня окончанія „Повѣстей“. Само собою разумѣется, что принимать дату Ненародовскаго помѣщика за чистую монету, и выводить изъ нея заключеніе, что Пушкинъ написалъ его письмо 16-го ноября, нѣтъ положительныхъ данныхъ, но изъ переписки Пушкина съ Плетневымъ видно, что онъ не помышлялъ объ изданіи своихъ рассказовъ подъ псевдонимомъ Бѣлкина даже въ декабрѣ 1830 года.

9-го декабря 1830 года Пушкинъ писалъ Плетневу изъ Москвы: „Милый, я въ Москвѣ съ 5-го декабря... Скажу тебѣ (за тайну), что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда: 2 послѣднія главы Онѣгина, 8-ю и 9-ю, совсѣмъ готовыя въ печать; повѣсть, писанную октавами (стиховъ 400), которую выдадимъ Анонуме; нѣсколько драматическихъ сценъ, или маленькихъ трагедій: именно: Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы, и Д.-Жуанъ. Сверхъ того, написалъ около 30 мелкихъ стихотвореній. Хорошо? Еще не все (весьма секретное, для тебя единаго): написалъ я прозою 5 повѣстей, отъ которыхъ Баратынскій ржетъ и бѣется — и которыя напечатаетъ также Анонуме. Подъ моимъ именемъ нельзя будетъ, ибо Булгаринъ заругаетъ“. Изъ этого письма слѣдуетъ, что предисловіе отъ издателя къ „Повѣстямъ Бѣлкина“ было написано не въ Болдинѣ, иначе Пушкинъ упомянулъ-бы о Бѣлкинѣ въ своемъ перечнѣ.

Не только о псевдонимѣ *Бѣлкинъ*, но и ни о какомъ псевдонимѣ Пушкинъ 9 декабря 1830-го года еще не думалъ: онъ хотѣлъ тогда издать свои „Повѣсти“ анонуме. Изъ разбирае-

маго письма видно, между прочимъ, что Пушкинъ остановился на мысли издать ихъ, скрывъ свое имя, вовсе не въ силу какой-нибудь внутренней необходимости, вытекающей изъ ихъ тона и другихъ особенностей, а просто въ силу практическихъ соображеній,—въ силу тѣхъ соображеній, которыя побудили его воздержаться отъ подписи подъ напечатанными раньше отрывками изъ Арапа Петра Великаго. Пушкинъ опасался придирокъ и недоброжелательныхъ выходокъ со стороны невѣжественной и близорукой критики, привыкшей восхищаться имъ, лишь какъ стихотворцемъ. Пушкинъ хотѣлъ, чтобы его „Повѣсти“ раскусила и оцѣнила сама публика: поэтъ полагался на ея вкусъ и безпристрастіе больше, чѣмъ на вкусъ и безпристрастіе такихъ судей, какъ Булгаринъ.

„Воспомяванія“ объ А. С. Пушкинѣ Л. Н. Павлицева (племянника Пушкина) подтверждаютъ, что Пушкинъ назвалъ свои „Повѣсти“ „Повѣстями Бѣлкина“ вовсе не по тому, что они будто-бы проникнуты бѣлкинскимъ духомъ, вовсе не по тому, что они писались, между прочимъ, съ цѣлью обрисовать типъ Бѣлкина, а по совершенно инымъ причинамъ, не

имѣвшимъ ничего общаго съ ихъ формою и содержаніемъ. Г. Павлищевъ говоритъ вотъ что: „На вопросъ матери*, почему дядя не хотѣлъ подписать своего настоящаго имени подъ прелестными повѣстями „Станціонный смотритель“, „Метель“ и „Гробовщикъ“, а приписалъ ихъ небывалому „Бѣлкину“, Пушкинъ отвѣчалъ, что онъ такъ поступилъ, не желая подвергнуться лаянью газетныхъ шавокъ, что подтверждается и въ одномъ изъ писемъ его къ Плетневу“ (стр. 234). Очевидно, что Пушкинъ назвалъ „Повѣсти Бѣлкина“ его именемъ не потому, что считалъ неизбѣжнымъ сдѣлать это въ виду ихъ языка о характера, а по совѣмъ инымъ соображеніямъ. Если бы онъ не боялся „газетныхъ шавокъ“ или, лучше сказать, ихъ вліянія на мало образованную публику, онъ издалъ бы „Выстрѣлъ“, „Метель“, „Барышню-крестьянку“, „Станціоннаго зрителя“ и „Гробовщика“ подъ своимъ именемъ. Изъ всѣхъ отзывовъ Пушкина о „Повѣстяхъ Бѣлкина“ видно, что онъ не усматривалъ въ нихъ ничего бѣлкинскаго. Этотъ выводъ подтверждается и Записками А. О. Смирновой.

* Ольги Сергѣевны, сестры поэта.

Въ Запискахъ А. О. Смирновой четыре раза упоминается о „Повѣстяхъ Бѣлкина“. Вскорѣ послѣ выхода ихъ въ свѣтъ, Смирнова записала въ свой дневникъ: „Вчера Пушкинъ мнѣ поднесъ повѣсти Бѣлкина. Что за фантазія не подписываться своимъ именемъ? Зачѣмъ эта таинственность? Я въ восторгѣ отъ его прозы, въ восхищеніи отъ его слога. Вечеромъ Императрица спросила меня о томъ, что я дѣлала въ теченіе дня, и я рассказала ей о Повѣстяхъ Бѣлкина. Когда Государь пришелъ къ чаю, она сказала ему: „Пушкинъ написалъ повѣсти въ прозѣ“. Государь взялъ ихъ у меня, говоря: „Надо и мнѣ познакомиться съ прозою моего поэта“. Впослѣдствіи для Смирновой разъяснилось, что Пушкинъ, прятаясь именемъ Бѣлкина, хотѣлъ мистифицировать публику и обезпечить себя отъ нападковъ враждебно относившихся къ нему журналистовъ. Говоря о „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“, Смирнова вспоминаетъ и о Повѣстяхъ Бѣлкина: „Большія пренія между Плетневымъ и Жуковскимъ по поводу псевдонима, который хочетъ взять Гоголь: Плетневъ находитъ, что „Рудый Павыко“ звучитъ хорошо и что это вполнѣ хохлацкое имя. Жу-

ковский думаетъ, что в Гоголь-Яновский достаточно хохляцкое имя. Жуковский думаетъ, что лучше ему выступить подъ псевдонимомъ, потому что авторъ молодъ, а наша критика возмутительно относится къ начинающимъ, и Булгаринская клика будетъ извергать свой ядъ; лучше избѣжать того, что можетъ обезкуражить начинающаго автора. Къ тому же и Пушкинъ издалъ свои повѣсти подъ псевдонимомъ Бѣлкина, а Гоголь не можетъ претендовать на большее, чѣмъ Пушкинъ. Гоголь и самъ такъ думаетъ. Я сказала ему мое мнѣніе: „Если будутъ восхищаться „Рудымъ Панько“, вы вѣдь будете знать, что восхищаются вами“. Я нахожу, что Пушкинъ долженъ былъ-бы подписаться подъ своими повѣстями, но его забавляло то, что его принимаютъ за Бѣлкина. Я спросила его, гдѣ онъ выкопалъ эту фамилію; онъ сказалъ, что зналъ ее въ провинціи, въ Смоленской и въ Калужской губерніяхъ, гдѣ у Гончаровыхъ есть имѣніе. Слѣдовательно, псевдонимъ этотъ — знакъ вниманія къ родинѣ Натальи Николаевны?“ Графиня Марія Эльпидъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ А. О. Смирновой, относящихся къ 1837 году, приводитъ слѣдующія слова Ве-

ликой Княгини Елены Павловны, сказанная Баранту въ разговорѣ о Пушкинѣ: „Есть также нѣсколько очень интересныхъ повѣстей, оригинальныхъ по замыслу, и, представьте себѣ, онѣ печатались ихъ подѣ псевдонимомъ, такъ что въ продолженіе двухъ лѣтъ я и не подозрѣвала, что Бѣлкинъ—никто иной, какъ Пушкинъ. Великій Князь это зналъ и думалъ, что я знаю тоже. Я какъ то спросила Жуковского, знаетъ ли онѣ этого Бѣлкина, и онѣ мнѣ отвѣтилъ: „Да вѣдь это Пушкинъ“. (Записки А. О. Смирновой I, 177 и 184; II, 92—93).

↓ Такимъ образомъ, и изъ Записокъ Смирновой оказывается, что Пушкинъ не признавалъ внутренней связи между типомъ Бѣлкина и „Повѣстями“, озаглавленными его именемъ.

Единственная попытка опредѣлить и указать со всею точностью, въ чемъ именно проявляются въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“ міросозерцаніе, языкъ и, вообще, нравственный обликъ Ивана Петровича, принадлежитъ Л. И. Поливанову. Эта попытка, исполненная величайшей добросовѣстности и самаго искренняго желанія прослѣдить и подчеркнуть все, что можно приписать въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“—Бѣлкину, доказы-

ваетъ только одно,— что въ нихъ нѣтъ ничего бѣлкинскаго.

„Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ, говоритъ Поливановъ: не есть только псевдовимъ, избранный Пушкинымъ для этихъ произведеній. Это созданный имъ типъ, изображенный въ очеркѣ, предпосланномъ повѣстямъ подъ заглавiемъ „Отъ издателя“, и выдержанный въ самыхъ повѣстяхъ, рассказанныхъ отъ лица Бѣлкина; онъ является даже самъ дѣйствующимъ лицомъ въ двухъ изъ нихъ, а именно: въ „Выстрѣлъ“ и „Станціонномъ смотрителѣ“; въ остальныхъ, гдѣ самъ онъ въ дѣйстви не участвуетъ, личность его выступаетъ въ способѣ рассказа, въ тѣхъ замѣчанiяхъ, а иногда и разсужденiяхъ, которыя онъ вплетаетъ въ рассказъ. Наконецъ, въ „Исторiи села Горохина“ Бѣлкинъ—главное лицо, такъ какъ всей первой части ея придана форма автобиографическихъ воспоминанiй.

„Въ Бѣлкинѣ видимъ очеркъ того русскаго типа недоросля изъ дворянъ, который впоследствии видоизмѣненъ Пушкинымъ въ Гриневъ, герою „Капитанской дочки“, гдѣ онъ примененъ къ Екатерининской эпохѣ; здѣсь же выведенъ недоросль новѣйшаго времени—двадцатыхъ годовъ нашего вѣка.

„Приступая къ этимъ очеркамъ изъ русской жизни частью низшихъ классовъ, частью провинціальной помѣщичьей и полковой среды, Пушкинъ счелъ нужнымъ избрать этого посредника между собою и читателемъ для лучшаго освѣщенія картинъ своихъ. Та сѣренькая дѣйствительность, которая здѣсь вдохновила его, какъ нельзя лучше выступила въ такомъ освѣщеніи. Бѣлкинъ не есть только „врожденный здравый смыслъ“, свойственный и простолюдинамъ: умъ его уже нѣсколько приподнятъ надъ уровнемъ ежедневности; онъ очень самоувѣренъ въ сужденіяхъ какъ объ изображаемыхъ лицахъ, такъ и о господствующихъ воззрѣніяхъ, какія встрѣчалъ онъ въ книгахъ, которыя случалось ему прочитатъ. Какъ самоучка, онъ представляетъ типическую смѣсь независимости передъ авторитетами съ самымъ наивнымъ благоговѣніемъ передъ тѣми, кто носитъ въ обшежитіи рангъ писателя. Онъ не прочь сослаться на Жанъ-Поля-Рихтера въ защитѣ самобытности, „безъ чего не существуетъ и человѣческаго величія“ („Барышня крестьянка“), и, какъ видно, онъ внутренно очень цѣнитъ въ себѣ такую своеобразность. Но это нисколько не мѣшаетъ ему признавать

вполнѣ „въ порядкѣ вещей“, если его обносятъ блюдомъ, какъ человѣка мелкаго чина. „Въ самомъ дѣлѣ, замѣчаетъ онъ по этому поводу: что было бы съ нами, если бы вмѣсто общеприятнаго правила: чинъ чина почитай, ввелось въ употребленіе другое, напримѣръ: умъ ума почитай?“ (Станціонный смотритель). Въ этомъ сказывается пройденная имъ военная дисциплина во время юнкерской службы, которая, по его сознанію, „оставила ему мало пріятныхъ впечатлѣній“ (Исторія села Горохина). Но, въ то же время, сколько въ немъ сосредоточенной увѣренности въ своемъ умѣ! И это самомнѣніе нисколько не мѣшаетъ ему оробѣть отъ одной богатой обстановки графскаго дома, когда онъ входитъ въ него (Выстрѣль). Помыкаемый съ юныхъ лѣтъ незавидной жизнью въ деревенской глуши и по дорогамъ, онъ, однако же, не находитъ удовлетворенія въ такой жизни и „тихонько вздыхаетъ о прежней шумной и беззаботной жизни въ полку“ (Выстрѣль). Но болѣе всего дорожитъ онъ чувствомъ собственнаго достоинства, не покидающимъ его никогда: хотя и обойденный судьбою, но онъ дворянинъ, и когда судьба сталкиваетъ его съ человѣкомъ при-

ниженнымъ, онъ готовъ скорѣе приподнять его до себя, нежели принизиться до него. Отсюда его защита „почетнаго сословія станціонныхъ смотрителей“ (Станціонный смотритель), Сесѣду съ которыми онъ предпочитаетъ рѣчамъ „какогонибудь чиновника 6-го класса“.

„Бѣлкина томить скука, но онъ не спился, какъ другіе въ его положеніи. Недостатокъ содержанія въ жизни своей онъ восполняетъ напряженнымъ вниманіемъ къ мелочамъ окружающаго. Онъ усиленно любопытенъ и мелочно внимателенъ къ самымъ ничтожнымъ явленіямъ жизни. Отсюда его привычка къ размышленію надъ всѣмъ—отъ лубочной картинки на стѣнѣ почтовой станціи до сердца женщинъ. Отсюда возможность такъ серьезно писать „Исторію села Горохина“.

„Можно ли было лучше выбрать посредника между собою и читателями для изображенія тѣхъ мелочей жизни, которыя послѣ поэмъ и лироэпического романа Пушкинъ впервые выбралъ для повѣствованія?

„Въ результатѣ получилось то, что рассказъ отмѣченъ своеобразнымъ юморомъ, безъ котораго трогательное мѣщанской жизни превратилось бы

въ сентиментализмъ, наивное—въ пошлость.

„Указанное художественное значеніе личности Бѣлкина, служащей какъ бы призмю, сквозь которую должно преломляться изображеніе, доказываетъ болѣе всего тѣмъ, что тамъ, гдѣ изображаемое, хотя взятое и изъ низменной сферы, представляло само по себѣ интересъ, явный для каждого,—личность Бѣлкина ступевана до ничтожныхъ размѣровъ: мы видимъ это въ „Гробовщикѣ“, гдѣ психологическій интересъ рассказа могъ найти доступъ до сердца читателя почти безъ всякаго посредства; картинки жизни, представленныя въ „Метели“ и „Барышнѣ-крестьянкѣ“, Пушкинъ считалъ настолько замысловатыми уже по одной своей фабулѣ, что счелъ возможнымъ умалить въ нихъ участіе Бѣлкина безъ риска ослабить впечатлѣніе на читателей. Совсѣмъ не то въ „Выстрѣлѣ“, а тѣмъ болѣе, въ „Исторіи села Горохина“. Не будь здѣсь Бѣлкина, отъ перваго осталась бы мелодрама, а послѣдняя стала бы вовсе невозможна. Такимъ образомъ, геніально изобрѣтенный художественный приѣмъ въ этихъ повѣстяхъ, по-видимому, столь незначительныхъ, открылъ путь въ созданіи русской по-

вѣсти послѣдующимъ поэтамъ: Гоголю, Тургеневу, Достоевскому и гр. Л. Толстому“. *

Итакъ, Поливановъ въ концѣ концовъ приходитъ къ тому заключенію, что изъ „Повѣстей Бѣлкина“ лишь въ одномъ „Выстрѣлѣ“ замѣтно сказывается индивидуальность Ивана Петровича Бѣлкина. Въ „Гробовщикѣ“ Поливановъ ея почти не усматриваетъ, а въ „Метели“ и „Барышнѣ-крестьянкѣ“ признаетъ едва замѣтную. О „Станціонномъ смотрителѣ“ Поливановъ, подводя итоги всему тому, что принадлежитъ Бѣлкину въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“, совершенно не упоминаетъ. Очевидно, что, несмотря на всевозможныя натяжки, трудно найти въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“ чтонибудь такое, что можно было бы хоть кое-какъ связать съ нимъ.

Сближеніе тона и содержанія „Повѣстей Бѣлкина“ съ тѣми свѣдѣніями, которыя мы имѣемъ о немъ въ предисловіи „Отъ издателя“ и въ „Исторіи села Горохина“ доказываетъ, что въ этихъ повѣстяхъ нѣтъ ничего бѣлкинскаго, и что Пушкинъ, дѣлая примѣчаніе о лицахъ, отъ которыхъ Бѣл-

---

* См. Сочиненія Пушкина въ изданіи Л. Поливанова, т. IV.

кинъ узналъ о происшествiяхъ, разсказанныхъ въ „Повѣстьяхъ“, самъ чувствовалъ и сознавалъ это. Въ рукописи г. Бѣлкина, говоритъ поэтъ въ качествѣ ея мнимаго издателя: надъ каждой повѣстью рукою автора надписано: слышано мною отъ такой-то особы (чинъ или званiе и заглавныя буквы имени и фамилiи). Выписываемъ для любопытныхъ изыскателей: „Смотритель“ разсказанъ былъ ему титулярнымъ совѣтникомъ А. Г. Н., „Выстрѣлъ“ — подполковникомъ И. П. Л., „Гробовщикъ“ — приказчикомъ Б. В., „Метель“ и „Барышня-крестьянка“ — дѣвицею К. И. Т.“. Если бы Пушкинъ не сознавалъ, что въ „Повѣстьяхъ Бѣлкина“ нѣтъ ничего бѣлкинскаго, онъ не сдѣлалъ бы только что приведеннаго примѣчанiя. Правда, въ „Исторiя села Горохина“ Пушкинъ говоритъ отъ имени Ивана Петровича, что онъ старался украсить свои повѣсти, въ которыхъ анекдоты, нѣкогда слышанные имъ отъ разныхъ особъ, „живостью разсказа, а иногда и цвѣтами собственнаго воображенiя“, но, влагая эти слова въ уста Бѣлкина, Пушкинъ, очевидно, шутилъ, желая мистифицировать читателей. То же самое можно сказать о самодовольномъ замѣчанiи автора „Ис-

торіи села Горохина“: „Составляя эти повѣсти, мало по малу, образоваль я свой слогъ и пріучился выражаться правильно, пріятно и свободно“. „Исторія села Горохина“ даетъ намъ ясное понятіе и о правильномъ изложеніи, и о слогѣ, и о живости разсказа Ивана Петровича. Но есть ли хотя что нибудь общее между „Исторіей села Горохина“ и „Повѣстями Бѣлкина“? Въ „Исторіи села Горохина“ Пушкинъ невидимъ изъ-за Бѣлкина; поэтъ точно будто переродился и сдѣлался на время Иваномъ Петровичемъ, въ нѣкоторыхъ же „Повѣстяхъ Бѣлкина“ Пушкинъ оставался или самимъ собой, почти не подлаживаясь подъ слогъ и подъ тонъ тѣхъ лицъ, которыя выставляются ихъ разсказчиками, или же только прикрывался личиною людей, совершенно непохожихъ на Бѣлкина.

Рельефно личность разсказчиковъ „Повѣстей Бѣлкина“ обрисована только въ „Выстрѣлѣ“, въ „Станціонномъ смотрителѣ“ и, пожалуй, въ „Метели“. Сравненіе подполковника И. П. Л., титулярнаго совѣтника А. Г. Н. и дѣвицы К. И. Т. съ Бѣлкинымъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что ихъ нельзя отождествлять съ Бѣлкинымъ и ха-

рактизовать бѣлкинское міросозерцаніе на основаніи ихъ автобіографическихъ признаній и тона.

„Выстрѣлъ“ состоитъ изъ дословно приводимыхъ разсказовъ Сильвіо и графа, въ которыхъ, ужъ конечно, никому не придетъ въ голову разыскивать слѣды активнаго участія Бѣлкина, и изъ разсказа подполковника И. П. Л.,—изъ разсказа, на которомъ намъ и придется остановиться, чтобы провѣрить мнѣніе г. Поливанова, что „не будь здѣсь Бѣлкина, сть „Выстрѣла“ осталась бы мелодрама“.

„На сообщеніе г. Бартенева, говорить Поливановъ, что повѣсть „Выстрѣлъ“ слышана была Пушкинымъ отъ Липранди, самъ Липранди замѣчаетъ: „Не помню этого разсказа и желалъ бы знать источникъ“. Источникъ, очевидно, въ той замѣткѣ Бѣлкина, гдѣ, по поводу этой повѣсти, отмѣчено: „Слышано отъ подполковника И. П. Л.“ Инициалы совпадаютъ съ именемъ Ив. Петровича Липранди; но, очевидно, эти ссылки на разсказы—вымыселъ для характеристики Бѣлкина, который страдалъ „недостаткомъ воображенія“. Для личности Бѣлкина наиболее характеристичныя мѣста повѣсти „Выстрѣлъ“:

впечатлѣніе, на него произведенное тѣмъ, что Сильвіо не вызвалъ офицера, оскорбившаго его за картами, и разсужденіе его по поводу недостатка смѣлости и мнѣнія объ этомъ молодыхъ людей (въ I главѣ), разсказъ о той борьбѣ, которую испытывалъ Бѣлкинъ въ деревнѣ со скукою (въ началѣ главы II), и его робость въ домѣ графа и самонаблюденіе при бесѣдѣ съ нимъ“. (Сочиненія Пушкина въ изданіи Л. Поливанова, IV, 75).

Мы думаемъ, что всѣ эти мѣста не даютъ намъ ни малѣйшаго права смѣшивать подполковника И. П. Л. съ Бѣлкинымъ.

Подполковникъ И. П. Л. „имѣлъ отъ природы романтическое воображеніе“. Этимъ объясняется и его первоначальное увлеченіе Сильвіо, и его послѣдующее охлажденіе къ своему бывшему кумиру. А можно ли говорить о романтическомъ воображеніи Бѣлкина? У Бѣлкина, какъ видно изъ его некролога и автобіографіи, не было и не могло быть никакого влеченія къ „загадочнымъ“ и „демоническимъ“ натурамъ. Представить себѣ Бѣлкина въ качествѣ пріятеля и наперсника Сильвіо нѣтъ никакой возможности. Подполковникъ И. П. Л.

въ молодости не прочь былъ выпить и кутнуть, застѣнчивый же и тихій Иванъ Петровичъ избѣгалъ всякаго рода излишествъ и ужъ, конечно, не вздыхалъ, живя въ деревнѣ, о „шумной и беззаботной“ жизни кавалерійскихъ офицеровъ, ибо онъ ея не зналъ. И. П. Л. былъ полковникъ и кавалеристъ, а Иванъ Петровичъ служилъ въ пѣхотѣ, вышелъ въ отставку въ 1823 году, и еще въ 1820 году былъ юнкеромъ. Изъ этого слѣдуетъ, что онъ не пошелъ дальше перваго чина. И. П. Л., описывая свое хозяйничанье и свою деревенскую жизнь, говоритъ: „До обѣда кое-какъ еще дотягивалъ я время, толкуя со старостой, разбѣгая по работамъ, или обходя новыя заведенія; но, какъ скоро начинало смеркаться, я совершенно не зналъ куда дѣваться..... Привыкъ я было за неподслащенную наливку, но отъ нея болѣла у меня голова; да, признаюсь побоялся я сдѣлаться пьяницею съ горя, т. е. самымъ горькимъ пьяницею, чему примѣровъ множество видѣлъ и въ нашемъ уѣздѣ. Близкихъ сосѣдей около меня не было, кромѣ двухъ или трехъ горькихъ, конхъ бесѣда состояла большею частью въ якотѣ и воздыханіяхъ. Уединеніе было споснѣе. Наконецъ рѣшился я ло-

житься спать какъ можно ранѣе, а обѣдать какъ можно позже*. Все это никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ Бѣлкину. Намъ извѣстно, какъ онъ хозяйничалъ. Онъ ни о чемъ не толковалъ со старостой, во всемъ безусловно полагался на него и совершенно не вникалъ въ дѣла своего имѣнія. Упиваться наливкою, хотя бы и недолгое время, трезвому Бѣлкину было совсѣмъ не свойственно. Замѣчанія подполковника И. П. Л. объ его сосѣдяхъ не могутъ быть приписаны Бѣлкину, ибо онъ имѣлъ въ пожилomъ ненарадovскомъ помѣщикѣ неизмѣнно радушнаго и постояннаго собесѣдника. Мудрено также отнести къ Бѣлкину то, что говоритъ о себѣ подполковникъ И. П. Л., вспоминая впечатлѣнiе, произведенное на него извѣстiемъ о прибытiи молодой и прекрасной графини Б. Еще труднѣе представить себѣ робкаго Бѣлкина въ гостяхъ у графа и графини. Вообще, автобiографическiя признанiя И. П. Л. никакъ нельзя смѣшивать съ автобiографическими признанiями Бѣлкина. Это люди двухъ совершенно различныхъ типовъ.

Нѣтъ также ничего общаго между Бѣлкинымъ и рассказчикомъ „Стан-

ціоннаго смотрителя“, титулярнымъ совѣтникомъ А. Г. Н. Могъ ли, напри- мѣръ, безотвѣтный и добродушный Иванъ Петровичъ брать на почто- выхъ станціяхъ лошадей съ бою? Могъ ли онъ называть себя вспль- чивымъ и писать, вспоминая свою мо- лодость: „Будучи молодъ и вспль- чивъ, я негодовалъ на низость и ма- лодушіе смотрителя, когда сей по- слѣдній отдавалъ приготовленную мнѣ тройку подъ коляску чиновнаго ба- рина; столь же долго не могъ я при- выкнуть и къ тому, чтобъ разборчи- вый холопъ обносилъ меня блюдомъ на губернаторскомъ обѣдѣ. Нынѣ и то и другое кажется мнѣ въ порядкѣ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы съ нами, если бы вмѣсто общеудобна- го правила: чинъ чина почитай, вве- лось въ употребленіе другое, напри- мѣръ: умъ ума почитай? Какіе воз- никли бы споры! и слуги съ кого бы начинали кушанье подавать?“ Съ представленіемъ о Бѣлкинѣ положи- тельно не мирятся зазорное отноше- ніе къ чиновочитанію, ироническія вы- ходки противъ подобострастныхъ станціонныхъ смотрителей и разбор- чивыхъ холоповъ на губернаторскомъ обѣдѣ. Ёдкая насмѣшливость и желчь несвойственны Бѣлкину. Къ тому же,

онъ не могъ негодовать на губерна-
торскіе обѣды, такъ какъ, смѣло мож-
но сказать, никогда не бывалъ на
нихъ. Смѣло также можно сказать,
что у женолюбиваго, но до крайности
застѣнчиваго и несмѣлаго Бѣлкина не
хватило бы рѣшимости держать себя
съ хорошенькой Дуней такъ, какъ
держалъ себя съ нею рассказчикъ
„Смотрителя“. „Лошади были давно
готовы, говоритъ онъ, а мнѣ все не
хотѣлось разстаться съ смотрителемъ
и его дочкой. Наконецъ, я съ ними
простился; отецъ пожелалъ мнѣ доб-
раго пути, а дочь проводила до телѣ-
ги. Въ сѣняхъ я остановился и про-
силъ у ней позволенія ее поцѣловать;
Дуня согласилась... Много могу я на-
считать поцѣлуевъ

Съ тѣхъ поръ, какъ этимъ занимаюсь,
но ни одинъ не оставилъ во мнѣ
столь долгаго, столь пріятнаго воспо-
минанія“. Бѣлкинъ никогда не зани-
мался „этимъ“, и еслибъ судьба его
столкнула съ Дуней, то молодая ко-
кетка привела бы его въ сильное сму-
щенье,—и только. Отмѣтимъ еще од-
ну подробность о рассказчикѣ „Смо-
трителя“, не подходящую къ Бѣлки-
ну.—„Въ теченіе двадцати лѣтъ сря-
ду, говоритъ А. Г. Н.: извѣздилъ я
Россію по всѣмъ направленіямъ; поч-

ти всѣ почтовые тракты мнѣ знакомы; рѣдкаго зрителя не знаю я въ лицо, съ рѣдкимъ не имѣлъ я дѣла". Приведенныя строки никоимъ образомъ не могутъ быть приписаны Бѣлкину, умершему тридцати лѣтъ и отнюдь не принадлежавшему къ числу бывалыхъ и много странствовавшихъ людей. А. Г. Н., насколько можно судить о немъ изъ вступленія къ „Станціонному зрителю“, — пожилой, подвижной, энергичный, хотя и сильно помятый жизнью, человѣкъ. Онъ очень не глупъ, наблюдателенъ и его подневольное примиреніе съ судьбой замѣтно окрашивается насмѣшливымъ отношеніемъ къ предразсудкамъ и спѣси людей, которымъ ему приходится подчиняться. У А. Г. Н. нѣтъ пассивности и безпритязательности Бѣлкина. Онъ считаетъ себя несправедливо обойденнымъ на жизненномъ пиру, считаетъ себя не хуже счастливейшихъ любимцевъ Фортуны и, очевидно, принадлежитъ къ типу, хотя и неудачниковъ, но неудачниковъ, не сломленныхъ житейскими невзгодами и умѣющихъ смотрѣть сверху внизъ на многое изъ того, что теорится на свѣтѣ. Ап. Григорьевъ сказалъ бы, что у А. Г. Н. хищная натура, поэтому отождествлять его съ

Бѣлкинымъ и характеризовать міросозерцаніе Бѣлкина на основаніи автобіографическихъ воспоминаній А. Г. Н. никакъ нельзя. Между тѣмъ, Поливановъ, какъ мы видѣли, впадаетъ именно въ эту ошибку, усматривая нѣчто важное для пониманія Бѣлкина въ разсужденіяхъ А. Г. Н. о чинопочитаніи и въ описаніи картинокъ, посвященныхъ блудному сыну. Замѣтимъ, кстати, что Бѣлкинъ не зналъ нѣмецкаго языка и не могъ прочесть нѣмецкихъ стиховъ, разъяснявшихъ содержаніе картинокъ. А. Г. Н. не только умнѣе Бѣлкина, но и образованнѣе его. Онъ очерченъ Пушкинымъ всего нѣсколькими, бѣгло сдѣланными, штрихами. Несмотря на это, нравственный обликъ А. Г. Н. совершенно ясенъ, и рѣзкая противоположность между А. Г. Н. и Бѣлкинымъ бросается въ глаза. Нельзя не отмѣтить при этомъ, что Пушкинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высказывалъ устами А. Г. Н. свои мысли. Большую часть того, что говоритъ А. Г. Н. по поводу станціонныхъ стотрителей, поэтъ могъ сказать отъ своего имени. То же самое можно сказать о юмористическомъ описаніи наивныхъ нѣмецкихъ иллюстрацій къ разсказу о блудномъ сынѣ, — описанія, вставленномъ, по-

этомъ въ „Станціоннаго смотрителя, изъ одного наброска 1825 года (этотъ набросокъ начинается словами: „4-го мая 18..... произведенъ я въ офицеры“). Тирада А. Г. Н. о губернаторскомъ обѣдѣ напоминаетъ разсказъ Пушкина во второй главѣ „Путешествіе въ Арзрумъ“ объ одномъ тифлисскомъ гастрономѣ *.

Комментируя „Метель“, Поливановъ такъ отгѣняетъ въ ней бѣлкинскій элементъ: „Серіозный разсказъ о взаимной любви „романической“ Марьи Гавриловны и армейскаго прапорщика возможенъ только отъ лица Бѣлкина. Хотя роль Бѣлкина здѣсь гораздо менѣе значительна, нежели въ предыдущемъ разсказѣ, но читатель и здѣсь во все продолженіе разсказа цѣнитъ этого посредника между собою и поэтотъ... Наиболѣе характерное мѣсто для личности Бѣлкина здѣсь представляютъ его воспоминанія о заслуженныхъ возвратившимися изъ похо-

---

* „Въ моемъ трактирѣ кормили меня также дорого и дурно. Г. С., извѣстный гастрономъ, позвалъ меня однажды отобѣдать; по несчастью, у него разносили кушанья по чинамъ, а за столомъ сидѣли англійскіе офицеры въ генеральскихъ эполетахъ. Слуги такъ усердно меня обносили, что я всталъ изъ-за стола голодный. Чортъ поberi тифлисскаго гастронома!“

да офицерами успѣхъ у женщинъ и наивно-субъективная характеристика имъ Бурмина („Бурминъ былъ“... и проч.).—Но почему же, однако, серьезный рассказъ о взаимной любви Марьи Гавриловны и Владиміра возможенъ только отъ лица Бѣлкина? Поливановъ не разъясняетъ этого вопроса. Да это и не важно, такъ какъ о любви Марьи Гавриловны и Владиміра рассказывается въ „Метели“ не серьезно, а съ оттънкомъ изящнаго и тонкаго юмора, совѣмъ не похожаго на комичную серіозность „Исторіи села Горохина“. Трудно также понять, что именно, по мнѣнію Поливанова, указываетъ на Бѣлкина въ воспоминаніяхъ объ энтузіазмѣ русскихъ женщинъ при возвращеніи войскъ и въ мастерской, слегка иронической характеристикѣ Бурмина, которую Поливановъ называетъ не безъ основанія наивно-субъективной. Въ тонѣ „Метели“ чувствуется женственный отпечатокъ поэтъ помнилъ, что „Метель“ рассказывается со словъ барышни, дѣвицы К. И. Т. (см. нашъ разборъ „Метели“). То же самое, но уже въ гораздо меньшей степени, можно сказать о „Барышнѣ-крестьянкѣ“. Ни въ „Метели“, ни въ „Барышнѣ-крестьянкѣ“ никакой микроскопъ не откроетъ слѣ-

довъ Бѣлкина,—того Бѣлкина, который написалъ „Исторію села Горохина“ и свою автобіографію. Приписывая сужденія, впечатлѣнія и воспоминанія подполковника И. П. Л., дѣвицы К. И. Т., титулярнаго совѣтника А. Г. Н. и приказчика Б. В., Ивану Петровичу Бѣлкину, Григорьевъ, а вслѣдъ за нимъ и Поливановъ, поступали совершенно произвольно и поэтому впадали въ очевидныя недоразумѣнія.

Въ заключеніе замѣтимъ, что стоитъ только сравнить, помимо всего прочаго, разнообразный и колоритный языкъ Повѣстей Бѣлкина съ типичнымъ языкомъ простодушнаго и комично-серьезнаго Ивана Петровича,—съ языкомъ, какимъ написана его автобіографія и „Исторія села Горохина“, чтобы убѣдиться въ ошибочности мнѣній Ап. Григорьева, Поливанова и нѣкоторыхъ другихъ критиковъ Пушкина, думающихъ, что Пушкинъ наложилъ на „Повѣсти Бѣлкина“ бѣлкинскій отпечатокъ и хотѣлъ обрисовать въ нихъ Бѣлкина. Доказательствомъ того, что Пушкинъ былъ далекъ отъ намѣренія переродиться въ Бѣлкина, когда писалъ свои „Повѣсти“, служатъ французскія, нѣмецкія, англійскія, итальянскія и латинскія сло-

ва и изреченія, которыя встрѣчаются въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“. Бѣлкинъ, какъ извѣстно, объ иностранныхъ языкахъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія.

Изучать „Повѣсти Бѣлкина“ съ предвзятою мыслью найти въ нихъ, во чтобы то ни стало, бѣлкинскій отпечатокъ, значитъ лишить себя возможности уловить ихъ чарующее разнообразіе и разглядѣть черты тѣхъ лицъ, которыя, -будто бы, ихъ рассказываютъ.

IX.

„Движенья“.*

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ
брадатый.

Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ
ходить.

Сильнѣе бы не могъ онъ возразить;
Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый.

Но, господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ при-
водитъ:

Вѣдь каждый день предъ нами солнце
ходитъ,

Однако жъ правъ упрямый Галилей.

Пушкинъ не былъ метафизикомъ,
но онъ живо интересовался философ-
скими вопросами и много читалъ по
философіи. Ему была хорошо извѣстна
французская, а также и англійская
философская литература. Въ этомъ
можно убѣдиться, между прочимъ,

---

* Это стихотвореніе, вмѣстѣ съ тремя другими эпиграммами („Соловьемъ и Кукушкою“, „Совѣтомъ“ и „Дружбою“) было отправлено Пушкинымъ къ кн. Вяземскому изъ села Михайловскаго при письмѣ отъ 5-го декабря 1825 года и напечатано въ альманахѣ Погодина „Уранія“, изданномъ въ 1826 году.

изъ Записокъ А. О. Смирновой, изъ которыхъ видно также, что Пушкинъ былъ знакомъ съ сочиненіями Аристотеля и Платона. „Движенье“ доказываетъ, что онъ былъ знакомъ и съ ученьемъ греческихъ мыслителей, жившихъ до Платона. „Брадатый мудрецъ“, отрицающій движенье—это Зенонъ Элейскій, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Зенономъ—стойкомъ (род. за 500 л. до Р. Х.). Мудрецъ, доказывавшій существованіе и возможность движенія нагляднымъ опытомъ—это Діогенъ—циникъ. Для того, чтобы понять значеніе и смыслъ пушкинской эпиграммы, нужно вспомнить кое-что изъ исторіи греческой философіи.

Зенонъ Элейскій былъ противникомъ Гераклита, жившаго въ Ефесѣ въ концѣ VI вѣка до Р. Х. По теоріи Гераклита, міръ не имѣлъ начала и не будетъ имѣть конца, никѣмъ не былъ созданъ, а есть не что иное, какъ огонь въ состояніи превращенія, огонь вѣчно живой, періодически зажигающійся и тухнущій. Покой и остановку Гераклитъ считалъ не болѣе, какъ оманомъ чувствъ. Онъ утверждалъ, что вселенная находится въ постоянномъ круговоротѣ. Изъ **иныхъ** началъ исходилъ Зенонъ Элей-

скій. Онъ выводилъ Многое изъ Единаго, а не Единое изъ Многаго. Утверждая, что одно Единое дѣйствительно существуетъ, все-же остальное только видоизмѣненія или виды этого Единаго, онъ не отрицалъ, что эти виды имѣютъ кажущееся существованіе. Такъ, напр., онъ отрицалъ существованіе движенія, но не отрицалъ видимости движенія. Діогенъ — циникъ, который, для опроверженія его доводовъ противъ движенія, вставалъ и ходилъ, совершенно не понимая ихъ; своимъ хожденіемъ онъ столь же мало опровергъ Зенона, какъ д-ръ Джонсонъ отрицаніе Беркли матеріи тѣмъ, что поступалъ въ камень *. Зенонъ отвѣтилъ бы: совершенно вѣрно; вы ходите; согласно общепринятому мнѣнію, вы находитесь въ движеніи; но, согласно Разуму, вы пребываете въ покоѣ. То, что вы называете движеніемъ, есть только названіе, данное цѣлому ряду одинаковыхъ положеній, изъ которыхъ каждое, взятое отдѣльно, есть покой. Всякій предметъ, наполняющій пространство, равное его объему, необходимо находится въ покоѣ въ этомъ пространствѣ. Движеніе изъ

---

* Курсивъ нашъ.

одного мѣста въ другое есть только названіе, данное *общей суммѣ* всѣхъ этихъ *промежуточныхъ пространствъ*, въ которыхъ предметъ въ каждый данный моментъ находится въ покоѣ. Возьмемъ для примѣра кругъ; кругъ состоитъ изъ множества отдѣльныхъ точекъ или прямыхъ линій; ни одна изъ этихъ линій не можетъ въ отдѣльности быть названа кругомъ; но всѣ эти линіи, взятыя вмѣстѣ, имѣютъ одно о́щее названіе круга. Также точно, въ каждой отдѣльной точкѣ пространства предметъ находится въ покоѣ; общія сумма множества такихъ состояній покоя называется движеніемъ“.

Въ Метафизикѣ Аристотеля приводится еще нѣсколько доводовъ Зенона противъ возможности движенія, обличающихъ въ знаменитомъ ученикѣ Парменида отца діалектики и софистики.

„Движеніе непостижимо, училъ Зенонъ: ибо линія, отдѣляющая его исходную и конечную точку, составляется изъ безконечнаго количества точекъ. Такъ какъ точка не имѣетъ протяженія, слѣдовательно, всякое разстояніе, будь оно самое малое, всегда безконечно, и по этому нельзя достигнуть его конца.

Предположите, что быстроногий Ахиллесъ находится въ какомъ угодно близкомъ разстояніи отъ медлительной черепахи; Ахиллесу никогда ее не догнать, потому что для этого ему нужно было бы сначала пройти половину разстоянія, которое отдѣляетъ его отъ черепахи; какъ бы оно мало не было, а для того, чтобы пройти эту половину, онъ долженъ былъ бы пройти половину этой половины и такъ дальше до безконечности. Безконечная дѣлимость линіи является непреодолимымъ препятствіемъ для Ахиллеса. Вы думаете, что стрѣла летитъ. Но, чтобы достигнуть своей цѣли, она должна полетѣть черезъ цѣлую серію точекъ въ пространствѣ, а для этого ей придется занимать послѣдовательно эти отдѣльныя точки; но, занимать въ извѣстный моментъ времени точку въ пространствѣ—значитъ находиться въ покоѣ: слѣдовательно, стрѣла неподвижна и ея движеніе—только кажущееся.

Кромѣ того, если движеніе происходитъ, то оно можетъ имѣть мѣсто только въ пространствѣ. Поэтому, если пространство есть реальность, то оно гдѣ-нибудь находится, т. е. еще въ пространствѣ, которое въ свою очередь содержитъ еще въ другомъ про-

странствѣ и такъ далѣе до безконечности. Движеніе, слѣдовательно, невозможно, съ какой бы точки зрѣнія не смотрѣть на него, и признавать его за нѣчто реальное — значитъ утверждать абсурдъ.“ (Д. Г. Льюисъ *Исторія философіи*, пер. В. Чуйко, 84—85 и 93 и Веберъ, *Исторія европейской философіи*, изд. Ильинскаго, 18—23).

Пушкинъ не былъ, конечно, единомышленникомъ Зенона. Это видно изъ ироніи, съ какой онъ къ нему относился, изъ даннаго имъ Зенону титула: „мудрецъ бородатый“. Пушкинъ былъ далекъ отъ мысли рѣшать въ своей эпиграммѣ вопросъ о движеніи и покоѣ. Онъ хотѣлъ только указать на несостоятельность опыта, наблюденія и здраваго смысла, въ вульгарномъ значеніи слова, при рѣшеніи основныхъ философскихъ вопросовъ. „Движеніе“ доказываетъ, что французскіе матеріалисты, съ ученіемъ которыхъ Пушкинъ былъ знакомъ хорошо еще въ юности, не поработили его своему вліянію и не лишили его способности понимать и цѣнить воззрѣнія философскихъ системъ, діаметрально-противоположныхъ ихъ системамъ, на источникъ знанія и критерій истины.

„Движеніе“ можетъ быть названо образцомъ изящнаго и общедоступнаго обсужденія запутанныхъ метафизическихъ проблеммъ въ лаконической и, даже, слегка шутливой, формѣ.

Х.

„Б у р я

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ
Въ одеждѣ бѣлой надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
Играло море съ берегами,
Когда лучъ молній озарялъ
Ее всечасно блескомъ алымъ,
И вѣтеръ бился и леталъ
Съ ея летучимъ покрываломъ?
Прекрасно море въ бурной мглѣ,
И небо въ блескахъ безъ лазури;
Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнь, небесъ и бури.

Это чудное стихотвореніе, изумительное по красотѣ, пластичности, законченности и сжатости, было написано Пушкинымъ въ 1825 году и появилось впервые въ № 2-мъ „Московскаго Вѣстника“ за 1827 годъ. Оно было, вѣроятно, навѣяно крымскими воспоминаніями и воспоминаніями о М. Н. Раевской. Очень можетъ быть, поэтому, что „Буря“ имѣла для Пушкина въ значительной степени, если такъ можно выразиться, личное значеніе. Тѣмъ не менѣе, она пред-

ставляетъ, какъ и большая часть его стихотвореній, общечеловѣческій интересъ, ибо заключаетъ въ себѣ глубокую и прекрасно выраженную поэтическую мысль. Какую же, именно?

У Лермонтова, въ „Княжнѣ Мери“, въ дневникѣ Печорина, подъ 16 мая, читаемъ:

„Возвратясь домой, я сѣлъ верхомъ и поскакалъ въ степь. Я люблю скакать на горячей лошади по высокой травѣ, и противъ пустыннаго вѣтра; съ жадностью глотаю я благовонный воздухъ и устремляю взоры въ синюю даль, стараюсь уловить туманные очерки предметовъ, которые ежеминутно становятся все яснѣе и яснѣе. Какая бы горестъ не лежала на сердцѣ, какое бы безпокойство не томилло мысль— все въ минуту разсвѣтаетъ; на душѣ станетъ легко; усталость тѣла побѣдитъ тревогу ума. *Нитъ женскаго взора, котораго бы я не забылъ при видѣ голубого неба, или внимая шуму потока, падающаго съ утеса на утесъ.*“

Другое мировоззрѣнiе сказывается въ „Бурѣ“ Пушкина. Великій поэтъ любилъ природу и понималъ ея таинственный языкъ, но онъ любилъ людей гораздо больше природы. Онъ живо чувствовалъ красоту моря и неба, но выше всего онъ ставилъ красоту

человѣческую: „Бурю“ можно толковать такъ: Нѣтъ и не можетъ быть ничего прекраснѣе любимой женщины. Но этой пьесѣ можно дать и болѣе широкое толкованіе: Прекрасенъ Божій міръ, но всего прекраснѣе въ немъ человѣкъ и женщина, какъ дѣнецъ творенія. Въ „Бурѣ“, какъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ произведеній, Пушкинъ является пѣвцомъ красоты и высокаго достоинства человѣческой природы.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, какъ была написана „Буря“, Пушкинъ совѣтовалъ А. О. Смирновой читать Паскаля, и при этомъ сказалъ: „Это величайшій мыслитель, которому не встрѣчаемъ равнаго во Франціи со времени Абельяра, и ея величайшій гонимый въ всѣхъ отношеніяхъ. Онъ проникъ въ душу и въ мысль человѣка, въ ея глубины и ея соотношенія съ невидимымъ. Онъ говорилъ, что человѣкъ не болѣе, какъ тростинка, слабѣйшая изъ тварей, которую жало скорпіона можетъ убить. Только скорпіонъ не знаетъ, что онъ убиваетъ, а человѣкъ знаетъ, что его убиваетъ. Человѣкъ—тростинка, но тростинка, которая мыслить“.

Разъ какъ то А. О. Смирнова застала Пушкина, вскорѣ послѣ эго же-

нитьбы, за чтеніемъ Платона. Пушкинъ сказалъ ей: „Почему онъ желалъ изгнать искусство изъ своей республики? Это не логично... Онъ говоритъ, что красота есть блескъ истины; я прибавляю къ этому, что красота должна быть и блескомъ добра. Я покажу вамъ замѣтку одного неоплатоника,—не помню его имени,—который говоритъ: красота, истина, симметрия есть выраженіе Верховнаго Существа. Жуковскій далъ мнѣ это опредѣленіе. Но платоники не сѣумѣли осуществить прекраснаго, которое есть добро въ дѣйствіяхъ; они только мечтали объ осуществленіи его. Только христіанство осуществило этотъ союзъ. Совершенная красота есть, чтобы выразиться однимъ словомъ, гармонія, а что можетъ быть свѣтлѣе, что можетъ быть величественнѣе гармоніи? Жуковскій правъ, говоря, что красота ужаснаго есть богохульство“ (Записки А. О. Смирновой, I, 177 и 180).

Эти слова могутъ быть приведены, какъ прекрасный комментарий къ „Бурѣ“, помогающій выясненію ея идеѣ.

„Буря“ принадлежитъ къ числу не только граціознѣйшихъ, но и глубокомысленнѣйшихъ созданій Пушкина. Въ ея двѣнадцати стихахъ отражаетъ

ся стройное и свѣтлое міросозерца-
ніе, пронзѣнное уваженіемъ къ вы-
сокому достоинству человѣческой при-
роды, напоминающимъ слова псалмо-
пѣвца и принца Гамлета „Не многимъ
Ты (Богъ) умалилъ его (человѣка)
передъ ангелами, славою и честью
увѣнчалъ его“, говоритъ царь Давидъ
(Псалтырь, VIII). „Какое образцовое
созданье человѣкъ!... Какъ значите-
ленъ и чудесенъ въ о́разѣ и движе-
ніяхъ! Въ дѣлахъ подобенъ ангелу,
въ понятіи—Богу! Краса міра! Вѣнецъ
всего живого!“ говоритъ Гамлетъ (II,
2). Та же мысль выражена и въ
„Бурѣ“ путемъ сопоставленія человѣ-
ческой красоты съ красотой неба и
моря, ежеминутно озаряемыхъ въ
бурной мглѣ алымъ блескомъ молній.

ХІ.

„Олеговъ щитъ“.

Въ первый разъ Пушкинъ воспѣлъ Олега въ 1822 году въ своей знаменитой „Пѣснѣ о вѣщемъ Олегѣ“. Въ ней упоминается, между прочимъ, и объ Олеговомъ щитѣ, водруженномъ на вратахъ Константинополя:

Запомни же нынѣ ты слово мое:

Воителю слава—отрада;

Побѣдой прославлено имя твое:

Твой щитъ на вратахъ Цареграда,
говоритъ кудесникъ князю. Во второй разъ Пушкинъ вспомнилъ Олега и его побѣдоносную войну съ Византіей въ 1829 г. въ стихотвореніи „Олеговъ щитъ“, появившемся въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ въ 1830 г. по поводу Адрианопольскаго мира и сводящемся къ порицанію графа Дибича за то, что онъ не рѣшился занять Константинополь, не смотря на то, что имѣлъ полную возможность сдѣлать это.

Когда ко граду Константина
Съ тобой, воинственный варягъ,
Пришла славянская дружина
И развила побѣды егягъ,

Тогда го славу Руси ратной,
 Строитиву греку въ стыдъ и страхъ,
 Ты пригвоздилъ свой щитъ булатный
 На цареградскихъ воротахъ *.

Настали дни вражды кровавой;
 Твой путь мы снова обрѣли;
 Но днесъ, когда мы вновь со славою
 Къ Стамбулу грозно притекли,
 Твой холмъ потрясся съ браннымъ
 гуломъ,
 Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ **,
 И нашу рать передъ Стамбуломъ
 Твой старый щитъ остановилъ

* Лѣтопись говорить: „повѣси щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды“. Въ текстѣ 5-й главы I тома „Исторіи государства Россійскаго“ сказано, согласно съ показаніями лѣтописца, что Олегъ повѣсилъ свой щитъ на вратахъ Константинополя „въ знакъ побѣды“. Въ примѣчаніи (315) къ этому мѣсту, Карамзинъ намекалъ, однако, что Олегъ прибилъ свой щитъ къ вратамъ Константинополя, быть можетъ, не въ знакъ побѣды, а въ знакъ мира. „Нормандскіе храбрецы, замѣчаетъ онъ: выставляли иногда щиты свои на городскихъ воротахъ въ знакъ мира, чѣмъ Ютландскіе Короли, Готфридъ и Сигфридъ, въ 882 году обманули воиновъ Императора Карла *Тучнаго*, заманивъ ихъ безоружныхъ въ крѣпость свою и взявъ въ полонъ“. Пушкинъ слѣдовалъ толкованію лѣтописи, когда писалъ первую строфу „Олеговаго щита“.

** О какомъ „холмѣ“ и о какомъ „стонѣ“ идетъ здѣсь рѣчь? О могилѣ Олега и о голосѣ, будто бы раздавшемся изъ нея, когда русская армія стала приближаться къ Стамбулу. Въ концѣ 5 й гла-

Въ „Воспоминаніяхъ“ объ А. С. Пушкинѣ Л. Н. Павлицева (ст. 164) сообщается, что поэтъ говорилъ объ „Олеговѣ щитѣ“ своей сестрѣ вотъ что:

— Знаешь, Ольга, что въ „Олеговомѣ щитѣ“ я въ самомъ дѣлѣ, по твоему выраженію, „покривилъ душой“, и не повѣришь, какъ мнѣ, русскому человѣку, было обидно, когда наша славная армія, послѣ чудеснаго, безпримѣрнаго въ исторіи перевала черезъ Балканы, забастовала въ Адрианополѣ, откуда въ Константинополь рукой подать. Были бы наши въ Константинополь—пѣсня вышла бы у меня совсѣмъ другая. А тутъ я состроилъ по неволѣ *bonne mine à mauvais jeu*, да закрылся щитомъ Олега, *roug acquit de ma conscience patriotique* (ради очистки моей патріотической

вы I тома „Исторія государства Россійскаго“ говорится: „Тѣло его (Олега) погребено на горѣ Щековицѣ, и жители кievскіе, современники Нестора, звали сіе мѣсто „Ольвою могилою“. Это было извѣстно Пушкину изъ лѣтописи. Въ „Пѣснѣ о вѣщемъ Олегѣ“, какъ и въ „Олеговомѣ щитѣ“, могила князя именуется тоже „холмомъ“.

Ковши круговые, запѣняясь, шипятъ
 На тризнѣ плачевной Олега:
 Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
 Дружина пируетъ у берега...

совѣсти), а бѣдному Олегову щиту— котораго мейнгерръ Дибичъ и во снѣ не нюхаль—думаю, и въ голову не приходило останавливать нашу рать передъ Стамбуломъ; остановилъ ее не щить, а остановили господа дипломаты.

Это одна изъ тѣхъ тирадъ Пушкина, которыя приводятся въ „Воспоминаніяхъ“ Л. Н. Павлицева со словъ его матери, сестры поэта. Она не записывала своихъ разговоровъ съ братомъ и передавала ихъ сыну, конечно, не дословно, а онъ, въ свою очередь, воспроизводилъ ихъ тоже на память. Нѣтъ, однако, основанія сомнѣваться, что смыслъ того, что говорилъ и могъ говорить Пушкинъ Ольгѣ Сергѣевнѣ по поводу „Олегова щита“, вѣрно переданъ въ вышеприведенныхъ словахъ. Очевидно, имѣлъ съ тѣмъ, что идея и смыслъ разбираемаго стихотворенія далеко не исчерпываются этими словами.

Вскрывая политическую мысль „Олегова щита“, нужно имѣть въ виду взгляды Пушкина на восточный вопросъ, насколько они намъ извѣстны по рукописямъ поэта и по его сужденіямъ, записаннымъ О. А. Смирновой. Письма, черновыя замѣтки и нѣкоторыя стихотворенія Пушкина до-

казываютъ, что онъ глубоко сочувствовалъ политическому возрожденію Греціи. Онъ сочувствовалъ также и стремленію турецкихъ славянъ освободиться отъ ига султана. Это сказалося, между прочимъ, въ „Пѣсняхъ западныхъ славянъ“. Поступательное движеніе Россіи по направленію къ Дунаю имѣло въ Пушкинѣ тоже убѣжденнаго сторонника.

Въ письмѣ къ А. Н. Раевскому, посланномъ изъ Кишинева весною 1821 года, Пушкинъ, сообщивъ своему другу о возстаніи грековъ, вспыхнушемъ подъ главенствомъ князя Ипсилянты, заканчивая свое письмо слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Важный вопросъ: что станетъ дѣлать Россія? Займемъ ли мы Молдавію и Валахію подъ видомъ миролюбивыхъ посредниковъ; перейдемъ ли мы за Дунай союзниками грековъ и врагами ихъ враговъ?“ Пушкинъ, очевидно, желалъ, чтобы Императоръ Александръ I вмѣшался въ борьбу турокъ съ греками и распространялъ свое владычество до Дуная и даже далѣе: поэтъ думалъ, что это могла и должна была сдѣлать еще Екатерина II.

Въ историческихъ замѣчаніяхъ, относящихся къ 1828 году, опредѣляя заслуги Потемкина, какъ выдающаго-

ся государственнаго человѣка времянь Екатерины II, имя котораго „будеть отмѣчено рукою исторіи“, Пушкинъ говоритъ: „Онъ раздѣлитъ съ Екатериною часть воинской ея славы, ибо ему обязаны мы Чернымъ моремъ и блестящими, хоть и безплодными, побѣдами въ Турціи. Безплодными, ибо Дунай долженъ быть настоящею границею между Турціею и Россіей. Зачѣмъ Екатерина не совершила сего важнаго плана въ началѣ французской революціи, когда Европа не могла обратить дѣятельнаго вниманія на воинскія наши предпріятія, а изнуренная Турція—намъ упорствовать? Это избавило бы насъ отъ будущихъ хлопотъ“.

Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морь?

восклицалъ Пушкинъ въ „Клеветникахъ Россіи“ (1831 г.). Въ этомъ восклицаніи выразилась сжато, но совершенно ясно его точка зрѣнія на Восточный вопросъ: онъ былъ увѣренъ, что Россія рано или поздно присоединитъ къ себѣ всѣ славянскія земли, и что въ составъ Россіи войдетъ, слѣдовательно, почти весь Балканскій полуостровъ, за исключеніемъ, быть можетъ, одной Греціи. Какую же **участь** предназначалъ Пушкинъ Кон-

стантинополю? Въ Запискахъ А. О. Смирновой есть нѣсколько замѣтокъ, сдѣланныхъ, повидимому, въ самомъ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ, когда Пушкинъ уже началъ писать „Галуба“, и дающихъ нѣкоторый матеріалъ для рѣшенія этого вопроса. Вотъ эти замѣтки:

„Однажды у Императрицы Александры Феодоровны зашелъ разговоръ о Гете. Графъ Віельгорскій спросилъ Государя, говорилъ ли съ Нимъ Гете о политикѣ.

„Государь разсказалъ, что разъ великая герцогиня Веймарская высказала очень практичный взглядъ: „Константинополь долженъ быть свободнымъ городомъ, какъ Франкфуртъ“. На это Гете отвѣтилъ: „Я того же мнѣнія, греки имъ владѣли и потеряли его; а настоящая Греція—въ Аѳинахъ“.

— Это совершенно вѣрно,—присавилъ Государь,—это было сказано очень хорошо, очень разумно, очень практично“.

Смирнова записала этотъ разговоръ для Пушкина и прочитала его поэтѣ. Приѣхавъ къ ней вскорѣ послѣ того съ Хомяковымъ, онъ попросилъ ее повторить все то, что говорилъ

Императоръ Николай о Гете и о Константинополѣ, а затѣмъ сказалъ:

— Существуетъ три города, принадлежащіе всему христіанству: Іерусалимъ, Константинополь и Римъ; они не должны бы принадлежать ни одному государству въ отдѣльности. Для евреевъ, какъ для христіанъ и даже для мусульманъ, Іерусалимъ является городомъ священнымъ передъ всѣми остальными; для одной части христіанъ Римъ составляетъ религіозный центръ, а для другой Константинополь. Соборъ святой Софіи—одинъ изъ древнѣйшихъ христіанскихъ соборовъ. А между тѣмъ эти три города обагрѣлись кровью съ самаго дня, когда Божественная кровь потекла по кресту, и есть основаніе полагать, что владѣніе этими тремя городами еще причинитъ войны, раздоры и ссоры. Эта война окончится, когда Церкви перестанутъ ссориться. Надо надѣяться, что соборъ св. Софіи будетъ возвращенъ христіанамъ и что онъ примирится со св. Петромъ, а также, что къ тому времени Іерусалимъ уже не будетъ турецкою провинціею. Ни одинъ изъ этихъ городовъ не представляетъ изъ себя политической столицы* (Записки А. О. Смирновой, I, 88—92).

Итакъ, Пушкинъ не только не возражалъ противъ мнѣнія Императора Николая о возможности превратить Константинополь въ вольный городъ, состоящій подъ покровительствомъ всѣхъ или главныхъ христіанскихъ державъ, а даже старался обосновать это мнѣніе на историко-философскихъ соображеніяхъ. Высказывая надежду на примиреніе Православной Церкви съ римско-католической, Пушкинъ не касался вопроса о тѣхъ началахъ, на которыхъ оно могло бы состояться, но само собой разумѣется, что онъ не имѣлъ въ виду такого „примиренія“, о какомъ говорятъ Дмитрій Самозванецъ и pater въ 11-й главѣ „Бориса Годунова“.

Можно ли думать, что мысль о превращеніи Константинополя въ вольный городъ составляла одинъ изъ краеугольныхъ камней политическаго катехизиса Пушкина? Едва-ли. Бѣглому можетъ быть, не совсѣмъ точно записанному разговору поэта со Смирновой, нельзя придавать значенія политической исповѣди Пушкина. Весьма вѣроятно, что онъ смотрѣлъ на комбинацію, которую предлагала герцогиня Веймарская, какъ на идеальное рѣшеніе вопроса лишь подъ условіемъ прекращенія религіозной

розни въ христіанскомъ мірѣ. Весьма вѣроятно, что при наличности ея Пушкинъ желалъ видѣть Константинополь въ рукахъ Россіи. Такое предположеніе не только не идетъ въ разрѣзъ съ „Олеговымъ щитомъ“, но находитъ въ немъ косвенное подтвержденіе. Это стихотвореніе проникнуто убѣжденіемъ, что графу Дибичу слѣдовало занять Константинополь и не для того, конечно, чтобы вывести изъ него русскія войска въ угоду европейской дипломатіи. Не признавая правъ Турціи и Греціи на Константинополь; предрекая, что Сербія и Болгарія сольются съ Россіей въ одно цѣлое, и смотря на Молдавію и Валахію, какъ на территоріи, которымъ суждено жить одною жизнью съ нашей родиной, Пушкинъ не могъ не считать ее естественной преемницей византійскаго и турецкаго наслѣдія, при чемъ, конечно, дѣлалъ различіе между окончательнымъ рѣшеніемъ Восточнаго вопроса и тѣми временными комбинаціями, которыя должны были ему предшествовать. Если даже допустить, что Пушкинъ былъ готовъ примириться съ превращеніемъ Константинополя въ вольный городъ, то онъ несомнѣнно предполагалъ при этомъ, что преобладающимъ вліяніемъ на

берегахъ Босфора должна пользоваться Россія.

Если-бы Адрианопольскій миръ былъ заключенъ тогда, когда Пушкинъ былъ помоложе и когда онъ еще не имѣлъ обыкновеніе сообразоваться съ требованіями политическаго и литературнаго такта, вмѣсто „Олегова щита“, имъ была бы написана, вѣроятно, рѣзкая и убійственная эпиграмма, отъ которой не поздоровилось бы графу Дибичу и тѣмъ государственнымъ дѣятелямъ, которые помѣшали появленію русскихъ знаменъ въ Стамбулѣ. „Олеговъ щитъ“, если вдуматься въ него, насквозь пропитанъ сарказмомъ, чувствомъ горечи и удивленіемъ. Въ немъ отчетливо звучитъ упрекъ по адресу графа Дибича за то, что онъ убоялся призраковъ и не увѣнчалъ надлежащимъ образомъ славы и подвиговъ русскаго оружія. „Почему онъ не занялъ Константинополя и не продиктовалъ Портвѣ условій мира на берегахъ Босфора? Почему онъ упустилъ случай поразить воображеніе всего Востока и всего мусульманскаго міра въ желательномъ для Россіи направленіи и показать султану Махмуду II-му на дѣлѣ, что дальнѣйшее существованіе Сттоманской Имперіи всецѣло зависитъ отъ Россіи? Чего ради онъ привелъ

русскія войска чуть не къ стѣнамъ Константинополя и затѣмъ возвратился вспять? Кого и чего онъ испугался? Или онъ не посмѣлъ затмить славу Олега? Ужъ не пригрезилось ли ему, что Олегъ всталъ изъ могилы и не позволитъ русской арміи войти въ ворота Цареграда*? Вотъ къ чему сводится смыслъ ироническаго сопоставленія того символическаго акта, въ которомъ проявилъ Олегъ,

....во славу Руси ратной,
Строптиву греку въ стыдъ и страхъ,

свое могущество, съ трехнедѣльнымъ пребываніемъ Дибича въ Адрианополь * въ виду свободной дороги на Стамбуль и съ неподвижнымъ стояніемъ авангардовъ русской арміи въ теченіе того же времени на разстояніи нѣсколькихъ переходовъ отъ турецкой столицы. Негодованіе и недоумѣніе русскаго гражданина и патріота, вдохновлявшіе Пушкина въ тѣ минуты, когда онъ писалъ „Олеговъ щитъ“, геніально замаскированы величавымъ, торжественнымъ и какъ бы эпически спокойнымъ тономъ стихотворенія, — тономъ, благодаря которому „Олеговъ щитъ“,

* Съ 8-го августа (день занятія Адрианополя) до 2 го сентября (день заключенія Адрианопольскаго мира).

при появленіи въ печати, былъ понятъ какъ слѣдуетъ, вѣроятно, весьма немногими,—лишь тѣми, кто умѣлъ читать между строкъ, и понимать иносказательную рѣчь и намеки. Императоръ Николай I, принявшій на себя въ 1826 году обязанности пушкинскаго цензора, конечно, прекрасно вонялъ, что хотѣлъ сказать поэтъ своей экскурсіей въ сѣдую древность по поводу только что окончившейся войны съ Турціей. Зналъ ли покойный М. Д. Скобелевъ „Олеговъ щить?“ Если бы „бѣлый генералъ“ зналъ эту пьесу и имѣлъ ясное представленіе объ ея политическомъ значеніи, онъ, вѣроятно, читалъ бы и пересчитывалъ бы ее въ дни томительнаго пребыванія русской арміи передъ стѣнами Константинополя наканунѣ Санстефанскаго мира въ послѣднюю турецкую войну, когда молодой и „Суворову равный“ вождь такъ пламенно желалъ, чтобы Константинополь былъ взятъ и занятъ нашими войсками.

Издавая въ 1835 году „Путешествіе въ Арзрумъ“, Пушкинъ снабдилъ его предисловіемъ, въ которомъ polemизировалъ съ французскимъ туристомъ Викторомъ Фонтанье и заявлялъ, что не писалъ никакой сатиры на графа Паскевича и на арзрумскій походъ.

„Недавно попалась мнѣ въ руки книга, напечатанная въ Парижѣ въ прошломъ 1834 г. подъ названіемъ: *Voyages en Orient entrepris par ordre du Gouvernement Français*. Авторъ, по своему описывая походъ 1829 г., оканчиваетъ разсужденія слѣдующими словами:

Un poëte distingué par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été témoin, non le sujet d'un poëme mais celui d'une satire.

Изъ поэтовъ, бывшихъ въ турецкомъ походѣ, зналъ я только объ А. С. Хомяковѣ и съ А. Н. Муравьевѣ. Оба находились въ арміи графа Дибича. Первый написалъ въ то время нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, второй обдумывалъ свое „Путешествіе къ святымъ мѣстамъ“, произведшее столь сильное впечатлѣніе. Но я не читалъ ни одной сатиры на арзрумскій походъ“.

„Я устыдился бы, говорить Пушкинъ далѣе: писать сатиры на прославленнаго полководца, ласково принявшаго меня подъ сѣнь своего шатра и находившаго время, посреди своихъ великихъ заботъ, оказывать мнѣ лестное вниманіе“.

Подразумѣвалъ ли, однако, Фон-таве сатиру на арзрумскій походъ,

упоминая о сатирѣ Пушкина? Не имѣя подѣ руками книги Фонтанье, мы лишены возможности справиться, какъ именно слѣдуетъ понимать его слова, въ связи съ повѣствованіемъ, которое имъ предшествуетъ. Трудно, однако, допустить, чтобы Фонтанье говорилъ о сатирѣ Пушкина безъ малѣйшихъ основаній и не намекая, при этомъ, ни на одно изъ стихотвореній поэта. Ничего подобнаго сатирѣ на арзрумскій походъ Пушкинъ не писалъ. Но вѣдь Фонтанье и не утверждалъ, что сатира Пушкина осмѣивала графа Паскевича и его дѣйствія на азіатскомъ театрѣ войны. Ходъ разсужденія Пушкина въ предисловіи къ „Путешествію въ Арзрумъ“ таковъ: „Мнѣ приписывается сатира, будто бы написанная по поводу войны съ Турціей; я былъ свидѣтелемъ арзрумскаго похода, слѣдовательно, Фонтанье приписываетъ мнѣ сатиру на арзрумскій походъ“. Произвольность этого силлогизма очевидна, что, вѣроятно, сознавалъ и самъ поэтъ. Зачѣмъ же онъ прибѣгнулъ къ нему? Онъ хотѣлъ обезпечить себя отъ инсинуацій и выходокъ своихъ недоброжелателей, которые готовы были воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы очернить его въ глазахъ Императора Николая Павловича и

возстановить противъ него графа Паскевича и другихъ сановниковъ государства. Оправдываясь отъ мнимаго обвиненія Фонтанье, поэтъ, вѣроятно, только дѣлалъ видъ, что недогадывался, на какое, именно, стихотвореніе намекалъ французскій писатель. Намекалъ же Фонтанье, повсей вѣроятности, на „Олеговъ щитъ“, который, дѣйствительно, можно назвать, съ нѣкоторой натяжкой, сатирой, но поэту вовсе было не желательно, чтобы графъ Дибичъ сталъ смотрѣть на „Олеговъ щитъ“, какъ на сатиру. Вотъ почему Пушкинъ и свелъ полемику съ Фонтанье на такую почву, на которой чувствовалъ себя неуязвимымъ. Мы не настаиваемъ на своемъ предположеніи, требующемъ провѣрки, но оно явится само собою, если, читая предисловіе къ „Путешествію въ Арзрумъ“, мы вспомнимъ объ „Олеговомъ щитѣ“. Откуда могъ узнать Фонтанье объ этомъ стихотвореніи? Puschkiniana В. И. Межова не упоминаетъ о переводахъ „Олегова щита“ на иностранные языки. Тѣмъ не менѣе, Фонтанье могъ ознакомиться съ его содержаніемъ изъ петербургскихъ корреспонденцій, появлявшихся въ заграничныхъ газетахъ, а также и изъ частныхъ писемъ своихъ русскихъ пріятелей или сво-

ихъ соотечественниковъ, проживавшихъ въ Россіи. Весьма возможно также, что Фонтанье, бывавшій въ Россіи, зналъ настолько русскій языкъ, что могъ ознакомиться съ „Олеговымъ щитомъ“ въ подлинникѣ*.

Правъ ли былъ Пушкинъ, осуждая графа Дибича за то, что онъ не занялъ Константинополя русскими войсками? Могъ ли графъ Дибичъ взять Стамбулъ? Иностранные историки, привыкшіе восхвалять умѣренность и уступчивость Россіи при заключеніи Андрианопольскаго мира, обыкновенно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно и вмѣняютъ графу Дибичу въ особую заслугу, свидѣтельствующую о его благоразуміи, то, что онъ не сдѣлалъ попытки овладѣть Константинополемъ послѣ того, какъ Адрианополь

* Извѣстный знатокъ Кавказа, В. Е. Вейденбаумъ, даетъ о Фонтанье слѣдующія справки:

„*Викторъ Фонтанье*. (V. Fontanier). родился около 1796 г., умеръ въ 1857 г., извѣстный французскій путешественникъ и дипломатъ. Сочиненія его о Востокѣ цѣнятся за точность сѣдѣній и интересъ подробностей. Въ 1825—26 гг., возвращаясь изъ Персіи, Фонтанье посѣтилъ Закавказье и нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ Тифлисѣ. (Кавказская поминка о Пушкинѣ. Изд. редакціи газеты „Кавказъ“. Тифлисъ 1899 г., стр. 47).

очутился въ нашихъ рукахъ, причемъ нашъ лѣвый флангъ опирался на черноморскій флотъ, а правый—на флотъ, отпавленный въ Архипелагъ. О. Іегеръ, на примѣръ, въ такихъ выраженіяхъ подводитъ итоги вооруженныхъ силъ Турціи и Россіи на Балканскомъ полуостровѣ во второй половинѣ августа 1829 года, ссылаясь на авторитетъ Мольтке: „Вся сила турецкаго государства была уничтожена. Султанъ напрасно прибѣгнулъ даже къ своему постоянному дѣйствительному средству: онъ обратился къ турецкому фанатизму, водрузилъ священное знамя пророка и призывалъ къ нему правовѣрныхъ, но на призывъ его никто не явился. Между уцѣлѣвшими остатками янычаръ въ столицѣ и въ провинціяхъ таились и разрастались заговоры; русскіе передовые отряды были уже въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Константинополя, а въ Босфоръ ежедневно бросали трупы казненныхъ за возмущеніе. Ужасъ былъ общій, но никому и въ умъ не приходило справиться о настоящемъ положеніи дѣлъ, никто не хотѣлъ разяснить себѣ, дѣйствительно ли положеніе русской арміи такое блистательное, а турецкое такое отчаянное, какъ на пер-

вый разъ казалось. На обоюдное положеніе турокъ и русскихъ Мольте совсѣмъ иначе смотритъ. У турокъ, говоритъ онъ, была столица, извѣстная съ оими естественными, почти непобѣдимыми и искусными укрѣпленіями—Константинополь такъ укрѣпленъ, что могъ бы вынести долгую осаду, а турки способны къ чрезвычайно продолжительной и упорной защитѣ; въ мужествѣ у нихъ не бываетъ недостатка, когда дѣло идетъ о священной защитѣ мечети и знамени пророка. Съ другой стороны, русское войско было истощено долгимъ и утомительнымъ походомъ, недостатками и солдзнями; оно находилось въ такомъ положеніи, что, вѣроятно, никогда не рѣшилось бы на штурмъ, или даже на серьезную и продолжительную осаду Константинополя; можетъ быть, не солѣе 15,000 человекъ даже были бы способны на такое нападеніе. Недоброжелательные люди утверждаютъ даже, что войско русское не вынесло бы двухъ-трехъ недѣль того отчаяннаго положенія, въ какомъ оно въ то время находилось. Вопросъ этотъ, съ политической точки зрѣнія, тоже представлялъ неудобства. Положимъ даже, что русскіе овладѣли бы Константинополемъ. Что изъ этого

вышло бы? Удержать его за собою невозможно было; вся Европа взялась бы за оружие, чтобы отбить его, а вмѣстѣ съ потерю завоеванія исчезло бы то магическое вліяніе, которое русскіе имѣютъ на христіанъ Турецкой имперіи“. (*Всемирная Исторія* Ф. Шлоссера, изд. Вольфа, 1879 г. VII, 116—117). Въ такомъ же духѣ говоритъ о загроможденіяхъ русской арміи и англійскій историкъ Файфъ (*Исторія Европы XIX вѣка*, пер. Лучицкой, II, 235—236). Болѣе компетентный, хотя и явно пристрастно расположенный къ графу Дибичу, какъ къ нѣмцу, Д. Г. Розенъ, склоняется къ тому мнѣнію, что графъ Дибичъ, несмотря на потери, понесенныя русской арміей въ сраженіяхъ и отъ болѣзни, опустошившей ея ряды, могъ бы легко овладѣть Константинополемъ. „Эта война, говоритъ онъ о туркахъ: показала до очевидности, какую (ничтожную) силу имѣютъ самыя крѣпкія позиціи въ рукахъ потерявшихся людей. Анатолійскихъ рекрутовъ, большею частью недоросшихъ юношей, надобно было тащить въ столицу привязанными къ верблюдамъ, и ширка—и—шефиръ, знамя пророка, торжественно принесенный—по повелѣнію султана,

— въ лагерь его при Календеръ—Ки-ошкѣ, выше Босфора, не былъ въ состояніи произвести ни малѣйшаго энтузіазма. Мусульманскій фанатизмъ поддерживавшій обыкновенно военный духъ турокъ, былъ подавленъ реформами и въ особенности уничтоженіемъ янычаръ, и, если онъ еще кое-гдѣ проявлялся, то обращался не противъ врага отечества, а противъ султана, который, какъ думали, сзоимъ беззаконіемъ навлекъ несчастіе на османскій народъ*. Страхъ, овладѣвшій всеѣмъ народонаселеніемъ, при извѣстіи о взятіи Адри нополя, былъ такъ великъ, что имъ заразились даже представители Англии и Франціи. Составить изъ такого матеріала серьезное сопротивленіе побѣдоносной, энергически наступающей, хотя и немногочисленной арміи, было бы очень трудно султану, но и Россія въ свою очередь могла бы причислить взятіе Константинополя къ дальнѣйшимъ случайностямъ войны. Но если бы это завоеваніе удалось, то

* Пушкину было, конечно, извѣстно. важное политическое значеніе истребленія янычаръ и другихъ реформъ (Танзимата) Махмуда II и ихъ вліянія на исходъ русско турецкой войны 1828—1829 г.г, чѣмъ, между прочимъ, и объясняется происхожденіе стихотворенія „Стамбуль гяуры нынче славятъ“.

петербургскому кабинету необходимо предстоялъ бы вопросъ: Что далѣе? Возвратить или удержать? Какъ извинить возвращеніе резиденціи восточныхъ римскихъ императоровъ невѣрнымъ передъ православною Россією, купившею ее своею кровію, не теряя любви народной, но какъ и удержать ее противъ воли всей Европы? Русское правительство знало, что стремленія Австріи на Востокъ, непріязненные его успѣхамъ, парализовались только симпатіями и антипатіями личности, французскаго короля, Карла X; но этотъ государь былъ уже очень старъ и потому близокъ участи всѣхъ смертныхъ; кромѣ того, онъ уже тогда съ трудомъ оборонялся противъ внутреннихъ бурь, которыя годъ спустя столкнули его съ престола отцовскаго. Россія необходимо должна была думать о возможности осуществленія плановъ Меттерниха, о лигѣ, отъ которой и Пруссія не могла бы отказаться. Слѣдовательно, по мѣрѣ того, какъ Россія подвигалась къ своей противоположной цѣли, возрастало и ея замѣшательство, которое имѣло характеръ *не стратегическій, а чисто политическій*^а. (Исторія Турціи отъ побѣды реформы 1826 г. до Парижскаго трактата, I, 111—112).

Императоръ Николай Павловичъ не настаивалъ на занятіи Константинополя и призналъ Адрианопольскій миръ, такъ какъ еще до начала войны заявилъ европейскимъ державамъ, что предпринимаетъ ее безъ всякихъ своекорыстныхъ стремленій. Адрианопольскій миръ призвалъ Грецію къ самостоятельной политической жизни, обезпечилъ Молдавіи и Валахіи почти полную независимость отъ Турціи, открылъ Босфоръ и Дарданеллы для торговыхъ судовъ дружественныхъ Портѣ державъ, но пріобрѣтенія собственно Россіи по этому миру были незначительны. Изъ всѣхъ своихъ завоеваній въ Европейской Турціи Россія удержала только острова при устьяхъ Дуная, а въ Азіатской — Черноморское побережье отъ Анапы до Поти и крѣпости Ахалцыхъ и Ахалкалаки. Графъ Дибичъ не настоялъ на присоединеніи къ Россіи Батума и Карса, пріобрѣтенія которыхъ желалъ императоръ Николай Павловичъ, и оправдывалъ себя въ письмахъ къ Государю ссылками на исторію Англіи и древняго Рима, будто-бы доказывавшими опасность территоріальныхъ пріобрѣтеній въ Азіи. Графъ Дибичъ стоялъ за присоединеніе къ Россіи Молдавіи и Валахіи, но не въ правѣ былъ настаи-

вать на немъ въ силу полученныхъ имъ изъ Петербурга инструкцій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы графъ Дибичъ дѣйствовалъ энергичнѣе во время переговоровъ съ турецкими уполномоченными и велъ бы ихъ не въ Адрианополь, а въ Константинополь, миръ былъ бы заключенъ съ несравненно большею выгодною для Россіи, и притомъ безъ всякаго риска для нея.

Пушкинъ сознавалъ это и не былъ доволенъ ни Адрианопольскимъ миромъ, ни дѣйствіями графа Дибича во второй половинѣ августа 1825 г.

Доказательствомъ, что Россія могла получить по Адрианопольскому миру гораздо болѣе того, что она получила, служатъ отзывы современниковъ, которые были посвящены въ дипломатическія тайны того времени. Нашъ вице-канцлеръ, графъ Нессельроде, писалъ цесаревичу Константину Павловичу 12 февраля 1830 г.:

„Отъ нашихъ армій зависѣло идти въ Константинополь и низвергнуть турецкое царство. Ни одна изъ европейскихъ державъ не воспротивилась бы тому, никакая близкая опасность не угрожала бы намъ, если бы мы нанесли послѣдній ударъ Оттоманской монархіи въ Европѣ. Но, по мнѣнію

Государя, монархія эта, вынужденная отнынѣ существовать лишь подъ покровительствомъ Россіи и повиноваться ея волѣ, болѣе отвѣчаетъ нашимъ политическимъ и торговымъ интересамъ, чѣмъ всякая новая комбинація, которая вынудила бы насъ, либо путемъ завоеваній слишкомъ распространить наши владѣнія, либо замѣнить Оттоманскую имперію государствами, которыя не замедлили бы соперничать съ нами въ могущество, цивилизаціи, промышленности и богатствѣ*.

Даже злѣйшіе враги Россіи признавали, что Россія обнаружила при заключеніи Адрианопольскаго мира умѣренность, какой отъ нея никто не ожидалъ. Въ одномъ изъ писемъ Гейнце говорится: „Въ сравненіи съ тѣмъ, что могли требовать русскіе и требовать безпрекословно, они потребовали мало. Я не говорю, чтобы у нихъ достало силы разрушить турецкое царство въ Европѣ, не подвергаясь европейскому противодѣйствию. Но они могли потребовать уступки Княжествъ и Болгаріи до Балканъ, половины Арменіи и вмѣсто десяти милліоновъ—пятидесяти, причемъ ни Порты не имѣла бы власти, ни кто-либо изъ добрыхъ друзей ея—серьезнаго желанія этому воспрепятствовать“. (С. С. Татищева

Внѣшняя политика Императора Николая I, 211—220).

Пушкинъ, конечно, не желалъ чтобы Императоръ Николай Павловичъ нарушилъ свое слово, но онъ былъ убѣжденъ, что Россія имѣла нравственное право получить гораздо большее территориальное вознагражденіе, чѣмъ она получила, за жертвы, понесенныя ею во время турецкой войны 1828—1829 г.г. Дѣлая оцѣнку Адрианопольскаго мира и недоумѣвая, почему русскія войска не заняли Константинополя, Пушкинъ оставался вѣренъ тѣмъ воззрѣніямъ на восточную политику Россіи, которыя онъ высказывалъ еще въ началѣ 20-хъ годовъ.

ХІІ.

Еще нѣсколько словъ о стихахъ
„Анжело“,

не дозволенныхъ къ печатанію Императоромъ Николаемъ I.

Прочитавъ въ № 8359 „Новаго Времени“ за текущій, 1899 годъ, въ отдѣлѣ „Среди газетъ и журналовъ“, извлеченія изъ моихъ замѣтокъ о текстѣ „Анжело“ и о тѣхъ стихахъ его, которые доселѣ замѣняются издателями сочиненій Пушкина точками, П. А. Ефремовъ помѣстилъ въ № 157 „Русск. Вѣдомостей“ чрезвычайно интересную статью, подъ заглавіемъ: „Пропуски въ поэмѣ Пушкина *Анжело*“, — статью, разъясняющую, почему Пушкинъ находилъ нужнымъ въ 1834 году предпринять *исправленное* изданіе этой новеллы и почему онъ упрекалъ книгопродавца Смирдина въ прошеніи, поданномъ въ Главный Комитетъ цензуры, въ томъ, что „Анжело“ былъ напечатанъ въ „Новосельѣ“ въ 1833 году, „неисправно и съ своевольными поправками“.

Прежде всего, исправляю свой промахъ (стр. 197), указанный мнѣ П. А. Ефремовымъ: подлинная рукопись „Анджело“ поступила въ Императорскую публичную библіотеку, въ числѣ другихъ автографовъ Пушкина, еще въ 1884 году и напечатана въ „Отчетѣ“ библіотеки за названный годъ, изданномъ въ 1887 году. Она описывается въ „Отчетѣ“ такъ:

„в) Анджело. (Повѣсть, взятая изъ Шекспировской трагедіи: Measure for measure). 1833. Черновая рукопись въ 8-ю д. л., 20 листовъ (изъ которыхъ лл. 19 и 20 бѣлые). Въ этой рукописи находятся стихи (въ части II-й, гл. VI), выпущенные по волѣ Государя Императора Николая Павловича, при печатаніи этого произведенія, которые здѣсь и приводятся:*

(Клавдію).

Да такъ... и страсти въ немъ кипятъ
съ такою силой!

*Иль въ этомъ нѣтъ грѣха; иль изъ семи
грѣховъ*

Грѣхъ это меньшій.

Тамъ ** вѣрно не казнятъ.— Какъ? Для
одного мгновенья

Ужель себя губить рѣшился бѣ онъ
на вѣкъ?

* Они напечатаны далѣе курсивомъ Н. Ч.

** Сперва было написано: Богъ, вѣрно, не казнить.

Нѣтъ, я не думаю. Онъ умный чело-
вѣкъ.

Ахъ, Изабелла!

(Клавдію).

Такъ... однакожъ... умереть,
Идти невѣдомо куда—во гробъ тлѣть
Въ холодной тѣснотѣ.. Увы! земля
прекрасна

И жизнь мила. А тугъ войти въ нѣ-
мую мглу,

Стремглавъ низвергнуться въ кипящую
смолу,

Или во льду застыть, иль съ вѣтромъ
быстротечнымъ

Носиться въ пустотѣ пространствомъ
безконечнымъ...

И все, что трезвится отчаянной мечтѣю...
Нѣтъ нѣтъ; земная жизнь въ болѣзни,

въ нищету,
Въ печаляхъ, въ старости, въ неволяхъ...

будетъ раемъ
Въ сравненіи съ тѣмъ, что за гробомъ
ожидаемъ“ *

Далѣе изъ „Отчета“ оказывается, что первая часть „Анджелло“ помѣчена 24-мъ, вторая—26-мъ, а третья—27-мъ октября **, и что строка, замѣщаемая во второй главѣ второй части

* Сверху написано еще: Для такого прегрѣшенія.

** Г. Ефремовъ ошибается, утверждая, будто „Отчетъ“ привелъ только послѣднюю числовую помѣтку: „27 (октября), Болд. (Болдино), 1833“. Въ „Отчетѣ“ приведены всѣ три числовыя помѣтки, сдѣланныя поэтомъ.

точками была означена Пушкинымъ черточками.

„Рукопись эта, говоритъ П. А. Ефремовъ: была недоступна всѣмъ издателямъ сочиненій Пушкина 1887 г. Не знаю, какъ было съ литературнымъ фондомъ и съ А. С. Суворинымъ, но мнѣ тогда А. Θ. Бычковъ *отказалъ* въ ея просмотрѣ на томъ основаніи, что „пропуски“ изъ нея будутъ *украшеніемъ* „Отчета“ библіотеки.

„Когда послѣ напечатанія „Отчета“ А. Θ. Бычковъ дозволилъ мнѣ, наконецъ, ознакомиться съ рукописью, то я могъ возстановить прѣвильное чтеніе двухъ пропусковъ въ VI гл. 2-й части и отмѣчаю курсивомъ въ приводимой теперь выпискѣ. Первый пропускъ (2½ стр.).

Изабела. Такъ завтра, Клавдіо, ты къ смерти будь готовъ.

Клавдіо. Да, такъ... и страсти въ насъ кипятъ съ такою силой!

Иль въ этомъ нѣтъ грѣха, иль изъ семи грѣховъ

Грѣхъ это меншиій... Какъ?... Такого прегрѣшенья

Тамъ вѣрно не казнятъ... Для одного мгновенья

Ужель себя сгубить рѣшился-бъ онъ навѣкъ?

„Второй пропускъ (4 строки):

Клавдіо. Стремглавъ ни вергнуться въ кипящую смолу,

Или во льду застыть, или съ вѣтрами
быстротечнымъ

Носиться въ пустотѣ пространствомъ
безконечнымъ,

И все, что грезится отчаянной мечтѣ...

Нѣтъ, нѣтъ: земная жизнь—въ болѣзни,
нищеть,

Въ печаляхъ, въ старости, въ неволяхъ...
будетъ расмъ

Въ сравненіи съ тѣмъ, что за гробомъ
ожидаемъ.

„Въ „Отчетѣ“ первый пропускъ былъ
приведенъ въ такомъ неопытномъ
видѣ:

Иль въ этомъ нѣтъ грѣха; или изъ
7-ми грѣховъ

Грѣхъ это меньшій.

Тамъ вѣрно не казнять—Какъ? для
одного мгновенья.

„По рукописи, озаглавленной: *Анд-
желю (Повѣсть, взятая изъ шекспиров-
ской трагедіи „Measure of Measure“)* я
отмѣтилъ у себя 65 болѣе или менѣе
значительныхъ вариантовъ противъ
печатнаго текста, причемъ въ 4-мъ
стихѣ XI-ой строфы 1-й части и въ
рукописи, и въ 1-мъ изданіи читается:
„и смѣлѣй Была часъ отъ часу. По-
думай!.. говорила: Подумай, если тотъ,
чья праведная сила“... но начиная съ
посмертнаго изданія вмѣсто перваго
„подумай“, печатается „помилуй“,
такъ какъ издатели, вѣроятно, не
одобрили повторенія одного и того же
слова

Кромѣ того въ V строфѣ 1 ч. вмѣсто 9-го стиха: „Пора намъ зло пугнуть Въ балованномъ народѣ“ и пр. было первоначально:

Моею строгостью гнушаться въ вашей волѣ,
 Но быть въ бездѣйствіи законы не должны—
 Какъ розга на дѣтей для виду только въ школѣ,—
 Недолго будутъ ихъ бояться шалуны.

Также въ XII строфѣ 2 ч. пять *незачеркнутыхъ* стиховъ въ отвѣтѣ Изабелы замѣнены въ печати однимъ стихомъ: „Онъ не готовъ еще... подумай въ самомъ дѣлѣ“. Самъ ли Пушкинъ при печатаніи сократилъ эти стихи или они тоже были ему указаны—неизвѣстно. Вотъ они:

Онъ не готовъ еще... Казнить его не
 можно..
 Ужели Господу пошлемъ неосторожно
 Мы жертву наскоро?.. Мы даже и цып-
 лять
 Не бьемъ до времени... такъ скоро не
 казнять..
 Спаси, спаси его!.. Подумай, въ са-
 момъ дѣлѣ...

Замѣтимъ, что тутъ въ третій разъ повторяется слово „подумай“, которое посмертные издатели (см. выше) въ одномъ повтореніи предыдущей строфы замѣнили словомъ: „помилуй“. Есть и еще нѣсколько „полныхъ“

измѣненныхъ или замѣненныхъ въ печати стиховъ“.

Изъ всего этого видно, что первое полное и исправное изданіе „Анджело“ впервые появится въ Академическомъ изданіи Пушкина, печатаемомъ подъ редакціей вице-президента Академіи наукъ, Л. Н. Майкова. Анненковъ, имѣвшій подъ руками рукопись Пушкина, не воспользовался ею и оставилъ нетронутыми всѣ пробѣлы и искаженія, съ какими „Анджело“ былъ напечатанъ въ „Новосельѣ“. Г. Ефремовъ настаиваетъ на томъ, что 6^{1/2} стиховъ, замѣщаемыхъ обыкновенно въ 6-й главѣ второй части „Анджело“ тсчками, были не разрѣшены къ печати Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и замѣнены точками по указаніямъ самого поэта. „Оказывается, говоритъ г. Ефремовъ: что я былъ совершенно правъ, опираясь на прошеніе Пушкина, который, именно „наполнилъ точками всѣ мѣста, отмѣченныя Государемъ“, и прямо указалъ на нихъ въ своемъ „прошеніи“. Но въ томъ-то и дѣло, что въ прошеніи, которое было подано Пушкинымъ въ Главный Комитетъ цензуры въ 1834 году по поводу затрудненій, встрѣченныхъ имъ во время переговоровъ о второмъ, несостоявшемся изданіи „Анд-

жело", нѣтъ прямыхъ указаній на тѣ или другіе стихи, отмѣченные Императоромъ. Правда, въ „Отчетъ“ Публичной Библіотеки точки, о которыхъ идетъ рѣчь, объясняются тѣмъ-же предположеніемъ, какого держится и г. Ефремовъ. Но это предположеніе опирается, очевидно, съ одной стороны, на то самое прошеніе, на которое ссылается г. Ефремовъ и которое не можетъ имѣть въ данномъ случаѣ рѣшающаго значенія, а съ другой стороны—на ошибочное и самимъ-же г. Ефремовымъ опровергнутое мнѣніе о томъ, что „Анджело“ былъ напечатанъ Смирдинымъ безъ всякихъ пропусковъ, за исключеніемъ стиховъ, замѣщенныхъ точками. Рукопись „Анджело“, находящаяся въ Публичной Библіотекѣ—черновая; Ни изъ „Отчета“, ни изъ статьи г. Ефремова не видно, чтобы на ней имѣлись какія-либо отмѣтки, сдѣланныя Государемъ. По всей вѣроятности, онъ читалъ „Анджело“ по другой рукописи: черновой рукописи поэтъ ему не представилъ-бы. Въ виду всего этого, вопросъ: какія именно мѣста не были разрѣшены къ печати Императоромъ, остается вопросомъ. Изъ статьи г. Ефремова видно, что, кромѣ 6^{1/2} стиховъ, замѣщавшихся доселѣ въ „Анд-

жело“ точками, въ двѣнадцатой главѣ второй части этой новеллы, пять незачеркнутыхъ стиховъ въ отвѣтѣ Изабелы были замѣнены въ печати однимъ стихомъ. „Самъ ли Пушкинъ при печатаніи сократилъ эти стихи или они были ему указаны,—неизвѣстно“,—говоритъ г. Ефремовъ. Если почтенный библіографъ не находитъ достаточныхъ основаній для того, чтобы высказаться положительно въ томъ или другомъ смыслѣ о причинѣ, вслѣдствіе которой 5 незачеркнутыхъ стиховъ, изъ отвѣта Изабелы Анджело оказались замѣненными однимъ стихомъ; если онъ считаетъ возможнымъ предположить, что это было сдѣлано по желанію самого Пушкина безъ всякаго на него давленія извнѣ,—то почему-же онъ думаетъ, что 6^{1/2} стиховъ въ тирадахъ Клавдію были выброшены по распоряженію Николая Павловича? Если не будетъ найдена та рукопись „Анджело“, которая была представлена Пушкинымъ Государю и на которой Государь дѣлалъ свои отмѣтки, вопросъ о неразрѣшенныхъ имъ къ печати мѣстахъ „Анджело“ навсегда останется открытымъ, но не имѣющимъ, впрочемъ, особеннаго значенія, такъ какъ описаніе рукописи, сдѣланное г. Ефремовымъ, при-

водитъ къ убѣжденію, что хотя „Анджело“ былъ напечатанъ Смирдинымъ крайне неряшливо и съ цѣлымъ рядомъ произвольныхъ отступленій отъ текста, но съ весьма незначительными сокращеніями. Впрочемъ, и тутъ слѣдуетъ сдѣлать оговорку: при окончательной отдѣлкѣ „Анджело“, Пушкинъ могъ вставить въ него стихи, которыхъ нѣтъ въ черновой рукописи. Замѣтимъ, кстати, что слова Изабелы, приводимыя г. Ефремовымъ, составляютъ весьма близкій переводъ соотвѣтственнаго мѣста изъ второй сцены второго дѣйствія „Мѣры за мѣру“. Въ переводѣ Э. Миллера оно читается такъ:

Какъ? завтра? О, какъ скоро! Пощади́те:

Онъ не готовъ. Мы птицу убиваемъ,
Когда придетъ пора. Ужели Богу
Служить мы будемъ съ меньшею заботой,

Чѣмъ собственной утробѣ? О молю,
Подумайте о томъ... и т. д.

Если допустить, что отвѣтъ Изабелы Анджело былъ урѣзанъ по требованію Императора Николая Павловича, то особенное вниманіе, обращенное имъ на этотъ отвѣтъ, нельзя ничѣмъ будетъ объяснить, кромѣ нежеланія допускать въ печати обсужденія вопроса о смертной казни и

опасенія, что слова Изабелы могутъ
быть примѣнены съ неблагопріятными
для правительстра выводами къ казнямъ
декабристовъ, которыя въ первой по-
ловинѣ 30-хъ годовъ были еще у
всѣхъ въ памяти.

С. 4
У. П. П. П. П. П.
/ 6 -
/

ХІІІ.

„ЦВѢТОКЪ“.

Это стихотвореніе, послужившее образцомъ для „Вѣтки Палестины“ Лермонтова, было впервые напечатано въ № 1 „Галатеѣ“ за 1829 г.

Цвѣтокъ за сохшій, безуханный,
Забытый въ книгѣ вижу я;
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.

Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною?
И долго ль цвѣлъ? и сорванъ кѣмъ,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положенъ сюда зачѣмъ?

На память нѣжнаго ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?

И живъ ли тотъ, и та жива ли?
И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?

„Цвѣтокъ“ вызываетъ въ нашемъ воображеніи цѣлый рядъ трогательныхъ и поэтическихъ сценъ и картинъ, которыя быстро слѣдуютъ одна за другой вмѣстѣ съ наталкивающими

на нихъ вопросами. Значеніе „Цвѣтка“ не исчерпывается изяществомъ формы, мелодичностью стиха и тѣмъ смѣшаннымъ настроеніемъ, исполненнымъ одновременно и свѣта, и грусти, которое онъ пробуждаетъ въ читателѣ, невольно переживающемъ, хотя, конечно, въ слабой степени, все то, что пережилъ, перечувствовалъ и передумалъ поэтъ, при взглядѣ на забытый въ книгѣ цвѣтокъ. Стихотвореніе Пушкина представляетъ, кромѣ того, серьезный психологическій интересъ. Оно раскрываетъ передъ нами душу поэта въ тѣ минуты, когда она, воспринявъ извѣстное впечатлѣніе, давшее толчекъ ея творческой силѣ, начинаетъ созидать образъ за образомъ, оживляя свои воспоминанія, перерабатывая и дополняя ихъ фантазіей и подчиняясь при этомъ закону, такъ называемой, ассоціаціи идей. Цвѣтокъ, забытый въ книгѣ, можетъ вызвать въ каждомъ тѣ или другія представленія, но у обыкновеннаго смертнаго эти представленія будутъ блѣдны, не отчетливы, безсвязны и не оставятъ никакого слѣда. У великаго поэта они бываютъ ясны, ярки, сильны, поражаютъ его самого своей мощью и красотой. Въ этомъ, именно, и заключается разгадка истиннаго творчества.

Душа поэта воспримчивѣй нашей души ко всѣмъ впечатлѣніямъ. Они глупо западаютъ въ нее, хранятся въ памяти, не тускнѣя и не утрачивая своихъ очертаній и ждутъ лишь перваго случая, чтобы возстать изъ забвенія со всею былою жизненностью, соединиться въ самыхъ неожиданныхъ, но отнюдь не произвольныхъ сочетаніяхъ и предстать передъ поэтомъ, какъ рой чудныхъ видѣній, который не можетъ не вдохновить его. Если, благодаря забытому въ книгѣ цвѣтку, въ памяти и въ воображеніи Пушкина промелькнули и весна, и тишина полей, и лѣсная тѣнь, и разные моменты изъ недолгой жизни цвѣтка, и картины нѣжныхъ встрѣчъ, роко ой разлуки, одинокого гулянья, Сезоблачнаго счастья, горя, болѣзни и смерти того или той, кѣмъ цвѣтокъ былъ сорванъ и положенъ въ книгу; если видъ цвѣтка, найденнаго въ книгѣ, заставилъ поэта непонятною для него властью создать мысленно цѣлый романъ и цѣлую драму, связанную съ цвѣткомъ и съ его участью, то можно представить себѣ, какъ вспыхивало и разгоралось въ минуты вдохновенія творчество поэта при фактическомъ или мысленномъ созерцаніи чудесъ природы или чудесъ искусства при

мысли о грандіозныхъ историческихъ событіяхъ! Если видъ забытаго въ книгѣ цвѣтка дѣйствовалъ на душу поэта въ минуты, благопріятныя для вдохновенія, настолько сильно, что она оживлялась

Какъ пробудившійся орелъ,— то весьма естественно, что такое же дѣйствіе могъ оказывать на нее и видъ древне-римской монеты, и полу-сгнившій пергаментъ, исписанный старинными письменами, и множество другихъ „мелочей“, на которыя безразлично и безплодно смотрятъ тысячи глазъ, но которыя зажигаютъ творчество поэта подобно малой искрѣ, воспламеняющей горючій матеріаль, съ которымъ она приходитъ въ соприкосновеніе. Забытый въ книгѣ цвѣтокъ порождаетъ въ душѣ поэта идиллическія и меланхолическія картины недавняго прошлаго, а видъ древней монеты или старинной рукописи—картины изъ жизни и нравовъ давно сошедшихъ со сцены поколѣній, народовъ и цивилизацій. Выясняя намъ тайны художественнаго творчества, „Цвѣтокъ“ выясняетъ намъ и тайны пушкинскаго творчества, ибо въ немъ увѣковѣчена одна изъ тѣхъ минутъ въ жизни Пушкина, когда его чуткаго слуха касался „божественный

глаголь^а, и когда онъ превращался неожиданно для самого себя въ какого-то ясновидца, едва успѣвавшего всматриваться въ надвигавшіяся на него со всѣхъ сторонъ очаровательныя грезы, трепетавшія всею полною жизни.

У Андерсена есть сказка, подъ заглавіемъ „Калоши“. Это были волшебныя калоши. Кто надѣвалъ ихъ на себя, желанія того немедленно исполнялись. Разъ какъ-то эти калоши очутились на ногахъ молодого канцелярскаго чиновника. Повстрѣчавшись на улицѣ съ поэтомъ, онъ подумалъ: какъ было-бы хорошо, если-бы я былъ поэтомъ. Подумалъ и сейчасъ-же сдѣлался поэтомъ. Все, что произошло затѣмъ, нѣсколько напоминаетъ „Цвѣтокъ“, ибо Андерсенъ заставилъ пережить своего кратковременнаго поэта, нѣчто вроде того, что пережилъ Пушкинъ, глядя на засохшій и сезуханный цвѣтокъ. Мы ссылаемся на сказку Андерсена, такъ какъ она поможетъ намъ глубже понять психологическій смыслъ „Цвѣтка“.

„Писарь сдѣлался поэтомъ. Впрочемъ, превращеніе это ничѣмъ не выразилось въ его наружности, и было бы крайне неосновательно, если бы мы представ-

ляли себѣ поэта человѣкомъ, совершенно отличнымъ по наружности отъ другихъ людей; въ средѣ послѣднихъ могутъ встрѣтиться (олѣе поэтическія натуры, чѣмъ многіе изъ призванныхъ поэтовъ. Разница состоитъ единственно въ томъ, что истинный поэтъ обладаетъ лучшею душевною памягью, что живость идей и ощущеній сохраняется въ немъ болѣе продолжительное время.

„Это благоуханіе напоминаетъ мнѣ фіалки у тетки Марты“, говорятъ онъ. „Тогда я былъ еще мальчикомъ. Какъ много лѣтъ я не вспоминалъ о тебѣ, добрая старая дѣвица! Ты жила вотъ тамъ, за биржею. Какъ-бы ни была сурова зима, ты все таки выращивала въ бутылкѣ съ водою пару зеленыхъ побѣговъ или вѣтку ивы. Фіалки благоухали, между тѣмъ, какъ я, нагрѣвъ у печки мѣдную монету, прикладывалъ ее къ замерзшему стеклу въ окнѣ: ледъ таялъ въ этомъ мѣстѣ, и я могъ смотрѣть на улицу. Какія дивныя картины представлялись тогда моимъ глазамъ! Въ каналѣ стояли замерзшіе и покинутые экипажемъ корабли, все населеніе которыхъ состояло тогда изъ однѣхъ только каркающихъ воровъ. Но едва наступала весна, какъ начиналась новая жизнь: съ пѣніемъ и

побѣдными кликами распиливали ледъ, смолили и оснащали корабли и затѣмъ уплывали на нихъ въ чужіе края.“

„Гм! гм!“ проворчалъ писарь съ неудовольствіемъ и сѣлъ на скамейку; чувства его были взволнованы, сердце умягчено, и онъ невольно сорвалъ цвѣтокъ; это была простая маргаритка. „Цвѣтокъ, продолжалъ онъ: въ одну минуту научалъ насъ тому, что мы узнаемъ лишь изъ многихъ лекцій ботаники: онъ говорилъ о тайнѣ своего рожденія, о силѣ солнечныхъ лучей, которые побуждаютъ его развернуть лепестки и благоухать. Онъ напоминать этимъ ту борьбу въ человѣческой жизни, которая пробуждаетъ чувства въ нашей груди. Воздухъ и свѣтъ ухаживаютъ за цвѣткомъ, но цвѣтокъ преимущественно жаждетъ его и обращается къ нему: нѣтъ свѣта, и лепестки свертываются и покоятся въ объятіяхъ воздуха. „Свѣтъ украшаетъ меня“, говоритъ цвѣтокъ; „но воздухъ даетъ тебѣ дыханіе“, шепчетъ поэтическое чувство.

„Недалеко оттуда стоялъ мальчикъ и колотилъ палкою по лужѣ; водяныя брызги падали на зеленую листву дерева, и мысли чиновника обратились на безчисленное множество невиди-

мыхъ животныхъ, которыя съ каплями воды поднимаются сравнительно такъ же высоко, какъ поднялись бы мы, если-бы попали на облака*.

Пушкинъ назвалъ „мечтою странной“ образы и картины, промелькнувшія передъ его духовными очами, подъ впечатлѣніемъ забытаго въ книгѣ, засохшаго цвѣтка. Пушкинъ не разъ останавливался въ изумленіи передъ многообразіемъ и мощью своего творческаго дара, ибо не въ силахъ былъ себѣ объяснить его. Онъ видѣлъ въ немъ что-то таинственное и неоднократно выражалъ прямо и намеками мистическій взглядъ на свой геній.

— Что? спросилъ импровизаторъ, заканчивая свою импровизацію, Чарскаго:—каково?

„Удивительно!“ отвѣчалъ поэтъ „Какъ! чуждая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашею собственностію, какъ будто вы съ нею носились, лелѣяли, развивали ее безпрестанно. И такъ, для васъ не существуетъ ни труда, ни охлажденія, ни этого безпокойства, которое предшествуетъ вдохновенію? Удивительно!...“

Импровизаторъ отвѣчалъ: „Всякій талантъ неизвѣстенъ. Какимъ образомъ

ваятель въ кускѣ каррарскаго мрамора видитъ сокрытаго Юпитера и выводитъ его на свѣтъ рѣзцомъ и молотомъ, раздробляя его оболочку? Почему мысль изъ головы поэта выходитъ уже вооруженная четырьмя приемами, размѣренная стройными, однообразными стопами? Никто, кромѣ самаго импровизатора, не можетъ понять эту быстроту впечатлѣній, эту тѣсную связь между собственнымъ вдохновеніемъ и чуждой внѣшнею волею; тщетно я самъ захотѣлъ бы это изъяснить*.

Вотъ почему Пушкинъ и называлъ себя избранникомъ небесъ; вотъ почему онъ и внушалъ своей музѣ послушаніе Божьему велѣнію. На всѣ эти и имъ подобныя выраженія нужно смотрѣть не какъ на метафоры, а какъ на проявленіе одного изъ основныхъ убѣжденій Пушкина.

ХІУ.

„Черепъ“.

Какая мысль руководила Пушкинымъ, когда онъ писалъ въ 1827 году „Черепъ“ и рассказывалъ своеобразную исторію „кости“ пра... пращура своего друга и лицейскаго товарища?

Поливановъ сомнѣвается, чтобы у Вульфа могъ очутиться черепъ одного изъ предковъ Дельвига. „Пушкину вадумалось,—говоритъ онъ,—предложить Дельвигу сдѣлать чашу для вина изъ черепа его предка, будто бы попавшаго въ руки Вульфа“ (*Сочиненія А. С. Пушкина*, изд. Л. Поливанова, I, 239). Очень можетъ быть, что черепъ, о которомъ идетъ рѣчь въ „посланіи“, не имѣлъ ничего общаго съ родомъ Дельвиговъ, но утверждать, что Вульфъ не дарилъ Пушкину, а Пушкинъ Дельвигу черепа, выкраденнаго однимъ дерптскимъ студентомъ изъ рижской усыпальницы мѣстной знати, въ которой, какъ могъ предполагать Пушкинъ, покоялись

останки и нѣкоторыхъ представителей фамиліи Дельвига, нѣтъ никакого основанія. Трудно допустить, чтобы Пушкинъ написалъ Дельвигу довольно длинное посланіе, неразрывно связанное съ подареннымъ черепомъ, не подаривъ Дельвигу никакого черепа и не получивъ его отъ Вульфа. Такое предположеніе кажется намъ неправдоподобнымъ, хотя, разумѣется, „Черепъ“ построенъ преимущественно на художественномъ вымыслѣ. Пушкинъ едва ли былъ увѣренъ въ то, что черепъ, „литическую славу“ котораго онъ воспѣвалъ, былъ нѣкогда головою одного изъ Дельвиговъ, но онъ вѣроятно, не видѣлъ причины не допустить, что этотъ черепъ могъ принадлежать одному изъ лифляндскихъ рыцарей стародавнихъ временъ и даже, съ можетъ, одному изъ предковъ А. А. Дельвига.

Въ 1827 году Пушкину было не впервые размышлять и создавать художественные образы по поводу человѣческихъ останковъ. Еще въ „Русланъ и Людмила“ онъ вложилъ въ уста главнаго героя поэмы грустный монологъ, геніально иллюстрированный музыкой Глинки, о бренности човѣческаго бытія, о скоропреходя-

щемъ значеніи человѣческо славы.

О поле, поле, кто тебя
 Усѣялъ мертвыми костями?
 Чей борзый конь тебя топталъ
 Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
 Кто на тебя со славой палъ?
 Чьи небо слышало молитвы?
 Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
 И поросло травой забвенья?...
 Времень отъ вѣчной темноты,
 Быть можетъ нѣтъ и мнѣ спасенья!
 Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
 Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,
 И струны громкія баяновъ
 Не будутъ говорить о немъ.

„Черепъ“ проникнуть настроеніемъ, рѣзко отличающимся отъ того настроенія, которымъ проникнуть монологъ Руслана. Тѣмъ не менѣе, ихъ сродство бросается въ глаза: юмористическое повѣст ованіе о странной судьбѣ черепа сводится къ тому же самому, къ чему сводятся и скорбныя думы Руслана—къ мысли о томъ, что каждый человѣкъ исчезаетъ, какъ тѣнь, и что дни его проходятъ, „какъ свѣтъ сельный“. Эпиграфомъ къ словамъ Руслана можно было бы поставить: „sic transit gloria mundi“. Тотъ же эпиграфъ можно было бы поставить и къ „Черепу“. *)

*) „О поле, поле“... замѣтимъ къ стати, далеко не единственное мѣсто изъ „Руслана и Людмилы“ напоминающее позднѣйшія произведенія Пушкина. Монологъ Рат-

„Черепъ“ Пушкина напоминаетъ размышленіе Гамлета надъ черепами, выбрасываемыми гробокопателями, роющими могилу для Офеліи.

„Въ этомъ черепѣ, говорятъ Гамлетъ: былъ когда то языкъ и онъ могъ пѣть, а этотъ бездѣльникъ швырнулъ его о землю, точно будто челюсть Каина, перваго убійцы. Можетъ быть это была голова политика, мечтавшаго перехитрить Самого Господа Бога... или придворнаго, которому ничего не стоило говорить: „добраго утра, ваше высочество. Позвольте пожелать вамъ всевозможнаго счастья“...И вотъ онъ сталъ достояніемъ господъ червей, сгнилъ и его челюсти сносятъ удары отъ заступа могильщика... Вотъ еще одинъ. Почему не быть ему черепомъ приказнаго? Гдѣ теперь его кляузы, ябедничества, крючки, взятки?.. Гм! Этотъ молодецъ былъ, можетъ статься, въ свое время ловкимъ прожектеромъ, скупаль и продавалъ имѣнія. А гдѣ теперь его крѣпости, векселя и про-

---

мира тоже прекрасно иллюстрированный музыкой Глинки:

Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость,—
можетъ быть названъ, вмѣстѣ со стихо-
твореніемъ „Къ ней“, предшественникомъ
посланіе „къ А. П. Кернъ“:

„Я помню чудное мгновенье“.

центы? Желая прослѣдить, до какого низкаго употребленія нисходятъ люди, Гамлетъ допускаетъ предположеніе что Александръ Македонскій, превратившись въ прахъ, могъ въ концѣ концовъ послужить матеріаломъ, изъ котораго была сдѣлана замазка для замазыванія бочки. Такова же въ общемъ нить мысли и „Черепъ“. Вотъ черепъ какого то знатнаго лифляндца. Почему не допустить, что этотъ черепъ былъ головой одного изъ Дельвиговъ, наводившаго когда то ужасъ на своихъ вассаловъ, стойко отстаивавшаго свои дѣйствительныя и мнимыя права и не упускавшаго случая пожить во всю? Думалъ ли надменный рыцарь, что его скелетъ будетъ похищенъ изъ фамильнаго склепа парюю забулдыгъ, купленъ и проданъ за нѣсколько кружекъ пива? Думалъ ли онъ, что его скелетъ будетъ сначала украшать коморку всклокоченнаго бурша плебейскаго происхожденія, а, затѣмъ, раздаренъ его друзьямъ? И что же? Высокородный черепъ переходитъ изъ рукъ въ руки и, наконецъ, попадаетъ къ прапра...внуку того, на чьей шеѣ нѣкогда красовался, а пра...правнукъ можетъ сдѣлать изъ него чашу и пить изъ этой чаши вино. Вотъ судьба челоуѣка! Въ „Черепѣ“ нѣтъ того ужа-

са, того содраганія, той скорби, которые чувствуются въ словахъ Гамлета. Авторъ „Черепѣ“, говоря о смерти и превратностяхъ судьбы человѣческой, не впадаетъ въ минорный тонъ: онъ говоритъ о ней тономъ сильнаго и бодрѣго человѣка, знающаго, что и ему не миновать смерти, но думающаго о ней, какъ о чемъ то очень далекомъ. Но дѣло отъ того не мѣняется: между строкъ „Черепѣ“ проглядываетъ та самая идея о неизбѣжномъ концѣ, которая преслѣдовала Пушкина съ ранней молодости и сказалась у него въ цѣломъ рядѣ произведеній,—та идея о непрочности всего земнаго, которая лежитъ и въ основѣ стансовъ „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“, и въ трогательныхъ строфахъ „Евгенія Онѣгина“, посвященныхъ смерти Ленскаго, и въ „Гробовщикѣ“, въ рассказѣ о снѣ Адриана Прохорова.

Итакъ, когда Пушкинъ писалъ „Черепѣ“, онъ прежде всего хотѣлъ воплотить въ образахъ одну изъ тѣхъ мыслей, которая всегда останавливали и будутъ останавливать вниманіе всѣхъ великихъ художниковъ и гениальныхъ мыслителей. У „Черепѣ“ есть вѣчто общее съ „Цвѣткомъ“: видъ засохшаго и забытаго въ книгѣ цвѣт-

ка представлялъ поэту, до мельчайшихъ подробностей, возможную судьбу цвѣтка и тѣхъ людей, въ рукахъ которыхъ онъ находился; видъ черепа возсоздалъ въ воображеніи поэта всю исторію черепа, вмѣстѣ съ образомъ того человѣка, мозгъ котораго въ немъ нѣкогда пребывалъ, и тѣхъ людей, съ которыми такъ или иначе была связана участь черепа.

Были, конечно, у Пушкина еще и другія побужденія, когда онъ писалъ „Черепъ“, облекъ его въ форму „послания“ къ Дельвигу и вывелъ въ немъ предполагаемаго предка своего друга. Всѣмъ извѣстна тѣсная пріязнь, связывавшая великаго поэта съ Дельвигомъ. Она выражалась у нихъ самымъ нѣжнымъ образомъ *. Пушкинъ остался ей вѣренъ и послѣ смерти Дельвига, потеря котораго была для него тяжкимъ ударомъ. Пушкинъ неоднократно упоминалъ о Дельвигѣ въ своихъ стихотвореніяхъ. Любя Дельвига, онъ весьма естественно, желалъ возвысить его въ обществѣ мнѣ-

---

* Сестра Пушкина, Ольга Сергѣевна, и А. П. Кернъ сообщаютъ, что Пушкинъ и Дельвигъ, встрѣчаясь, цѣловали другъ друга руки. *Воспоминанія объ А. Пушкинѣ* Л. Н. Павлицева 239 и Л. Н. Майкова, *Пушкинъ* 253.

ніи, подчеркнуть его родовитость и его права на принадлежность къ высшему обществу Имперіи. Выдвигая въ „Черепъ“ на первый планъ Дельвига XVI вѣка, Пушкинъ дѣйствовалъ приблизительно подъ вліяніемъ тѣхъ самыхъ соображеній, въ силу которыхъ онъ вывелъ своихъ предковъ въ „Борисъ Годуновъ“, въ „Арапъ Петра Великаго“ и въ „Родословной“; онъ также гордился родовитостью Дельвига, какъ и своею принадлежностью къ старинному русскому дворянству, и также страстно хотѣлъ подчеркнуть генеалогическое превосходство скромнаго Дельвига надъ новою и кичливою знатію, какъ и свое собственное **.

Фабула „Череша“ заинтересовала Пушкина, между прочимъ, конечно, и потому, что въ этомъ полуэпическомъ, полулирическомъ произведеніи должна была отразиться, какъ старинная, такъ и современная поэту Лифляндія вмѣстѣ съ бытомъ и особенностями

** Известно, что Дельвиги происходили отъ древне-германской фамили Dallvig, ведущей свое начало съ XIII вѣка. Дельвиги пере елились въ Остзейскій край въ XV вѣкѣ, но они тогда еще не были баронами. Одинъ изъ нихъ получилъ баронское достоинство шведскаго королевства лишь въ 1723 году, когда Лифляндія еще считалась шведскою провинціей.

германскаго племени, представителей котораго Пушкинъ не разъ вырождаетъ и до, и послѣ 1827 года въ своихъ со-зданіяхъ. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ „Бориса Годунова“ есть Вальтеръ Розенъ; въ „Моцартъ и Салье-си“ — Моцартъ; въ „Гробовщикъ“ — са-пожникъ Шульцъ съ женой и дочерью и другіе нѣмецкіе ремесленники. Въ бумагахъ Пушкина, относящихся къ 1831 году, сохранился отрывокъ изъ 2-й главы, задуманной, но оставлен-ной поэтомъ повѣсти, дѣйствіе кото-рой, повидимому, должно было про-исходить цѣликомъ или отчасти въ Лифляндіи въ концѣ XVIII вѣка и въ герои которой предполагалось взять лифляндскаго деорянина, служивша-го въ русской арміи. Рейнсдорпъ изъ „Капитанской дочки“ и Германъ изъ „Пиковой дамы“ — нѣмцы. Въ „Сце-нахъ изъ рыцарскихъ временъ“ Пуш-кинъ хотѣлъ возсоздать средневѣко-вую Германію. Германію же хотѣлъ онъ возсоздать въ начатой имъ повѣсти „Ма-рія Шонингъ“ и въ двухъ драматиче-скихъ отрывкахъ (монологъ тюремщи-ка и монологъ Гаспара Дика). Въ „За-пискахъ М.“ повѣствованіе ведется отъ имени русскаго деорянина, прожив-шаго нѣсколько лѣтъ въ одномъ изъ германскихъ университетскихъ горо-

довъ. Германія и нѣмцы—какъ чистокровные, такъ и русскіе нѣмцы—живо интересовали Пушкина и притягивали его къ себѣ, что доказывается, между прочимъ, цѣлымъ рядомъ его стихотвореній, а также и „Черепомъ“, представляющимъ своеобразное смѣшеніе стиховъ и прозы, благодаря безыскусственному, эпистолярному стилю которой даже то, что составляетъ въ „Черепѣ“ художественный вымыселъ поэта, производитъ сплошь впечатлѣнія истиннаго происшествія, излагаемаго со всею точностью.

Откуда былъ извѣстенъ Остзейскій край Пушкину? Оттуда же, откуда была ему извѣстна и нѣмецкая жизнь вообще. Изъ книгъ, изъ рассказовъ людей, бывавшихъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ (въ томъ числѣ Дельвига), изъ личныхъ наблюденій поэта видъ нѣмцами и полунѣмцами, съ которыми его сталкивала судьба. О Ригѣ и Дерптѣ, современныхъ Пушкину, онъ долженъ былъ имѣть весьма отчетливое представленіе. Его пріатели А. Н. Вульфъ и поэтъ Языковъ были студентами дерптскаго университета. Въ Дерптѣ и Ригѣ жила и А. П. Кернъ, мужъ которой служилъ въ Ригѣ комендантомъ, и къ ней ѣздили гостить туда ее сестра, А. Н. Вульфъ и П. А. Оси-

пова со всѣмъ семействомъ,—все близкія знакомыя Пушкина. При изученіи „Черепѣ“ и объясненіи того художественнаго процесса, какимъ было вызвано его созданіе, этого не слѣдуетъ забывать. Можно думать, что у Пушкина бывали минуты, когда онъ сильно порывался въ Остзейскій край во время подневольнаго пребыванія въ селѣ Михайловскомъ. Магнитомъ, который притягивалъ его туда, была А. П. Кернъ. Но и самъ край возбуждалъ любопытство Пушкина.

Къ тебѣ собирался я давно
Въ нѣмецкій край тобой воспѣтый,—
говорилъ Пушкинъ въ 1829 году въ посланіи къ Языкову, намекая на Дерптъ, о которомъ Языковъ отзывался съ такимъ восторгомъ въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ („Къ А. П. Вульфъ“, „Отъѣздъ“, „Къ А. П. Тютчеву“, „Прощальная пѣсня“ и т. д.). Съ восторгомъ вспоминалъ Языковъ въ своихъ стихотвореніяхъ и минувшія судьбы Остзейскаго края („Ливонія“, „Меченосецъ Аранъ“ и проч.). Юмористическій тонъ „Черепѣ“, замѣтимъ кстати, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ энтузіазмомъ и приподнятымъ тономъ, въ какіе впадалъ Языковъ, когда касался Лигоніи и студенческой жизни дерптскаго уни-

верситета. Очень можетъ быть, что рассказы Вульфа и Языкова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ натолкнули Пушкина на мысль воспроизвести весь Остзейскій край въ миниатюрѣ съ его рыцарскими преданіями, аристократическими склепами, задорными буршами и т. д., но Пушкинъ сохранилъ полную самостоятельность въ пониманіи и освященіи психологіи и быта дѣйствующихъ лицъ „Черепѣ“.

Феодальный предокъ барона Дельвига—одинъ изъ тѣхъ „стальныхъ рыцарей“, которые нерѣдко тревожили воображеніе Пушкина, какъ видно изъ зачеркнутой строфы „Осени“. Остзейскій феодалъ превосходно очерченъ поэтомъ въ немногихъ стихахъ и какъ самовластный землевладѣлецъ, и какъ воинъ, и какъ семьянинъ. Онъ живьемъ стоитъ передъ нами съ своимъ суровымъ, мало одухотвореннымъ не умнымъ и чувственнымъ лицомъ, со злою хищной, бравой и внушительной осанкой, обличающей физическую силу, привычку повелѣвать, мужество и способность переносить все озможныя лишенія. Поэтъ выпукло отгвнилъ и непроглядное невѣжество закованнаго въ латы рыцаря, и его незатѣливое міросозерцаніе, и его разбойничьи наклон-

ности, и его деспотическіе административно-вотчинныя распоряжки, и его буйный, самолюбивый нравъ, и его склонность къ грубымъ, чувственнымъ наслажденіямъ.

Своеобразная и рѣзкая фигура властнаго барона какъ нельзя лучше отбѣняется поэтическимъ портретомъ его, отнюдь не воинственнаго, потомка.

. . . . . безъ одежды бранной,
 Съ главсю, миртами вѣнчанной,
 Въ очкахъ и съ лирой золотой.

Превосходно освѣщается нравственный обликъ и внѣшность феодальнаго барона сближеніемъ его съ двумя типичными представителями Остзейскаго края 20-хъ годовъ XIX столѣтія: съ завзятымъ буршемъ дерптскаго университета и съ кистеромъ города Риги.

Приурочиваль-ли Пушкинъ крѣпкоголоваго предка своего друга къ какой-нибудь опредѣленной эпохѣ, имѣлъ ли онъ въ виду опредѣленный періодъ исторіи Лифляндіи, когда набрасываль изображеніе типичнѣйшаго представителя ея стариннаго дворянства? Пушкинъ хорошо зналъ исторію и, создавая историческій типъ, не могъ не связывать его съ извѣстнымъ вѣкомъ. Къ какому-же вѣку принадлежалъ „гроза вассаловъ и вхъ

жень“, погребенный въ Ригѣ и выведенный въ „Черепъ“? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти въ указаніяхъ поэта. Грозный, но недалекій феодалъ (сылъ доволенъ

Пастора лестью погребальной и не разъ бился съ литовцами. Изъ этого слѣдуетъ, что Пушкинъ относилъ его житейское поприще къ той порѣ, когда въ Лифляндіи уже распространилась реформація, но когда Лифляндія еще не находилась въ зависимости отъ Польши и не входила въ составъ Польско-Литовскаго государства. Реформаціонное движеніе начало распространяться въ Ливоніи въ двадцатыхъ годахъ XVI-го столѣтія. По смерти Плеттенберга (1535 г.) оно стало усиливаться, и Рига пристала къ шмалькальденскому союзу. Въ 1555 году на сеймѣ въ Вольмарѣ уже было опредѣлено, чтобы „впредь до общаго собора каждый свободно и безпрепятственно оставался при своемъ вѣроисповѣданіи“. Въ 1561 году Кеттлеръ, гермейстеръ ордена Меченосцевъ, перешедшій въ протестантизмъ, передалъ Лифляндію Польшѣ, а въ 1569 году состоялась Люблинская унія, соединившая Польшу съ Литвой. Вѣроятно же всего, что Пушкинъ, характеризуя закованнаго въ

латы барона, представлялъ себѣ лифляндскаго рыцаря, жившаго въ XVI вѣкѣ.

Вѣренъ-ли Сылъ Пушкинъ исторіи, характеризуя предка Дельвига такъ, какъ онъ охарактеризовалъ его въ „Черепѣ“? Да, ливонскіе рыцари XVI вѣка были очень похожи на крѣпкогоголозаго барона. Поэтъ не сгущалъ красокъ, когда набрасывалъ изображеніе лифляндскаго феодала. Ливонскіе рыцари XVI вѣка имѣли мало общаго съ Меченосцами, оставившимися вѣрными простой и строгой жизни. Они славились кугежами, развратомъ, всякаго рода излишествами, мотовствомъ, роскошью и были въ то же время темными людьми, къ которымъ всецѣло можно было примѣнить *Epistolae obscurorum virorum* Эразма Роттердамскаго. За шесть лѣтъ до появленія „Черепѣ“ А. А. Бестужевъ, писавшій впоследствии подъ псевдонимомъ *Марлинскій*, издалъ книгу подъ заглавіемъ „Поѣздка въ Ревель“, въ которой онъ такъ описывалъ нравы богатыхъ и знатныхъ ливонцевъ на основаніи историческихъ данныхъ, дошедшихъ до насъ о домашней жизни обитателей Вендена (столица гермейстеровъ) Дерпта и Риги:

„Сначала смиреніе и бѣдность были девизомъ Крестоносцевъ ливонскихъ, но въ послѣдствіи они оставили ихъ вассаламъ своимъ. Промѣняли полотно и замшу рыцарскихъ одеждъ сперва на камлотъ, потомъ на сукно, наконецъ на сархатъ. Украсили женъ своихъ перлами и дорогими алмазами, а сами охотнѣе наряжались въ золотыя цѣпи, нежели въ стальной кирасъ. Роскошь возшла до неимовѣрной степени. Фохтъ Вейсенштейна, фонъ-Тулень, носилъ на шеѣ цѣпочку 21 фунтъ изъ чистаго золота. Одинъ командоръ ревельскій не иначе проѣзжалъ по городу, какъ съ тремя конными, богатоубранными трубачами, возвѣщавшими его поѣздъ, и головной уборъ дѣвицы Тизенгаузенъ, невѣсты какого то рингенскаго помѣщика, цѣнился во сто тысячъ рейхсталеровъ. Со всѣмъ-тѣмъ Ливонія, знаменитая въ отношеніяхъ торговомъ и военномъ, не была таковою въ просвѣщеніи. Блескъ золотыхъ парчей и сіяніе роскоши не освѣтили умовъ рыцарей, дворянъ и духовныхъ, погрязшихъ въ грубомъ невѣжествѣ. Они расточались на лошадей, соколовъ, собакъ, и даже въ церковь ходили съ сими послѣдними. Повѣсивъ мечъ и крестъ на стѣну, рыцари съ кружками въ рукахъ

подвизались на поприщѣ разврата, и напрасно въ заморскихъ винахъ искали мужества предковъ своихъ. Буйствомъ встрѣчали дни, въ питьѣ пробождали ночи. Шахматы, кости, шашки и родъ билиарда, *Pilken-Tafel* называемаго, были ихъ занятіемъ; чудесныя пляски и фигляры ихъ увеселеніемъ. Каждая крестины, каждая свадьба подавали новыя причины къ пирамъ, и со всѣхъ концовъ стекались на оныя дворянство и рыцарство. Встрѣчали далеко за городомъ невѣсту, которая едва передвигалась, задавленная множествомъ тяжелыхъ украшеній, и на богатоубранныхъ коняхъ скакали кругомъ колесницы ея. Ложились столы отъ серебряной посуды, въ ожиданіи гостей, которые уже готовились состязаться на поприщѣ пресыщенія. Кельхъ сохранилъ намъ описаніе одного постнаго обѣда, ревельскимъ епископомъ на турнирѣ даннаго: оный состоялъ изъ 50 различныхъ блюдъ. Тогда братья Ордена заѣли уже предковъ своихъ, которые одними плодами земли угощали епископовъ! По роду жизни дворянъ и рыцарей можно судить о развратѣ ихъ нравовъ. Безнаказанность преступленія произвела торжество порока. Не стало узъ священныхъ; одни желанія

обратились въ законы. Рыцари бросали женъ своихъ и брали многихъ наложницъ, позабывъ и честь, и вѣру; а гдѣ онѣ безъ уваженія, тамъ всѣ страсти безъ узды. Въ XV вѣкѣ нѣкто Тизенгаузенъ утопилъ въ мѣшкѣ сестру свою за то, что она желала вступить въ бракъ съ его секретаремъ.

Мѣщане, купцы и всѣ граждане Ревеля, въ подражаніе высшимъ классамъ, едва ли не превосходили своихъ учителей; цвѣтущая Ганза доставляла имъ средства для роскоши, а примѣръ дворянъ воспламенялъ ее. Вѣчные праздники царст овали въ городахъ и замкахъ, вѣчныя слезы въ деревняхъ“.

О роскоши высокороднаго рыцаря, описывая его образъ жизни, Пушкинъ ничего не говоритъ, какъ бы намекая тѣмъ, что онъ имѣлъ въ виду одного изъ тѣхъ рыцарей, которые стояли въ сторонѣ даже отъ чисто внѣшняго и поверхностнаго вліянія цивилизаціи, но описаніе „гробовой галлерей“ Дельвиговъ, какъ нельзя лучше обрисовываетъ аристократическую гордость жестокаго и буйнаго феодала и его „тщеславное тлѣніе“, и даетъ понять, что онъ жилъ уже въ тѣ времена, когда первоначальная простота нравовъ отошла въ область преданія.

Стихъ—

Гроза вассаловъ и ихъ женъ—

не требуетъ длинныхъ комментариевъ. Кому не извѣстно жалкое и безправное положеніе, въ какомъ находились латыши-крестьяне не только въ XVI вѣкѣ, но и въ болѣе позднія времена? Лифляндскіе рыцари смотрѣли на нихъ, какъ на свое быдло, какъ на рабочій скотъ и дѣлали съ ними, что хотѣли. Гордый баронъ не составлялъ исключенія изъ общаго правила и, какъ видно, не забывалъ о *ius primaе noctis* и объ иныхъ привилегіяхъ своего званія.

Дерптскій студентъ, похищающій изъ склепа кости высокороднаго барона и совращающій съ пути истиннаго городского кистера,—великолѣпный типъ традиціоннаго нѣмецкаго бурша. Онъ бѣденъ, иначе онъ не жилъ бы въ темной трактирной камеркѣ подъ лѣсницей. Въ „Черепѣ“ не упоминается ни о родинѣ, ни о сословіи „косматаго баловня природы“; очевидно, онъ не принадлежалъ ни къ мѣстному дворянству, ни къ зажиточному бюргерству. Въѣшность студента, его образъ жизни, его привычки, его претензіи на разносторонность знаній, его напускная важность, его желаніе казаться глу-

бокимъ мыслителемъ и избранной исключительной натурой, чуждой всякаго филистерства и непонятной для обыкновенныхъ смертныхъ, его поползновенія разыгрывать роль влюбленнаго мечтателя, обожающаго поэзію и природу, его спѣсивый видъ, когда онъ пѣнилъ пиво „въ дыму табачныхъ облаковъ“, его склонность къ трактирному героизму и къ безопаснымъ побѣдамъ надъ жидами, его разношерстный запасъ книгъ, долженствовавшій свидѣтельствовать объ эрудиціи и философскомъ направленіи ума ихъ владѣльца, его короткій плащъ, его витая трубка, его картузь, усы, дубина и рапира, напоминавшіе объ ежеминутной готовности всеобъемляющаго математика, хирурга, юриста, фізіолога, философа и поэта вступить въ бой съ любымъ изъ мирныхъ обитателей Риги и биться на дуэли съ каждымъ дерзкимъ,—все это какъ нельзя лучше характеризуетъ нѣмецкаго присяжнаго студента временъ метафизики и романтизма. Буйный буршъ, разыгрывавшій роль человека, преданнаго наукѣ и поглощеннаго ея интересами, очевидно, не обременялъ себя усиленными и головоломными занятіями, иначе

Творенья Фихте и Платона,
 Да два восточныхъ лексикона
 не валялись бы у него
 ....грудой на полу
 Подъ паутиною въ углу.

Тѣмъ не менѣе, своеобразный характеръ тщеславія и рисовки пушкинскаго бурша обличаетъ въ немъ юношу, жившаго въ университетскихъ кружкахъ и привыкшаго къ почтительному отношенію къ наукѣ и ея представителямъ. Онъ хотѣлъ казаться и Фаустомъ, и Среттеромъ; и Шиллеромъ, и богатыремъ пьянства; и томнымъ Вертеромъ, и уличнымъ скандалистомъ; и глубокомысленнымъ ученымъ и интереснымъ чудакомъ. Онъ, повидимому, не обращалъ вниманія на свою внѣшность, а на самомъ дѣлѣ, только и думалъ, что о впечатлѣніи, производимомъ его особой, и о томъ, удачно ли онъ разыгрываетъ разъ принятую на себя роль. Для чего понадобился всклокоченному буршу скелетъ? Для того, чтобы слѣлать болѣе внушительною обстановку своей конуры, возвысить себя въ глазахъ трактирныхъ лакеевъ и вселить въ нихъ мысль, что они чистятъ сапоги и подаютъ умываться человѣку необыкновенному и чуть не черно-книжнику, для котораго нѣтъ ничего

святого и который привыкъ обращаться запанибрата съ мертвецами и съ выходцами съ того свѣта. Дерптскій студентъ презираетъ „предразсудки“ и не видитъ ничего дурного въ похищеніи костей изъ гробовъ. Очевидно, что онъ былъ зараженъ религіознымъ вольнодумствомъ и не прочь былъ пококѣтничать имъ. Языкъ пушкинскаго бурша, представляющій смѣшеніе вульгарнаго и фамиллярнаго тона съ риторическою ходульностью, романтическими прикрасами и клятвами адскими божествами классическаго міра, довершаетъ наше представленіе о „присяжномъ студентѣ“. Что-же такое, въ сущности, представляетъ пушкинскій буршъ? Зауряднаго и типичнаго нѣмецкаго юношу, въ которомъ нѣтъ ниче о загадочнаго, ничего „роковаго“. Съ теченіемъ времени изъ него выработался, вѣроятно, степенный и положительный отецъ семейства и, какъ выразился бы Теккерей, совершеннѣйшій сноббсъ. „Присяжный студентъ“ Пушкина гнушался филистеровъ, но самъ, несомнѣнно, превратился въ концѣ концовъ въ завятаго филистера и въ зрѣлые годы должно было случиться своимъ студенческими проказами точно такъ же, какъ сорокалѣтній

корнетъ Дракинъ изъ „Метели“ любилъ прихвастнуть своими гусарскими проказами *.

Рижскій кистеръ такъ же типиченъ, какъ высокородный рыцарь Дельвигъ и какъ дерптскій буршъ. Онъ приходитъ сначала въ изумленіе и даже въ ужасъ отъ затѣи студента, ибо, хотя и привыкъ къ своимъ мертвецамъ, но взираетъ съ почтеніемъ на ихъ регалии и не безъ страха спускается подъ своды склепа.

Что скажутъ мертвые потомъ?

говоритъ студенту робкій кистеръ
Въ этомъ вопросѣ звучитъ опасеніе

---

* Въ отрывкѣ изъ „Записокъ М.“, сохранившемся между бумагами Пушкина 1835 годѣ, есть прекрасный набросокъ студентовъ и студенческаго быта германскихъ университетовъ, напоминающій ту часть „Черена“, въ которой говорится о дерптскомъ буршѣ „Наконѣцъ Анна Петровна рассказываетъ М., уговорила отца отослать меня за границу въ университетъ. Я отправился; мнѣ тогда было пятнадцать лѣтъ. Университетская жизнь моя оставила мнѣ пріятныя воспоминанія, которыя, если ихъ разобрать, относятся къ происшествіямъ; но молодость—великій чародѣй Дорого бы я далъ, чтобъ сидѣть за кружкой пива, въ облакахъ табачнаго дыма, съ дубиною въ рукахъ и съ засаленной бархатной фуражкой на головѣ. Дорого бы я далъ за мою комнату, вѣчно полную народа, и Богъ знаетъ какого народа; за наши ла-

что мертвецы отомстятъ хранителю гробовъ, если онъ нарушитъ свои обязанности и войдетъ въ стачку со студентомъ. Смѣло можно сказать, что бѣдный кистеръ съ трепетомъ шелъ съ нимъ въ усыпальницу баронствъ, а послѣ похищенія скелета тревожно прислушивался къ каждому шороху и ежеминутно ждалъ возстанія изъ гроба и грознаго допроса какого нибудь давно умершаго рыцаря. Но кистеръ большой пьяница, человѣкъ безхарактерный и полатливый. Онъ не долго спорилъ со студентомъ и при помощи пива скоро былъ сбитъ имъ съ позиціи. Одуманенный хорошей выпивкой и доводами студента, трусоватый забулдыга отправляется ночью

тинскія дѣсны, студенческіе подвиги и ссоры съ филстерами. Вольносе университетское ученіе принесло мнѣ болѣе пользы, нежели домашніе уроки. Но вообще выучился я порядочно только фехтованію и дѣланію пунша. Изъ дому получалъ я деньги въ разные не положенные сроки. Это приучило меня къ долгамъ и къ безчестности. Прошло три года, и я получилъ отъ отца изъ Петербурга приказаніе оставить университетъ и ѣхать въ Россію служить... При отъѣздѣ моемъ далъ я прощальный пиръ, на которомъ поклялся быть вѣчно вѣрнымъ дружбѣ и человечеству; на другой день, съ головою болью и съ книгою, отправился въ дорогу.

съ своимъ спутникомъ въ склепъ и помогаетъ ему осуществить его эсцентричное намѣреніе: сообщество бурша и хмѣль пѣдаютъ кистеру мужество и большую прыть.

Говоря о „Черепъ“, нельзя не отмѣтить описанія „гробовой галлерей“ и картины похищенія скелета, какъ изумительно дѣльныхъ мѣстъ, выдѣляющихся даже въ этомъ превосходномъ произведеніи, выдержанномъ отъ начала до конца и не заключающемъ въ себѣ ни одной фальшивой черты. „Мракъ подвала величавый“ и его глухіе своды, озаренные тощимъ сіяніемъ фонаря; гробовое эхо, протяжно вторящее звуку шаговъ накрытаго плащомъ студента и преступнаго кистера; длинный рядъ гробовъ съ останками высокородныхъ рыцарей; щиты, гербы и короны, свидѣтельствующіе объ аристократизмѣ покойниковъ,—все это изображено Пушкинымъ съ такою живостью и выразительностью, что въ воображеніи читателя ясно представляется и темный мавзолей, едва-едва освѣщенный во вкусъ Рембрандта и Сальватора Роза, и его своеобразная обстановка, носящая отпечатокъ давно прошедшихъ временъ, и страшныя фигуры дергскаго бурша и его пьяненькаго сообщ-

ника, представляющія столь рѣзкій контрастъ печальной и гордой торжественности и обычной тишинѣ феодалной усыпальницы. Читая „Черепъ“, кажется, не только видишь все, что происходитъ въ ней, но и слышишь визгъ заржавленнаго замка и „предательской двери“, а также и

... эхо гробовое,
Смущенное въ своемъ покоѣ.

Пушкинъ умѣлъ мастерски передавать и воссоздавать не только всевозможныя картины и борьбу свѣта съ тѣнью, но и всевозможныя слуховыя впечатлѣнія. Описание баронскаго склепа и похищеніе скелета—это чудо искусства, свидѣтельствующее о необычайной изобразительности пушкинскаго языка. Вообще, „Черепъ“, какъ мы уже имѣли случай не разъ подчеркивать, изобилуетъ оригинальными, неожиданными, прекрасными эпитетами, сразу характеризующими предметъ со всѣми его существенными чертами. Вотъ эти эпитеты: „*готическая слава*“ черепа барона Дельвига, его „*тяжеловѣсный* (т. е. непооротливый) мозгъ“, „*крпкоголовый предокъ*“, „*непробудимый*“, (въ другомъ мѣстѣ: „*непробудный*) сонъ“ (смерть), „*погребальная лестъ*“ пастора (рѣчь идетъ о крайней идеализа-

ціи покойника въ надгробномъ словѣ), „предательская дверь“ (дверь, не преграждающая путь ворамъ), „величавый мракъ“ „могильна о подвала“, „точее сіяніе“ фонаря, „глухіе своды“ „гробовой галлерей“, „тщеславное тлѣніе“ „высокородныхъ бароновъ“ и ихъ „высокородныя кости“, „воинскій рай скандинава и т. д. Чѣмъ больше вдумываешься въ „Черепъ“, тѣмъ больше находишь въ немъ прелестныхъ и поэтическихъ выраженій, сближеній и опредѣленій, искрящихся юморомъ и умомъ. Высохшій черепъ Пушкинъ называетъ „издѣліемъ гроба“ и „мертвымъ проповѣдникомъ жизни“, т. е., символическимъ изображеніемъ скоротечности человѣческаго существованія. Въ двухъ стихахъ поэтъ неподобно устанавливаетъ психологическое значеніе національнаго и любимѣйшаго напитка нѣмцевъ:

. . . . . пиво, страха утѣшитель,
И гнѣвной совѣсти смиритель.

Характеризуя студента-бурша, поэтъ говоритъ, что, появившись въ Ригѣ,

. . . . . тамъ спѣсиво
Въ трактирахъ сталъ онъ пѣнить пиво.

Одна, повидимому, мелкая и ничтожная черта, а, между тѣмъ, какъ

много выражено ею! Въ ней сказались и комичный апломбъ „косматаго баблоня природы“, и его школьный задоръ, и его ограниченность. Молодой человѣкъ, потягивающій пиво съ видомъ священнодѣйствующаго жреца, сразу дѣлается понятенъ: его задумчивость и важность ничего не могутъ возбуждать, кромѣ улыбки. *Спѣсиво и пиво*—неожиданныя и безукоризненные рѣмы, но этими рѣмами завершаются два стиха ужъ, конечно, не ради рѣмы, а въ силу внутренней необходимости. Пушкинскій буршъ не могъ иначе пѣнить пива, какъ спѣсиво. Не показать же дерптскаго студента былыхъ временъ за кружкою пива, значило бы умолчать объ одномъ изъ главныхъ и наиболѣе характерныхъ моментовъ его жизни.

Говоря о лифляндскомъ рыцарѣ, о дерптскомъ буршѣ и рижскомъ кистерѣ, Пушкинъ не забываетъ, что онъ воспроизводитъ нѣмецкій бытъ и нѣмецкіе типы, и слова: „пиво“, „кружка пива“, „пары Вакха“, „чаша“, „увеселительная чаша“, „кипащее вино“, „вино“ и „домашніе пирѣ“ поминутно напоминаютъ вамъ, что вы имѣете дѣло съ людьми, которые едва ли бы записались въ об-

щество трезвости. Шутливый совѣтъ превратить черепъ рыцаря въ чашу вполне гармонируетъ съ одной изъ главныхъ склонностей покойнаго (барона, со вкусами похитителей его костей и, вообще, съ содержаніемъ всего „посланія“.

Каждая отдѣльная часть „Черепъ“ со тавляетъ какъ бы самостоятельное цѣлое и имѣетъ свой отличительный характеръ, соотвѣтственный своему содержанію. Взять хотя бы характеристику барона. Тонъ ея съ первыхъ же словъ создаетъ представленіе о тупомъ, недалекомъ, суровомъ и грубомъ человѣкѣ, и мы уже хорошо знаемъ почтеннаго рыцаря изъ первыхъ восьми стиховъ 2-й строфы, говорящихъ исключительно объ его черепѣ. Здѣсь каждое слово многозначительно.

Литовскій мечъ въ недобрый часъ
По немъ со звономъ ударялся...

Мечъ, конечно, долженъ былъ удариться о черепъ барона *со звономъ*, но голова, издающая звонъ, рождаетъ представленіе о пустой головѣ, а его то и нужно было вызвать поэту. Стихъ „Черепъ“, если можно такъ выразиться, мѣняетъ свои краски и свой стиль, переходя отъ одного пред-

мета къ другому, не измѣняя основного колорита всего посланія *.

„Мысль о черепѣ, который служилъ бы чашею, говоритъ Поливановъ (Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Льва Поливанова, 1-й томъ, 239): не есть собственное изобрѣтеніе Пушкина. Байронъ отполировалъ черепъ, открытый его садовникомъ въ землѣ и

* Въ той части „Черепъ“, которая написана прозою, есть одно мѣсто, не возбуждавшее никакихъ недоумѣній у современниковъ, но не совсѣмъ понятное для насъ: „Преступный кистерь лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему брать съ собою *будущаго*, то, разобравъ опять барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ“. О какомъ *будущемъ* здѣсь говорится? Пушкинъ взялъ это выраженіе, очевидно, изъ терминологіи старыхъ почтовыхъ узаконеній. Въ черновомъ наброскѣ Пушкина (1825 года), начинающемся словами: „4 мая 18... про изведенъ я въ офицеры“... тоже упоминается о *будущемъ* въ технически почтовомъ смыслѣ. „Я взглянулъ въ почтовую книгу. Генеральша Б., съ *будущимъ*, взяла двѣнадцать лошадей“... Пушкинскій буршъ, уѣзжалъ изъ Риги налегкѣ, и со безденежью не могъ брать съ собою багажа, превышавшаго минимальный вѣсъ. Подорожная не давала ему права везти съ собою всего того, что при немъ будетъ. Вотъ что значитъ: „обстоятельства не позволяли ему брать съ собою *будущаго*“.

принадлежавшій, по всей вѣроятности, какому-нибудь монаху стараго аббатства, и сочинилъ „Надпись на кубкѣ изъ черепа“ (1808). Пушкину вздумалось предложить Дельвигу сдѣлать то же употребленіе изъ черепа его предка“.... Если даже согласиться съ тѣмъ, что мысль о черепѣ, который служилъ бы чашею, есть изобрѣтеніе Байрона, то и въ такомъ случаѣ сходство между „посланіемъ“ Пушкина и „Надписью“ Байрона окажется весьма незначительнымъ. Стихотвореніе Байрона цѣликомъ посвящено развитію той парадоксальной идеи, что вѣтъ ничего дикаго и оскорбительнаго для человѣческаго достоинства въ замѣнѣ кубка черепомъ. Въ стихотвореніи Пушкина лишь вскользь и въ шутовомъ тонѣ дается Дельвигу совѣтъ превратить „издѣліе гроба“ въ увеселительную чашу, но Пушкинъ отнюдь не настаиваетъ на своемъ совѣтѣ и предлагаетъ своему другу или подражать пѣвцу Корсара и пить изъ черепа на домашнихъ пирахъ или мечтать, т. е. размышлять надъ нимъ. Совѣтуя Дельвигу пить изъ черепа вино, Пушкинъ ссылается на примѣръ не одного Байрона, но и на скандинавскую мнѣологию, на Валгаллу, въ которой без-

страшные витязи, по вѣрованіямъ нормановъ, пили вино изъ вражьихъ череповъ. Пушкину, такимъ образомъ, было прекрасно извѣстно, что мысль о превращеніи черепа въ чашу не могла быть названа изобрѣтеніемъ знаменитаго англійскаго поэта. Да онъ и не могъ не знать этого, ибо былъ очень начитанъ въ области исторіи и обладалъ рѣдкою памятью. Пушкину было несомнѣнно хорошо извѣстно, что не одни норманы пользовались черепами своихъ враговъ вмѣсто кубковъ, что то же самое дѣлали и нѣкоторые другіе народы. Пушкинъ конечно, зналъ, изъ Карамзина и изъ нашихъ лѣтописей, что печенѣжскій князь Куря, отрубивъ голову Святослава, сдѣлалъ изъ нея себѣ чашу. Въ 416 примѣчаніи 1-го тома „Исторіи Государства Російскаго“, которое было Пушкину, конечно, тоже не безызвѣстно, говорится: „И нѣмцы, и славяне пивали изъ череповъ своихъ непріятелей. Такъ болгарскій царь Крумъ, убивъ въ 811 году Императора Никифора, оправилъ черепъ его въ серебро, и князья славянскіе употребляли сію мертвую голову вмѣсто бокала“.

Пушкинъ не могъ не вспомнить „Подписи“ Байрона на кубкѣ, сдѣ-

ланномъ изъ черепа, когда писалъ свой „Черепъ“. Но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ подражалъ стихотворенію Байрона или что-нибудь заимствовалъ изъ него. Онъ такъ же мало подражалъ ему, какъ и „Гамлету“ Шекспира или „Черепу“ Баратынскаго, хотя на нихъ и намекается въ заключительной части „посланія“. Къ эксцентричной затѣѣ Байрона Пушкинъ относился, видимо, иронически. Сближеніе ея съ воинскимъ раемъ скандинавовъ является тонкимъ намекомъ на то, что байроновская „Надпись“, несмотря на свою кажущуюся оригинальность, совсѣмъ не оригинальна, ибо полудикія племена за долго до Байрона дѣлали изъ череповъ такое же точно употребленіе, какое ему пришла фантазія сдѣлать изъ черепа, найденнаго въ саду. Планъ, содержаніе и настроеніе пушкинскаго „Черепъ“ не имѣютъ ничего общаго съ байроновскою „Надписью“. Приводимъ ее въ переводѣ Д. Михаловскаго: *

* Въ примѣчаніи къ ней Байронъ говоритъ: „Садовникъ, копая землю, нашелъ черепъ, принадлежавшій, вѣроятно, какому-нибудь монаху аббатства того времени, когда оно перестало уже быть монастыремъ. Я былъ пораженъ его огромностью и

Не пугайся, не думай о духѣ моемъ:
 Я лишь черепъ—не страшное
 слово.
 Мертвый черепъ, въ которомъ—не
 такъ какъ въ живомъ—
 Ниче о не таится дурного.

Я при жизни какъ ты, могъ и
 пить, и любить,—
 Пусть гниютъ мои кости до вѣка!
 Наливай,— ты не можешь меня ос-
 квернить:
 Червь противнѣе губъ человекъ.

Лучше чудную влагу въ себѣ со-
 держать,
 Оживляющій сокъ виноградный,
 И ходить, въ видѣ кубка, кругомъ,
 чѣмъ питать
 Копошавшихся слизистыхъ гадинъ.

Тамъ, гдѣ умъ мой блисталъ, я чу-
 жому уму
 Помогу изливаться свободнѣй;
 Если мозгъ нашъ изсохъ, то, ко-
 нечно, ему
 Нѣтъ замѣны вина благороднѣй.

Пей, покуда ты живъ, а умрешь,—
 можетъ-быть,
 И тебя изъ могилы достануть,

тѣмъ, что онъ такъ хорошо сохранился,
 и мнѣ пришла странная мысль сдѣлать
 изъ него чашу для вина. Я отправилъ
 черепъ въ городъ,— и онъ возвратился ко
 мнѣ оттуда отлично отполированный и
 какого то пестраго цвѣта въ родѣ чере-
 пахи“.

И твой черепъ, какъ я, кубкомъ
будеть служить,
Пировать съ нимъ живущіе ста-
нутъ.

Почему жъ и не такъ? головѣ то
иной
Послѣ жизни нелѣпой, без-
плодной,
Умереть и быть кубкомъ.— вѣдь
шансъ (!) не дурной:
Быть къ чему-нибудь путному
годной.

„Черепъ“ Пушкина представляетъ совершенно самостоятельное произведе-
ніе и во всѣхъ отношеніяхъ отли-
чается отъ байроновской „Надписи“.
Взять хотя бы послѣдніе четыре сти-
ха „Черепа“ и „Надписи“. Заканчи-
вая свою „Надпись“, Байронъ издѣ-
вается надъ черепами покойниковъ,
не отличавшихся умомъ и не сдѣлав-
шихъ ничего хорошаго въ продол-
женіе жизни, и саркастически даетъ
понять, что многіе люди должны бы-
ли бы быть довольны, если бы ихъ
черепа были превращены когда-ни-
будь въ кубки. Иное говоритъ Пуш-
кинъ: онъ называетъ черепъ барона
мертвымъ проповѣдникомъ жизни,—
проповѣдникомъ, который можетъ за-
мѣнить для мудреца любого, самаго
умнаго собесѣдника. Почему же? Пото-
му что онъ напомнитъ слова Библіи:

„земля еси и въ землю отъидеши“
(прахъ ты и въ прахъ возвратишься).

Подводимъ итоги нашимъ замѣткамъ о „Черепѣ“. „Черепъ“ смѣло можетъ быть названъ истинно геніальнымъ полуэпическимъ — полудраматическимъ произведеніемъ Пушкина. „Черепъ“ замѣчателенъ по совершенству языка, стиха и, вообще, формы, по глубинѣ мысли, задрапированной юмористическимъ и шутивымъ тономъ, по богатству содержания жанровой и исторической живописи „посланія“, устанавливающего чисто русскій взглядъ на одну изъ нашихъ инородческихъ окраинъ, по типичности, по экспрессіи, по бытовой и психологической правдѣ дѣйствующихъ лицъ. Самъ Пушкинъ былъ очень высокаго мнѣнія о „Черепѣ“. Когда эта пьеса была напечатана въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1828 года съ подписью Я и съ пропускомъ фамилій Дельвига и Вульфа, стали высказываться предположенія, что публика будетъ считать авторомъ „Черепѣ“ Языкова. Пушкинъ говорилъ по этому поводу: „никто не усумнится, что это Я—я“. Онъ не допускалъ мысли, что такая чудная вещь, какъ „Черепъ“, можетъ быть приписана кому-нибудь, кромѣ его. Дать другое

объясненіе словамъ Пушкина невозможно.

„Черепъ“ былъ написанъ Пушкинымъ не въ одинъ пріемъ и, судя по всему, отшлифовывался поэтомъ съ особымъ стараніемъ. Впервые о „Черепѣ“ упоминается въ письмѣ Пушкина къ Дельвигу отъ 31-го іюля 1827 года, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Если кончу посланіе къ тебѣ о черепѣ твоего дѣда, то мы и его тиснемъ“. Въ іюль 1827 года часть „Черепа“ была уже написана, и это было уже извѣстно Дельвигу. Когда, именно, Пушкинъ подарилъ ему „Черепъ и началъ писать о немъ свое „посланіе“, мы не знаемъ, конченъ же былъ „Черепъ“ только въ октябрѣ 1827 года („Современникъ“, 1853 г. I, статья Гаевского „О Дельвигѣ“, стр. 58).

Есть въкоторое основаніе предполагать, что первоначальная редакція „Черепа“ значительно разнилась отъ окончательной: по крайней мѣрѣ, дѣдъ Дельвига, жившій въ XVIII вѣкѣ, былъ замѣненъ его пра..... прапуромъ при отдѣлкѣ „посланія“. Трудно допустить, чтобы въ письмѣ отъ 31-го іюля Пушкинъ назвалъ дѣдомъ Дельвига его отдаленнаго предка XVI вѣка.

ХУ.

„Цезарь путешествовалъ“.

(Отрывокъ о смерти Петронія).

Три главы о Петроніи, написанныя Пушкинымъ въ 1835 году, представляютъ лишь начало Сольшого произведенія, задуманнаго, но не оконченнаго поэтомъ. Честь перваго указанія на ихъ высокое достоинство принадлежитъ Страхову, прекрасно охарактеризовавшему прозу, которою онѣ написаны, — „прозу, звучащую и текущую совершенно такъ, какъ классическая латинская рѣчь“. „Лучше не рассказалъ бы самый лучший римскій прозаикъ. Трудно разсмотрѣть даже внѣшніе приемы, при которыхъ совершено это чудо искусства: чуть-чуть замѣтные латинскіе обороты, плавность теченія, нѣсколько отвлеченныя, но совершенно точныя слова. Но главное дѣло, кажется, въ томъ внутреннемъ строѣ рѣчи, въ силу котораго ясность и кратко-ть доведены здѣсь до высочайшей степени“ (Замѣтки о Пушкинѣ, стр. 45).

Изумительно прекрасный и колоритный язык отрывка о Петронии составляет лишь одно изъ его достоинствъ, но этотъ отрывокъ поражаетъ еще гениальнымъ мастерствомъ, съ какимъ Пушкинъ сразу раскрываетъ передъ нами главнѣйшія особенности эпохи Нерона и душу одного изъ благороднѣйшихъ представителей ея. Поэтъ сдѣлалъ всего нѣсколько штриховъ, а Петроній стоитъ передъ нами, какъ живой.

Отрывокъ о Петронии не составляетъ въ общей сложности и трехъ печатныхъ страницъ, но онъ навсегда останутся идеальнымъ образцомъ для писателей, которые поставятъ своей задачей изображеніе людей и нравовъ античнаго міра, ибо эти страницы могутъ быть названы верхомъ совершенства и производятъ впечатлѣніе обломка дивной статуи, неотразимая прелесть котораго обличаетъ рѣзецъ великаго скульптора. Если бы Пушкинъ прожилъ подольше, онъ, вѣроятно, вернулся бы къ своимъ наброскамъ о Петронии такъ же, какъ и къ другимъ превосходнымъ, оставшимся послѣ него, отрывкамъ, напримѣръ, къ отрывкамъ изъ романа въ письмахъ, о Маріи Шонингъ и т. д. Продолженіе и окончаніе отрывка о Петронии—одна

изъ тѣхъ тайнъ, которыя Пушкинъ унесъ съ собой въ могилу. У насъ есть, однако, пугеводная нить, съ помощью которой мы можемъ, хотя отчасти, проникнуть въ нее.

Петроній Пушкина—тотъ самый Petronius Arbiter (arbiter elegantiae), о которомъ говоритъ Тацитъ въ 18, 19 и 20-ой главахъ шестнадцатой книги своихъ *Annales*,—тотъ самый Петроній, который, какъ предполагаетъ большинство историковъ римской литературы, написалъ знаменитый „Сатириконъ“, дошедшій до насъ въ отрывкахъ,—тотъ самый Петроній, котораго г. Сенкевичъ,—думать надо, не безъ вліянія Пушкина,—изралъ въ герои своего романа „Quo vadis?“*..

Тацитъ сообщаетъ о Петроніи вотъ что:

Глава 18. О Петроніи слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ. Онъ проводилъ день во снѣ, а ночь посвящалъ обязанностямъ и утѣхамъ жизни. Какъ другимъ доставила славу дѣятельность, такъ ему безпечность, и онъ не считался гулякою или мотомъ, какъ многіе изъ расточающихъ

* Пушкинскому отрывку о Петроніи соответствуетъ по содержанію одинадцатая глава десятой части „Quo vadis?“..

свое состояніе, а человѣкомъ умѣренныхъ удовольствій. Слова и дѣла его, чѣмъ больше они были непринужденны и обнаруживали какую то беззаботность о себѣ, тѣмъ охотнѣе принимались за нѣчто простодушно. Впрочемъ, будучи проконсуломъ Визанніи и затѣмъ консуломъ, онъ показалъ себя человѣкомъ съ энергіей и способнымъ управляться съ дѣлами. Возвратился ли онъ потомъ къ порочной жизни, или то было лишь подражаніе порокамъ, но онъ былъ принятъ Нерономъ въ число самыхъ интимныхъ приближенныхъ, въ качествѣ судьи въ дѣлѣ изяшнаго вкуса, такъ что Неронъ не считалъ ничего пріятнымъ и доставляющимъ нѣгу своимъ изобиліемъ, если раньше не одобрялъ то о Петроніи. Это породило въ Тигеллинѣ зависть къ нему, какъ къ сопернику и какъ къ человѣку болѣе сильному въ наукѣ удовольствій. И вотъ Тигеллинъ прибѣгаетъ къ жестокости государя, которой уступали дорогу всѣ другія страсти послѣдняго, и обвиняетъ Петронія въ дружбѣ съ Сцевиномъ, подкупивъ къ доносу раба и лишивъ Петронія возможности защищаться послѣ того, какъ засадилъ въ тюрьму большую часть его рабовъ.

Глава 19. Случилось такъ, что въ эти дни кесарь отправился въ Кампанію, и Петроній, достигнувъ уже Кумъ, сѣлъ тамъ остановленъ. Тогда онъ не хотѣлъ больше оставаться между страхомъ и надеждой; однако, и не слишкомъ поспѣшно лишилъ себя жизни, а, порѣзавъ себѣ жилы, онъ, смотря по желанію, то перевязывалъ ихъ, то снова открывалъ и разговаривалъ съ друзьями, но не о серьезныхъ вещахъ или такихъ, которыми онъ искалъ-бы славы твердаго духомъ человѣка. И отъ друзей онъ не слышалъ ничего о безсмертіи души и мнѣніяхъ философовъ, а слушалъ маловажнаго содержанія поэтическія произведенія и легкіе стихи. Однихъ рабовъ онъ награждалъ, нѣкоторыхъ наказалъ розгами. Онъ пообѣдалъ и легъ спать, чтобы смѣрть его, хотя и принужденная, походила на ест. ственную. Даже и въ своемъ дополненіи къ завѣщанію онъ не высказалъ лести ни къ Нерону, ни къ Тигеллину, ни къ кому другому изъ вліятельныхъ лицъ, какъ поступали многіе изъ умирающихъ, а, изобразивъ гнустность государя, съ приведеніемъ именъ раздѣлявшихъ его развратъ мужчинъ и женщинъ, описалъ все, что бѣ его

сладострастныхъ сношеніяхъ было новаго и, запечатавъ, послалъ къ Нерону. Но онъ сломалъ свой перстень съ печатью, чтобъ имъ не могла воспользоваться, съ цѣлью погубить когонибудь другого.

Глава 20. Неронъ былъ въ недоумѣніи, какимъ образомъ его изобрѣтательность въ ночныхъ удовольствіяхъ стала извѣстна, и подумалъ на Силію, которая, по своему замужеству съ сенаторомъ, не была лишена извѣстности: она участвовала во всякихъ сладострастныхъ увлеченіяхъ Нерона и была, какъ нельзя больше, близка съ Петроніемъ. Она ссылается въ ссылку, какъ женщина, которая не смолчала о томъ, что видѣла и что сама испытала, прямо, по личной ненависти. Минутія же Өерма, бывшаго претора, онъ принесть въ жертву враждѣ Тигеллина, такъ какъ вольноотпущенникъ Өерма донесъ на Тигеллина, обвиняя его въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ, за что самъ онъ поплатился муками пытокъ, а патронъ его незаслуженною смертью. (Сочиненіе Корнелія Тацита въ переводѣ В. И. Модестова, т. II, стр. 523—525).

Стоитъ сблизить рассказъ Тацита съ отрывкомъ „Цезарь путешество-

валъ*, чтобы убѣдиться въ тѣсной связи, существующей между ними.

Тацитъ говоритъ, что Петроній проводилъ день въ снѣ, а ночь посвящалъ обязанностямъ и утѣхамъ жизни. Молодой римлянинъ, отъ имени котораго Пушкинъ ведетъ повѣствованіе, такъ начинаетъ свои воспоминанія о Петроніи: „По захожденіи солнца намъ разбивали шатеръ, разставляли постели—мы ложились пировать и весело бесѣдовали. На зарѣ снова пускались въ дорогу и сладко засыпали каждый въ лектикѣ своей, утомленный жаромъ и ночными наслажденіями“*.

По Тациту, Петроній узналъ о постигшей его опалѣ и о возбужденномъ противъ него обвиненіи въ Кумахъ. То же самое происходитъ и въ отрывкѣ Пушкина.

По Тациту, Петроній кончаетъ жизнь самоубійствомъ въ Кумахъ по

---

* „Между молодыми римскими развратниками время цезарей, говоритъ Буассье: было въ обычаѣ превращать день въ ночь. Сенека остроумно насмѣхается (*Epist.*, 122) надъ подобными людьми, которые, „не покидая своей страны, находятъ возможность сдѣлаться ангиподами своихъ согражданъ, и открываютъ свои глаза, отягченные излишествами предшесвующаго дня, только тогда, когда всѣ другіе идутъ спать“.

личному почину, не желая ожидать приговора Нерона. То же самое дѣлаетъ и Петроній Пушкина.

По Тациту, Петроній, порѣзавъ себѣ жилы, то перевязывалъ, то снова открывалъ ихъ и разговаривалъ при этомъ со своими друзьями. Петроній Пушкина, перебравъ всѣ роды смерти, избираетъ теплыя ванны и, приготовляясь къ нимъ, въ то время, когда ему перевязываютъ раны, бесѣдуетъ со своими спутниками. Судя по программѣ, составленной Пушкинымъ, все это должно было длиться два вечера.

Петроній Тацита пользовался репутаціей тонкаго эстетика, человѣка съ образованнымъ, изящнымъ вкусомъ. Таковъ и Петроній Пушкина.

Петроній Тацита слушалъ на краю могилы стихи и писалъ завѣщаніе, въ которомъ разоблачались гнусности Нерона и его приспѣшниковъ. Петроній Пушкина передъ смертью читаетъ и декламируетъ стихи и диктуетъ Satiricon, въ которомъ говорилось, между прочимъ, и о превращеніяхъ Нерона.

Тацитъ характеризуетъ Петронія какою то непринужденностью и совершенною безпечностью о себѣ. Петроній Пушкина отличается равнодушіемъ къ своей судьбѣ. Его чувст-

ва дремлють. Онъ спокойно выслушиваетъ роковое для себя повелѣніе цезаря, остается спокойнымъ въ такую минуту, когда всѣми овладѣваетъ ужасъ и, улыбаясь, говоритъ о своемъ намѣреніи покончить съ собой.

Тацитъ упоминаетъ оъ энергіи и о способностяхъ Петронія къ правительственной дѣятельности, Пушкинъ надѣляетъ Петронія обширнымъ умомъ, знаніемъ людей и свѣта, быстротою, вѣрностью, безпристрастіемъ и пронзательностью сужденій.

Не вездѣ и не во всемъ, однако, придерживался Пушкинъ Тацита, возсоздавая въ своемъ воображеніи историческаго Петронія. Поэтъ относился къ Петронію съ явнымъ сочувствіемъ, а къ тѣмъ показаніямъ Тацита, цѣль которыхъ, повидимому, заключалась въ томъ, чтобы уронить Петронія въ глазахъ потомства, съ явнымъ недоумѣніемъ.

Тацитъ даетъ понять, что Петроній былъ обязанъ своимъ вліяніемъ при дворѣ Нерона или возвращеніемъ къ порочной жизни, или подражаніемъ порокамъ цезаря. Пушкинъ же придалъ Петронію отпечатокъ прирочденнаго благородства и утонченной, хотя и чисто языческой, образованности, — такія черты, которыя не могли не

поражать современниковъ Петронія и не выдвинуть его изъ среды развратныхъ и льстивыхъ придворныхъ Нерона. Вслѣдствіе этого Петроній Пушкина производитъ впечатлѣніе цѣльнаго человека, тогда какъ Петроній Тацита — впечатлѣніе какой-то неясной, двойственной природы. Дѣло въ томъ, что великій русскій поэтъ отнесся къ Петронію безъ всякаго предубѣжденія, тогда какъ знаменитый римскій историкъ точно боялся обмолвиться о немъ добрымъ словомъ, точно будто спѣшилъ стусевать значеніе своихъ двусмысленныхъ похвалъ и скорѣе перейти къ тону суроваго обличителя.

Тацитъ не упоминаетъ о драгоценной чашѣ, разбитой Петроніемъ передъ смертью съ той цѣлью, чтобы она не досталась Нерону. Въ данномъ случаѣ Пушкинъ слѣдовалъ въ своей программѣ Плинію и Плутарху.

Разошелся Пушкинъ съ Тацитомъ и въ программѣ описанія двухъ послѣднихъ вечеровъ Петронія.

По словамъ Тацита, Петроній разговаривалъ съ друзьями передъ смертью не о серьезныхъ вещахъ, не о безсмертіи души и не о философскихъ вопросахъ, а слушалъ стихи и другія поэтическія произведенія легка-

го содержанія. По замыслу Пушкина, первый вечеръ приготовленія къ смерти Петроній долженъ былъ посвятить разсужденіямъ о Клеопатрѣ, при чемъ, можетъ быть, предполагалось отвести видное мѣсто эпизоду изъ жизни египетской царицы, передаваемый Аврелиемъ Викторомъ, а второй вечеръ—созданію *Satiricon'a*, т. е. художественнаго произведенія, въ которомъ проза перемѣшивается со стихами,—*Satiricon'a*, въ которомъ говорилось бы о паденіи людей и боговъ, объ общемъ безвѣріи, объ отвратительныхъ и ужасныхъ похожденіяхъ Нерона. Послѣднія слова программы: *рабъ-христіанчикъ* указываютъ на то, что Пушкинъ дѣлалъ поставить лицомъ къ лицу Петронія, какъ лучшаго представителя гражданственности древняго міра и античнаго язычества, съ однимъ изъ провозвѣстниковъ Евангелія, при чемъ, конечно, нельзя было обойтись безъ сравненія язычества съ христіанствомъ. Пушкинъ не могъ допустить прѣположенія, чтобы Петроній, какимъ онъ себѣ его представлялъ, проявилъ въ послѣднія минуты жизни то легкомысліе, которое ему приписываетъ Тацитъ. Разсказывая о смерти Петронія, Тацитъ какъ-бы вступаетъ въ полемику съ тѣми, кто уг-

верждали, что Петроній, заканчивая послѣдніе разсчеты съ жизнью, держалъ себя, какъ твердый духомъ мужъ, не безъ основанія не считавшійся ни гулякой, ни мотомъ и пользовавшійся извѣстностью умнаго и образованнаго человѣка, преисполненаго духовнаго изящества. Вникнувъ въ полемику Тацита съ тѣми лицами, по свѣдѣніямъ которыхъ Петроній умеръ, какъ и подобало умереть безтрепетному мыслителю и прирожденному поэту языческаго Рима, Пушкинъ, защищавшій нѣкогда Тиберія отъ укоризнъ Тацита, разошелся съ Тацитомъ и относительно Петронія: онъ, какъ извѣстно, привыкъ относиться къ Тациту критически. Въ черновомъ наброскѣ „Записки о народномъ воспитаніи“, представленной Императору Николаю Павловичу въ концѣ 1826 года, Пушкинъ называлъ Тацита „великимъ сатирическимъ писателемъ, впрочемъ, опаснымъ декламаторомъ, исполненнымъ латинскихъ предразсудковъ“. Судя по всему, Пушкинъ не измѣнилъ своего взгляда на Тацита и впослѣдствіи. Видя въ немъ преимущественно сатирика, онъ не могъ смотрѣть его глазами на Петронія, не могъ принять за чистую монету всего того, что говоритъ Тацитъ въ порицаніе Петронія, и не выдѣлить рѣзче

тѣхъ возвышенныхъ и свѣтлыхъ чертъ ума и характера Петронія, о которыхъ вскользь упоминаетъ Тацитъ.

Что побудило Пушкина избрать въ герои Петронія? Вѣроятно, приведенный нами рассказъ Тацита о Петроніи и о его мужественной, лишенной всякаго утѣшенія смерти *, а, кромѣ

* „Смерть Петронія, безспорно, является одной изъ самыхъ любопытныхъ между тѣми, про которыя намъ рассказываетъ Тацитъ: она совершенно непохожа на всѣ другія. Во времена Нерона было много эпикурейцевъ по поведенію, но не по принципу; особенно, когда приближалась послѣдняя минута, эпикурейская философія совершенно забывалась. Въ тяжелой бѣдѣ люди чувствовали потребность пристать къ болѣе устойчивой доктринѣ, чтобы придать себѣ мужества. Эпикуреизмъ можетъ помочь жить; но опытъ показалъ, что его недостаточно, когда нужно умирать. Скрибоній Либонъ, одинъ изъ первыхъ павшей жертвой Тиберія, желая умереть такъ, какъ онъ жилъ, намѣревался насладиться въ послѣдній день, отдавшись удовольствію вѣлы: но Тацитъ говоритъ что „онъ нашелъ только послѣднюю пытку въ томъ, что должно было служить ему послѣднею радостью“. Когда подобный способъ разставанья съ жизнью оказался неудаченъ, то начали прибѣгать къ другому. Стали обращаться къ помощи какого-нибудь мудреца, стали возлагать всѣ надежды на будущую жизнь... Одинъ только Петроній умеръ совершеннымъ эпикурейцемъ“. (Буассье).

того, и „Сатириконъ“ Петронія, дающій наглядное представленіе о нравахъ, бытѣ, роскоши, развратѣ, ужасахъ, выскочкахъ, блюдолизгахъ и иныхъ типахъ императорскаго Рима. „Сатириконъ“ Петронія, поражающій насъ беззастѣнчивымъ, ни передъ чѣмъ не останавливающимся реализмомъ, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ памятниковъ римской художественной литературы и уже давно составляетъ предметъ изученія ученыхъ латинистовъ, критиковъ и комментаторовъ *. Самые строгіе цѣнители „Сатирикона“ не отказывали и не отказываютъ его автору въ выдающемся талантѣ, наблюдательности и въ знаніи римскаго общества, не исключая или даже, преимущественно, его поддонковъ. О литературномъ значеніи „Сатирикона“ Петронія и о восторгахъ, которые онъ вызывалъ въ тѣ времена, когда литература новыхъ европейскихъ народовъ еще была далека отъ воспроизведенія дѣйстви-

---

* „Книга Петронія, замѣчаетъ Буассье: была обычнымъ предметомъ изученія великаго Конде. Расинъ чуть не на порогѣ Port Royal зачастую цитировалъ его въ своихъ письмахъ“.

тельности, можно судить по слѣдующему отзыву извѣстнаго французскаго писателя XVII вѣка Шарля де-Сентъ-Эвремона (род. въ 1613, ум. въ 1703 г.), въ книгѣ „Jugement sur Sénèque, Plutarque et Pétrone“:

„Петроній великъ вездѣ, и въ чистотѣ своего стиля, и въ тонкости своихъ чувствъ. Болѣе всего удивляетъ меня въ немъ необыкновенная легкость изображать самыя разнообразныя характеры. Теренцій — можетъ быть одинъ изъ писателей древности, наиболѣе вѣрно передававшихъ характеръ дѣйствующихъ лицъ, но онъ слишкомъ многорѣчивъ и весь его талантъ ограничивается тѣмъ, что онъ превосходно передаетъ говоръ слугъ и стариковъ,—вотъ границы таланта Теренція. Не ожидайте отъ него ни эlegantности, ни страсти, ни рѣчи честнаго человѣка. Петроній-же—всемирный умъ; онъ знаетъ точныя условія всякаго человѣка во всѣхъ положеніяхъ, онъ понимаетъ все многообразіе характеровъ. Если онъ изображаетъ декламатора, то передаетъ такъ хорошо его внѣшность и языкъ, что вамъ кажется, что онъ самъ былъ всю свою жизнь декламаторомъ. Ничто не можетъ болѣе наивно передать безпорядочность распутной жизни, какъ

постоянныя ссоры Энколна и Аскил-
та по отношенію къ Гитону. Квар-
тилла—не лучшее ли это олицетворе-
ніе этихъ распутныхъ женщинъ, qua-
rum sic accensa libido, ut soepius
peterent viros quam a viris peteren-
tur? Церемонія свадьбы Гитона съ не-
винной Панихисъ не даетъ ли намъ
полное зрѣлище сестыдства? Все, что
можетъ дѣлать грубіянь и дуракъ,—
все это мы находимъ въ описаніи пи-
ра Тримальхіона. Какъ вѣрно подмѣ-
чены въ портретѣ Эвмолпа тщесла-
віе поэта, эта манія декламировать
свои стихи пер ому встрѣчному? Мо-
жетъ ли быть что либо реалистичѣе
Хризисы? Всѣ наши наперсницы да-
же и не приближаются къ ней. Не
говоря уже о ея первомъ разговорѣ
съ Полианосомъ,—все, что она гоно-
ритъ о тѣ обидѣ, оказанной ей ея
госпожей,—живьемъ схвачено съ на-
туры. Кто читалъ Ювенала, тотъ зна-
етъ довольно хорошо *impotentiam*
matronarum и ихъ скверный харак-
теръ, *si quando vir aut familiaris in-*
felicis cum ipsis rem habuerit. Но
одинъ только Петроній могъ изо'ра-
зить намъ Цирцею, красивую, страст-
ную, воекетливую. Энотеа, жрица Пріа-
па, приводитъ меня въ восхищеніе
всѣми прелестями, которыя она обвѣ-

щаетъ, съ ея обаяніемъ, жертвами, печалью по поводу смерти священнаго гуся и тѣмъ, какъ она успокаивается, когда Поліэносъ дѣлаетъ ей подарокъ, на который она можетъ купить и гуся, и боговъ, если ей вздумается. Филумена,—эта честная матрона,—не менѣе прелестна, когда она, подтибривъ нѣсколько наслѣдствъ, состарившись и сдѣлавшись, поэтому, бесполезной для чувственнаго наслажденія, пыталась продолжать практиковать это прекрасное искусство съ помощью своихъ же дѣтей, которыхъ она предоставляла старцамъ, рѣшительно не бывшимъ въ состояніи справиться съ ними. Нѣтъ той профессіи, которую бы Петроній не изобразилъ съ удивительной проницательностью. Онъ поэтъ, ораторъ, философъ. Стихъ его пріятенъ, естественно—красивъ: *naturali pulchritudine carmen exsurgit...* Хотя декламаторскій слогъ кажется смѣшонъ Петронію, онъ по временамъ очень краснорѣчивъ и, желая показать, что распутники не совсѣмъ неспособны на серьезную мысль и на нѣкоторый возвратъ къ лучшему,—онъ передаетъ намъ размышленія Эпиколпа о непостоянствѣ жизни,—размышленія самой высокой нравственности. Какого бы предмета онъ ни кос-

нулся,—нельзя лучше Петронія выразить его. Часто въ своихъ описаніяхъ онъ совершенно простъ и довольствуется самой неподкрашенной наивностью; по временамъ же онъ старательно отдѣлываетъ свою мысль и тогда нѣтъ ничего изящнѣе его формъ. Катулль и Марціалъ гораздо грубѣе его; и если бы кто либо нашель тайну маскировать самыя скабрешныя вещи въ форму, подобную его формѣ,—то я не сомнѣваюсь, что женщины отдали бы преимущество его скромности. Но что въ особенности отличаетъ Петронія, такъ это то, что, за исключеніемъ Горация въ двухъ или трехъ одахъ, никто въ древности и съ такимъ созершенствомъ не говорилъ о любви, какъ онъ. Виргилій трогаетъ: любовь Дидоны, Орфея, Эвридики—привлекательна, нѣжна... Овидій остроумень, Тибулль—тонокъ; тѣмъ не менѣе, ихъ любовницы были, конечно, гораздо ученѣе г-жи Скюдери, потому что онѣ постоянно напоминаютъ боговъ, сказки, примѣры самой далекой древности; онѣ всегда обѣщаютъ жертвы и, я думаю, Шанлень у нихъ научился искусству приносить въ жертву сердца. Луціанъ, хотя и очень ловокъ, всегда грубъ, когда говоритъ о любви; его куртизанки имѣютъ ско-

рѣе языкъ публичныхъ мѣсть, чѣмъ рѣчи, свойственныя имъ... Французы не имѣютъ разказа, который бы можно сравнить съ разказомъ о Мадоннѣ Эфесской; нѣтъ ничего тоньше, какъ любезности Царцеи Полианосу. Вся ихъ исторія какъ въ разговорахъ, такъ и въ описаніяхъ, гораздо выше всѣхъ любезностей нашего вѣка*...

Восхищаясь взумительнымъ, хотя, съ христіанской точки зрѣнія, и ужаснымъ героизмомъ Петронія предъ лицомъ смерти, скептически-настроенный St. Evrémont, въ качествѣ французскаго эпикурейца, писалъ: „Или я ошибаюсь, или смерть Петронія была самая прекрасная смерть во всей древности. Въ смерти Катона я нахожу огорченіе и даже гнѣвъ. Отчаяніе въ дѣлахъ республики, потеря свободы, ненависть къ цезарю много способствовали его рѣшимости, и я не знаю, не дошла ли его дикая натура до свирѣпости, когда онъ распоролъ свои внутренности. Сократъ дѣйствительно умеръ, какъ мудрецъ и довольно равнодушно; однако, и онъ старался убѣдиться въ своемъ положеніи въ будущей жизни и не убѣждался; онъ безпрестанно разсуждалъ объ этомъ въ тюрьмѣ со своими друзьями, и доволь-

но слабо; въ концѣ концовъ, нужно признаться, что смерть была для него фактомъ значительнымъ. Одинъ Петровій ввелъ въ свою смерть изнѣженность и беспечность. Ни одинъ поступокъ, ни одно слово, ни одна подробность не обнаруживаетъ смятенія умирающаго; для него умереть—значило только перестать жить“.

Пушкинъ, смотрѣвшій на жизнь и на смерть съ христіанской точки зрѣнія, не могъ восхищаться, подобно Сентъ-Эрремону, смертью Петронія, но онъ былъ, очевидно, такъ-же пораженъ и заинтересованъ ея психологіей, какъ и психологіей страшнаго торга Клеопатры. Онъ былъ, очевидно, заинтересованъ и „Сатирикономъ“ Петронія и умными, прекрасными и благородными замѣчаніями „Сатирикона“ объ искусствѣ, литературѣ, философскихъ и государственныхъ вопросахъ.

Читалъ ли Пушкинъ Satiricon? Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ же, какъ и въ томъ, что Пушкину было хорошо извѣстно все, что дошло до насъ о жизни Петронія. Въ библиотекѣ Пушкина былъ и Satiricon. Въ числѣ писемъ поэта сохранилась небольшая записка къ А. С. Норову (безъ даты) слѣдую-

щаго содержанія: „Посылаю тебѣ, любезный Норовъ, Satiricon, а Мистеріи гдѣ-то у меня запрятаны. Отыщу непременно. Дождидайся. Весь твой А. П.“. Г-нъ Гр. Георгіевскій, обнаруживавшій эту записку, дѣлаетъ предположеніе, что подъ Satiricon'омъ Пушкинъ разумѣлъ Satiricon Isaaci Casauboni de satirica Graecorum poesi, et Romanorum satirica libri duo Parisiis. 1605 *. Нѣтъ никакого основанія настаивать на этомъ предположеніи: Эта книга, если и была у Пушкина, то хранилась имъ лишь какъ библиографическая рѣдкость, но она не могла особенно интересовать его, такъ какъ въ началѣ XVII столѣтія текстъ Satiricon'а былъ далеко не установленъ онъ пополнялся изъ манускриптовъ, открытыхъ въ позднѣйшія времена. За границей уже давно существуетъ множество изданій Satiricon'а. Какое именно изданіе было у Пушкина — неизвѣстно; всего вѣроятнѣе, что онъ имѣлъ Satiricon въ переводѣ на французскій или на англійскій языкъ. Въ оригиналѣ онъ едва ли его изучалъ. Г-нъ Пав. Черняевъ говоритъ,

* „Изъ нежданной переписки А. С. Пушкина съ примѣчаніями къ рисункамъ и письмамъ“ Г. П. Георгіевскаго. („Русскій Вѣстникъ“, 1899 г., июнь, стр. 394 и 402).

что Пушкинъ, несомнѣнно, зналъ латинскій языкъ настолько хорошо, что свободно могъ переводить римскихъ авторовъ, въ особенности, поэтовъ, и что онъ много читалъ по латыни. („А. С. Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ произведеній“, стр. 42). Все это далеко не подтверждается самимъ Пушкинымъ. Въ одной изъ критическихъ замѣтокъ, написанныхъ поэтомъ осенью 1830 года въ Болдинѣ, читаемъ: „Шестой пѣсни Онѳіина не разбирали, даже не замѣтили въ „Вѣстникѣ Европы“ латинской печати. Кстати: съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ лица, я не раскрывалъ латинской книги и совершенно забылъ латинскій языкъ“*. По всей вѣроятности, Пушкинъ далеко не совсѣмъ забылъ латинскій языкъ и,

* На русскомъ языкѣ извлеченія изъ „Сатирикона“ напечатаны въ 9-мъ выпускѣ „Библиотеки европейскихъ писателей и мыслителей“ (Петроній, изд. В. В. Чуйка, 1882 г., 185 стр.). Въ преисловіи къ „Сатирикону“ (стр. 1—16) здѣсь сообщаются біографическія свѣдѣнія о Петроніи, бібліографическія справки о „Сатириконѣ“ и мнѣнія, которыя высказывались въ ученой литературѣ, какъ о „Сатириконѣ“, такъ и объ его авторѣ См. о Петроніи также „Исторію римской литературы“ В. И. Мо-

читая римскихъ авторовъ въ переводахъ, безъ особыхъ затрудненій могъ провѣрять ихъ съ подлинниками. Тѣмъ не менѣе, трудно допустить, чтобы онъ прочелъ весь „Сатириконтъ“ на латинскомъ языкѣ.

Изъ программы, набросанной Пушкинымъ, въ началѣ второй главы имъ было начато и окончено лишь описаніе дома въ Кумахъ, нанятаго рабомъ Петронія для своего господина и его друзей. Вслѣдъ за описаніемъ дома, Пушкинъ немедленно отступилъ отъ начертаннаго для себя плана, вставивъ въ характеристику Петронія, сдѣланную рукой его друга, личныя воспоминанія послѣдняго о печальныхъ мысляхъ, навѣянныхъ на него грозой, разразившейся надъ Петроніемъ, и, наконецъ, переводъ изъ 54-й

дестова (стр 1607—1609, т. III изданія В. Корша — „Всеобщая исторія литературы“). Въ книгѣ Гастона Буасье „L'opposition sous les Césars“. (Р. 1875). Петронію и его „Сатирикону“ посвящена здѣсь вся 5-ая глава. Эта книга издана на русскомъ языкѣ въ 1896 г. подъ заглавіемъ „Картины древне римской жизни“ (очерки общественнаго настроенія временъ Цезаря). Извлечения, приводимыя нами въ нашей статьѣ изъ Буасье, взяты изъ только что названнаго сочиненія.

оды Анакреона. Очевидно, что программа была набросана Пушкинымъ тогда, когда задуманное произведение представлялось ему неясно, въ самыхъ общихъ чертахъ. Въ программѣ намѣчались лишь главныя части его, которыя предполагалось связывать и дополнять неупомянутыми въ ней вставками. Это подтверждается и третью главой. Послѣ описанія дома, по программѣ, должна была слѣдовать сцена Петронія съ его спутниками и съ врачомъ, съ которымъ онъ совѣтовался о самоубійствѣ, и разговоръ о самоубійствѣ. „Мы находимъ Петронія съ своимъ лекаремъ, читаемъ въ программѣ: онъ продолжаетъ разсужденія о родѣ смерти—взбираетъ теплая ванны“. Третья глава начинается словами: „Солнце клонилось къ западу; я пошелъ къ Петронію“. Онъ расказывалъ въ библіотекѣ, съ нимъ былъ его домашній лекарь, Септимій“. Петронія находятъ съ Септиміемъ не всѣ его спутники, а только тотъ молодой римлянинъ, въ форму воспоминаній котораго Пушкинъ предполагалъ

---

* Двоеточіе между этими двумя предложениями объясняется тѣмъ, что, какъ видно изъ второй главы, Петроній, отпустивъ своихъ спутниковъ, пригласилъ ихъ собраться къ нему вечеромъ.

облечь свое повѣствованіе. Увидѣвъ юношу, Петроній прерываетъ свой разговоръ съ лекаремъ, такъ что мы знаемъ его содержаніе только изъ программы, и произноситъ шутливымъ тономъ 53-ю оду Анакреона, прочитываетъ стихотвореніе, только что переведенное юнымъ поэтомъ, дѣлаетъ замѣчаніе объ отношеніи Анакреона къ смерти и о мнимой трусости Горация, читаетъ вторую строфу 7-й оды второй книги Горация *Ad Romæum* и высказываетъ свою догадку о побужденіяхъ, въ силу которыхъ Гораций выставилъ себя трусомъ, позорно сбѣжавшимъ съ поля битвы. Давая образецъ знанія человѣческаго сердца и умѣнья Петронія разгадывать правду и распознавать ложь и притворныя чувства, прикрытыя цвѣтами поэзіи, Пушкинъ прекрасно отѣнилъ одну изъ главныхъ особенностей Петронія—его пронипательность, вытекающую изъ искренности въ отношеніи къ самому себѣ. „Хитрый стихотворецъ, говоритъ Петроній: хотѣлъ насмѣшить Августа и Мecenата своею трусостью, чтобы не напомнить ему о другомъ“... О чемъ же о другомъ? Извѣстно, что ода, о которой идетъ рѣчь, была посланіемъ Горация къ его товарищу

Помпею Вару, который бился вмѣстѣ съ поэтомъ противъ триумвировъ за одно съ Брутомъ при Филиппахъ. Послѣ роковаго для Брута сраженія и послѣ его гибели, Горацій, командовавшій легиономъ въ званіи военнаго трибуна, разстался съ оружіемъ и примкнулъ къ сторонникамъ побѣдителей своего бывшего вождя, Помпей же Варъ участвовалъ въ новой войнѣ, затѣянной единомышленниками Брута. Петроній Пушкина думалъ, что Горацій, изображая себя малодушнымъ и совершенно неопаснымъ воиномъ, хотѣлъ примирить Августа и Мецената со своимъ прошлымъ и вселить въ нихъ убѣжденіе, что если онъ и принадлежалъ нѣкогда къ числу республиканцевъ стараго пошиба, то къ числу такихъ противниковъ, которыхъ цезарю нечего было бояться. Устами Петронія Пушкинъ, вѣроятно, выражалъ свой собственный взглядъ на Горація. Въ первой строфѣ своего вольнаго перевода оды Горація онъ рельефно очертилъ ея затаенное намѣреніе, оставивъ два стиха:

Когда за призракомъ свободы
Насъ Брутъ отчаянный водилъ.

Этими двумя стихами Пушкинъ заставилъ Горація торжественно отречь-

ся отъ сочувствія Бруту и его замысламъ. Въ данномъ случаѣ Пушкинъ не шелъ въ разрѣзъ съ образомъ мыслей и образомъ дѣйствій Горація, сначала боровшагося за сохраненіе республики, и затѣмъ, когда онъ понялъ, что ея послѣдняя карта убита, какъ нельзя лучше приспособившагося къ цезаризму и совершенно искренно воспѣвавшаго благія послѣдствія единовластія Августа. Въ предисловіи А. Фета къ произведеніямъ Горація въ переводѣ на русскій языкъ вѣрно сказано, что „весь Горацій есть гимнъ освобожденію Августомъ страны отъ крамоль партій, жестокостей, междоусобицъ и разбоевъ на морѣ и на сушѣ“. Вложивъ въ уста Горація осужденіе Брута и плѣнявшаго его призрака свободы, Пушкинъ остался вѣренъ одному изъ основныхъ мотивовъ политической лирики знаменитаго римскаго поэта.

Первыя же строки первой главы даютъ намъ о Петроніи понятіе, какъ о богатомъ и знатномъ эпикурейцѣ и сибаритѣ, безмятежно проводящемъ жизнь въ пирахъ, наслажденіяхъ и веселыхъ бесѣдахъ. Но вотъ, надъ Петроніемъ разражается гроза, и ~~вотъ~~ показываетъ намъ благород-

нѣйшія свойства его природы. Выслушавъ роковой приговоръ, Петроній не падаетъ духомъ, не усаждаетъ себя безсильными проклятіями, не теряется, не хватается, подобно Сольшинству утопающихъ, за соломинки, не ищетъ спасенія въ хитрыхъ уверткахъ, не прибѣгаетъ къ оправданіямъ, а поступаетъ такъ, какъ могъ бы поступать только лучшій и благороднѣйшій изъ римлянъ временъ цезарей, воспитанный въ языческомъ міросозерцаніи и не видѣвшій ничего дурного въ самоубійствѣ. Петроній выслушалъ равнодушно свой приговоръ, отпустилъ гонца съ подаркомъ и объявилъ свое намѣреніе остановиться въ Кумахъ, другими словами, открыто нарушить повелѣніе раздраженнаго Нерона. Во всемъ этомъ сказываются спокойное, безтрепетное мужество и ничѣмъ непоколебимое сознаніе своего достоинства. Мы имѣемъ дѣло, очевидно, не съ угодникомъ и льстецомъ тирана, а съ человекомъ въ полномъ смыслѣ независимымъ, котораго ничѣмъ нельзя было ни подкупить, ни запугать, и который, несмотря на свою кажущуюся изнѣженность, обладалъ громадною нравственною выдержкою, доходившею до героизма. Поступить въ данномъ

случаѣ такъ, какъ поступилъ Петроній, могъ только такой человѣкъ, который не дрогнулъ бы ни въ пылу битвы, ни при видѣ занесеннаго надъ нимъ кинжала и никогда не терялъ обычнаго самообладанія, обычной сдержанности и обычнаго, съ юныхъ лѣтъ усвоеннаго, благороднаго, ровнаго общенія и спокойнаго тона чистокровнаго патриція,—патриція по рожденію и по натурѣ. Въ ту минуту, когда спутники Петронія поражены ужасомъ, онъ до такой степени сохраняетъ самообладаніе, что не забываетъ надѣлать вѣстника своей гибели подаркомъ, ни мало не рисуясь при этомъ, и отнюдь не помышляя о томъ, какое впечатлѣніе произведутъ на другихъ его поступки. Въ каждомъ словѣ и въ каждомъ шагѣ Петронія чувствуется сильная и властная натура, обнаруживается умѣніе и привычка принимать быстрыя и безповоротныя рѣшенія, жить исключительно своимъ умомъ. Пушкинскій Петроній—несомнѣнный герой, но герой, чуждый всякой аффектаціи и насквозь проникнутый простотой и естественностью. Ему претятъ всякая фальшь и всякіе эфффекты. На вопросъ Флавія Аврелія, долго ли думаетъ Петроній оставаться

въ Кумахъ и не страшится ли онъ раздражить цезаря ослушаніемъ, Петроній отвѣчаетъ съ улыбкою: „Я не только не думаю ослушаться его, но даже намѣренъ предупредить его желанія“. Въ этихъ словахъ нѣтъ ни малѣйшей рисовки: въ нихъ заключается только сжатое выраженіе тѣхъ соображеній, въ силу которыхъ Петроній Пушкина рѣшаетъ наложить на себя руки. Петроній Тацита вскрываетъ себѣ жилы, не желая томиться между страхомъ и надеждою. Петроній Пушкина не знаетъ страха и не обольщаетъ себя несбыточной надеждою на возвращеніе благосклонности цезаря. Зная Нерона, онъ сразу приходитъ къ убѣжденію, что ему не избѣжать смерти, и лишаетъ цезаря удовольствія разыграть роль судьи, карающаго обвиненнаго послѣ тщательнаго разбора дѣла. Отвѣчая Флавію Аврелію, Петроній улыбается. Какое нужно имѣть безстрашное сердце, сколько нужно имѣть благородной гордости и вѣры въ себя и свою твердость, чтобы улыбаться при подобныхъ обстоятельствахъ! Пушкинъ не говоритъ намъ, какова была улыбка Петронія, но кому не ясно, что эта улыбка была исполнена того же спокойствія и той же благородной простоты, которая

никогда не покидали Петронія! Обѣ улыбкахъ Петронія, замѣтимъ кстати, Пушкинъ упоминаетъ неоднократно. Петроній улыбается, узнавъ объ исчезновеніи греческаго философа. „Печальная“ улыбка изобразилась на лицѣ его, (Петронія), когда онъ прочиталъ начертанное на мраморномъ порогѣ привѣтствіе: „здравствуй“. Отмѣчая улыбки Петронія, Пушкинъ, очевидно, представлялъ его себѣ общительнымъ, доброжелательнымъ и мягкимъ человѣкомъ, въ мужественныхъ чертахъ котораго не было ничего суроваго и жесткаго. Печальная улыбка Петронія, когда ему, сводящему послѣдніе счеты съ жизнью, бросается въ глаза нѣмое пожеланіе здоровья, отзывавшееся при данныхъ обстоятельствахъ горькой насмѣшкой, доказываетъ, что онъ отнюдь не принадлежалъ къ числу тѣхъ римлянъ, которые, пресытившись всѣмъ, ни во что не ставили жизнь и томились ею. Петроній Пушкина былъ совершенно чуждъ *taedium vitae*, въ немъ нѣтъ никакихъ признаковъ нервности, слабости и изношенности, въ его здоровомъ тѣлѣ живетъ здоровая и прекрасная душа. „Жизнь не могла представить ему ничего новаго: чувства его дремали, притупленные привычкою, но умъ его хранилъ удивительную свѣ-

жестъ. Онъ любилъ игру мыслей, какъ и гармонію словъ, охотно слушалъ философическія разсужденія и самъ писалъ стихи не хуже Катулла^а. Мыслитель и поэтъ, хорошо знавшій свѣтъ и людей, и имѣвшій всѣ данныя, необходимыя для истинно государственнаго человѣка, Петроній, не перестававшій живо интересоваться отвлеченными и литературными вопросами на краю могилы, не могъ взирать на жизнь съ апатіей и отращеніемъ. Онъ вовсе не былъ и мизантропомъ: у него былъ лю́бимый рабъ, у него были друзья, которыхъ онъ искренно любилъ и которымъ онъ благодѣтельствовалъ. Все это мы говоримъ для того, что́бы отмѣтить надлежащимъ образомъ о́чное равнодушіе Петронія, которому онъ не измѣняетъ и въ виду смерти. Этого равнодушія не слѣдуетъ смѣшивать съ равнодушіемъ, вытекающимъ изъ тоски, отчаянія, отсутствія цѣли и смысла въ жизни. Оно вытекало у Петронія совсѣмъ изъ иного источника: изъ силы, а не расшатанности духа. Петроній не былъ равнодушенъ къ участи близкихъ ему людей, и ни къ чему прекрасному, но онъ былъ равнодушенъ къ почестямъ, блеску, дешевому честолюбію,

призрачнымъ утѣхамъ жизни и къ расположенію сильныхъ міра сего. Живя, какъ благороднѣйшій изъ римлянъ время цезарей, онъ и умираетъ, какъ благороднѣйшій представитель языческой, римской цивилизаціи. Его смерть можно осудить только съ христіанской точки зрѣнія, но Петроній не былъ христіаниномъ, и рабъ-христіанинъ, представшій передъ нимъ, судя по всему, въ самыя послѣднія минуты его жизни, не могъ, вѣроятно, умертвить въ немъ ветхаго человѣка и возродить его къ новой жизни, хотя и не могъ не найти отклика въ его душѣ: Петроній Пушкина не похожъ на ограниченнаго, близорукаго и изнѣженнаго Петронія г. Сенкевича; въ его душѣ были точки соприкосновенія съ христіанствомъ, но языческая закваска въ немъ все таки была настолько укоренена, что ему необходимо было сильное и благое нравственное потрясеніе, чтобы обратить его къ Христу; а этого потрясенія Петроній не испыталъ. Не забудемъ, къ тому же, что Петроній не былъ мудрецомъ въ высшемъ значеніи этого слова, пытливымъ искателемъ истины, дѣятельно стремившимся къ ней и дорожившимъ ею всего болѣе. Онъ былъ человѣкъ установившихся

взглядовъ и привычекъ. Пушкинъ не безъ умысла подчеркнул, что къ философіи Петронія влекла преимущественно игра мыслей, и къ поэзи — гармонія словъ. Въ качествѣ истого эпикурейца, Петроній смотрѣлъ на философію и на искусство съ эпикурейской точки зрѣнія, но эпикурейская точка зрѣнія не сдѣлала Петронія ни себялюбомъ, ни рабомъ страстей. Эпикуреизмъ ни заглушилъ въ Петроніи ни врожденной доброты, ни другихъ благородныхъ инстинктовъ и влеченій его (огато одаренной природы. Отъ того то личность Петронія и имѣла такое обаяніе въ глазахъ его друга, отъ имени котораго Пушкинъ вѣдетъ свое повѣствованіе.

Отношенія Петронія къ его спутникамъ рисуютъ его съ самой привлекательной стороны. Въ этихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего похожаго на отношенія знатныхъ и богатыхъ римлянъ временъ цезарей къ ихъ кліентамъ, паразитамъ и блюдолизамъ. Римлянинъ, отъ лица котораго ведется разсказъ, называетъ Петронія не только своимъ благодѣтелемъ, но и другомъ. Судя по всему, и другіе друзья Петронія могли бы отозваться о немъ такимъ же образомъ съ небольшою развѣ переменной, назвавъ

его не только своимъ другомъ, но и благодѣтелемъ. Петроній имѣлъ обыкновеніе смотрѣть на своихъ друзей, какъ на путниковъ, нуждавшихся въ тѣни, а на себя, какъ на дубъ, призванный давать ее. Неся на себѣ обязанности дружбы, онъ не предъявлялъ къ своимъ друзьямъ никакихъ требованій. Заботясь объ ихъ благѣ и стараясь наполнить ихъ жизнь радостью, онъ былъ далекъ отъ эгоистическаго взгляда на права дружбы, далекъ отъ желанія, чтобы друзья жертвовали и рисковали для него собою. Навлекши на себя немилость Нерона, Петроній прежде всего проявляетъ заботливость объ участи своихъ спутниковъ. Онъ даетъ имъ совѣтъ не возстановлять противъ себя цезаря близостью къ заподозрѣнному человѣку и дѣлаетъ это спокойно и искренно, безъ затаенной горечи и замаскированныхъ притязаній, заранѣе стараясь оправдать путемъ образныхъ и поэтичныхъ доводовъ тѣхъ изъ своихъ спутниковъ, которые послѣдовали бы его внушеніямъ. Они изъявляютъ намѣреніе съ нимъ остаться, и Петроній ласково ихъ благодаритъ. Во всемъ, что мы о немъ знаемъ, сказывается человѣкъ, чуждый всякой сантиментальности, но великодушный, привѣтливый и щед-

рый,—человѣкъ, который привыкъ полагаться только на себя и не нуждается ни въ чужомъ руководствѣ, ни въ чужой помощи, но который умѣетъ цѣнить дружеское расположеніе и никогда не измѣняетъ дружбѣ. Въ лицѣ Петронія Пушкинъ хотѣлъ создать типъ идеальнаго друга временъ античнаго міра. Въ минуту душевнаго разлада и мрачнаго взгляда на жизнь Пушкинъ далъ въ 1825 г. такое опредѣленіе дружбы:

Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнъ тщеславія, бездѣлья,
Иль покровительства позоръ.

Дружба Петронія не подходитъ ни подъ одно изъ этихъ опредѣленій. Пушкинъ, воспѣвшій чувство дружбы въ цѣломъ рядѣ посланій къ своимъ друзьямъ и во многихъ другихъ стихотвореніяхъ (Коварность, 19-е октября 1825 г. и т. д.) и относившійся къ дружбѣ, по выраженію Шевырева, какъ къ чему то святому, религиозному (Пушкинъ Л. Н. Майкова, 349), видимо, съ любовью останавливался на Петроніи, какъ на вѣрномъ и преданномъ другѣ, который не только не злоупотреблялъ „святою властью дружбы“, но и не предъявлялъ на нее никакихъ посягательствъ.

Возсоздавая Петронія съ явнымъ сочувствіемъ, Пушкинъ ни на минуту не забывалъ, что его Петроній, воплощавшій въ себѣ благороднѣйшія черты древне-римской цивилизаціи и латинской расы, язычникъ и представитель античнаго міра эпохи цезарей. У Пушкинскаго Петронія нѣтъ религіи, онъ не вѣритъ въ римскихъ боговъ, ибо, какъ видно изъ программы поэта, приписываетъ общее безвѣріе ихъ падевію, такъ же точно, какъ и падевію людей. Гордость Петронія не знаетъ предѣловъ, онъ не признаетъ надъ собою ничьей власти и слѣдуетъ единственно велѣніямъ своего разума, своей совѣсти и своихъ влеченій. У него нѣтъ другой вѣры, кромѣ вѣры въ себя. Гордость Петронія не бросается въ глаза, ибо она не выражается въ грубыхъ и рѣзкихъ формахъ, а запечатлѣна тѣмъ же благородствомъ и тою же утонченностью, какими проникнуть весь его нравственный обликъ, но она, тѣмъ не менѣе, составляетъ одну изъ отличительныхъ особенностей Петронія; изъ нея вытекаетъ и его затаенное презрѣніе къ людямъ,—презрѣніе, сказывающееся въ крайне снисходительномъ отношеніи къ людскимъ слабостямъ, въ низкомъ уровнѣ тѣхъ требованій, ко-

торыя предъявлялъ къ нимъ Петроній. Его не поражаетъ жестокость Нерона, ибо онъ смотритъ на него не то, какъ на животное, не то, какъ на стихійную силу; его не поражаетъ низость философа и ни мало не поразило бы себялюбіе другихъ спутниковъ, еслибъ они оставили его послѣ обрушившейся на него бѣды. Петроній относился къ людямъ благоклонно и, вообще, любилъ людей, ко они не могли его удивить и огорчить никакою низостью, за то каждый ихъ безкорыстный и благородный поступокъ пріятно поражалъ его, приспояняя сочувствіемъ и благодарностью, если этотъ поступокъ имѣлъ какое-нибудь отношеніе къ нему.

Если бы Пушкинъ довелъ до конца свое повѣствованіе о смерти Петронія и о послѣднихъ дняхъ его жизни, мы имѣли бы гениальное произведеніе, исполненное глубокаго пониманія древняго Рима. Къ такому предположенію насъ приводитъ и отрывокъ, начинающійся словами: „Цезарь путеше твоявалъ“, и замѣтки Пушкина, а также и его стихотворенія, касающіяся Рима и римской исторіи. Къ такому предположенію приводятъ, между прочимъ,

и Записки А. О. Смирновой, въ которыхъ не разъ приводятся своеобразныя и мѣткія сужденія Пушкина объ античномъ мірѣ. Разъ какъ-то Смирнова спросила Пушкина: къ чему дають ученикамъ произведенія греческихъ и латинскихъ авторовъ, которыя часто неудобны для чтенія молодежи? Пушкинъ улыбнулся и сказалъ: „Гомеръ вполнѣ пристоеенъ; точно также и Гезіодъ, Еврипидъ, Софокль, Виргилій и Эсхиль. Есть у древнихъ комедіи малопрстойныя, есть у нихъ поэты вольные и циничные; но все-же они неизмѣримо менѣе развратны, чѣмъ нѣкоторые французы.. Впрочемъ, язычники смотрѣли на жизнь не съ нашей точки зрѣнія; жизнь матеріальная была у нихъ даже обоготворена *). Я скажу вамъ также, что у насъ много разглагольствовали о древнихъ и говорили много вздорнаго о нихъ, объ ихъ добродѣтеляхъ и порокахъ. Добродѣтели ихъ могли быть только языческими; и по своимъ религіознымъ

*) Молодой рымлянинъ, рассказывающій о смерти пушкинскаго Петронія и принадлежащій къ числу поклонниковъ „божественнаго Платона“, говоритъ совершенно спокойно о своихъ оргіяхъ и объ оргіяхъ своего друга, какъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ, котораго нѣтъ смысла ни скрывать, ни стыдиться.

воззрѣніямъ они не могли понимать жизнь, смерть, любовь такъ, какъ понимаемъ ихъ мы, если мы вѣрны нашимъ религіознымъ догматамъ." Отозвавшись, затѣмъ, о Руссо, какъ о писателѣ безнравственномъ, идеализировавшемъ „запрещенныя (христіанствомъ?) страсти", Пушкинъ продолжалъ: „древніе этого не дѣлали, надо отдать имъ справедливость, а если и дѣлали, то очень рѣдко. Въ Римѣ больше писателей, которыхъ нельзя дать въ руки женщинамъ и школьникамъ, чѣмъ въ Аѳинахъ; да и жизнь римлянъ была вполнѣ безнравственна. Зараза шла у нихъ сверху. Убивая въ гражданахъ достоинство, убивали въ нихъ и нравственность... Были и въ Римѣ и въ Греціи исключенія; благородныя исключенія—ихъ было даже много; но ихъ нравственныя воззрѣнія не были христіанскими."

Когда разговоръ перешелъ на французскихъ классиковъ, на Мольера, Корнеля и Расина, Пушкинъ замѣтилъ: „Въ „Les Plaideurs" есть прелестныя сцены, и я склоненъ думать, что съ тѣхъ поръ и судъ и тяжущіея остались все тѣми же. И теперь, какъ и тогда, дѣло идетъ о каплунѣ, а адвокатъ говорить о политикѣ Аристотеля. Знаете ли, что говорятъ Тацитъ?"

Смирнова отвѣтила, что не знаетъ. „Онъ говорить, сказалъ Пушкинъ: что народъ погибъ, когда онъ попалъ въ руки риторовъ и адвокатовъ! Онъ говорить также, что самый скверный образъ правленія всегда найдетъ риторовъ и адвокатовъ, чтобы восхвалять и отстаивать его. Нельзя не сказать, что древніе обладали въ большой мѣрѣ умомъ и здравымъ смысломъ... Ихъ разсудочность, ихъ здравый смыслъ были ихъ природными свойствами; къ тому же, они не волновались, не суетились, какъ мы“. Разъясняя свою мысль, Пушкинъ привелъ стихъ князя Вяземскаго, поставленный эпитафюмъ къ первой главѣ „Евгенія Онѣгина“:

И жить торопится, и чувствовать спѣ-
шить.

Излагая въ другомъ мѣстѣ своихъ Записокъ бесѣду Пушкина съ его друзьями о литературѣ, религіи и философіи, Смирнова приводитъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній Пушкина о нѣкоторыхъ особенностяхъ античнаго міросозерцанія и объ его вліяніи на западно-европейскихъ писателей.

А. Тургеневъ. Пушкинъ! Какая, по твоему мнѣнію, разница между французскою литературою и англійскою?

Пушкинъ. Она бросается въ глаза. Гуманизмъ сдѣлалъ французовъ язычниками и они взяли отъ древнихъ ихъ худшіе недостатки—особенно отъ латинянъ время ихъ упадка, и отъ нѣкоторыхъ грековъ.

А. Тургеневъ. Ты забываешь великій вѣкъ во Франціи.

Пушкинъ. Я не забываю ничего; я помню Расина и Корнеля, точно также какъ помню Port Royal, Фенелона, Боссюэта, Жана Баптиста Руссо и Малерба. Но вѣдь если есть Великій Киръ, то есть и Скарронъ, и сказки Лафонтена, и я даже нахожу, что грубость лучше, чѣмъ изящная непристойность. Въ XVIII вѣкѣ становились все болѣе и болѣе язычниками; даже англичане, подражавшіе французамъ и такъ восхищавшіеся ими, стали изящными язычниками; впрочемъ, ихъ немного. Романисты, какъ Фильдингъ и др., иногда неприличны, но нисколько не развратны.

Жуковский. Греки также не стѣсняются въ грубыхъ выраженіяхъ.

Пушкинъ. Въ сатирическомъ театрѣ. Но они не дошли до такихъ тонкостей, какъ латиняне; вѣдь развращенность подъ видомъ изящной уютченности является обыкновенно съ упадкомъ поэзіи. Мнѳодогія наполнена очень

двусмысленными вещами, и французы— хотя и христіане— взяли ихъ отъ древнихъ.

А. Тургеневъ. Не надо забывать и французскихъ моралистовъ.

Пушкинъ. Они скорѣе стойки, чѣмъ христіане. И ихъ книги нравственныхъ изреченій совершенно не—христіанскія; развѣ Ларошфуко, Шамфоръ и Ривароль—христіане?..... Герои французскихъ трагедій не христіане (кроме Поліевкта). Я не считаю язычниками ни Расина, ни Корнеля, но они вмѣстѣ съ нѣкоторыми философами, прозаиками и ораторами составляютъ такое рѣдкое явленіе въ прошломъ вѣкѣ, что о нихъ и говорить не стоитъ. *Горации*, съ своимъ жестокимъ патриотизмомъ, естественнымъ образомъ—язычники и латиняне. Камилла умѣетъ ненавидѣть, какъ настоящая язычница. Впрочемъ, наши страсти всегда будутъ антихристіанскими. Прощеніе явилось вмѣстѣ съ христіанствомъ именно потому, что оно такъ человѣчно.

М-те Карамзина. Bravo, Пушкинъ!

Пушкинъ. Мерсі. Кроткость христіанина совсѣмъ не такая, какъ у язычника, который прощалъ изъ великодушія, душевнаго благородства и величія, но никакимъ образомъ не изъ состраданія или доброты. Они не зна-

ли радости прощевія и смиренія, которыя сожественно-человѣчны (I, 132, 134, 149—150).

Въ лицѣ Петронія Пушкинъ дальбы, а въ общихъ чертахъ, пожалуй, уже и даль, типъ настоящаго римлянина—язычника и доказалъ бы наглядно, что понималъ оба Рима: и языческой, и христіанскій, которыми онъ такъ живо интересовался (Записки Смирновой, т. I, стр. 93).

Изъ программы Пушкина видно, что, въ числѣ спутниковъ Петронія, поэтъ предполагалъ вывести и одного изъ тѣхъ греческихъ философовъ, которыхъ было такъ много въ Римѣ во времена имперіи. „Греческій философъ исчезъ. Петроній улыбается и сказываетъ оду“. Не трудно догадаться, почему исчезъ паразитъ, прикрывавшійся маскою мудреца. Онъ, очевидно, твердо вѣрилъ въ неопровержимость и разумность того общепринятаго правила житейской практики, на которое указывалъ его патронъ, хорошо знавшій своихъ современниковъ. Совѣтуя своимъ спутникамъ вернуться въ Римъ и не возстановлять противъ себя Нерона, Петроній говорилъ: „Путникъ въ ясный день отдыхаетъ подъ тѣнью дуба, но во время грозы

отъ него благоразумно удаляется, страшась ударовъ молніи⁴. У греческаго философа не хватило духа откровенно и при всѣхъ сознаться въ низкомъ себялюбіи и покинуть въ несчастіи своего великодушнаго и щедрого покровителя: онъ предпочелъ это сдѣлать тайкомъ и безъ объясненій.

Остановимся на разборѣ программы, набросанной Пушкинымъ въ началѣ второй главы,—остановимся съ тою цѣлью, чтобы проникнуть, насколько окажется возможнымъ, въ замыселъ поэта, оставшійся неисполненнымъ, и прослѣдить, насколько Пушкинъ остался вѣренъ своей программѣ въ двухъ, написанныхъ послѣ нея, главахъ.

Первый вечеръ предполагалось программой посвятить разсужденіямъ о Клеопатрѣ, а также, можетъ быть, и объ ея чудовищной сдѣлкѣ со смѣльчаками, не дрогнувшими передъ ея вызовомъ. Въ этихъ разсужденіяхъ Петроній и его друзья, обсуждая поступокъ Клеопатры и тѣхъ, кто вступалъ съ нею въ торгъ, могли проявить свои взгляды на смерть, счастье, наслажденіе, жизнь и цѣнность жизни. Всѣ эти разсужденія быди бы, конечно, проiakнyты ду-

хомъ античнаго Рима, но о нихъ все таки можно до нѣкоторой степени догадываться по разсужденіямъ объ „египетскомъ анекдотѣ“ въ отрывкѣ, начинающемся словами: „Ахъ разскажите, разскажите“... Петронію и его друзьямъ такъ же точно, какъ и Алексію Ивановичу Вершневу и хозяйкѣ дома, нельзя было обоиться безъ рѣшенія вопросовъ: что дороже, жизнь или любовь? Тяжело ли было условіе Клеопатры? Такое ли сокровище жизнь, что ея цѣною жаль и счастье купить? Не должно ли уничтожить звѣрское предложеніе, подобное предложенію Клеопатры, самую безумную любовь? и т. д.

О содержаніи предсмертнаго „Сатирикона“ пушкинскаго Петронія, который не слѣдуетъ смѣшивать съ дошедшимъ до насъ, „Сатириковомъ“ Петроніемъ, можно составить нѣкоторое понятіе изъ программы. Въ Satiricon должно было войти разсужденіе: 1) о паденіи человѣка, 2) о паденіи Соговъ, 3) объ общемъ безвѣріи и 4) о превращеніяхъ Нерона. Не трудно догадаться, какихъ именно вопросовъ долженъ былъ коснуться поэтъ во всѣхъ этихъ четырехъ отдѣлахъ. Очевидно, что онъ поставилъ своей задачей поэти-

ческое воспроизведеніе ученія античной мѣологии о четырехъ вѣкахъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ и знаменовавшихъ собою постепенное нравственное вырожденіе чело-вѣческаго рода, которое стояло въ связи съ борьбою и личными счетами, а также, далеко нечистыми, а иногда и въ полномъ смыслѣ слова отвратительными поступками боговъ. Въ Satiricon'ѣ пушкинскаго Петронія, если бы онъ былъ написанъ, говорилось бы, вѣроятно, и о первомъ поколѣніи боговъ, во главѣ которыхъ стоялъ Уранъ, и о міроправленіи его сына Кроноса, и о временахъ Сатурна, и о торжествѣ Юпитера, и объ отцеубійствѣ, и о дѣтоубійствѣ, и о супружескихъ измѣнахъ, и объ обманахъ, и о властолюбіи, и о коварствѣ и о всякаго рода продѣлкахъ античныхъ боговъ, далеко не всегда дававшихъ людямъ хорошіе примѣры и очень часто предававшихся полному разгулу самыхъ чудовищныхъ страстей и животныхъ инстинктовъ. По вѣрованіямъ древнихъ римлянъ, эпоха Сатурна была золотымъ вѣкомъ для людей,—вѣкомъ невинности, общаго благосостоянія, равенства и беззаботнаго веселья. Въ первую пору господства Юпитера золотой вѣкъ смѣ-

нился серебрянымъ, когда люди, хотя и не знали еще нужды, но уже стали предаваться роскоши, утрачивать почтеніе къ богамъ и развращаться. Вслѣдъ за серебрянымъ вѣкомъ насталь мѣдный, — вѣкъ бурныхъ войнъ и кровавой вражды, совершенно извратившихъ кроткіе нравы прежнихъ земледѣльцевъ. Послѣ мѣднаго вѣка настаеть желѣзный вѣкъ, когда людямъ приходится снискивать себѣ скудное пропитаніе тяжелымъ трудомъ, и когда они дѣлаются корыстолюбивыми, лживыми, безчестными, негодарными, злыми и безстыдными. „Зачѣмъ я не родился раньше? горючися въ *Трудахъ и Дняхъ* Пезіода: зачѣмъ я обреченъ жить въ желѣзномъ вѣкѣ? Боги съ каждымъ днемъ посылаютъ людямъ новыя заботы, новое горе, и нѣтъ имъ, бѣднымъ, отдыха ни днемъ, ни ночью. Но они еще больше мучать сами себя, въ нихъ самихъ сокрытъ источникъ ихъ страданій. Раздоръ и вражда въ сердцахъ ихъ. Жестокіе люди! Неужели вы нисколько не помышляете о праведномъ судѣ безсмертныхъ боговъ? Зачѣмъ вы не платите благодарностью родителямъ вашимъ за заботы ихъ о васъ, за ихъ бессонныя ночи, проведенныя ими надъ вашей колыбелью? Зачѣмъ въ поступкахъ

вашихъ съ другими людьми вы думаете только о насиліи и неправдѣ? Вы отворачиваетесь, если голосъ правды коснется испорченнаго вашего слуха: вамъ любы только лесть и обманъ. Добрые страдаютъ отъ злобы дурныхъ людей. Зависть съ своимъ тусклымъ взоромъ и желтымъ лицомъ денно и нощно сродятъ по землѣ, выбирая себѣ жертву и кидаясь на нее. Святыя богини *Стыда* и *Невинности* не показываются болѣе на землѣ: онѣ закутались въ длинные покровы и печально ушли на небо, въ жилище безсмертныхъ боговъ. На землѣ остались только горе, слезы и отчаяніе, но *идь* найти спасеніе?“

О четырехъ вѣкахъ говорится, между прочимъ, и въ первой книгѣ *Метаморфозъ* Овидія, одного изъ любимѣйшихъ римскихъ писателей Пушкина. Пушкинскій Петроній, намѣчая разсужденіе о паденіи боговъ и людей, несомнѣнно имѣлъ въ виду *Метаморфозы* Овидія, такъ какъ въ нихъ изложено въ послѣдовательномъ порядкѣ до 200 греческихъ и римскихъ мифовъ, начиная съ того времени, когда вся вселенная была хаосомъ, и до превращенія Юлія Цезаря въ звѣзду. *Метаморфозы* Овидія могли дать пуш-

кинскому Петронію обильный матеріалъ для поэтическаго повѣствованія и для поэтическихъ размышленій о паденіи боговъ и людей и о тѣсной зависимости между развращеніемъ людей и забвеніемъ нравственнаго долга языческими богами. Обще безъѣрие пушкинскій Петроній хотѣлъ изобразить неминуемымъ послѣдствіемъ общаго развращенія, а послѣднее—неизбежимъ послѣдствіемъ того, что дѣлали сами боги, которыхъ Петроній, при его пытливомъ умѣ и чуткомъ сердцѣ, конечно, не могъ принимать за образцы совершенства.

О какихъ превращеніяхъ Нерона думалъ Пушкинъ говорить въ Satyricon'ѣ Петронія? Объ этомъ можно только догадываться. Очень можетъ быть, что поэтъ хотѣлъ заглянуть въ самую глубь души Нерона и воссоздать въ живомъ, пластическомъ образѣ этого ужаснаго, загадочнаго, своеобразнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, яркаго представителя древняго Рима въ эпоху его разложенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высшаго расцвѣта цивилизаціи. Подъ превращеніями Нерона можно разумѣть его причудливыя фантазіи, приступы его своенравія, его стремленія пожинать лавры въ качествѣ и поэта,

и оратора, и музыканта, и мима, и наѣздника. Очень можетъ быть также, что въ томъ отдѣлѣ Satiricon'a, въ которомъ предполагалось говорить о превращеніяхъ Нерона, Пушкинъ хотѣлъ дать нѣчто въ родѣ Ludus de morte Claudii Ceasaris, Сатиры на смерть Клавдія Сенеки, которая значится у Діона Кассія подъ названіемъ: „Превращеніе въ тыкву“. Въ этой сатирѣ разсказывается въ саркастическомъ тонѣ о появленіи Клавдія послѣ смерти среди небожителей, объ ихъ удивленіи при видѣ челоѡкообразнаго чудовища, объ его притязаніяхъ попасть въ число боговъ, объ е о поползновеніяхъ разыгрывать и въ загробномъ мірѣ роль кровожаднаго и полоумнаго тирана, объ его встрѣчахъ въ преисподней съ казненными имъ людьми, о передачѣ Клавдія Калигулѣ на правахъ раба и о распоряженіи Калигулы, чтобы Клавдій состоялъ при вольноотпущенникѣ Менандрѣ для полицейскихъ розысковъ. Очень можетъ быть, что и пушкинскій Петроній думалъ поставить Нерона съ его сумасбродными затѣями лицомъ къ лицу съ богами и закончить Satiricon, вмѣсто апоѡеоза Нерона, своего рода „превращеніемъ въ тыкву“ (по гречески слово

аполокинтосизъ представляетъ пародію на слово *апотеозизъ*). *

Послѣднія слова программы: *рабъ-христіанинъ* показываютъ, что у Пушкина была мысль провести художественную параллель между антично-языческимъ и христіанскимъ міросозерцаніемъ, между взглядами на жизнь и на смерть лучшихъ представителей древне римскаго общества и его патриевъ, просвѣщенныхъ свѣтомъ Евангельскимъ. Слова: *рабъ-христіанинъ*, не оставляющія никакого сомнѣнія въ конечной задачѣ начатаго Пушкинымъ произведенія о Петровѣ, напоминаютъ программу „Галуба“, въ которомъ поэтъ предполагалъ вывести христіанскаго миссіонера. Эти слова, какъ и весь пушкинскій отрывокъ о Петровѣ, нужно думать, не остались безъ вліянія на А. Н. Майкова, когда онъ писалъ вторую часть „Трехъ смертей“ (Смерть Люція), перерабо-

---

* Исторія римской литературы В. И. Модестова (въ III томѣ *Всеобщей исторіи литературы* В. Корша, стр. 1597—1598). Объ апофеозѣ римскихъ императоровъ см. 2-ю главу первой книги монографіи Буассье *Римская религія отъ Августа до Антониновъ* (стр. 89—151).

Танную впоследствии въ „Два міра“ съ замѣною Люція Деціемъ*.

Всѣ три главы о Петроніи обличаютъ въ Пушкинѣ основательное знакомство съ римскими древностями. Воображенію поэта быть римскихъ гражданъ временъ Нерона, очевидно, представлялся съ полною ясностью. Когда онъ писалъ разбираемые нами наброски, его, видимо, ничуть не затрудняли вопросы, съ какою обстановкою долженъ былъ считаться Петроній въ ту или другую минуту, и ничуть не пугало опасеніе впасть въ анахронизмъ или какую-нибудь другую несообразность, которая могла бы покоробить читателя, получившаго классическое образованіе. Остановимся на нѣкоторыхъ мѣстахъ повѣствованія пушкинскаго Петронія, имѣющаго всю прелесть воспоминаній римлянина императорской эпохи.

Титъ Петроній путешествуетъ по обычаю богатыхъ римлянъ временъ

* Время созданія „Смерти Люція“ и „Двухъ міровъ“ не противорѣчатъ нашей догадкѣ. Отрывокъ: „Цезарь путешествовалъ“ впервые былъ напечатанъ въ „Матеріалахъ“ Анненкова, въ VII-мъ, дополнительномъ томѣ къ его изданію сочиненій Пушкина въ 1857 г. „Смерть Люція“ появилась въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ въ 1863 году, а „Два міра“—въ 1872 году.

упадка, не останавливаясь въ придорожныхъ гостинницахъ и въ казенныхъ виллахъ, арендаторы которыхъ обязаны были (безплатно) принимать проѣзжавшихъ чиновниковъ. Дѣлая привалы, Петроній и его друзья располагались въ шатрахъ и пировали отъ заката до восхода солнца. Пушкину ясно представлялось, какъ совершали свои поѣздки римскіе богачи, обыкновенно бравшіе съ собою многочисленную прислугу, особыхъ фореиторовъ, многочисленныхъ стремянныхъ, музыкантовъ, музыкантшъ, пѣвчихъ, плясуновъ, танцовщицъ и т. д., а также, разныя кухонныя, столовыя и всевозможныя принадлежности комфортабельной и роскошной жизни. Петроній путешествовалъ такъ, что могъ каждую минуту расположиться близь дороги и безъ всякихъ затрудненій устроить такой пиръ, какіе устраивались въ Римѣ въ началѣ христіанской эры. Петроній и его друзья ѣхали не на колесницахъ, а въ лектикахъ (*lecticae*), т. е. въ носилкахъ, заимствованныхъ римлянами съ востока. Лектики были обыкновенно крытыя, съ занавѣсами, а въ позднѣйшія времена—и съ окнами изъ прозрачной слюды, внутри же съ подушками и коврами. Лектики появи-

лись въ Римѣ въ концѣ III столѣтія до Р. Х., а во времена императоровъ были уже во всеобщемъ употребленіи; ихъ носили при помощи двухъ шестовъ на ремняхъ особые носильщики изъ сильныхъ сирійскихъ или каппадокійскихъ рабовъ, носившихъ во времена императоровъ обыкновенно красную одежду. Для дальней дороги употреблялись римлянами также и лектики, которыя носились двумя мулами (basterna).

Петроній Пушкина разсказываетъ передъ смертью драгоценную чашу, какъ великое сокровище, которымъ не могъ не прельститься Неронъ, воображавшій себя тонкимъ знатокомъ всего изящнаго. Поступокъ пушкинскаго Петронія не можетъ насъ удивлять, если мы вспомнимъ высо. озъ совершенство, до котораго была доведена въ древнемъ мірѣ выдѣлка и отдѣлка сосудовъ для питья. Они дѣлались изъ драгоценныхъ металловъ, изъ драгоценныхъ камней, изъ чистаго хрусталя и изъ стекла съ отливами, но самыми рѣдкими и самыми дорогими римскими сосудами были сосуды мурры (вѣроятно, изъ хрупкаго плавленнаго шпата); они были извѣстны подъ названіемъ *murrina* или *murrinae* и привозились обыкновенно съ

востока. Первый такой сосудъ (бокаль) былъ привезенъ въ Римъ Помпеемъ изъ сокровищницы Митридата. За одинъ бокаль изъ мирры Неронъ заплатилъ 1.000,000 сестерцій (55,000 рублей). Ваза, разбитая Петроніемъ передъ смертью, стоила ему 300,000 сестерцій.

Описаніе дома въ Кумахъ съ его кумирами девяти музъ и двухъ кентавровъ * и съ его семейными статуями свидѣтельствуесть, что Пушкину было прекрасно извѣстно, какъ строились и убирались дома римлянъ. Въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, Пушкинъ не уклонялся отъ своего обычнаго лаконизма, не ввелъ въ свое повѣствованіе ни одной ненужной черты. Въ этомъ отношеніи всѣ три главы о Петроніи рѣзко отличаются отъ новѣйшихъ историческихъ романовъ, воспроизводящихъ людей и бытъ античнаго міра и щеголяющихъ забвеніемъ всякаго чувства мѣры, множествомъ мелочныхъ археологическихъ справокъ и подробностей, долженствующихъ убѣждать читателя въ глубокой эрудиціи автора и зачастую смахивающихъ на без-

---

* Исполинскія существа, спереди похожія на людей, а сзади на коней.

порядочныя и совершенно лишнія заимствованія изъ курсовъ римскихъ древностей. Каждая черта римскаго быта, приводимая Пушкинымъ, приводится какъ нельзя болѣе кстати и превосходно освѣщаетъ и эпоху, и Петронія, и то, что о немъ разсказывается, и это одно уже доказываетъ, что Пушкинъ обладалъ большимъ запасомъ свѣдѣній о древне римскомъ бытѣ. Какъ о'разчикъ такихъ, въ высшей степени кстати приводимыхъ Пушкинымъ, особенностей римскаго быта, можно указать на надпись, начертанную на мраморномъ порогѣ, о которой мы уже говорили. На порогахъ у входа въ римскіе дома очень часто вырѣзывалось слово *salve* въ знакъ гостепріимства хозяевъ.—Старый управитель ведетъ Петронія въ библіотеку, гдѣ онъ осматриваетъ нѣсколько свитковъ. Такому челоуѣку, какъ Петроній, было весьма естественно прежде всего обратить вниманіе на библіотеку хозяина; безъ библіотеки же во времена Нерона не обходился ни одинъ богатый домъ, хотя бы его владѣлецъ не интересовался ни наукой, ни литературой: было принято выставять себя любителемъ книгъ и держать рабовъ для переписыванія рукописей, для

склеиванія листовъ въ свиткахъ и для храненія книгъ.

Петроній ожидаетъ возвращенія своего раба, посланнаго въ Кумы, въ кипарисовой рощѣ, посвященной Эменидамъ. Въ античномъ мѣрѣ, дѣйствительно, посвящались Эменидамъ (Эриніямъ, Фуріямъ) темныя рощи, въ которыхъ имъ и приносились жертвы, по преимуществу, ночью.

Не останавливаясь на записныхъ дощечкахъ, на римскихъ тогахъ и на домашнихъ докторахъ богатыхъ римлянъ, о которыхъ упоминается въ повѣствованіи Пушкина, остановимся только на статуѣ молодого сатира, прорѣзывающаго тростникъ. Пушкинъ помѣстилъ ее въ саду, гдѣ ей было весьма естественно стоять, такъ какъ сатиры, принадлежавшіе къ свитѣ Діониса (Вакха), жили, по вѣрованіямъ античныхъ народовъ, въ лѣсахъ и на горахъ, гдѣ и проводили время въ охотѣ, пляскахъ, игрѣ на свирѣли и въ сборѣ винограда. Сатиры, служившіе при Діонисѣ свирѣльщиками, считались принадлежащими къ высшему разряду сатировъ *.

Въ трехъ небольшихъ и неоконченныхъ главахъ о Петроніи, Пушкинъ

*) См. *Бытъ грековъ и римлянъ Велишскаго*. Прага. 1878 г.

съ геніальнымъ мастерствомъ сумѣлъ раскрыть предъ нами бытъ и нравы древняго Рима временъ цезарей съ его роскошью, культурой, религіозными вѣрованіями и безвѣріемъ. Написать такія три главы, какія написалъ Пушкинъ о Петроніи, могъ только великій поэтъ. Въ нихъ надо вдуматься и вчитаться для того, чтобы оцѣнить ихъ по достоинству, ибо въ нихъ каждое слово имѣетъ значеніе. Взять хотя бы описаніе дома въ Кумахъ: Пушкинъ почти ничего не сообщаетъ объ его владѣльцѣ, но его нравственный обликъ просвѣчиваетъ изъ-за осо'енностей покинутаго имъ жилища. Какъ много говорить, на примѣръ, это своеобразное совмѣщеніе въ широкихъ сѣняхъ кумировъ девяти музъ, показывающихъ, что хозяинъ имѣлъ понятіе о наукахъ и искусствахъ, съ кумирами чудовищныхъ кентавровъ, происшедшихъ отъ преступнаго союза Иксиона съ Нефелюю! Намъ неизвѣстна причина, по которой хозяинъ дома оставилъ свою родину, но какое трогательное впечатлѣніе производятъ его семейныя статуи, наводящія на мысль, что онъ испыталъ тяжелыя утраты,—ст туи, изображающія матрону, сидящую въ креслѣ и дѣвочку, играющую мячемъ!

Анненковъ, впервые издавшій отрывки о Петроніи, называетъ задуманное, неоконченное поэтомъ произведеніе повѣстью. Какъ бы мы ни назвали это произведеніе, повѣстью или романомъ, нельзя не замѣтить, что оно не могло бы быть причислено ни къ чисто прозаическимъ, ни къ чисто стихотворнымъ сочиненіямъ, такъ какъ проза и стихи, по замыслу Пушкина, должны были въ немъ постоянно чередоваться и находиться, такъ сказать, въ равновѣсїи. Другими словами, приступая къ разсказу о Петроніи, Пушкинъ имѣлъ въ виду написать то, что принято было называть у римлянъ менипповыми сатирами, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ сатирами. Въ примѣръ менипповыхъ сатиръ могутъ быть приведены: Сатира Сенеки на смерть Клавдія, Мзвоногонъ императора Юліана, Утѣшеніе Боэція и, наконецъ, дошедшія до насъ отрывки Satiricon'a Петронія. Первый римскій сатирикъ Маркъ Теренцій Варронъ (Реатинскій), жившій въ I вѣкѣ до Р. X. и назвавшій свои сатиры менипповыми (Satirae Menippeae), говоритъ, что онъ заимствовалъ ихъ форму у греческаго писателя Мениппа Циника, который относился скептически ко всему на свѣ-

тѣ и безпощадно осмѣиваетъ всевозможныя философскія системы. Блаженный Иеронимъ насчитывалъ 150 книгъ менипповыхъ сатиръ Варрона, до насъ же дошли лишь заглавія и отрывки 95 этихъ сатиръ. Перемѣшивая стихи съ прозой и переходя отъ однихъ стихотворныхъ размѣровъ къ другимъ, Варронъ касался въ легкой формѣ разныхъ философскихъ, этическихъ и житейскихъ вопросовъ. Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ менипповыхъ сатиръ Варрона: „Познай сакого себя“, „Объ удогольствіи“, „О словѣ“, „О зависти“, „Объ обязанности мужа“. Въ числѣ менипповыхъ сатиръ Варрона были и такія, которыя имѣли политическій характеръ, такова, напримѣръ, сатира подъ названіемъ „Трехголовый“, осмѣивавшая, подъ видомъ Цербера, триумвиратъ Помпея, Цезаря и Красса. Съ теченіемъ времени римляне стали называть менипповыми сатирами и такого рода произведенія, въ которыхъ не было ничего сатирическаго, если только онѣ напоминали по формѣ менипповы сатиры Варрона, т. е., представляли соединеніе прозы и стиховъ и сочетаніе различныхъ стилей: разсужденій, лирическихъ мѣстъ, повѣствованія, серьезнаго и легкаго слога, ли-

тературнаго языка и областного жаргона и т. д., главнымъ же образомъ, соединеніе прозы и стиховъ. Вотъ почему названо Сатирикномъ и дошедшее до насъ въ отрывкахъ сочиненіе Петронія, которое, съ современной точки зрѣнія, должно быть названо романомъ и только романомъ, а не сатирою, хотя въ немъ и преобладаетъ воспроизведеніе нравственной распущенности римскаго общества время упадка нравовъ и грубыхъ животныхъ инстинктовъ челоѳческой природы. Satiricon, о которомъ упоминается въ программѣ Пушкина, походилъ бы, по формѣ и по содержанію, на менипповы сатиры Варонна, да и всему своему повѣствованію о послѣднихъ дняхъ Петронія Пушкинъ хотѣлъ придать характеръ менипповой сатиры въ широкомъ смыслѣ слова. На это прямо указываютъ три написанныя имъ главы: въ нихъ нѣтъ ничего сатирическаго, преобладающій тонъ ихъ—тонъ сдержанной, неподдѣльной скорби. Если бы Пушкинъ довелъ до конца свое сочиненіе о смерти Петронія, мы бы имѣли, несомнѣнно, одно изъ геніальнѣйшихъ его произведеній, и притомъ такое произведеніе, которое никто не могъ бы написать у насъ, кромѣ Пушкина. Къ

такому выводу приводитъ широкій размахъ первыхъ трехъ главъ и сохранившаяся въ бумагахъ поэта программа. Для выполненія ея требовались бы глубина и разносторонность Пушкинскаго генія, такъ какъ автору пришлось бы перевоплотиться въ римлянина, отъ лица котораго ведется рассказъ, а также и въ Петронія, проникнуться древнеримскимъ міросозерцаніемъ и дать цѣлый рядъ лирическихъ и философскихъ стихотвореній и діалоговъ, вставленныхъ въ повѣствованіе о самоубійствѣ Петронія и объ его прощальныхъ бесѣдахъ съ друзьями; при этомъ имѣлось въ виду дѣлать и болѣе или менѣе близкіе переводы изъ греческихъ и римскихъ поэтствъ, и писать такія стихотворенія, которыя могъ бы написать Петроній.

Пушкину не впервые пришла мысль написать Сатириконъ, какъ мениппову сатиру въ широкомъ смыслѣ слова, когда онъ задумалъ свое сочиненіе о смерти Петронія. Дошедшіе до насъ отрывки изъ этого сочиненія относятся къ 1835 году, а шутивное посланіе къ Дельвигу, „Черепъ“, представляющее соединеніе стиховъ и прозы, было написано еще восемью годами раньше. Въ 1835 году Пушкина настойчиво преслѣдо-

вала мысль написать въ связи съ „анекдотомъ о Клеопатрѣ“ такое произведеніе, которое подходило бы къ типу сатирикона въ широкомъ смыслѣ слова. Въ этомъ году, кромѣ отрывка о Петроніи, онъ написалъ начало „Египетскихъ ночей“ (о Чарскомъ и итальянскомъ импровизаторѣ) и отрывокъ, начинающійся словами: „Ахъ, расскажите, расскажите“, напечатанный въ нѣкоторыхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина въ числѣ „пяти подготсвительныхъ очерковъ къ *Египетскимъ ночамъ*“. Къ числу этихъ подготовительныхъ очерковъ относится, обыкновенно, и отрывокъ о Петроніи. Но, во-первыхъ, страшный торгъ Клеопатры въ повѣствованіи о Петроніи долженъ былъ составить не болѣе, какъ эпизодъ, а во-вторыхъ, судя по программѣ, Петроній и его друзья должны были только *разсуждать* оъ этомъ торгѣ, да и то не навѣрное, такъ какъ въ программѣ глухо говорится: „о Клеопатрѣ — наши разсужденія о томъ“. Повѣствованіе о смерти Петроніи, судя по его началу и по его программѣ, подходило бы по формѣ къ „Египетскимъ ночамъ“, которыя Бѣлинскій характеризовалъ такъ: „*Египетскія ночи* — въ одно и

то же время и повѣсть, писанная прозою, и поэма, писанная стихами⁶. То же самое слѣдуетъ сказать и о начатой, но не оконченной Пушкинымъ полупоэмы—полуромана о Петрозіа. Въ этомъ произведеніи могъ сказаться во всемъ блескѣ многосторонній геній Пушкина и какъ поэта-прозаика, и какъ поэта-стихотворца. Задумать его могъ только такой поэтъ, который чувствовалъ себя въ своей сферѣ и въ области лирики, и въ области эпоса,—который владѣлъ съ равнымъ совершенствомъ и художественной прозой, и стихомъ, и могъ разрабатывать въ самыхъ противоположныхъ стиляхъ и мифологическіе, и историческіе сюжеты, требовавшіе, прежде всего, молчаливаго воображенія, истолкованія сложныхъ характеровъ и, вообще, знанія человеческого сердца.

ХУІ.

Зачеркнутая строфа „Осени“.

Какъ и вѣстно, творческая дѣятельность Пушкина проявлялась въ послѣдніе годы его жизни съ особенною силою осенью. Въ стихотвореніи „Осень“ поэтъ, говоря о своихъ осеннихъ вечерахъ, писалъ:

Но гаснетъ краткій день и въ камель-
вѣ забытомъ
Огонь опять горитъ; то яркій свѣтъ
ліетъ,
То тлѣетъ медленно; а я подъ нимъ
читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.
И забываю мѣръ, и въ сладкой те-
плинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ вообра-
женьемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ вол-
неньемъ,
Трепететь, и звучитъ, и ищетъ, какъ
во снѣ,
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой
гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

Далѣ въ черновой рукописи „Осени“ слѣдовала одиннадцатая, зачеркнутая строфа, заключавшая перечень этихъ гостей:

Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Монахи, карлики, арапскіе цари,
Гречанки съ четками, корсары, богдыханы,

Испанцы въ епанчахъ, жида, богатыри,

Царевны плѣнныя, графини, великаны,
И вы, любимицы златой моей зари —
Вы, барышни мои, съ открытыми плечами,

Съ висками гладкими и томными очами.

Этотъ перечень имѣетъ громадное значеніе для уясненія тѣхъ художественныхъ замысловъ, которые питалъ Пушкинъ въ расцвѣтѣ своихъ силъ и своего генія.

„Осень“ (сыла написана въ Болдинѣ въ 1830 году и, судя по началу стихотворенія, въ октябрѣ мѣсяцѣ, — въ ту знаменательную для Пушкина осень, когда онъ писалъ, „какъ давно уже не писалъ“ *. Въ письмѣ Пушкина къ Плетневу, отправленномъ изъ Москвы въ концѣ 1830 года, читаемъ: „Вотъ, что я привезъ сюда (подразумѣвается изъ Болдина): двѣ послѣд-

---

* Пушкинъ уѣхалъ въ Болдино (въ деревню Нижегородской губ., выдѣленную ему отцомъ, съ 200 душъ) 31 августа, а возвратился въ Москву 5 декабря 1830 г.

нія главы Онѣгина, совсѣмъ готовая для печати; повѣсть, писанную октавами (Домикъ въ Коломнѣ); нѣсколько драматическихъ сценъ: Скупой рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ-Жуанъ. Сверхъ того я написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Еще не все: написалъ я прозою (весьма секретное!) пять повѣстей (Повѣсти Бѣлкина)*. Изъ тридцати мелкихъ стихотвореній, написанныхъ въ Болдинѣ, до насъ дошли не всѣ: почти третья часть ихъ уграчена, если не предположить, что Пушкинъ ошибся, сообщая Плетневу ихъ число, но перечень художественныхъ произведеній поэта, задуманныхъ и оконченныхъ или только оконченныхъ въ „дѣтородную“ (выраженіе Пушкина въ письмѣ къ Дельвигу) осень 1830 года, не исчерпывается только что приведеннымъ перечнемъ: въ немъ не упоминается, между прочимъ, „Исторія села Горохина“. Очень можетъ быть, что въ немъ пропущено и еще кое-что, потерянное или уничтоженное Пушкинымъ. Одиннадцатая строфа „Осени“ доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что поэтъ обдумывалъ въ Болдинѣ такіа художественныя произведенія, которыхъ никакъ нельзя отнести къ тѣмъ эпическимъ и драматическимъ созда-

ніямъ, о которыхъ онъ говоритъ въ письмѣ къ Плетневу, и къ тѣмъ мелкимъ стихотвореніямъ, которыя дошли до насъ изъ числа написанныхъ въ Болдинѣ. Подъ „стальными рыцарями“ поэтъ могъ разумѣть барона Филиппа и его сына Альбера изъ „Скупого рыцаря“, подъ „испанцами въспанчахъ“—героевъ „Каменнаго гостя“, подъ барышнями—Марью Гавриловну изъ „Метели“ и Лизу изъ „Барышникрестьянки“. Упомянуто о монахахъ, жидяхъ и графиняхъ можно также до нѣкоторой степени дать объясненіе: въ числѣ дѣйствующихъ лицъ „Скупого рыцаря“ есть жидъ Соломонъ, а въ числѣ дѣйствующихъ лицъ „Каменнаго гостя“—монахъ Антоньева монастыря, о несчастной же и гордой графинѣ говорится въ „Домикѣ въ Коломнѣ“ (строфы XXXV—XXXVIII). Но въ „Осени“ идетъ рѣчь не объ одномъ жидѣ, не объ одномъ монахѣ, не объ одной графинѣ, а о монахахъ, жидяхъ и графиняхъ; очевидно, что поэтъ имѣлъ въ виду не только „Скупого рыцаря“ и „Каменнаго гостя“, но и цѣлый рядъ другихъ созданій, которыя онъ обдумывалъ въ деревенской тиши и о которыхъ мы не имѣемъ никакого понятія.

Среди незримаго роя гостей, псеѣ-

щавшихъ Пушкина въ тѣ часы, когда его душа стѣснялась лирическимъ волненіемъ и искала, какъ во снѣ,

Излиться, наконецъ, (свободнымъ проявленіемъ“,

передъ его духовными очами проходили и представители мусульманскаго міра (угрюмые султаны), и сказочные герои (великаны, Согатыри и карлики), и африганскіе владычины (арапскіе цари), и китайцы (богдыханы), и гречанки, и корсары, и „царевны плѣнныя“. Не ссызывались ли въ воображеніи Пушкина „угрюмые султаны“ со стихотвореніемъ „Стамбуль гяуры нынче слагаютъ“? Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Что касается до арапскихъ (негрятянскихъ) царей, то поэтъ, по всей вѣроятности, разумѣлъ подъ ними своихъ предполагаемыхъ предковъ по матери, владѣтельныхъ князьковъ своей Африки: Пушкинъ называлъ себя потомкомъ негровъ, не различая негровъ отъ абиссинцевъ*.

* Въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому изъ Москвы отъ 20 января 1831 года Пушкинъ писалъ:

„Арабъ (женскаго рода не имѣетъ) житель или уроженецъ Аравіи, аравитянинъ. Караванъ былъ разграбленъ степными арабами.

Арабъ, жен. арапка, такъ обыкновенно называютъ негровъ и мулатовъ. *Дворцовые*

Одиннадцатая строфа „Осени“ въ высшей степени интересна, какъ признаніе самого Пушкина и какъ непре- рекаемое доказательство его изуми- тельной способности создавать въ сво- емъ воображеніи героевъ и героинь всевозможныхъ эпохъ, странъ, расъ, культовъ, общественныхъ положеній, характеровъ и національностей и вы- нашивать въ своей душѣ одновремен- но самые различные образы: въ одинъ и тотъ же вечеръ творческая фанта- зія Пушкина переносилась изъ За- падной Европы и русскихъ помѣ- щичьихъ усадебъ на Балканскій по- луостровъ, въ Константинополь и Пе- кинъ, изъ досторическихъ временъ въ средніе вѣка и въ XIX столѣтіе, изъ реальной жизни въ жизнь грезъ и не- бывалыхъ существъ. Одиннадцатая строфа „Осени“ наглядно показываетъ намъ колоссальный размахъ пуш- кинскаго генія, его необыкновенную раз- носторонность, его необыкновенную воспримчивость ко всѣмъ поэтиче- скимъ впечатлѣніямъ. Она свидѣтель-

---

араны: негры, служащіе во дворцѣ. Онъ выѣзжаетъ съ тремя парадными аранами*.

Въ „Арапъ Петра Великаго“ слова *аранъ* и *негръ* употребляются, какъ синонимы. Въ прощальномъ письмѣ къ Леонорѣ Иб- рагимъ называетъ себя негромъ.

ствуешь, что Пушкинъ безъ малѣйшаго стѣсненія могъ переносить дѣйствія задуманныхъ имъ фабулъ, куда ему хотѣлось, безъ труда измѣняя ихъ, сообразно тому мѣсту и тому вѣку, къ которому онъ приурочивалъ ихъ.

Особенно любопытнымъ представляется въ одиннадцатой строфѣ „Осени“ указаніе на богдыхановъ, какъ на давнихъ знакомыхъ поэта, которыхъ привыкла лелѣять его мечта; это указаніе должно быть сближаемо съ одною изъ записей въ дневникѣ А. О. Смирновой. Вотъ эта записъ:

„Я много говорила съ Пушкинымъ... Онъ рассказывалъ мнѣ о своихъ планахъ. Въ 1828 году онъ собирался ѣхать въ Парижъ и даже написалъ объ этомъ Катону (графу Бенкендорфу). Потомъ онъ хотѣлъ поѣхать въ дунайскую армію; затѣмъ въ 1829 году онъ отправился въ кавказскую армію и, наконецъ, собирался въ Китай. Я спросила его: неужели для его счастья необходимо видѣть фарфоровую башню и Великую стѣну? Что за идея ѣхать смотрѣть китайскихъ божковъ? Онъ увѣрилъ меня, что мечтаетъ объ этомъ съ тѣхъ поръ, какъ прочелъ „Китайскаго сироту“, въ которомъ нѣтъ ничего китайскаго; ему хотѣлось бы написать китайскую драму,

чтобы досадить тѣни Вольтера“ („Записки Смирновой“ I, 45). Тонъ, какимъ Пушкинъ говорилъ о драмѣ изъ китайской жизни, могъ бы дать поводъ думать, что поэтъ шутилъ, но изъ одьнадцатой строфы „Осени“ видно, однако, что Пушкинъ дѣйствительно обдумывалъ въ Болдинѣ каксе то поэтическое произведение, въ которомъ должны были играть роль Согдыханы, и что мысль объ этомъ произведеніи явилась у него задолго до осени 1830 года.

Почему Пушкинъ зачеркнулъ одиннадцатую строфу? Вѣроятно, онъ не хотѣлъ посвящать публику въ тайны своихъ художественныхъ замысловъ и давать предлогъ къ ожиданіямъ, надеждамъ и требованіямъ, за исполненіе которыхъ онъ не могъ ручаться. Поэтъ хотѣлъ избѣжать докучныхъ вопросовъ, что именно онъ думаетъ писать о богдыханахъ и корсарахъ, о карликахъ, арапскихъ царяхъ и т. д. Известно, какъ тяготился Пушкинъ такого рода вопросами. Въ прозаическомъ отрывкѣ 1835 года, начинающемся словами: „несмотря на великія преимущества, коими пользуются наши стихотворцы“, онъ писалъ: „Зло, самое горькое, самое нестерпимое

для стихотворца, есть его званіе, прозвище, коимъ онъ заклеменъ и которое никогда не покидаетъ. Публика смотритъ на него, какъ на свою собственность, считаетъ себя въ правѣ требовать отъ него отчета въ малѣйшемъ шагѣ. По ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея удовольствія и дышетъ для того только, чтобъ подбирать рѣшмы. Требуютъ ли обстоятельства присутствія его въ деревнѣ — при возвращеніи его, первый встрѣчный спрашиваетъ его: не привезли ли вы намъ чего-нибудь новаго? и т. д. Поэтъ боялся, что одиннадцатая строфа „Осени“ не дастъ ему покоя отъ нескромно любопытныхъ вопросовъ, и онъ зачеркнулъ ее, не предвидя того, что „Осень“ останется неоконченной и появится только послѣ его смерти.

Одиннадцатая строфа „Осени“ замыкаетъ къ числу тѣхъ стихотвореній, въ которыхъ говоритъ Пушкинъ о себѣ, какъ о поэтѣ. Она является какъ бы дополненіемъ и комментариемъ „Эха“ и всего болѣе напоминаетъ заключительные стихи посланія къ Императору Николаю I: „Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ...“

. . . . . „Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой,

ХVII.

„Р О Д Р И Г Ъ“.

Родригъ Пушкина — тотъ самый несчастный король, о которомъ въ 26-й главѣ II тома „Донъ Кихота“ владѣлецъ маріонеточнаго театра Педро говоритъ: „У меня теперь ничего не осталось, и я могу воскликнуть вмѣстѣ съ королемъ Родригомъ: вчера я былъ властелиномъ всей Испаніи, а сегодня не имѣю ни одной сойницы“. Паденіе монархіи Родрига или, собственно, Родерика, и его гибель составляютъ одинъ изъ самыхъ главныхъ поворотныхъ пунктовъ исторіи Испаніи, ибо имѣли своимъ послѣдствіемъ подчиненіе ея маврамъ.

Въ концѣ VII вѣка правитель Сѣверной Африки, входившей въ составъ Багдадскаго калифата, Муза-Ибнъ-Носаиръ, распространилъ свою власть до б. береговъ океана и Средиземнаго моря. Только Сеута оставалась отъ него независимой и по прежнему почитала себя владѣніемъ византійскаго императора, который, одна-

ко, не могъ по дальности разстоянія оказать ей помощи, что и побудило графа Юліана, сеутскаго губернатора, войти въ тѣсныя сношенія съ Испаніей. Въ Испаніи въ то время владычествовали вестготы съ королемъ Родерикомъ во главѣ, возведеннымъ грандами на престолю помимо сыновей и братьевъ короля Витицы, считашихъ себя естественными преемниками короны. Желая дать своэй дочери возможно лучшее образованіе, Юліанъ отправилъ ее къ Толедскому двору; здѣсь она имѣла несчастье понравиться Родерикю, была обольщена и брошена имъ. Юліанъ сдѣлался заклятымъ врагомъ Родерика и убѣдилъ Музу предпринять завоеваніе Испаніи, причемъ предоставилъ въ его распоряженіе и сеутскіе корабли, и всѣ свои силы. Муза поручилъ осуществленіе задуманнаго дѣла одному изъ своихъ подчиненныхъ, Тарикю. У Тарика было всего 12 тысячъ человѣкъ, когда онъ сталъ лицомъ къ лицу съ несравненно болѣе многочисленнымъ войскомъ Родерика, поставившаго судьбу своего государства на карту одной рѣшительной битвы. Вѣроятно, Родерикъ не сомнѣвался въ побѣдѣ, упустивъ изъ виду, что ему угрожала гибельная измѣна. Желая собрать какъ

можно больше народа подъ своими знаменами, Родерикъ имѣлъ неосторожность обратиться къ содѣйствию приверженцевъ Витицы и даже къ его сыновьямъ и братьямъ. Желая расположить ихъ въ свою пользу, онъ сдѣлалъ ихъ начальниками своего войска, они же вошли между собой въ тайное соглашеніе поубить его, оставивъ на произволъ судьбы въ рѣшительную минуту. Они были далеки отъ намѣренія предать свою родину варварійцамъ, ибо думали, что арабы ворвались въ Испанію единственно съ цѣлью обогатиться добычей и что, удовлетворивъ свою элчность, возвратятся обратно въ Африку. Цѣлью измѣны было низложеніе Родрика съ престола, такъ какъ ему, конечно, не удалось бы усидѣть на немъ въ случаѣ пораженія. Битва Тарика съ Родерикомъ произошла при рѣкѣ Вади-Беккѣ, близъ Хереса, 19 іюля 711 года. Этотъ день долго оплакивался испанцами, какъ несчаствѣйшій въ ихъ исторіи. Оба крыла войска Родерика были подъ начальствомъ сыновей Витицы, состояли изъ ихъ крестьянъ и обратились въ бѣгство при первомъ натискѣ арабовъ. Защищался только центръ, которымъ командовалъ самъ Родерикъ, но и онъ,

32*

наконецъ, дрогнулъ, и тогда мусульмане произвели страшную рѣзню. Какая участь постигла при этомъ Родерика, въ точности неизвѣстно. Въ Акберъ-Маджидъ, въ манускриптѣ, представляющемъ собраніе древнихъ памятниковъ испанско-арабской литературы, сообщается по по. оду Родрига вотъ что: „Магометане отыскали только его бѣдную лошадь, которая завязла и на которой было парчевое сѣдло, украшенное рубинами и изумрудами; они нашли также его мантилію, вытканную золотомъ съ перлами и рубинами; вѣрно также и то, что король завязъ въ трясинѣ и что, стараясь выбраться оттуда, онъ оставилъ тамъ одинъ изъ своихъ башмаковъ; но все-же, такъ какъ о немъ никто ничего не слышалъ и его не нашли ни живого, ни мертвого, то его послѣдняя судьба остается извѣстна одному Аллаху“.

Разбивъ Родерика, Тарикъ не удалился во свояси, а овладѣлъ всей Испаніей и обратилъ ее въ провинцію Багдадскаго калифата. Независимость сохранили лишь немногіе изъ христіанъ, основавшіе въ горахъ Астуріи и Галиціи Ліонское королевство, во главѣ съ избраннымъ ими королемъ Пезайо, и въ Наваррѣ королевство На-

варское, съ христіанскимъ государемъ Петромъ во главѣ. Въ этихъ то двухъ королевствахъ и поддерживалась мысль о политическомъ возрожденіи Испаніи и о ниспроверженіи владычества мавровъ (Исторія среднихъ вѣковъ М. Стасюлевича, I, стр. 368, 381—382 и 388—389).

Имя Родерика очень популярно въ Испаніи: онъ воспѣвается въ испанскихъ романсахъ и является героемъ извѣстной романической хроники, чего-то въ родѣ рыцарскаго романа, написанной въ XVI вѣкѣ и, по всей вѣроятности, принадлежащей перу одного изъ приближенныхъ Альфонса Католическаго. Извѣстный англійскій поэтъ Соути, прекрасно знавшій испанскую литературу и посвятившій ей цѣлый рядъ статей, написалъ большую поэму подъ заглавіемъ „Родерикъ, послѣдній изъ Готовъ“ Roderic, the Last of the Goths. (О Родерикѣ, какъ о героѣ старой испанской литературы и о поэмѣ Соути, см. „Исторія испанской литературы“ Тикнора, пер. Н. И. Стороженка, I, стр. 3, 5 и 176—180). „Родерикъ“ Соути былъ, по всей вѣроятности, извѣстенъ Пушкину такъ же, какъ и Жуковскому, въ черно-ыхъ бумагахъ котораго, относящихся къ

20-мъ и къ началу 30-хъ годовъ, сохранился неоконченный набросокъ, озаглавленный „Родригъ“. Въ Отчетѣ Императорской Публичной библіотеки за 1884 годъ напечатано его начало (стр. 89):

Уже давно готовилоя небо
Испанію преступную сразить—
Исполнилась его терпѣнья мѣра!
Графъ Юліанъ призвалъ враговъ. Не
авѣрство
Терзающихъ невинность суевѣровъ
Не тяжкая неволя согражданъ,
Но злоба личная вооружила
Жестокаго барона: мстя Родригу
За дочь свою, поруганную имъ,
Отверженецъ Христа ожесточенный,
Въ недобрый часъ призвалъ онъ хит-
рыхъ мавровъ.

Стихотвореніе Пушкина, посвященное Родригу, написано въ стилѣ испанскихъ романсовъ (о нихъ см. Тикнора I, 6-ая и 7-ая главы). Оно осталось неоконченнымъ; тѣ части его, въ которыхъ говорится объ отношеніяхъ Родрига къ Юліану, о вторженіи мавровъ, о роковой для Родрига битвѣ и объ его пресѣваніи въ пещерѣ отшельника, трупъ котораго онъ предалъ погребенію, не заключаютъ въ себѣ ничего загадочнаго, но этого нельзя сказать о послѣднихъ куплетахъ стихотворенія, повѣствующихъ о вѣщемъ снѣ короля, искушаемаго и смущаемаго бѣсами.

Онъ въ уныніи провоидеть
 Дни и ночи недвижимъ,
 Устремивъ глаза на море,
 Поминая старину.

Но отшельникъ, чьи останки
 Онъ усердно скоронилъ,
 За него передъ Всевышнимъ
 Заступился въ небесахъ.

Въ сновидѣнннхъ благодатномъ
 Онъ явился королю,
 Бѣлой ризою одѣянъ
 И сияемъ окруженъ

И король, объятый страхомъ,
 Ницъ повергся передъ нимъ,
 И вѣщаль ему угодникъ:
 Встань—и міру вновь явись.

Ты вѣнецъ утратилъ царскій;
 Но Господь рукъ твоей
 Дася побѣду надъ врагами,
 А душѣ твоей покой.

Пробудясь, Господню волю
 Сердцемъ онъ уразумѣлъ,
 И, съ пустыней разставаясь,
 Въ путь отправился король..

Куда отправился король, изъ дошедшаго до насъ начала романа „На Испанію родную“, не видно. Во всякомъ случаѣ, трудно допустить, чтобы Родригъ вновь явился міру въ качествѣ вождя или монарха. Предвѣщая ему побѣду надъ врагами, св. старецъ разумѣлъ, вѣроятно, не мав-

ровъ и не измѣнниковъ, сводившихъ, съ Родригомъ свои личные счеты, я его грѣховные помыслы и пагубныя внушенія діавола. На это указываетъ неотдѣланное продолженіе „Родрига“ написанное вскорѣ послѣ него (въ 1832 г.),—продолженіе, содержащее въ себѣ разсказъ короля о томъ самомъ снѣ, о которомъ упоминается въ романсѣ.

Чудный сонъ мнѣ Богъ послалъ:
 Въ ризѣ бѣ ой предо мною
 Старецъ нѣкій предстоялъ
 Съ длинной бѣлой бородой
 И меня благословлялъ.

Онъ сказалъ мнѣ: „будь покоенъ;
 Скоро, скоро удостоенъ
 Будешь царствія небесъ.
 Скоро странствію земному
 Твоему придетъ конецъ.“

Ужъ готовить ангель смерти
 Для тебя святой вѣщецъ...
 Путникъ ляжетъ на ночлегѣ,
 Въ пристань плаватель войдетъ;
 Отрѣшишь воловъ отъ плуга
 На послѣдней бороздѣ“.

Такимъ образомъ, отшельникъ предрекъ Родригу прощеніе грѣховъ и столь желанную для короля мирную кончину. Изъ этого видно, что поэтъ думалъ закончить свое повѣствованіе о Родригѣ разсказомъ объ его

смерти. „На Испанію родную“ предполагалось сдѣлать лишь первую часть этого повѣствованія. Ея программу Пушкинъ набросалъ въ слѣдующихъ словахъ: „Родригъ спасается въ пещерѣ одинъ. Его сны. Испушенія“. Все, что написалъ Пушкинъ о Родригѣ, наводитъ на мысль, что онъ хотѣлъ воспроизвести въ яркихъ образахъ его послѣдніе дни. Какими-же именно чертами поразила Пушкина смерть Родрига? Надо думать, что она поразила его тѣмъ своеобразно-этическимъ ореоломъ, которымъ оружила ее испанская фантазія. По всей вѣроятности, Пушкинъ предполагалъ закончить „Родрига“ такъ, какъ заканчивается его жизнь въ одномъ изъ старыхъ испанскихъ романсовъ, съ которымъ познакомилъ русскую публику еще авторъ „Писемъ объ Испаніи“, В. П. Боткинъ.

„Нападеніе арабовъ на Испанію, говоритъ Боткинъ: связано въ старыхъ испанскихъ романахъ съ событіемъ, исполненнымъ большого драматизма. Готскій король Ричардъ влюбился въ Каву, дочь графа Юліана (Julian), одного изъ своихъ вельможъ, властвовавшего въ Тарифѣ (въ теперешнемъ Гибралтарѣ). Напрасно уклонялась Кава!..

„Родригъ, овладѣлъ ею, возненавидѣлъ ее и бросилъ. Графъ Юліанъ, въ жаждѣ отмщенія Родригу, призвалъ арабовъ на Испанію.

— Я выбралъ бы, восклицаетъ старый графъ:—Богу то извѣстно, я выбралъ бы, если бы я могъ выбрать, другое мщеніе, не столь ужасное и кровавое; но ни какое другое мщеніе мнѣ невозможно. Пусть же либіецъ (африканецъ) вторгнется чрезъ Тарифу, пусть опустошитъ і се и умерщвляетъ всѣхъ даже въ моей области и земляхъ моихъ; жребій брошенъ: что мнѣ до того—гибеленъ онъ мнѣ или нѣтъ! Кость катится по столу,—никто не помѣшаетъ катиться ей.

„И вотъ, уже въ Сеутѣ, донъ Юліанъ, хочеть онъ отпечатать посланіе; старый мавръ писалъ его, графъ диктовалъ, и когда кончилъ мавръ писать, графъ усиль его. То посланіе горе, горе для всей Испаніи: то письмо къ маврскоу царю, въ которомъ графъ заклиналъ его, что если дастъ онъ ему все, что нужно,—Юліанъ дастъ ему за это Испанію... Испанія, Испанія, горе тебѣ! Такъ въ мірѣ величаемая, лучшая изъ странъ, лучшая и самая любезная“ и проч.

„Въ шестнадцати романсахъ разсказывается это сѣдствіе, постигшее Ис-

панію. Старый романсего, то сочувствуетъ горю Юліана, то дѣлаетъ ему горькіе упрёки! „О, измѣнникъ графъ Юліанъ! чѣмъ же оскорбило тебя твоё отечество?“ То, обращаясь къ королю Родриго, говоритъ: „обратите очи свои, Родригъ, обратите ихъ на свою Испанію; посмотрите, какъ опустошаетъ ее ваша любовь къ Кавъ. Посмотрите на кровь, проливаемую вашими воинами въ битвѣ: то мечь невинной крови, пролитой вами...“ и проч. Наконецъ, описываетъ роковую битву, поражение Родрига, скорбитъ о немъ, забываетъ его вину, при видѣ столь великаго несчастья; нѣтъ у него другихъ словъ, кромѣ словъ нѣжнаго состраданія и участія. Особенно замѣчательнъ послѣдній романсъ о смерти Родрига. Разбитый при Хересѣ, онъ бѣжитъ раненый въ горы и, скитаясь тамъ, находитъ хижину отшельника. Раскаиваясь о грѣхахъ своихъ, проситъ онъ отшельника указать ему путь ко спасенію души. Отшельникъ, помолясь, говоритъ, что долженъ Родригъ лечь со змѣею въ яму, и если змѣя ужалитъ его, то это будетъ знакомъ помилованья Божія. Три дня лежитъ въ ямѣ донъ-Родригъ, и змѣя не жалитъ; усерднѣе молится отшельникъ; наконецъ, на

четвертый день приходит онъ по-смотреть на Родрига. „Господь помиловалъ меня—говорить ему Родригъ—змѣя ужалила меня, ужалила“... (Письма объ Испаніи, изд. IV-ое, стр. 169—170).

Вотъ, судя по всему, къ какой развязкѣ велъ Пушкинъ своего „Родрига“. Эпизодъ со змѣею, носящій отпечатокъ чисто испанской фантазіи и чисто испанскаго средневѣковаго римско-католическаго подвижничества, не могъ не поразить Пушкина своею мрачною красотою, напоминающею жестокіе сюжеты картинъ Рибейры и его суровую кисть.

ХУІІІ.

„Исторія села Горохина“.

Въ „Замѣткахъ о Пушкинѣ“ Страхова многое вѣрно подмѣчено и мастерски выражено, но въ нихъ встрѣчается одна пародоксальная мысль, которая уже успѣла получить широкое распространеніе и повторяется, какъ одинъ изъ наиболѣе устойчивыхъ выводовъ критики. Мы говоримъ о мнѣніи, въ силу котораго „Исторія села Горохина“ разсматривается, какъ пародія на „Исторію государства Россійскаго“ Карамзина.

„Самая замѣчательная пародія Пушкина, говорятъ Страховъ: есть *Летопись села Горохина*, въ которой онъ пародировалъ первыя главы *Исторіи Государства Россійскаго*. Ложный тонъ Карамзина здѣсь разоблаченъ совершенно, притомъ не вообще, а съ точнымъ указаніемъ истинныхъ свойствъ предмета, по отношенію къ которому этотъ тонъ ложень. Черты русской жизни, намѣченныя здѣсь Пушкинымъ, истинно драгоцѣнны—и стояли-бы по-

дробнаго разбора (положимъ, напримеръ, такъ называемыя крѣпостныя отношенія); ибо вѣрность этихъ чертъ и правдивость ихъ извѣщенія поразительны“.

„*Лѣтопись села Горохина*, говоритъ Страховъ въ другомъ мѣстѣ, писана языкомъ Карамзинской „Исторіи“, этимъ знаменитымъ слогомъ, въ которомъ русская проза впервые зазвучала нѣсколько искусственною и монотонною, но ясною мелодіею. Расположеніе пародіи напоминаетъ первый томъ „Исторіи Государства Россійскаго“. Вступленіе соотвѣтствуетъ предисловію. Отъ стиховъ и повѣстей Бѣлкинъ, подобно Карамзину, перешелъ къ исторіи, и перешелъ съ тѣми-же чувствами. „Мысль“ — пишетъ Бѣлкинъ — „оставить мелочные и сомнительные анекдоты для повѣствованія великихъ и истинныхъ происшествій давно тревожила мое воображеніе“. Такъ смотрѣлъ и Карамзинъ. „И вымыслы нравятся“ — говорилъ онъ — „но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина“ (Предисл. X). Взглядъ на значеніе исторіи у обоихъ совершенно одинаковъ. „Быть судіею, наблюдателемъ и пророкомъ вѣковъ и народовъ казалось мнѣ высшею сте-

пенью, доступной для писателя*. Такъ пишетъ Бѣлкинъ, и такъ-же начинаетъ Карамзинъ: „Исторія есть сгященная книга народовъ, главная, необходимая; зеркало ихъ (ытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правиль“ и пр.

За вступленіемъ слѣдуютъ *списокъ источниковъ*, какъ и у Карамзина; затѣмъ „Баснословныя Времена“, соотвѣтствующія первой главѣ, и „Времена Историческія“, соотвѣтствующія третьей главѣ перваго тома „Исторіи Государства Россійскаго“.

Всего яснѣе параллелиность двухъ послѣднихъ частей. Карамзинъ всячески восхваляетъ древнихъ славянъ; тѣмъ-же хвалебнымъ тономъ пишетъ Бѣлкинъ о своихъ горохинцахъ.

Карамзинъ: „Славяне имѣли въ странѣ своей истинное богатство людей: тучные луга для скотоводства, и земли плодородныя для хлѣ'опашества, въ которомъ издревле упражнялись“.

Бѣлкинъ: „Издревле Горохино славилось своимъ плодородіемъ и благо-раствореннымъ клиатомъ. На тучныхъ его нивахъ рожь, овесъ, ячмень и гречиха“.

Карамзинъ: „Греки, осуждая нечистоту славянъ, хвалятъ ихъ стѣрой-

ность, высокій ростъ и мужественную пріятность лица. Загарая отъ жаркихъ лучей солнца, они казались смуглыми, и всѣ безъ исключенія были русые*.

Бѣлкинъ: „Обитатели Горохина, большею частію, роста средняго сложенія крѣпкаго и мужественнаго; глаза ихъ сѣрые, волосы русые или рыжіе“.

Карамзинъ: „Поляне были образованнѣе другихъ“. „Древніе славяне въ низкихъ хижинахъ своихъ умѣли наслаждаться дѣйствіемъ такъ называемыхъ Искусствъ Изящныхъ“. „Волынка, гудокъ и дудка были также извѣстны предкамъ нашимъ: иго всѣ народы славянскіе донынѣ любятъ ихъ“.

Бѣлкинъ: „Музыка была всегда любимое искусство образованныхъ горохинцевъ: балалайка и волынка, услаждая чувства и сердце, понынѣ раздаются въ ихъ жилищахъ, особенно въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ елкою“.

Но еще сильнѣе, чѣмъ въ отдѣльныхъ чертахъ въ общемъ тонѣ „Лѣтописи села Горохина“ чувствуется удивительно-схваченная манера Карамзина; перечитывая потомъ первый томъ „Исторіи“, нельзя не чувство-

вать глубокой фальши, въ которую впалъ Карамзинъ, рѣзкаго, и потому смѣшнаго противорѣчія между предметомъ и изложеніемъ.

Итакъ, вотъ что сдѣлалъ Пушкинъ. Онъ позволилъ себѣ лукавую и веселую дерзость..... Онъ рѣшился подсмѣяться надъ нашими лѣтописями (?) и надъ великимъ трудомъ Карамзина, безъ сомнѣнія, величайшимъ произведеніемъ русской литературы до Пушкина*.

Страховъ вѣрно опредѣляетъ значеніе „Исторіи села Горохина“, называя ее гениальнымъ опытомъ. Но съ нимъ никакъ нельзя согласиться, что „Исторія села Горохина“ писалась съ цѣлью разоблачить ложный тонъ Карамзина и глубокую фальшь его манеры и подшутить не только надъ слогомъ „Исторіи государства Россійскаго“, но отчасти, и надъ ея планомъ и содержаніемъ. Что касается до сродства „Исторіи села Горохина“ съ нашими лѣтописями, то о немъ не можетъ быть и рѣчи. Страховъ упоминаетъ о немъ вскользь, не подкрѣпляя своей параллели никакими доводами. Вѣроятно, его ввело въ заблужденіе названіе „Лѣтопись“, произвольно данное издателями по-

смертнаго собранія сочиненій Пушкина „Исторіи села Горохина“.

Кому не извѣстно, что Пушкинъ относился съ величайшимъ уваженіемъ къ Карамзину и чтить его не только, какъ писателя, но и какъ человека? Онъ посвятилъ „драгоценной для россиянь памяти Николая Михайловича Карамзина“ „съ благоговѣніемъ и благодарностью“ своего „Бориса Годунова“, какъ „трудъ гениемъ его вдохновенный“. Въ „Автобіографическихъ наброскахъ“ Пушкина, относящихся къ 1825 и 1826 годамъ, а также въ его „Отрывкахъ изъ писемъ, мыслей и замѣчаній“, написанныхъ въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ, можно найти цѣлый рядъ мѣстъ, которыя доказываютъ, что Пушкина глубоко возмущало легкое и скептическое отношеніе къ Карамзину, какъ автору „Исторіи государства Россійскаго“. Вспоминая появленіе ея первыхъ восьми томовъ, Пушкинъ говорилъ: „Я прочелъ ихъ въ своей постели (во время выздоровленія) съ жадностью и со вниманіемъ... Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ от-

крытіемъ. Древняя исторія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили. Когда по моемъ выздоровленіи, я снова явился въ свѣтъ, толки были во всей силѣ. Признаюсь, они были въ состояніи отучить всякаго отъ охоты къ сла- вѣ“... „У насъ никто не въ состояніи изслѣдовать огромное созданіе Карамзина, за то никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему нѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. Ноты Русской Исторіи свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно оконченъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію“... „Исторія государства Россійскаго“ есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ великаго человѣка“. Когда Карамзинъ умеръ, Пушкинъ писалъ князю Вяземскому: „Коротенькое письмо твое огорчило меня по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, что ты называешь моими эпиграммами противъ Карамзина? Довольно и одной, написанной мною въ та-

кое время, когда Карамзинъ меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе, и сердечную къ нему приверженность. До сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить. Моя эпитаграмма остра и ни чуть не обидна, а другія, сколько знаю, глупы и бѣшены. Ужели ты мнѣ ихъ приписываешь? Читая въ журналахъ статьи о смерти Карамзина, бѣшусь, какъ они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесетъ достойной дани его памяти! Отечество въ правѣ отъ тебя того требовать. Напиши намъ его жизнь: это будетъ 13-й томъ Русской Исторіи. Карамзинъ принадлежитъ исторіи. Но скажи все...“

Можно ли допустить, чтобы нѣсколько лѣтъ спустя послѣ только что приведеннаго письма къ князю Вяземскому и за годъ до появленія въ печати „Бориса Годунова“ съ посвященіемъ его Карамзину, написаннымъ осенью 1830 года (см. письмо Пушкина къ Плетневу отъ 28 октября 1830 года), тогда, именно, когда писалась „Исторія села Горохина“, — Пушкинъ задумалъ каррикатурить „Исторію“ Карамзина, уваженіе къ памяти котораго у него не уменьшалась, а возрастало съ каждымъ годомъ все

болѣе и болѣе? Пушкинъ, конечно, прекрасно видѣлъ слабыя стороны „Исторіи государства Россійскаго“ и былъ далекъ отъ мысли считать Карамзина такимъ живописцемъ и истолкователемъ нашего прошлаго, дальше котораго некуда и не зачѣмъ идти. Но онъ довершалъ дѣло Карамзина и устанавливалъ вѣрный тонъ для воспроизведенія русской старины не въ пародіяхъ на Карамзина, а въ „Борисѣ Годуновѣ“, въ „Арапѣ Петра Великаго“, въ „Рославлевѣ“, въ „Капитанской дочкѣ“ и, наконецъ, въ „Исторіи Пугачевского бунта“. Смѣло можно сказать, и даже безъ провѣрки доказательствъ Страхова, что Пушкинъ не думалъ о Карамзинѣ, когда писалъ „Исторію села Горохина“. Обратимся, однако, къ этимъ доказательствамъ и посмотримъ, на сколько они убѣдительны.

Усматривая въ „Исторіи села Горохина“ пародію на „Исторію государства Россійскаго“, Страховъ дѣлаетъ сближеніе между языкомъ, планомъ, параллельными мѣстами и общимъ тономъ Бѣлкина и Карамзина. Но сближенія эти отнюдь не подтверждаютъ выводовъ Страхова.

„Вступленіе (Бѣлкина), замѣчаетъ Страховъ: соотвѣтствуютъ предисловію“ (Карамзина). Что можетъ быть произвольнѣе установленія сродства двухъ литературныхъ произведеній на основаніи такихъ шаткихъ данныхъ? Книгамъ, имѣющимъ предисловія и вступленія, не было и нѣтъ счета, и, если „Исторія села Горохина“ снабжена вступленіемъ, то это вовсе не значитъ, что оно было предназначено каррикатурить предисловіе къ „Исторіи государства Россійскаго“. „Отъ стиховъ и повѣстей, продолжаетъ Страховъ: Бѣлкинъ, подобно Карамзину, перешелъ къ исторіи и перешелъ съ тѣми же чувствами“. Пушкинъ счелъ бы оскорбленіемъ памяти Карамзина сопоставленіе его блестящей литературной дѣятельности, имѣвшей такое важное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія, съ писательскими потугами самоучки Бѣлкина и, ужъ конечно, не видѣлъ ничего общаго между чувствами, побудившими Карамзина написать „Исторію государства Россійскаго“, и чувствами, натолкнувшими Бѣлкина на мысль написать „Исторію села Горохина“. Карамзинъ руководился возвышеннымъ и сознательнымъ патріотизмомъ истиннаго

гражданина и мыслителя, направляемаго давно сказавшимся призваніемъ и тщательной подготовкою, а Бѣлкинъ—наивнымъ желаніемъ заявить себя на литературномъ поприщѣ, бездѣльемъ, невинной страстишкой къ литературничанью, инстинктивной любовью къ своей родовой вотчинѣ и желаніемъ чѣмъ нибудь наполнить праздное время. Между вступленіемъ Бѣлкина и предисловіемъ Карамзина нѣтъ ничего общаго такъ же, какъ и между отрывками изъ Бѣлкина и Карамзина, которые приводитъ Страховъ. „Взглядъ на значеніе исторіи, по мнѣнію Страхова, у обоихъ совершенно одинаковъ“. Взглядъ Карамзина на значеніе исторіи, въ общихъ чертахъ и съ нѣкоторыми поправками, навсегда останется достояніемъ науки, ибо въ немъ отразилось не только міросозерцаніе Карамзина, но и сказались воззрѣнія лучшихъ западно-европейскихъ историковъ. Что же касается до „взгляда“ Бѣлкина, то въ его витіеватыхъ и простодушно-риторическихъ фразахъ нѣтъ ничего, кромѣ ребяческаго отношенія къ наукѣ. Списокъ источниковъ, который приводитъ Бѣлкинъ, столь же мало указываетъ на стремленіе Пушкина „пародировать“ Карамзина, какъ

и вступленіе въ „Исторію села Горохина“. Развъ списокъ источниковъ находится въ началѣ только „Исторіи государства Россійскаго“? Списокъ источниковъ предшествуетъ и многимъ другимъ историческимъ сочиненіямъ, напечатаннымъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ и въ началѣ XIX столѣтія. Трудно понять дальѣе, почему думалъ Страховъ, что „Баснословныя времена“ „Исторіи села Горохина“ соответствовали первой, а „Историческія времена“ — третьей главѣ „Исторіи государства Россійскаго“. — Страховъ подчеркиваетъ хвалебный тонъ, какимъ говоритъ Карамзинъ о древнихъ славянахъ, а Вѣлкинъ — о горохинцахъ. Но Карамзинъ говоритъ о славянахъ не хвалебнымъ тономъ, а такимъ, какимъ и подобаешь говорить о великой и многочисленной расѣ, имѣвшей громадное историческое значеніе. Такимъ тономъ, какимъ писалъ Карамзинъ о древнихъ славянахъ, писали и пишутъ о нихъ всѣ лучшіе современные историки, хотя они и не прибѣгаютъ при этомъ къ риторическимъ и приподнятымъ оборотамъ карамзинской рѣчи, которые, разумѣется, нельзя смѣшивать съ панегирическимъ отношеніемъ къ предмету. Страховъ

ищетъ подтвержденія своей точки зрѣнія на „Исторію села Горохина“ въ цѣломъ рядѣ выписокъ изъ нея и изъ „Исторіи“ Карамзина. Но и эти выписки ничего не доказываютъ: дѣлая характеристику горохинцевъ, Бѣлкинъ немануемо долженъ былъ отмѣтить нѣкоторыя изъ тѣхъ чертъ, которыя принадлежали и принадлежатъ славянамъ. Такія же сближенія, какія сдѣлалъ Страховъ между „параллельными мѣстами“ „Исторіи села Горохина“ и „Исторіи“ Карамзина, легко можно сдѣлать между „Исторіей села Горохина“ и любымъ сочиненіемъ по русской исторіи. Возьмемъ, на примѣръ, „Исторію русскаго народа“ Полевого.

Полевой: „Въ VI вѣкѣ западные писатели описывали славянъ народомъ, уже имѣвшимъ постоянныя жилища, но живущимъ грубо, неопрятно, любящимъ личную независимость... Славяне, говорятъ тѣ же писатели, великорослы, сильны, загорѣлые отъ солнца, всѣ русые и даже рыжіе“.

Бѣлкинъ: „Обитатели Горохина, большею частію, роста средняго, сложенія крѣпкаго и мужественаго; глаза ихъ сѣрые, волосы русые или рыжіе“.

Въ этихъ двухъ выпискахъ, какъ видимъ, гораздо больше „параллельности“, чѣмъ въ соответственныхъ выпискахъ, приводимыхъ Страховымъ. Карамзинъ не упоминаетъ о рыжихъ славянахъ, Полевой же говоритъ, что они были „всѣ русые и даже рыжіе“, а Бѣлкинъ почти то же самое замѣчаетъ о горохинцахъ.

Приведя то, что говоритъ Бѣлкинъ о музыкальныхъ наклонностяхъ горохинцевъ, Страховъ ссылается на слова Карамзина о духовыхъ инструментахъ древнихъ славянъ. А вотъ что говоритъ Полевой объ ихъ развлеченіяхъ:

„Не зная подробно первобытныхъ гражданскихъ установленій и законовъ славянскихъ, мы также не имѣемъ никакихъ памятниковъ ихъ увеселеній, забавъ, пѣсней, которыми, какъ говорятъ намъ греки, славяне любили увеселять себя, играя на струнныхъ инструментахъ“.—

Бѣлкинъ: „Женщины, сверхъ домашнихъ работъ, раздѣляютъ съ мужчинами большую часть ихъ трудовъ и не уступятъ имъ въ отважности. Рѣдкій изъ нихъ соится старости“.

Полевой: „Славянки дѣлили труды, занятія и походы съ своими мужьями“.

Бѣлкинъ: „Мысль о золотомъ вѣкѣ сродна всѣмъ народамъ и доказываетъ только, что люди никогда не дозволены настоящимъ и, по опыту имѣя мало надежды на будущее, украшаютъ невозвратимое минувшее всѣми цвѣтами своего воображенія*.

А вотъ что говоритъ Полевой въ предисловіи къ „Исторіи русскаго народа“ о перво-бытномъ, поэтическомъ направленіи исторіи: „Прошедшее представлялось людямъ въ образахъ темныхъ, пролетавшихъ по горящему полю ихъ юнаго воображенія. Человѣкъ былъ не въ состояніи обманываться существованностью, всегда бѣдною, если поэзія не облачаетъ ее въ свѣтлыя свои облака, если умъ не пронизываетъ ее животворными лучами философіи. Онъ желалъ возвысить себя хотя въ прошедшемъ, желалъ озолотить прошедшее, сводилъ небо на землю, обоготворялъ людей, велъ родъ свой отъ нихъ и создавалъ для себя небывалыя мечты о золотомъ вѣкѣ, о царствѣ боговъ**.

Вообще, если стать на точку зрѣнія Страхова и смотрѣть на „Исторію се-

---

* См. *Исторію русскаго народа* Николая Полевого Москва, 1829, т. I, стр. XV, 65 и 68.

да Горехина*, какъ на пародію, то надо будетъ прійти къ заключенію, что Пушкинъ „пародировалъ“ не Карамзина, а Полезаго съ его диллетанскимъ увлеченіемъ Нибуромъ, Гизо и Терри, Каченовскаго съ его дешевымъ историческимъ скептизмомъ, нѣкоторыхъ изъ нашихъ доморощенныхъ историковъ конца XVIII и начала XIX вѣка и нѣкоторыхъ безталанныхъ журнальныхъ критиковъ своего времени.

Пушкинъ былъ невысокаго мнѣнія объ „Исторіи русскаго народа“ Полевого и объ его новаторскихъ стремленіяхъ. Онъ иронически относился и къ посвященію „Исторіи русскаго народа“ Нибуру, къ самонадѣянному тону Полевого, и къ его развязному отношенію къ памяти Карамзина. Пушкинъ упрекалъ Полевого въ темнотѣ, изысканномъ изложеніи, противорѣчяхъ и многословіи. „Искусство писать до такой степени чуждо ему, читаемъ мы въ замѣткахъ Пушкина объ *Исторіи русскаго народа*: что его картины, мысли и слова, все обезображено, перепутано и затемнено“. „Г-нъ Полевой, говоритъ Пушкинъ: сильно почувствовалъ достоинства Баранта и Тьерри, и принялъ ихъ образъ мнѣній съ неограничен-

нымъ энтузіазмомъ молодого неофита. Плънясь романическою живостію истины, выведенной передъ нами въ просто-душной наготѣ лѣтописи, онъ фанатически отвергнулъ существованіе всякой другой исторіи. Судимъ не по словамъ г-на Полевого, ибо изъ нихъ невозможно вывести никакого положительнаго заключенія; но основываемся на самомъ духѣ, въ которомъ вообще писана „Исторія русскаго народа“, на стараніи г-на Полевого сохранить драгоценныя краски старины и частыхъ его заимствованій у лѣтописей. Но желаніе отличиться отъ Карамзина слишкомъ явно въ г-нѣ Полевомъ, и какъ заглавіе его книги есть не что иное, какъ пустая пародія заглавія „Исторія Государства Россійскаго“, такъ разсказъ г-на Полевого слишкомъ часто не что иное, какъ пародія разсказа исторіографа“. Въ одной изъ своихъ „Дѣтскихъ Сказочекъ“ Пушкинъ уподоблялъ Полевого неглупому, но слишкомъ вѣтренному и заносчивому мальчику, который ничему не хотѣлъ порядочно учиться, прослылъ поэтому невѣждою и сдѣлался предметомъ насмѣшекъ для товарищей. И разборъ „Исторія русскаго народа“, и „Дѣтскія сказочки“ Пушкинъ написалъ въ 1830 году, т.

е. въ томъ самомъ году, когда имъ была написана и „Исторія села Горохина“. Очень можетъ быть, что она была задумана подъ впечатлѣніемъ главнаго сочиненія Полевого, которое Пушкинъ, въ 1836 году, на проэктѣ письма князя Вяземскаго къ графу Уварову о тогдашней литературѣ, называлъ „шарлатанскою книгою, писанною безъ смысла, безъ изысканій и безо всякой совѣсти“.

Не высокаго мнѣнія былъ Пушкинъ и о Каченовскомъ, котораго онъ вышучивалъ и въ эпиграммахъ, и въ „Отрывкахъ изъ литературныхъ лѣтописей“ 1829 года. Подсмѣиваясь надъ рекламой Каченовскаго, какъ издателя „Вѣстника Европы“, заключавшей, между прочимъ, обѣщаніе пуститься въ „неизмѣримую область лѣтописанія“, по которой Карамзинъ, „проложилъ тропинку, теряющуюся въ тундрахъ бесплодныхъ“, Пушкинъ такъ иронизировалъ надъ Каченовскимъ: „Сіи позднія, но, тѣмъ не менѣе, благія намѣренія... тронули и обрадовали насъ чрезвычайно. Пріятно было бы намъ привѣтствовать первые труды, первые успѣхи знаменитаго редактора „Вѣстника Европы“. Его глубокія знанія (думали мы), столь извѣстныя намъ по слуху, дадутъ плодъ во время свое (въ нынѣш-

немъ 1829 году). Свѣтильникъ исторической его критики озарятъ вышеупомянутыя тундры области бытописаній, а законы словесности, умолкшіе при звукахъ журнальной полемики, заговорятъ устами ученаго редактора. Онъ не ограничитъ своихъ глубокомысленныхъ изслѣдованій замѣчаніями о главномъ листѣ „Исторіи Государства Россійскаго“, или даже разсужденіями о „куньихъ мордахъ“, но вѣрнымъ взоромъ обвинитъ наконецъ Карамзина, оцѣнитъ истину его розысканій, укажетъ источники новыхъ соображеній, дополнитъ недосказанное“. Защищая въ юмористическомъ тонѣ Каченовскаго отъ нападокъ Полевого, Пушкинъ „отвѣтствовалъ“ на упреки послѣдняго, обращенные къ „Міхаилу Трофімовичу“: „Если г. Каченовскій, не написавъ ни одной книги, достойной нѣкотораго вниманія, не напечатавъ, въ теченіе двадцати шести лѣтъ, ни одной замѣчательной статьи, снискалъ однако же себѣ безсмертную славу, то чего же должно намъ ожидать отъ него, когда, наконецъ, онъ примется за дѣло не на шутку? Г. Каченовскій просидѣлъ двадцать шесть лѣтъ на одномъ мѣстѣ—согласенъ; но какъ могли юноши обогнать его, если онъ ни зачѣмъ и не гнался?“

Нѣтъ надобности распространяться, какъ относился Пушкинъ къ современной ему критикѣ. Все, что было написано о немъ, онъ считалъ сплошнымъ вздоромъ.*

Въ „Исторіи села Горохина“ можно указать цѣлый рядъ такихъ мѣстъ, которыя отзываются насѣшкомъ надъ Полевымъ, Каченовскимъ и журналистами 20-хъ годовъ.

Полевой любилъ упомянуть о Нибурѣ и намекать на свое близкое знакомство съ его методомъ и на свое

* 21-го іюля 1831 года Пушкинъ писалъ П. В. Нащокину по поводу только что вышедшаго въ свѣтъ „критическаго разговора“ о „Борисѣ Годуновѣ“: „Если бы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ бы, что все, что называютъ у насъ критикой, одинаково глупо и смѣшно. Съ моей стороны, я отступился; возражать серьезно—невозможно, а плясать передъ публикою не намѣренъ. Да къ тому же, ни критика, ни публика не достойны дѣльныхъ возраженій“. Въ письмѣ Пушкина къ Погодину отъ 6 го апрѣля 1834 года читаемъ: „Охота являться передъ публикою, которая васъ не понимаетъ, чтобъ... дураки ругали насъ потомъ шесть мѣсяцевъ въ свои журналы“. Эта послѣдняя фраза является повтореніемъ одного мѣста изъ „Альманашика“ (1833): „Экое дьявольское ремесло!... Отдавай стихи одному дураку въ Альманахъ, чтобъ другой обругалъ ихъ въ журналѣ“.

духовное сродство съ знаменитымъ историкомъ. Въ „Исторіи села Горохина“ упоминается о Нибурѣ въ примѣчаніи о бѣсовскомъ болотѣ и болотномъ бѣсѣ. О немъ упоминается, кромѣ того, въ автобіографіи Бѣлкина, тамъ, гдѣ говорится о Кургановѣ. При желаніи доискиваться „параллельности“ между „Исторіей села Горохина“ и „Исторіей русскаго народа“, можно найти нѣкоторое сходство между автобіографіей Бѣлкина и посланіемъ Полевого къ Нибуру, находящемся въ самомъ началѣ „Исторіи русскаго народа“. Пушкинъ порицалъ это посланіе за его хвастливый тонъ: поэтъ находилъ, что въ немъ Полевой черезчуръ много и слишкомъ самодовольно говорилъ о себѣ и о своемъ сочиненіи. „Утвердительно скажу, писалъ Полевой, обращаясь къ Нибуру: что я вѣрно изобразилъ Исторію Россіи, столь вѣрно, сколько мои отношенія мнѣ позволили. Я зналъ подробности событій и чувствовалъ ихъ, какъ русскій; былъ безпристрастенъ, какъ гражданинъ міра. Кому же другому, кромѣ васъ, могу я посвятить сочиненіе, въ которомъ съ такимъ направленіемъ изображается политическая и нравственная жизнь исполинскаго царства, картину, хотя и неискусною

рукою начертанную? При всѣхъ недостаткахъ, она достойна вашего взора, и трудъ мой, съ именемъ вашимъ, останется въ памяти другихъ". Бѣлкинъ тоже останавливаетъ вниманіе читателей на своей особѣ, сообщая имъ главныя свѣдѣнія о себѣ и о своемъ произведеніи. Все, что говоритъ Бѣлкинъ о своей научной подготовкѣ, о своемъ воспитаніи и о своихъ первыхъ литературныхъ опытахъ, ничуть не напоминаетъ блестяще образованнаго Карамзина, но можетъ, до извѣстной степени, напоминать Полевого и Каченовскаго. Отмѣтимъ еще одну сходную черту между посвященіемъ „Исторія русскаго народа“ Нибуру и автобіографическимъ предисловіемъ „Исторія села Горохина“ Бѣлкина. Полевой говоритъ, что онъ „не поколебался посвятить“ своему „предпріятію“ нѣсколько лѣтъ. Авторъ „Исторія русскаго народа“, видимо, хотѣлъ выставить свою скороспѣлую „Исторію“ плодомъ долгихъ и серьезныхъ изслѣдованій и, очень можетъ быть, что Пушкинъ мѣтилъ именно на Полевого, когда писалъ за Бѣлкина: „Ознакомясь до ольно съ драгоценными сими памятниками (календарями), я сталъ искать новыхъ источниковъ

села Горохина, и вскорѣ ихъ обиліе изумило меня. Посвятивъ цѣлые шесть мѣсяцевъ на предварительное ихъ изученіе, наконецъ приступилъ я къ давно желаемому труду; съ помощію Божіею совершилъ оный сего ноября 3 дня 1827 года“. „Цѣлые шесть мѣсяцевъ“ Бѣлкина и „нѣсколько лѣтъ“ Полевого звучатъ почти одинаково. Почти одинаково звучатъ тирада Бѣлкина о его „трудномъ подвигѣ“ и торжественность, съ которою говоритъ Полевой о своей „Исторіи“ въ обращеніи къ Нибуру.

„Баснословныя времена“, „Исторіи села Горохина“ напоминаютъ названіе статьи Каченовскаго „О баснословныхъ временахъ въ російской исторіи“ (Ученыя Записки Московск. Универ., ч. I),—статья, которая надѣлала въ свое время много шума. Все, что говоритъ Бѣлкинъ объ основаніи Горохина и „первоначальномъ населеніи онаго“, „по рытаго мракомъ неизвѣстности“, а также, „о темныхъ преданіяхъ“, гласящихъ о быломъ благосостояніи Горохина, наводитъ на мысль, что Бѣлкинъ писалъ свою „Исторію“ подъ вліяніемъ скептическыхъ приемовъ и воззрѣній Каченовскаго. Глубокомысленное опроверженіе Бѣлкина „сказки“ о полуумной пастуш-

къ тоже отзывается насмѣшкой надъ скептецизмомъ Каченовскаго, важно опровергавшаго, какъ намекалъ Пушкинъ, такія легенды, фантастичность которыхъ не подлежала сомнѣнію и которыя, ужъ во всякомъ случаѣ, не выдавались за нѣчто достовѣрное „Исторіей Государства Россійскаго“.

Въ „Исторіи села Горохина“ есть насмѣшки какъ надъ болѣе простодушными и прямолинейными послѣдователями нормандской школы, выводившую нашихъ первыхъ князей изъ Скандинавіи, такъ и надъ подобными же защитниками славянскаго происхожденія Рюрика съ братьями. „Одежда горохинцевъ, говоритъ Бѣлкинъ: состояла изъ рубахи, надѣваемой сверхъ нижняго платья, что есть отличительный признакъ ихъ славянскаго происхожденія“. Говоря о торговли жителей Горохина и о рѣкѣ Сивкѣ, Бѣлкинъ замѣчаетъ, что они переправляются на челнокахъ, „подобно древнимъ скандинавамъ“. Въ лицѣ Бѣлкина Пушкинъ выставялъ комичную сторону тѣхъ изъ нашихъ плохо подготовленныхъ историковъ, которые хотѣли во чтобы то ни стало слыть учеными и подтверждали свои теоріи наивными и забавными собра-

женіями, вродѣ соображеній Бѣлкина о славянскомъ происхожденіи горюхипцевъ и о разительномъ сходствѣ въ некоторыхъ чертъ ихъ жизни съ о́бычаями скандинавовъ. Пушкинъ давалъ понять, что археологическія и этнографическія сближенія въ некоторыхъ нашихъ историковъ недалеко ушли отъ учености Бѣлкина.

Бѣлкинъ, подобно Полевому, плѣняется „романической живостью истины, выведенной въ простодушной наготѣ“ своихъ „источниковъ“ и дѣлаетъ обильныя заимствованія изъ нихъ. Онъ цѣликомъ приводитъ пѣсню, врученное приказчикомъ старостѣ Трифона, рассказъ изъ рукописи дьячка о продѣлкахъ приказчика Грбовицкаго и, наконецъ, „сатирическое стихотвореніе“ Архипа Лысаго. Все это ничуть не напоминаетъ изящнаго и до мелочей отдѣланнаго повѣствованія Карамзина, но очень напоминаетъ систематическія и большія выписки Полевого, чрезмѣрность которыхъ осуждалась Пушкинымъ.

Архипа Лысаго Бѣлкинъ просто душно сравнивалъ не только съ Сумароковымъ, но даже съ поэтами 20-хъ годовъ, т. е. съ Пушкинымъ, Ватюшковымъ, Жуковскимъ, а также и съ „извѣстнымъ Виргиліемъ“. Очевидно, что и

въ данномъ случаѣ, Пушкинъ мѣтилъ не на Карамзина, а на журнальныхъ критиковъ такого пошиба, какъ житель „Бутырской слободы“, или авторъ нелѣпаго разбора „Полтавы“, напечатаннаго въ 1829 году въ „Вѣстникѣ Европы“ (№№ 8 и 9),—разбора, о которомъ поэтъ упоминаетъ съ горечью и досадой въ концѣ „Путешествія въ Арзрумъ“, какъ о „первомъ привѣтствіи въ любезномъ отечествѣ“ на обратномъ пути въ Россію. Иронія по адресу невѣжественныхъ критиковъ, лишенныхъ всякаго вкуса, сдѣлается совершенно понятною, если вспомнить, что „Исторія села Горохина“ была написана въ Болдинѣ въ ту же осень 1830 года, когда поэтъ пересматривалъ все, что о немъ было написано въ журналахъ, и дѣлалъ замѣтки по поводу современныхъ толковъ и мнѣній объ его сочиненіяхъ.

Пушкинъ несомнѣнно подсмѣялся въ „Исторія села Горохина“ надъ нѣкоторыми русскими писателями; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что на нее можно смотрѣть, какъ на пародію, хотя-бы и на „исгинно поэтическую пародію, исполненную глубокаго и строгаго проникновенія“ въ духъ пародируемыхъ авторовъ, и въ со-

вершенствѣ воспроизводящую всѣ ихъ индивидуальныя особенности. Пародія, какъ-бы она ни была хороша, всегда будетъ составлять низшій родъ искусства и занимать въ изящной литературѣ такое-же мѣсто, какое принадлежитъ въ живописи каррикатурѣ. Для того, чтобы написать мастерскую пародію—не нужно обладать выдающимся дарованіемъ *. Такое чудное художественное произведеніе, какъ „Исторія села Горохи-

* Вспомнимъ замѣтку Пушкина о „каррикатурѣ въ Англіи и о Полевомъ“ (1830 года) по поводу пародій, напечатанныхъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ на стихотвореніе Дельвига и другихъ поэтовъ пушкинскаго кружка. „Англія есть отечество каррикатуры и пародіи. Всякое замѣчательное происшествіе подаютъ поводъ къ сатирической картинкѣ; всякое сочиненіе, озаменованное успѣхомъ, подпадаетъ подъ пародію. Искусство поддѣлываться подъ слогъ извѣстныхъ писателей доведено въ Англіи до совершенства... Не думаю, чтобы кто нибудь изъ извѣстныхъ нашихъ писателей могъ узнать себя въ пародіяхъ, напечатанныхъ недавно въ одномъ изъ московскихъ журналовъ. Сей родъ шутокъ требуетъ рѣдкой гибкости слога; хорошій пародистъ обладаетъ всѣми слогами, а нашъ едва ли и однимъ. Впрочемъ (иронизировалъ Пушкинъ) и у насъ есть очень улачный опытъ: гнѣ Полевой очень забавно пародировалъ Гивота и Тьерри“.

на", не можетъ быть пародіей, хотя въ немъ и проглядываютъ мѣстами ея черты. Сводить значеніе „Исторіи села Горохина“ къ значенію пародіи такъ же невѣрно, какъ сводить весь смыслъ „Донъ Кихота“ къ стремленію Сервантеса подорвать кредитъ рыцарскихъ романовъ и видѣть въ Ламанчскомъ героѣ лишь каррикатуру на фантастическія похождения Амадиса Галльскаго, Рейнальда Монтальванскаго и т. д. Рыцарскіе романы давно забыты, но „Донъ-Кихотъ“ продолжаетъ читаться, какъ вѣчно-юное и вѣчно-прекрасное произведеніе. „Исторія села Горохина“, конечно, только отрывокъ, но въ этомъ отрывкѣ съ такимъ блескомъ проявился плѣнительный и своеобразный юморъ Пушкина, что Ап. Григорьевъ, впервые оцѣнившій по достоинству „Исторіи села Горохина“, былъ совершенно правъ, когда ставилъ ее на ряду съ лучшими созданіями Пушкина. Сочиненія Полевого и Каченовскаго извѣстны теперь весьма немногимъ и скоро наступитъ время, когда они будутъ интересовать только людей, специально занимающихся русской исторіей и исторіей русской литературы, а „Исторія села Горохина“ всегда будетъ читаться, какъ образцовое произведеніе искусства, безъ

всякаго отношенія къ ея задней мысли и публицистической цѣли. Крѣпостное право упразднено, но „Исторія села Горохина“ черезъ это не утратила своего значенія. Она не утратитъ его и тогда, когда русская деревня, подъ вліяніемъ новыхъ условий жизни и широкаго распространенія образованія, не будетъ имѣть ничего общаго съ Горохинымъ. Съ точки зрѣнія искусства, вся суть „Исторіи села Горохина“ заключается въ ея юморѣ и въ превосходномъ воспроизведеніи нравственнаго облика въ высшей степени типичнаго и комичнаго Ивана Петровича Бѣлкина и несложныхъ, грубыхъ нравовъ бѣдной земледѣльческой среды, поглощенной мелкими матеріальными интересами и придавленной гнетомъ произвола, невѣжества и предрасудковъ. Для того, чтобы выяснить нагляднѣе значеніе и прелесть „Исторіи села Горохина“, необходимо вникнуть въ ея языкъ и во всѣ ея отгѣнки, въ ея тонъ и ея содержаніе, въ то міросозерцаніе, которое въ ней сказывается, во всѣ мелочи и подробности, изъ совокупности которыхъ самъ собою слагается въ воображеніи читателя отчетливое представленіе о добродушномъ Бѣлкинѣ и его отношеніи къ наукѣ,

литературѣ, къ тѣмъ людямъ, съ которыми сталкивала его судьба, къ крестьянамъ, которыми ему пришлось управлять, и къ его предкамъ.

Въ желаніи Ивана Петровича Бѣлкина написать „Исторію села Горохина“, да и въ этой самой „Исторіи“, не было бы ничего забавнаго, если бы онъ отнесся къ задуманному дѣлу надлежащимъ образомъ, не становясь на ходули и не корча изъ се я глубокомысленнаго историка или политика. Въ Западной Европѣ владѣлецъ cadaго благоустроеннаго имѣнія считаетъ своимъ долгомъ обзавестись его описаніемъ, изъ котораго можно было бы получить самое ясное понятіе и о пахотной землѣ, и о лѣсахъ, и о другихъ угодьяхъ имѣнья, а также объ его инвентарѣ, постройкахъ и всякаго рода хозяйственныхъ сооруженіяхъ. При этомъ, обыкновенно, сообщаются и главнѣйшія данныя объ исторіи описываемаго клочка земли. О такомъ трудѣ Бѣлкинъ не помышлялъ, ибо мало вникалъ въ дѣла своей вотчины и, вообще, не преслѣдовалъ никакихъ практическихъ цѣлей. Комизмъ его „Исторіи“ объясняется тѣмъ, что онъ старался писать ее по образцу извѣстныхъ ему историческихъ сочиненій,

имѣвшихъ дѣло съ цѣлыми народами и государствами,—изъ вѣстныхъ, главнымъ образомъ, по наслышкѣ и изъ вторыхъ рукъ. Бѣлкинъ лѣзъ изъ кожи, чтобы придать судьбамъ родной деревушки важное, чуть не всемірно-историческое значеніе, а своему безхитроственному разсказу—значительность и даже нѣкоторую торжественность. Забавляясь ролью историка, какъ забавляются дѣти, играя „въ войну“, или „въ гости“, Бѣлкинъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы сообщить всему, о чемъ онъ говорилъ, ложное освѣщеніе, которое казалось ему въ высшей степени эффектнымъ; при этомъ онъ старался блеснуть своимъ воображаемымъ умѣньемъ критически относиться къ „источникамъ“, дополнять остроумными догадками ихъ темноту и пересыпать свою „Исторію“ quasi-учеными соображеніями и обобщеніями изъ области археологіи, этнографіи и филологіи. Въ итогѣ должно было получиться лишь простодушное покушеніе съ негодными средствами обогатить науку новой исторической монографіей. Бѣлкинъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать, чтобы исказить истинныя черты горохинскаго быта, и, если онѣ проглядываютъ все таки ярко и жизненно между строкъ „Исторіи“,

то противъ воли Бѣлкина, единственно потому, что онъ былъ плотъ отъ плоти своего Горохина и, глубоко сроднившись съ нимъ, не понималъ комизма тѣхъ явленій и происшествій, о которыхъ повѣстествовалъ, вслѣдствіе чего и смѣшивалъ на каждомъ шагу забавное и вульгарное съ трагическимъ и возвышеннымъ. Съ Горохинымъ и его обитателями Бѣлкинъ свыкъся и не находилъ въ нихъ ни чего такого, что могло бы породить юмористическое настроеніе; объ историческихъ же герояхъ онъ имѣлъ весьма смутное понятіе. Немудрено, что онъ смѣшивалъ горохинцевъ съ героями, и обратно. Весь комизмъ „Исторіи“ Бѣлкина заключается въ томъ, что она проникнута лубочной идеализаціей и пресеріозно, тономъ, съ точки зрѣнія Бѣлкина, чуждымъ всякаго юмора, излагаетъ такія происшествія, которыя могли бы дать обильный матеріалъ для юмористическихъ сценъ и картинъ. Юморъ „Исторіи села Горохина“—юморъ Пушкина, а не Бѣлкина: Бѣлкинъ былъ далекъ отъ мысли вызвать улыбку на устахъ своихъ читателей. Его „Исторія“ вышла смѣшною безъ его вѣдома и желанія; безъ его вѣдома и желанія она вышла и сатирою на крѣпостное

право и обличеніемъ его: бѣдствія горохинцевъ, оббираемыхъ и угнетаемыхъ помѣщиками и приказчиками, не возбуждали въ Бѣлкинѣ ни состраданія, ни негодованія: они рассматривались имъ лишь какъ удобный предлогъ для проявленія своего доморощенного глу окомыслія и краснорѣчія. Темныя, ужасныя стороны крѣпостного права также точно, какъ и комичныя черты горохинскаго житья-бытья, рѣзко обозначились въ „Исторіи села Горохина“ помимо желанія и намѣренія Бѣлкина, подобно тому, какъ иногда изъ безхитростнаго дѣтскаго лепета слушатели узнаютъ много страшнаго или забавнаго, много тако-го, о значеніи чего дитя и не подозреваетъ. Важное публицистическое значеніе „Исторіи села Горохина“ прекрасно понималъ Пушкинъ, но его не сознавалъ и не могъ сознавать Бѣлкинъ.

Постараемся подтвердить анализомъ „Исторіи села Горохина“ только что сказанное о ней.

Бѣлкинъ предпосылаетъ „Исторіи села Горохина“ свою автобіографію въ томъ предположеніи, что потомству будетъ интересно узнать, кто, при какихъ обстоятельствахъ и по какимъ побужденіямъ написалъ ее. Риторическій стиль Бѣлкина, смѣшанный

съ неумышленно реальнымъ и правды-
вымъ изображеніемъ той дѣйствитель-
ности, которую Иванъ Петровичъ хо-
тѣлъ идеализировать, проглядываетъ
съ первыхъ же строкъ „Исторіи“,—
съ того мѣста, гдѣ Бѣлкинъ говоритъ
о Кургановѣ, „Письмовникомъ“ кото-
раго онъ упивался въ дѣтствѣ. „Мракъ
неизвѣстности окружалъ его, какъ нѣ-
коего древняго полубога; иногда я да-
же сомнѣвался въ истинѣ его суще-
ствованія. Имя его казалось мнѣ вы-
мышленнымъ, и преданіе о немъ—пу-
стою миею, ожидавшемъ изысканій
новаго Нибура. Однако же, онъ все пре-
слѣдовалъ мое воображеніе; я старал-
ся придать какой-нибудь образъ сему
таинственному лицу и, наконецъ, рѣ-
шилъ, что долженъ онъ походить на
земскаго засѣдателя Корючкина, ма-
ленькаго старичка, съ краснымъ но-
сомъ и сверкающими глазами“. Бѣл-
кинъ пресерьезно говоритъ о своемъ
литературничаньѣ, какъ о „влеченіи
природы“, о своемъ намѣреніи напи-
сать „эпическую поэму“ или трагедію
изъ отечественной исторіи, о перепи-
сываніи такихъ произведеній, какъ
„Критика на Московскій Бульваръ“, о
своей надписи къ портрету Рюрика,
„не вовсе недостойной вниманія“ и, на-
конецъ, о своей рѣшимости „низойти

къ смиренной прозѣ“. Календарныя замѣтки дѣда и прадеда Бѣлкинъ именуется „учеными“, а также и „лѣтописью“. „Лѣтописью“ же именуется онъ и рукопись горохинскаго дьячка, характеризуя ее „глубокомыслиемъ и велерѣчіемъ необыкновеннымъ“. Источники, которыми Бѣлкинъ пользовался при составленіи своей „Исторіи“, онъ величаетъ „драгоценными памятниками“ и съ точностью обозначаетъ, сколько времени онъ посвящалъ на ихъ предварительное изученіе прежде, чѣмъ „приступилъ къ давно желаемому труду“, и тутъ же сообщаетъ, когда онъ „совершалъ“ его. „Нынѣ, прибавляетъ онъ: какъ нѣкоторый, мнѣ подобный историкъ, коего имени я не запомню, оконча свой трудный подвигъ, кладу перо и съ грустію иду въ мой садъ размышлять о томъ, что мною совершено. Кажется и мнѣ, что, написавъ исторію Горохина, я уже не нуженъ міру, что долгъ мой исполненъ и что пора мнѣ опочить“. Недалекій Бѣлкинъ, не шутя, думалъ, что онъ былъ рожденъ, чтобъ написать исторію села Горохина и что, написавъ ее, онъ окончилъ „трудный подвигъ“ и исполнилъ главную цѣль своей жизни. *

* Тою с мою мыслью, которою проникнута тирада Бѣлкина о грусти, одолѣв-

Говоря о временахъ старосты Трифона, Бѣлкинъ пускается въ наивныя разсужденія о золотомъ вѣкѣ и о вѣрованіи въ него всѣхъ народовъ, свой родъ называетъ знаменитымъ, село Горохино—страной, мірскую сходку—вѣчемъ. Старшины у него „витійствуютъ“, пѣсни Архипа Лысаго „воспѣваются“, дворъ приказной избы превращается въ „вѣчевую площадь“, письма помѣщика—въ „грозна вѣщую грамоту“, кабакъ—въ „увеселительное заведеніе“, сельскій староста—въ „сановни-

шей его по окончаніи „Исторіи“, проникнуто и стихотвореніе Пушкина „Трудъ“, („Мигъ вождельбный насталь. Оконченъ мой трудъ многолѣтній“). Поэтъ такъ же, какъ и Бѣлкинъ, называетъ свою работу „подвигомъ“ и съ грустью отмѣчаетъ, что, покончивъ навсегда съ любимымъ трудомъ, онъ чувствуетъ себя ненужнымъ человѣкомъ. То, что кажется въ Бѣлкинѣ смѣшнымъ и наивнымъ, превращаетъ я у Пушкина въ поэтическое и трогательное чувство. Многое, конечно, въ данномъ случаѣ зависитъ отъ языка „Исторіи села Горохина“, съ одной стороны, и чарующаго стиха „Труда“, съ другой; но есть еще и другая разгадка контраста, на который мы указываемъ то, что идетъ Пушкину, совсѣмъ не пристало Бѣлкину. Къ тому же, въ отрывкѣ изъ „Исторіи села Горохина“, кото уя напрашивается на сближеніе съ „Трудомъ“, такъ же ярко отражается личность Бѣлкина, какъ отра-

ка“, горохинскіе мужики—въ „гражданъ“, плутни приказчика титулуются „политической системой“ и „браздами правленія“. Слова *кабакъ* и *мірская сходка* Бѣлкинъ употребляетъ не иначе, какъ съ оговорками, какъ бы и виваясь за тривіальность. „Горохино управлялось старшинами, избираемыми на вѣчь, мірскою сходкою называемомъ“... „Народъ окружалъ увеселительное зданіе (*кабакомъ въ просторѣчи называемое*).“ Первая встрѣча пьянаго старосты Трофима съ прикащикомъ Горбовицкимъ описывается Бѣлкинымъ съ такою обстоятельностью и служитъ ему предлогомъ для такихъ сложныхъ гаданій, точно будто дѣло идетъ о крупномъ историческомъ событіи и о крупныхъ историческихъ дѣятеляхъ. Неприкращенная правда, однако, неза-

жается въ „Трудѣ“ художественная натура Пушкина. „Трудъ“ и параллельное ему мѣсто въ „Исторіи села Горохина“ показываютъ, какъ мастерски умѣлъ Пушкинъ давать различное освѣщеніе одному и тому же психологическому явленію, выражающемся у одного лица со всею силою и глубиной, а у другого — въ видѣ какогото изуродованнаго амбріона. Составленіе меланхолическихъ размышленій Бѣлкина объ окончаніи предпріятого имъ „подвига“ съ „Трудомъ“ Пушкина, можетъ служить прекрасной иллюстраціей къ афоризму: отъ высокаго до смѣшного одинъ шагъ.

висимо отъ Бѣлкина, проглядываетъ сквозь его аляповатую фразеологию; и его горохинскіе витіи и сановники мало-по-мало обозначаются передъ нами во всей своей неприглядной наготѣ. „...Пріѣзжій...“ повелительнымъ голосомъ потребовалъ старосту Трифона. Сей сановникъ находился въ увеселительномъ зданіи, откуда двое старшинъ почтительно вывели его подъ руки. Незнакомецъ посмотрѣлъ на него грозно, подалъ ему письмо и велѣлъ читать оное немедленно. Староста былъ неграмотенъ. Послали за земскимъ Авдѣемъ. Его нашли неподалеку спящаго въ переулкѣхъ подъ заборомъ и привели къ незнакомцу. Но, или отъ внезапнаго испуга, или отъ горестнаго предчувствія, буквы письма, четко написаннаго, показались ему отуманенными, и онъ не былъ въ состояніи ихъ разобрать*. Бѣлкинъ никакъ не рѣшается сказать, что земскій Авдѣй былъ пьянъ. Столь простое объясненіе ему кажется несоотвѣтствующимъ важности излагаемыхъ событій, и онъ прикидывается, будто не понимаетъ, почему буквы показались земскому Авдѣю отуманенными, но тутъ же прибавляетъ: „Незнакомецъ старосту Трифона и земскаго Авдѣя съ ужаснымъ проклятіемъ ото-

славъ спать, отложилъ чтеніе письма до завтрашняго дня и пошелъ въ приказную избу, куда жидъ понесъ за нимъ его маленькій чемоданъ". Такъ-то Бѣлкинъ постоянно сбивается съ *высокаго* слога на *низкій* и, такимъ образомъ, даетъ намъ возможность познакомиться не только съ прикрашеннымъ, но и съ настоящимъ Горохинымъ. Эффектная драпировка, которою онъ старается прикрыть горохинцевъ и Горохино, лишь оттъняетъ своеобразныя особенности ихъ быта. Онѣ ярко отражаются и въ дословныхъ выпискахъ изъ календарей и другихъ „памятниковъ“.

Во второмъ отдѣленіи „Исторія“, въ которомъ идетъ рѣчь о временахъ историческихъ, Бѣлкинъ такимъ же наивно—приподнятымъ языкомъ говорить о Горохинѣ и такъ же невольно срывается съ тона, какъ и въ первой части. Описывая Горохино, онъ называетъ его по-прежнему „страною“, соименной со своей „столицей“ и, опредѣляя пространства этой „страны“, внушительно замѣчаетъ, что она занимаетъ *на земномъ шарѣ* 240 десятинъ. Далѣе перечисляются владѣнія, смежныя съ Горохинымъ, и описывается съ явными претензіями на краснорѣчіе непроходимое болото, преымающее къ

Горохину съ восточной стороны, причемъ Бѣлкинъ пускается въ полемику съ „гласомъ народа“, и самоодогольно оправдываетъ свое недовѣріе къ легендѣ о Солотномъ бѣсѣ ссылкой на авторитетъ Нибура, о которомъ Бѣлкинъ имѣлъ, конечно, самое смутное понятіе. Все, что звучитъ у Пушкина, при описаніи промысловъ и нравовъ Горохина, ироніей, звучитъ у Бѣлкина вполне серьезно. Онъ совершенно серьезно сравниваетъ горохинцевъ съ древними скандинавами, совершенно серьезно называетъ рубахи отличительнымъ признакомъ славянскаго происхожденія горохинцевъ, совершенно серьезно проводитъ параллель между горохинскимъ и русскимъ языкомъ и столь же серьезно распространяется о „довольно цвѣтущемъ“ состояніи наукъ, искусствъ и поэзіи въ Горохинѣ. Упомянувъ о земскомъ Терентіи, прославившемся въ околдкѣ составленіемъ „партикулярныхъ“ (т. е. фальшивыхъ) паспортовъ, Бѣлкинъ нимало не шутитъ, отзываясь о немъ, какъ о необыкновенномъ человѣкѣ. Онъ нимало не шутитъ и тогда, когда величаетъ горохинцевъ „образованными“, а „увеселительное заведеніе“, т. е. кабакъ— „древнимъ общественнымъ зданіемъ, украшеннымъ елкою“.

Не шутитъ Бѣлкинъ и въ томъ мѣстѣ „Исторія“, гдѣ онъ восхищается виршами Архипа Лысаго и разбираетъ ихъ по всѣмъ правиламъ журнальной критики 20-хъ годовъ, любившей сравнивать самыя ничтожныя стихотворенія съ произведеніями знаменитыхъ поэтовъ античнаго міра и валить въ одну кучу и Сумарокова, и новѣйшихъ писателей, не рѣдко усматривая у самыхъ гездарныхъ рюмоплетовъ и „нѣжность“, и „красоту воображенія“, и „щеголеватость“ (изящество), и „ратѣйливость“ (изобрѣтательность), и „остроуміе“. Бѣлкинъ далекъ отъ желанія шутить и тогда, когда онъ перечисляетъ образы (формы) правленія, господствовавшіе въ разныя времена у горохинцевъ. Въ этомъ простодушномъ глухокомысліи, исполненномъ чисто пушкинскаго юмора, и заключается главная прелесть „Исторіи села Горохина“, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и разгадка, почему „Исторія“ Бѣлкина читается съ наслажденіемъ, хотя бы даже и въ сотый разъ. Каждое слово, каждая строчка Бѣлкина дышетъ наивнымъ простодушіемъ и забавной серьезностью. Возьмемъ, для примѣра, строки, посвященныя торговлѣ села Горохина. Бѣлкину приходилось, вѣроятно,

читать такія „Исторіи“ и „Географіи“ какъ знаменитые когда-то учебники Кайданова и Заблоцкаго, въ которыхъ говорилось, что такіе-то государства, народы и города производили или производятъ обильную торговлю такими-то товарами, и что сему способствовали или способствуютъ такія-то моря или судоходныя рѣки, и Бѣлкинъ счелъ своимъ долгомъ указать, чѣмъ, именно, и, притомъ, издавна обильно торгуютъ горохинцы и пристегнуть, во что бы то ни стало, къ горохинскому „торгу“ ни мало не повинную въ немъ рѣчку, Сивку. Въ результатъ появился слѣдующій, безподобный, по несоплательному, для Бѣлкина, комизму, очеркъ внѣшней и внутренней торговли села Горохина: „Жители Горохина издавна производятъ обильный торгъ лыками, лукошками и лаптями. Сему способствуетъ рѣка Сивка, черезъ которую весною переправляются они на челнокахъ, подобно древнимъ скандинавамъ, а прочее время года переходятъ въ бродъ, предварительно засучивъ нижнее платье до колѣнъ“. Бѣлкинъ считалъ несообразнымъ съ своимъ достоинствомъ и съ достоинствомъ „Исторіи села Горохина“ назвать нижнее платье новыхъ скандинавовъ его настоящимъ

именемъ. — Бѣлкинъ зналъ, что въ учебникахъ исторіи и географіи говорится о ъыкновенно, какими государствами граничатъ тѣ или другія государства, и онъ перечислилъ ближайшія къ Горохину деревни, при чемъ характеризовалъ ихъ обитателей такимъ тономъ, какъ будто говорилъ о совершенно различныхъ народахъ: они отличаются у него между собою не только нравами и матеріальнымъ достаткомъ, но и въ физическомъ отношеніи. Такъ, на примѣръ, горохинцы, по его словамъ, были большею частью средняго роста и имѣли „здоровенныхъ бабъ“, дернуховцы же, и перкуховцы были малорослы. Курьезнымъ обобщеніямъ въ „Исторіи села Горохина“ нѣтъ числа.

Откуда заимствовалъ Пушкинъ краски для „Исторіи села Горохина“? Она была написана въ Болдинѣ осенью 1830 года. По всей вѣроятности, эта, именно, деревня и служила поэту, какъ говорятъ художники, натурою, когда онъ описывалъ горохинское житье—бытье. Наша догадка подтверждается, между прочимъ, и перечисленіемъ хлѣбныхъ растений, произрастающихъ въ Горохинѣ, изъ котораго видно, что Горохино приурочивалось Пушкинымъ ко ржану—ов-

сяно—гречишной полосѣ, въ составъ которой входятъ и Нижегородская губернія. Безтолковое управленіе Болдинымъ и, вообще, хозяйничанье отца и дяди поэта, Сергѣя Львовича и Василія Львовича, несомнѣнно, давали Пушкину матеріаль для „Исторіи села Горохина“. Въ жизни практической, читаемъ въ Воспоминаніяхъ Л. Н. Павлицева: Сергѣй Львовичъ всегда былъ наивенъ: поручивъ управленіе своимъ Болдинскимъ имѣніемъ въ Нижегородской губерніи своему крѣпостному человѣку М. К—ву, дѣдъ въ это помѣстье не заглядывалъ, чѣмъ К—въ и воспользовался, кончивъ тѣмъ, что самъ разбогатѣлъ. Также не рѣдко дѣдъ слѣдилъ за дѣлами и Михайловскаго имѣнія, и только въ 1836 году, по смерти Надежды Осиповны, отецъ мой, Николай Ивановичъ Павлицевъ, проѣздомъ изъ Петербурга въ Варшаву, проведя въ Михайловскомъ лѣтнее время, выпросилъ у Сергѣя Львовича разрѣшеніе смѣнить плута управляющаго и завести новые порядки, значительно увеличившіе поземельный доходъ..... Не имѣя ни малѣйшаго понятія о сельскомъ хозяйствѣ, дѣдъ мой довольствовался присылаемыми изъ Михайловскаго двумя-тремя во-

зами домашней замороженной птицы и масла, съ прибавкой сотенъ двухъ-трехъ рублей ассигнаціями, и не терпѣлъ занятій по хозяйству до тѣкой степени, что, когда къ нему прибыла изъ деревни депутація крестьянъ съ весьма основательными жалобами на мошенника управляющаго, онъ прогналъ ее, не разспросивъ, въ чемъ дѣло. Да и бабка моя, Надежда Осиповна, которой Сергѣй Львовичъ предоставилъ, ради своихъ сибаритскихъ привычекъ, дѣла по хозяйству, хотя и была практичнѣе своего мужа до нѣкоторой степени, но едва ли знала и вѣдала настоящую цѣну вещамъ, а потому въ итогѣ всегда у нихъ получался минусъ, а не плюсъ, на что и намекнулъ въ одной изъ своихъ сатиръ Мятлевъ, подъ названіемъ: „Сельское хозяйство, былъ на Руси“:

„Готъ управляютъ какъ у насъ;

„Все минусъ, а не плюсъ.

„Ке вуле ву ке л онъ ча съ?

„Онъ не се па ле Руссъ)“.

„Воспомяванія“ Л. Н. Павлицева: водятъ на мысль, что и пѣтичскіе опыты Архипа Лыса о срязывались у Пушкина тоже съ семейными впечатлѣніями. Въ домѣ дѣла и бабки, говоритъ Павлицевъ: благоденство ала и провѣтала поэзія, и благоденствовала и процвѣтала она до такой сте-

пени, что и въ передней Пушкина поклонялись музѣ доморощенные стихотворцы изъ многочисленной дворни обоего пола, знаменитый представитель которой, Никита Тимоѳеевичъ, поклонявшійся одновременно и древнему богу Вакху,—на общемъ основаніи,—состряпаль вѣчто въ родѣ баллады, передѣланной имъ изъ сказокъ о „Соловьѣ разбойникѣ, богатырѣ широкогрудомъ Ерусланѣ Лазаревичѣ и златокудрой царевнѣ Милктрисѣ Кирбитьевнѣ“. Безграмотная рукопись Тимоѳеевича, въ концѣ которой нарисованъ имъ въ ужасномъ, по его мнѣнію, видѣ Змѣй—Горыничъ—долгое время хранилась у моей матери,—затеряна при переѣздѣ Ольги Сергѣевны въ 1851 году изъ Варшавы въ Петеръургъ“ (стр. 5—8).

Вообще, Пушкинъ не упускалъ изъ виду воспоминаній дѣтства и молодости, когда писалъ „Исторію села Горохина“. Село Захарино, о которомъ вскользь говорится въ ней, напоминаетъ подмосковную древнюю бабушки поэта, Марьи Алексѣевны Ганнибалъ, урожденной Пушкиной, Захарово, въ которомъ родители Пушкина проводили, обыкновенно, лѣтніе мѣсяцы до опредѣленія его въ лицей. Къ числу рукописныхъ стихотвореній,

имѣвшихся у Бѣлкина, принадлежала и „Критика на *Опаснаго сосѣда*“, а *Опасный сосѣдъ* считался лучшимъ произведеніемъ Василя Львовича Пушкина. Ольга Сергѣевна, сестра поэта (по мужу — Павлицева), рассказывала своему сыну, что ея братъ примѣнялъ „сатирическое стихотвореніе“ Архипа Лысаго къ хозяйничанью своего дяди. „Здѣсь, замѣчаетъ Л. Н. Павлицевъ въ одномъ мѣстѣ своихъ „Воспоминаній“: будетъ кстати сдѣлать, со словъ моей матери, небольшой комментарий къ „Лѣтописи села Горохина“, написанной Пушкинымъ также во время его невольнаго заключенія въ Болдинѣ. При свиданіи съ сестрою, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Александръ Сергѣевичъ сказалъ ей, что помѣщенное въ „Исторіи села Горохина“ стихотвореніе мнѣческаго лица Архипа Лысаго, идетъ какъ нельзя лучше къ безпечности и непрактичности въ сельскомъ хозяйствѣ Сергѣя Львовича.

Вотъ эти стихи:

„Ко боярскому двору
 „Акимъ староста идетъ,
 „Бирки въ пазухѣ несетъ,
 „Боярину полагетъ.
 „А бояринъ смотритъ,
 „Ничего не смыслитъ.
 „Ахъ-ты, староста Акимъ!

„Обокралъ бояръ кругомъ,
 „Село по міру пустилъ.
 „Старостиху подарилъ“ . . (стр. 234).

По поводу разсказа Бѣлкина о его возвращеніи въ Горохино и о первыхъ впечатлѣніяхъ въ родной деревнѣ, г. Поливановъ вѣрно замѣчаетъ: „Въ этой картинѣ, несомнѣнно, есть многія черты автобіографическія“, что и подтверждается (прибавимъ отъ себя), между прочимъ, письмомъ Пушкина къ князю Вяземскому изъ Михайловска отъ 9-го ноября 1829 года: „Деревня мнѣ пришла какъ-то по сердцу... Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встрѣча моей дворни, хамовъ и моей няни—ей Богу пріятнѣе щекотить сердце, чѣмъ слава, наслажденія самолюбія, разсѣянности и проч.“ „Исторія села Горохина“ осталась несконченной и неогдѣланной, она появилась въ печати уже послѣ смерти поэта, но онъ воспользовался картиною возвращенія Бѣлкина въ деревню для „Дубровскаго“, сознавая вѣроятно, что тотъ простой, задушевный тонъ и языкъ, какимъ она описана, не совсѣмъ ладитъ съ комизмомъ „Исторіи села Горохина“ и ея автобіографическаго предисловія. Нѣсколько строкъ изъ того мѣста „Исторіи“, о которомъ мы говоримъ,

почти цѣликомъ вошло въ третью главу „Дубровскаго“. Въ „Исторіи села Горохина“ читаемъ: „Наконецъ я завидѣлъ горохинскую рощу и черезъ 10 минутъ выѣхалъ на барскій дворъ; сердце мое сильно билось; я смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ необыкновеннымъ; восемь лѣтъ я не видалъ Горохина. Березки, которыя при мнѣ посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ которыхъ шла широкая дорога, усыпанная пескомъ, теперь обращенъ былъ въ некошеный лугъ, на которомъ паслась бурая корова“. Параллельное мѣсто изъ „Дубровскаго“ начинается такъ: „Владиміръ увидѣлъ березовую рощу, а влѣво, на открытомъ мѣстѣ—сѣренъкій домикъ съ красною кровлею; сердце въ немъ забилося—передъ нимъ была Кистиневка и бѣдный домъ отда его“. Далѣе повторяется вся вторая половина приведеннаго нами отрывка изъ „Исторіи села Горохина“, съ тою только разницею, что „бурая корова“ замѣняется „спутанною лошадыю“.

Отмѣтимъ, наконецъ, что нѣкоторыя изъ деревенскихъ писемъ Пушкина объ его помѣщичьихъ распоря-

женіяхъ и хозяйственныхъ сношеніяхъ съ крестьянами такъ и отзываются „Исторіей села Г'орохина“. Вотъ, на примѣръ, что писалъ онъ же нѣ изъ Болдина 2-го іюля и 15-го сентября 1834 года:

„Изъ деревни имѣю я вѣсти неутѣшительныя. Посланный мною новый управитель нашель все въ такомъ безпорядкѣ, что отказался отъ управленія и уѣхалъ. Думаю послѣдовать его примѣру. Онъ умный человекъ, а Болдино можно еще коверкать лѣтъ пять.

„Сейчасъ у меня были мужики съ челобитьемъ; и съ ними принужденъ я былъ хитрить—но эти навѣрное меня перехитрятъ. Хоть я сдѣлался ужаснымъ политикомъ съ тѣхъ поръ, какъ читаю *Conquêtes de l'Angleterre par les Normands*. Это что еще? Баба съ просьбою. Прощай, иду ее слушать.

„Ну, женка, умора. Солдатка просить, чтобъ ея сына записали въ мои крестьяне, а его де записали въ в..... (незаконные), а она де родила его только 13 мѣсяцевъ по отдачѣ мужа въ рекруты, такъ какой же онъ в.... .. (незаконный)? Я буду хлопотать за честь оскорбленной вдовы“.

Мы до сихъ поръ исходили изъ того положенія, что Бѣлкинъ, говоря о горохинцахъ, нигдѣ не остритъ надъ ними и не замѣчаетъ комичныхъ сторонъ того быта, который описываетъ. Анненковъ держался другого взгляда.

„Для насъ, писалъ онъ: эта, къ сожалѣнiю, неконченная повѣсть еще замѣчательна и тѣмъ, что въ ней поэтъ обратился къ простой дѣйствительности и къ быту, въ которомъ прежде, да и потомъ, искалъ только родниковъ поэзіи и тайнъ живописнаго языка. Прозаическая сторона этого быта нашла въ лѣтописи Горохина, не смотря на веселый, насмѣшливый ея тонъ, истинное сочувствіе, какъ и должно было ожидать отъ человѣка съ многостороннимъ умомъ и сердцемъ, но въ поѣсти особенно замѣтно, что авторъ осматриваетъ свой предметъ свысока, описываетъ его и глядитъ на него постоянно сверху внизъ. Иронія его до родушна и благородна, но это еще не кморъ, порождаемый тѣсною, родственной жизнію съ предметомъ. Читая изображеніе деревенскаго быта у Пушкина, невольно вспоминаешь превосходныя строфы Онѣгина, въ которыхъ съ такимъ сожалѣніемъ замѣ-

чаетъ поэтъ нашъ, что мысль его уже клонится къ простымъ, непышнымъ картинамъ, къ дѣйствительности скромной и не мечущейся въ глаза.

Иныя нужны мнѣ картины,
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ и проч.

Съ какимъ горькимъ чувствомъ подмѣтилъ онъ, что быть, далеко противоположный поэзіи Байрона и Шенье, тянетъ его къ себѣ невѣдомой силой:

Порой дождливою намедни
Я заверкуль на скотный дворъ....
Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я. расцветая?
Скажи фонтанъ Бахчисарая!
Такія-ль мысли мнѣ на умъ
Навелъ твой безконечный шумъ,
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ..

Тоже самое чувство, по нашему мнѣнію, сквозитъ и въ с мой веселости Пушкина, когда чертитъ онъ картины, подходящія къ пестрому сору фламандской школы“.

Ошибка Анненкова заключается въ томъ, что онъ отождествляетъ Бѣлкина съ Пушкинымъ и приписываетъ Ивану Петровичу такія мысли и чув-

ства, о которыхъ онъ и не помышлялъ. Пушкинъ, конечно, юмористически относился и къ Бѣлкину, и къ его высокому слогу, и къ его глубокомыслию, и къ его желанію заиммироваться ученнымъ изыскателемъ, но приписывать Бѣлкину міросозерцаніе и взгляды Пушкина, значитъ впадать въ явное недоразумѣніе и закрыть себѣ дорогу къ правильному пониманію „Исторіи села Горохина“ и ея своеобразнаго комизма. Набрасывая „Исторію села Горохина“, Пушкинъ не навязывалъ Бѣлкину ни своего настроенія, ни своихъ идеаловъ, ни своихъ взглядовъ, а отождествлялъ себя съ Бѣлкинымъ, и, если такъ можно выразиться, совершенно заслонялся имъ и влѣзалъ въ его кожу. Задачею Пушкина было — написать „Исторію села Горохина“ такъ, какъ долженъ былъ написать ее Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ, какимъ мы его знаемъ изъ автобиографическаго предисловія къ „Исторіи“ письма венаародовскаго помѣщика къ издателю „Поѣстей Бѣлкина“. Нельзя отрицать, однако, что основной тонъ Бѣлкина не вездѣ выдержанъ въ „Исторіи“, и что въ ней встрѣчаются мѣста, въ которыхъ, изъ-подъ кожи Бѣлкина, довольно отчетливо видѣнъ Пушкинъ. Такихъ мѣстъ, однако, очень мало, и

онѣ не составляютъ, по объему, и тридцатой части „Исторіи“. Мы разумѣемъ разсказъ, какъ дрались въ Горохинѣ, соблюдая „равновѣсіе“, мужья и жены, и какъ горохинцы хоронили своихъ покойниковъ. Здѣсь, дѣйствителъно чувствуется горькій и скорбный сарказмъ, совсѣмъ не свойственный Бѣлкину. Этотъ сарказмъ, правда, прикрытъ кое-гдѣ бѣлкинскимъ добродушіемъ, но въ немъ все-таки выступаетъ безъ маски авторъ „Каприза“ („Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый“) и „Утопленника“. Это объясняется очень просто: „Исторія села Горохина“ была только начата Пушкинымъ, но не была доведена имъ до конца. Читая ее, не надо упускать изъ виду, что мы имѣемъ дѣло, хотя и съ геніальнымъ произведеніемъ, но дошедшимъ до насъ въ видѣ черновой, неисправленной рукописи, и, притомъ, въ видѣ отрывка. Это проявляется, между прочимъ, въ кое-какихъ мелочахъ, при сопоставленіи нѣкоторыхъ мѣстъ „Исторіи“ одно съ другимъ, а, также, при сопоставленіи „Исторіи“ съ письмомъ венародовскаго помѣщика въ предисловіи отъ издателя къ „Повѣстямъ Бѣлкина“. По одному варианту „Исторіи,“ Бѣлкинъ называетъ годомъ сво-

его рожденія—1751 годъ, по другому—1801 *.

Въ письмѣ же ненарадовскаго помѣщика говорится, что Бѣлкинъ родился въ 1798 году. Такимъ образомъ, Пушкинъ сначала представлялъ себѣ Бѣкина старикомъ **, а потомъ превратилъ автора „Исторіи“ въ молодого *** человѣка около 30 лѣтъ. По „Исторіи“, Бѣлкинъ учился въ пансіонѣ Карла Ивановича Мейера, но въ одномъ изъ вариантовъ ея начала, Мейеръ превращается во Франца Егоровича Ф. Въ письмѣ ненарадовскаго помѣщика, Горохино названо „Горюхинымъ“. Если бы Пушкинъ окон-

* „Я родился.. 1801 года, 7 апрѣля 1 го числа.... „Произошелъ въ 1751 году отъ честныхъ, но недостаточныхъ родителей, я не могъ пользоваться источниками просвѣщенія, открытыми въ послѣдствіи времени въ столь великомъ изобиліи“...

** „Старыхъ людей, читаемъ въ одномъ изъ вариантовъ начала „Исторіи“: обвиняютъ, вообще, въ слѣпой привязанности къ прошлому и въ отвращеніи къ настоящему. Но я не заслуживаю такого упрека“.

*** Рассказывая о возвращеніи въ село Горохино, Бѣлкинъ говоритъ: „Такъ очутился я въ смиренной отеческой обители и раснулъ въ той самой комнатѣ, въ которой за двадцать три года тому назадъ родился“.

чиль „Исторію села Горохина“ и если бы она была напечатана при его жизни, то сохранившіеся въ бумагахъ отрывки изъ нея имѣли бы, вѣроятно, нѣсколько иной видъ, причемъ, если бы, конечно, устранены всѣ противорѣчія, — противорѣчія, идущія въ разрѣзъ съ характеромъ Ылкіна и съ фактической стороною „Исторіа“.

„Исторія села Горохина“, въ связи съ письмомъ ненародовскаго помѣщика, можетъ быть названа ѣдкою, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, истинно художественною сатирою на крѣпостное право и на тѣ отношенія между помѣщиками и крестьянами, которыя оно порождаето. „Исторія“, въ теченіи царствованія Императора Николая Павловича, составляла совершенно исключительное явленіе. Ни „Мертвыя души“ Гоголя, ни „Записки охотника“ Тургенева не разоблачали съ такою пронизательностью и смѣлостью темныхъ сторонъ крѣпостного права и вытекавшаго изъ нихъ неустройства и разоренія крестьянскихъ и помѣщичьихъ хозяйствъ, а также, грубаго произвола и невѣжества, какъ „Исторія села Горохина“. Публицистическое и социальное значеніе „Исторіи села Горохина“, доселѣ не оцѣ-

ненное по достоинству, стоит внѣ всякаго сомнѣнiя. Каждый читатель, имѣвшій уши, чтобы слышать, долженъ былъ задуматься, прочитавъ „Исторiю села Горохина“, надъ участью селскаго населенiя, живущаго въ крѣпостной зависимости.

Бѣлкинъ говоритъ о послѣдствiяхъ крѣпостно о праца безъ малѣйшаго раздраженiя и нимало не осуждая его. Мысль объ освобожденiи крестьянъ ему и въ голову не приходила (иначе вольные хлѣбопашцы не внушали бы ему суевѣрнаго ужаса и не представлялись бы безпокойными сосѣдями, извѣстными буйными, же такими нравами), но тѣмъ неотразимѣе выходитъ впечатлѣнiе, производимое его простодушнымъ разговоромъ о случайностяхъ, которыми опредѣлялась судьба горохинцевъ и той безтолочи, которая нерѣдко господствовала и въ ихъ управленiи, и въ дѣлахъ нѣкоторыхъ изъ ихъ владѣльцевъ.

„Исторiя села Горохина“ не сгущаетъ краски и не отрицаетъ того, что бывали случаи, когда крестьяне не имѣли повода жаловаться на помещиковъ и не чувствовали никакого гнета. Поля Захарьянскiя Бѣлкинъ называлъ „благоденствующими“ „подъ властью мудрыхъ и просвѣщенныхъ

помѣщиковъ“. Благоденствовало нѣкогда, какъ видно, и село Горохино. „Темныя преданія гласятъ, что нѣкогда Горохино было село богатое и обширное, что всѣ жители онаго были зажиточны; что оброкъ собирали единожды въ годъ и отсылали невѣдомо кому, на нѣсколькихъ возахъ“. Это было тогда, когда родъ Бѣлкиныхъ еще не размножился и когда владѣльцы Горохина не старались, да и не имѣли надобности выжимать изъ Горохина всѣ соки. „Предки мои, говоритъ Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ: владѣя многими другими отчинами не обращали вниманія на сію отдаленную страну. Горохино платило малую дань и управлялось старшинами, избираемыми народомъ“... Все это было такъ давно, что Бѣлкинъ относится съ недоувѣріемъ къ заманчивымъ преданіямъ о тѣхъ временахъ, „когда обитатели ра'отали мало, а жили припѣваючи“.

Разореніе горохинцевъ происходитъ, съ теченіемъ времени, какъ неминуемое по дѣдствуе крѣпостного права и русскихъ законовъ о наслѣдваніи имуществъ. „Въ теченіе этого времени родовыя имѣнія Бѣлкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ. Обѣднѣвшіе внуки богатаго дѣда не

могли отвыкнуть отъ роскошныхъ своихъ привычекъ и требовали прежнюю полную дохода отъ имѣнія, въ десять кратъ уже уменьшившагося. Грозныя предписанія слѣдовали одно за другимъ. Староста читалъ ихъ на вѣчѣ; старшины витѣйствовали; міръ волновался—а господа, вмѣсто двойного оброка, получали скучныя отговорки и смиренныя жалобы, писанныя на заселенной бумагѣ и запечатанныя грошемъ“.

Изображая крѣпостное право, Пушкинъ относился къ крестьянскому самоуправленію безъ всякой идеализаціи. Когда владѣтель Горохина, проживавшій гдѣ-то вдали отъ него, но желавшій получать какъ можно больше съ своей вотчины, присылаетъ въ Горохино приказчика Горбовицкаго съ непододнымъ, по типичности, письмомъ къ старостѣ, избранному міромъ, Горбовицкій находитъ горохинцевъ, по случаю храмоваго праздника, пьяными, а Трифона Иванова и земскаго Авдѣя въ невмѣняемомъ состояніи отъ винныхъ паровъ. Когда же самоуправленіе села Горохина смѣняется владычествомъ приказчика Горбовицкаго, Горохино оказывается обреченнымъ на совершенное обнищаніе въ самое короткое время, вслѣдствіе того, что Гор-

бовицкій не только ревностно взимаетъ съ мужиковъ двойной оброкъ, но и деретъ съ нихъ всякими неправдами послѣднюю шкуру, по вергая преслѣдованіямъ богатыхъ и бѣдныхъ мужиковъ, исправныхъ и неисправныхъ плательщиковъ и дѣйствуя не въ интересахъ крестьянъ и помѣщиковъ, а своихъ собственныхъ. „Политическая система Горювицкаго была системою повальной ограбленія горохинцевъ, системою наглою и безпощаднаго гнета. Вѣроятно, подобную же систему извѣдывали и жители Дернухова и Перкухова, владѣльцы которыхъ были „преданы воинственному упражненію заячьей охоты.“ Намъ не извѣстно, какъ долго продолжалось правленіе Горювицкаго и при ка ихъ обстоятельствахъ онъ былъ изгнанъ изъ Горохина. Намъ неизвѣстно даже, къ какому, именно, времени относилось это правленіе. Нужно думать, что оно не могло долго длиться, ибо угрожало помѣщику совершеннымъ разореніемъ. Все, что рассказываетъ Бѣлкинъ о Горювицкомъ, является иллюстраціей убѣжденія Пушкина въ томъ, что на помѣщикахъ лежала нравственная обязанность жить въ деревнѣ и съ любовью заниматься хозяйствомъ. Эта мысль не разъ высказывалась Пуш-

кинымъ. Она развита, между прочимъ, въ первочъ письмѣ Владиміра Z къ другу въ Петербургъ (изъ „Романа въ письмахъ“). Она ясно проглядываетъ и въ „Исторіи села Горохина“. Прудѣдъ Ивана Петровича Бѣлкина, Андрей Ивановичъ Бѣлкинъ, изодня въ день дѣлавшій въ календарѣ записи о погодѣ, объ охотѣ на зайцевъ и о томъ, кого онъ билъ за пьянство или за грубость: Тришку и Сеньку, — былъ, конечно, грубъ и простъ въ своихъ хозяйственныхъ приемахъ и въ дѣлѣ управленія крестьянами. Но онъ жилъ одною жизнью съ ними и, ужъ конечно, не слѣдовалъ политической системѣ Горболицкаго. Онъ, вѣроятно, былъ недурнымъ для своего времени помѣщикомъ средней руки, человѣкомъ домовитымъ и жившимъ вполне согласно съ своими воззрѣніями на жизни. Его дневникъ доказываетъ, что онъ каралъ и миловалъ Тришку и Сеньку съ сознаниемъ своей правоты и какъ-бы исполняя свою миссію. Если-бы его помыслы не были сосредоточены на посѣвѣ и урожаѣ, онъ не дѣлалъ-бы отмѣтокъ о дождѣ и снѣгѣ. Андрей Ивановичъ Бѣлкинъ былъ, вѣроятно, одного поля ягодой съ ненарадовскимъ помѣщикомъ, съ которымъ вель знакомство Иванъ Пе-

тровичъ Бѣлкинъ. Такого-же типа, судя по письму ненадоевскаго помѣщика къ издателю „Повѣстей Бѣлкина“, былъ и отецъ Бѣлкина, „человѣкъ не богатый, но умѣренный, и по части хозяйства весьма смышленный“.

Если „политическая система“ приказщика Горбовицкаго, а также, и старосты Акима, воспѣтаго Архипомъ Лысымъ, вела горохинцевъ и ихъ „бояръ“ къ неминуемому разоренію, то система Ивана Петровича не съезъ основанія приводила въ негодованіе и крайне удивляла его незамысловатаго, но толка аго сосѣда, не дававшася въ обманъ, когда дѣло шло объ его немудренныя счетахъ съ мужиками. „Вступивъ въ управленіе имѣніемъ, пишетъ ненадоевскій помѣщикъ: Иванъ Петровичъ, по причинѣ своей неопытности и мягкосердечія, въ скоромъ времени запустилъ хозяйство и ослабилъ строгій порядокъ, заведенный покойнымъ его родителемъ. Смѣнивъ исправнаго и расторопнаго старосту, коимъ крестьяне его (по ихъ привычкѣ) были недовольны, поручилъ онъ управленіе села старой своей ключницѣ, пріобрѣтшей его довѣренность искусствомъ рассказывать исторіи. Сія глупая старуха не умѣла никогда различить двадцати-пяти-рубле-

вой ассигнаціи отъ пятидесяти-рублевой; крестьяне, коимъ она сѣмъ была кума, ея вовсе не боялись; ими выбранный староста до того имъ потворствовалъ, плутуя заодно, что Иванъ Петровичъ принужденъ былъ отмѣнить тарщину и учредить весьма умеренный оброкъ, но и тутъ крестьяне, пользуясь его слабостью, на первый годъ выпросили себѣ нарочитую льготу, а въ слѣдующіе болѣе двухъ третей оброка платили орѣхами, брусникою и тому подобнымъ; и тутъ были недоимки".

„Исторія села Горохина“ принадлежитъ къ числу произведеній, которыя доказываютъ, что Пушкинъ не отрицалъ свѣтлыхъ проявленій быта, сложившагося подъ вліяніемъ крѣпостного права (первая встрѣча Бѣлкина съ его крестьянами и его отношеніе къ нимъ и къ старой нянѣ), но прекрасно сознавалъ темныя стороны крѣпостного права и его вредное вліяніе на производительныя силы страны и на умственное и нравственное развитіе земледѣльческаго класса и самихъ помѣщиковъ.

„Исторія села Горохина“ не осталась безъ подражаній: „Исторія одного города“ М. Е. Салтыкова (Щед-

рина) была написана, очевидно, подъ впечатлѣніемъ пушкинской рукописи. Но какая громадн'я разница между этими двумя произведеніями. „Исторія села Горохина“ изображаетъ въ комичномъ видѣ невѣжество горохинцевъ и ихъ грубые нравы, но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, проникнута искреннимъ сочувствіемъ къ ихъ бѣдствіямъ, а также, и къ нимъ самимъ. Все, что говорится въ „Исторіи села Горохина“ объ его „гражданахъ“, рисуетъ ихъ добрыми, смѣлыми, сильными и вѣрными людьми, любящими трудъ и сохранившими черты патріархальнаго быта. Сцена перваго сѣданія Ивана Петровича Бѣлкина съ его няней и дѣурней, а также, и слова вдовихъ прочитаній надъ покойникомъ, приводимыя въ „Исторіи“, производятъ трогательное впечатлѣніе. „Исторія села Горохина“ верѣди о вызываетъ улыбку, въ концѣ концовъ, она наводитъ читателя на безотрадные мысли и заставляеть задуматься надъ участью бѣдныхъ горохинцевъ, и вселяетъ въ васъ самыя добрыя чувства къ нимъ. Въ „Исторіи села Горохина“ говорится лишь о деревенскомъ житьѣ-бытьѣ второй половины XVIII и первой четверти XIX столѣтія,—эпохи полного развитія крѣпостного права.

„Исторія села Горохина“ не выводитъ насъ за его предѣлы и не касается политической исторіи Россіи, ни ея историческихъ дѣятелей. Въ ней нѣтъ всесторонняго освѣщенія народной жизни, но въ ней нѣтъ и шаржа, и А. О. Смирнова не безъ основанія воскликнула, выслушавъ „Исторію села Горохина“: „это—Россія!“ Въ „Исторіи села Горохина“ мы видимъ типичный уголокъ крѣпостной Россіи,—уголокъ, какихъ было много множество при Екатеринѣ II и Александрѣ I. Но „Исторія села Горохина“ не идетъ въ разрѣзъ ни съ тѣми сценами „Бориса Годунова“, въ которыхъ отразилось съ такой чарующей прелестью старинное русское міросозерцаніе и благочестіе, ни съ картиною Полтавскаго боя въ „Полтавѣ“, ни съ „Пѣснью о вѣщѣхъ Олегѣ“, ни съ тѣми главами „Капитанской дочки“, въ которыхъ изображается нравственная доблесть комманданта бѣлогорской крѣпости, Ивана Кузьмича, кривого поручика, Ивана Игнатьича и обоевъ Гриневыхъ, или нравственная чистота Маріи Ивановны. Восхищеніе „Исторіей села Горохина“ ни мало не противорѣчитъ ни вѣрѣ въ русскій народъ, ни высокому мнѣнію объ его исторіи и историче-

скомъ призваніи. Въ этомъ отношеніи „Исторія одного города Щедрина“ представляетъ рѣзкую противоположность „Исторіи села Горохина“. Ухватившись за идею Пушкина и задумавъ написать исторію города, которая бы дала понятіе обо всей Россіи—Салтыковъ сразу впалъ въ грубую каррикатуру, и его очерки вышли плачевнымъ памятникомъ крайняго увлеченія ультразападническимъ, безусловно отрицательнымъ отношеніемъ, къ Россіи, къ русской исторіи, къ русскому народу и ко всему русскому. „Исторія одного города“ представляетъ сломное и самодовольно ограниченное глумленіе надъ нашимъ прошлымъ и настоящимъ, надъ величайшими событіями русской исторіи и надъ всею русскою жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ. „Исторія села Горохина“ показываетъ лишь одну сторону медали, - и Пушкинъ не думалъ скрывать этого; „Исторія одного города“ претендуетъ на всестороннюю оцѣнку минувшихъ судьбъ нашей родины, и эта оцѣнка построена на предвзятомъ намѣреніи все осмѣять и опошлить. Русскій народъ изображается въ „Исторіи одного города“ скопищемъ какихъ-то идиотовъ и полуживотныхъ, а вся его исторія, начинающая съ призванія варяжскихъ князей,—

проявленіемъ безнадежной тупости „головотяповъ“. Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ, несмотря на свое присгастріе къ риторическому краснорѣчію, насквозь проникнуть любовнымъ отношеніемъ къ горохинцамъ. Авторъ „Исторіи одного города“, столь неудачно каррикатурящій въ „Обращеніи къ читателю“ и въ главѣ „О коренѣ происхожденія глуповцевъ“, русскія лѣтописи и другіе памятники древне-русской литературы, говоритъ о своихъ соотечественникахъ тономъ иностранца, не имѣющаго съ ними ничего общаго, взирающаго на нихъ сверху внизъ и глубоко презирающаго ихъ, какъ низшую расу.

Мы сочли не лишнимъ провести параллель между „Исторіей села Горохина“ и „Исторіей одного города“ для того, чтобы выяснитъ значеніе и характеръ единственнаго произведенія Пушкина, въ которомъ отразился милый и простодушный Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ съ его недалекимъ умомъ, золотымъ сердцемъ и комично-торжественнымъ стилемъ самоучки, воспитавшемся на „Письмовникѣ“ Курганова и на журналахъ 20-хъ годовъ.

Итакъ, что же такое „Исторія села Горохина“?

Прежде всего, это сатира на ничѣмъ не оправдываемое литературничанье, на quasi-ученія изслѣдованія и произведенія бездарныхъ и невѣжественныхъ писакъ, которыхъ всегда много было, есть и будетъ, и которые храбро печатаютъ свои, никому не нужные, сочиненія, всего чаще въ малообразованномъ обществѣ, гдѣ и публика, и критика плохо различаетъ поддѣльную монету отъ чистой и легко дѣлается жертвою самыхъ комичныхъ недоразумѣній. „Исторія села Горохина“ — сплошная насмѣшка надъ тѣми авторами, которые, не имѣя ничего общаго съ наукою, любятъ рядиться въ ея доспѣхи, страдаютъ учено-литературнымъ зудомъ, тратятъ время на собираніе, группировку и проѣрку никому не нужныхъ свѣдѣній и изощряютъ свое глубокое мысліе надъ дребеденью, не представляющею никакого интереса и ежеминутно впадаютъ при этомъ въ самые наивные промахи. Въ каждой большой библіотекѣ и въ каждомъ отдѣлѣ ея можно найти множество книгъ, напоминающихъ „Исторію села Горохина“. Такіе книги встрѣчаются и у самозванныхъ беллетристовъ и у самозванныхъ философовъ, юристовъ, астрономовъ, естествоиспытателей и т. д.

Пушкинъ не разъ подшучивалъ надъ такими писателями, къ которымъ онъ считалъ себя въ правѣ примѣнить стихи:

Уме недозрѣлый, плодъ недолгой
наукъ!

Покойся, къ перу не понуждай мои
руки!

„Исторія села Горохина“ имѣетъ въ виду не каррикатурныхъ поэтовъ, а каррикатурныхъ ученыхъ, но она принадлежитъ по цѣли и по содержанію къ такимъ же художественнымъ произведеніямъ, какъ „Ода его сіятельству графу Дм. Ив. Хвостову“ или прелестныя, художественно-полемическія статьи Теофилакта-Косичкина. „Исторія села Горохина“ напоминаетъ „Чужой толкъ“ Дмитріева. Но въ сатирѣ Дмитріева обрисовывается лишь типъ непризванныхъ Пиндаровъ, въ „Исторіи же села Горохина“ и въ автобіографическихъ признаніяхъ Ивана Петровича Бѣлкина, мы видимъ не только одного изъ подобныхъ ему сочинителей, сгорающихъ желаніемъ писать и переходящихъ послѣдовательно отъ повѣстей къ афоризмамъ, отъ афоризма къ вымученнымъ стихамъ, а отъ вымученныхъ стиховъ къ историческимъ опытамъ; но и видимъ безподобные по типичности плоды ихъ

занятій. „Исторія села Горохина“, въ сущности, то же самое, что и многоучено-смѣхотворные рефераты и брошюры главнаго героя „Пикквикскаго клуба“ Диккенса объ источникахъ Гемпштетскихъ прудовъ, о теоріи летучихъ мышей и о словахъ, нацарапанныхъ однимъ копгентскимъ крестьяниномъ на лежавшемъ передъ его хижиной камнѣ и принятой почтеннымъ Пикквикомъ за древнія письмена, достойныя вниманія археологовъ сего міра („Пикквикскій клубъ“, главы I и XI). „Исторія села Горохина“ представляеть художественный образецъ неумѣлаго, безхитростнаго и простодушнаго отношенія къ литературѣ и наукѣ. Въ ней нѣтъ и тѣни самоувѣреннаго, наглаго, претенціознаго и жесткаго педантизма дипломированныхъ и тупыхъ педантовъ, въ родѣ Трисотена и Вадіуса изъ „Ученыхъ женщинъ“ Мольера, Діафурусова и Пургона изъ его же „Мнимаго больного“. Дожелѣ будутъ существовать такіе писатели и ученые, какъ Бѣллингъ, до тѣхъ поръ „Исторія села Горохина“ не утратитъ своего значенія, а такъ какъ такіе писатели и ученые никогда не переведутся, то „Исторія села Горохина“ всегда будетъ имѣть интересъ живой совре-

менности, какъ превосходное изображеніе одной изъ забавнѣйшихъ и невиннѣйшихъ проявленій человѣческаго славолюбія и измелъчавшагося духа изслѣдованія, усердно копающагося въ пустякахъ.

„Исторія села Горохина“ всегда будетъ читаться не только, какъ геніальная сатира на писательскій зудъ и на игру въ ученость, но и какъ геніальная сатира на близкій и самодовлѣющій патріотизмъ колокольни, до крайности преувеличивающій роль своего муравейника и почитающій его какъ бы средоточіемъ вселенной. Въ „Исторіи села Горохина“, какъ нельзя лучше, очерчены смѣшныя черты односторонняго и ходульнаго провинціализма, вездѣ и во всемъ выдвигающаго на первый планъ интересы родного околка и уподобляющагося при этомъ лягушкѣ, которой хочется раздуться въ вода. Сколько существуетъ монографій и многотомныхъ историческихъ сочиненій, которыя, не смотря на всю состоятельность и эридицію, такъ и отзываются „Исторіей села Горохина“! Въ нея тонъ легко впасть и историку, и публицисту, не имѣющему надлежащей широты взгляда, и способному,

подъ вліяніемъ сепаратическихъ и племенныхъ предрасудковъ, принять часть за цѣло, пигмеевъ за великановъ, бури въ стаканѣ воды за грозные ураганы, ничтожныя происшествія за міровыя событія. „Исторія села Горохина“ никогда, поэтому, не утратитъ значенія своего рода предостереженія и назиданія тѣмъ писателямъ, которые посвящаютъ себя областной исторіи. Областная исторія—дѣло важное, но она только тогда достигаетъ своей цѣли, когда не проглядываетъ изъ-за деревьевъ цѣлаго лѣса, если не забываетъ объ исторической перспективѣ. Скажемъ болѣе того: „Исторія села Горохина“ никогда не лишится значенія своего рода предостереженія и назиданія для историковъ и публицистовъ, склонныхъ къ идеализаціи, риторикѣ, красивымъ фразамъ, эффектному освѣщенію, бесплодному умничанью и забывающимъ, что отъ высокаго, какъ и отъ великаго, всего одинъ шагъ до смѣшного. „Сатира“ и „мораль“ „Исторіи села Горохина“ сводится, между прочимъ, къ той истинѣ, что тонъ долженъ соответствовать содержанію, и что рассказывать о судьбахъ села Горохина и объ удаленіи старосты Трифона

такимъ языкомъ, какъ будто дѣло идетъ о независимомъ государствѣ и о паденіи Меншикова или Бирона—забавно.

Въ заключеніе, остановимся на характеристикѣ Ивана Петровича Бѣлкина.

Для того, чтобы понять Бѣлкина, нужно вчитываться не въ „Повѣсти“, названныя его именемъ, а въ его некрологъ, написанный ненарадовскимъ помѣщикомъ, и въ „Исторію села Горюхина“ съ ея автобіографическими признаніями. Бѣлкинъ—одно изъ самыхъ типичныхъ лицъ новѣйшей русской литературы, но онъ вовсе не то, чѣмъ считали его Ап. Григорьевъ и Л. Поливановъ: его нельзя отождествлять ни съ „здравымъ смысломъ“, ни съ „здравымъ чувствомъ“, ни съ подполковникомъ И. П. Л., отъ имени котораго ведется повѣствованіе „Выстрѣла“, ни съ титулярнымъ совѣтникомъ А. Г. Н., отъ имени котораго ведется повѣствованіе „Станціоннаго зрителя“.

Бѣлкинъ составлялъ совершенную противоположность своему пожилому пріятелю. Онъ имѣлъ мало общаго со старикомъ Гриневымъ и долженъ былъ казаться въ своемъ уѣздѣ ис-

ключительнымъ и страннымъ явленіемъ: не то кородивымъ, не то дурачкомъ. Если бы онъ не былъ столь безобиднымъ человѣкомъ, онъ, пожалуй, прослылъ бы въ своемъ околоткѣ даже „мечтателемъ опаснымъ“. Мужики, вѣроятно, его любили, но не боялись и не ставили ни въ грошъ. Мѣстные помѣщики, надо думать, смотрѣли на него, какъ на чудака и не могли понять его. Его не понимали, вѣроятно, и крестьяне. Онъ не былъ ни доуовитымъ хозяиномъ, ни завзятымъ охотникомъ; онъ не имѣлъ склонности къ веселымъ пирушкамъ и попойкамъ, не былъ любителемъ собакъ и лошадей, не сгоралъ желаніемъ сытъ бреттеромъ и Донъ-Жуаномъ, не отличался ни фатовствомъ, ни задоромъ, и долженъ былъ производить на окружающихъ впечатлѣніе мямли, тихони и красной дѣвушки, котораго ничего не стоило надуть. Бѣлкина можно назвать родоначальникомъ того типа, который получилъ, съ легкой руки Тургенева, названіе лишнихъ людей. По терминологіи Ап. Григорьева, Бѣлкинъ былъ смирнымъ человѣкомъ, въ немъ не было ничего хищнаго. Ему приходится сродни, съ одной стороны—такіе безцвѣтные добряки, какъ Иванъ Федоровичъ Шпонецъ-

на Гоголя и Пѣтушковъ Тургенѣва, а съ другой стороны—такіе безхарактерные и безвольные ревнители общаго блага, какъ Тентетниковъ Гоголя и князь Нехлюдовъ гр. Л. Н. Толстого (въ „Утрѣ помѣщика“).

Основными чертами характера Бѣлкина являются: незлобіе, кротость, непрактичность, отсутствіе эгоизма, нравственная чистота, застѣнчивость, довѣрчивость, привязчивость и нѣкоторая робость. Отсюда вытекали и тихія, чуждыя всякихъ претензій, привычки Бѣлкина, и его склонность къ простой и, если не замкнутой, то, во всякомъ случаѣ, вешумной и беззаботной жизни. Бѣлкинъ не случайно жилъ въ своемъ имѣніи на правахъ заѣзжаго гостя и, какъ бы, чужаго человѣка. Онъ не случайно не игралъ никакой роли между дворянами, не пріумножилъ отцовскаго наслѣдія и умеръ холостякомъ. Такіе люди, какъ Бѣлкинъ, могутъ внушать симпатію, участіе и сожалѣніе, но никого не могутъ подчинять своему вліянію и женятся только въ такомъ случаѣ, если ихъ кто нибудь женить на себѣ. Если бы Бѣлкинъ обзавелся семьей, онъ былъ бы, безъ сомнѣнія, любящимъ мужемъ и нѣжнымъ отцемъ, но не могъ бы измѣ-

нить своего нрава, и еслибъ дожилъ до сѣдыхъ волосъ, то и на старости лѣтъ остался бы такимъ же беззаботнымъ и простодушнымъ чѣловѣкомъ, какимъ былъ въ молодости.

ХІХ.

Біографъ Ивана Петровича Бѣлкина по его письму къ издателю „По- вѣстей Бѣлкина“.

Біографъ Ивана Петровича Бѣлкина извѣстонъ намъ по письму къ издателю „Повѣстей Бѣлкина“, но это письмо, превосходно выдержанное отъ начала до конца, можетъ быть названо и его зеркаломъ: въ немъ ясно отразился почтенный ненародовскій помѣщикъ съ его языкомъ, привычками, понятіями, стремленіями и житейскимъ колексомъ. Поэтому, письмо ненародовскаго помѣщика не только служить дополненіемъ „Исторіи села Горохина“, но является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самостоятельнымъ очеркомъ, который ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ выпускать изъ виду, когда заходить рѣчь о пушкинскомъ юкорѣ и его особенностяхъ.

Съ первыхъ же строкъ письма передъ вами обрисовывается внѣшній и нравственный обликъ его автора Су-

хой церемонный и, такъ сказать, казенный тонъ письма обличаетъ человѣка, не привыкшаго утруждать себя письменнымъ изложеніемъ своихъ мыслей и ничего не читавшаго кромѣ дѣловыхъ бумагъ. Ненарадовскій помѣщикъ писалъ свои воспоминанія объ Иванѣ Петровичѣ Бѣлкинѣ, такъ же точно, какъ онъ писалъ бы какое-нибудь прошеніе или заявленіе въ уѣздный судъ или въ другое присудственное мѣсто, съ такою же обстоятельностью и съ такими же приемами. Взять, хотя бы, описаніе наружности Ивана Петровича. Своимъ образцомъ оно имѣло, очевидно, обычныя паспортныя отмѣтки. Между строкъ письма такъ и проглядываетъ дозозитый, аккуратный и расчетливый помѣщикъ средней руки, прожившій весь вѣкъ въ деревенской глуши. Его отзывы объ отцѣ Ивана Петровича—деревенскомъ дьячкѣ, объ исправномъ и расторопномъ старостѣ, коимъ крестьяне, *по ихъ привычкѣ*, были недогольны; о ключницѣ, немѣвшей различать ассигнацій, о допросѣ плуга старосты, потворствовавшему мужикамъ и плутовавшему за одно съ ними, объ искусствѣ съ которымъ уѣздный лекаръ лечилъ закоренѣлыя болѣзни „какъ то: мозоли и тому подобное“,—все это чрезвы-

чайно характерно. Очень характерна и всепокорнѣйшая просьба ненарадовскаго помѣщика не упоминать его имени въ печати, „ибо, говоритъ онъ: хотя я весьма уважаю и люблю сочинителей, но въ сіе званіе еступить полагаю излишнимъ и въ мои лѣта неприличнымъ“. Ненарадовскій помѣщикъ смотрѣлъ на сочинителей, видимо, съ такой точки зрѣнія, какъ и Иванъ Кузьмичъ Миронозъ, просто душно полагавшій, что всѣ стихотворцы безпутные и горькіе пьяницы, и что стихотворство—дѣло службѣ противное и ни къ чему доброму не годящее. Упорное нежеланіе ненарадовскаго помѣщика вступитъ въ званіе сочинителей разъясняетъ безъ дальнѣйшихъ объясненій, какъ онъ смотрѣлъ на литературныя занятія своего пріятеля; онъ ихъ считалъ пустой и праздною затѣей, о своей же любви къ сочинителямъ упоминалъ единственно изъ деликатности, такъ какъ предназначалъ свое письмо лицу, которому причислялъ къ „сему званію“. Оттого то онъ и удѣлилъ такъ мало мѣста произведеніямъ Ивана Петровича Бѣлкина, остановившись по преимуществу на безтолковомъ хозяйничествѣ Ивана Петровича, которое гораздо больше задѣвало его за жи-

вое, тѣмъ рукописи, оставшіеся послѣ Бѣлкина. По поводу романа, которымъ ключница заклеивала окна своего флигеля, ненародовскій помѣщикъ, съ такимъ участіемъ говорившій о „пагубномъ нерадѣннѣ Ивана Петровича, какъ хозяина, не выражалъ никакого сожалѣнія. Хозяйственные счеты и распоряженія и допросъ плута-старосты были ненародовскому помѣщику гораздо ближе и доступнѣе литературныхъ опытовъ Ивана Петровича. Ненародовскій помѣщикъ не высказалъ о нихъ прямо своего мнѣнія, но онъ явно относился къ нимъ весьма скептически и смутно догадывался, что Иванъ Петровичъ, желавшій попасть въ писатели, брался не за свое дѣло. Ненародовскій помѣщикъ плохо вѣрилъ въ литературныя способности Ивана Петровича. Упомянувъ о „Повѣстяхъ Бѣлкина“, онъ писалъ: „Онѣ, такъ сказывалъ Иванъ Петровичъ, большею частію справедливы и слышаны имъ отъ разныхъ особъ. Однакожъ имена въ нихъ почти всѣ вымышлены имъ самимъ, а названія селъ и деревнѣй заимствованы изъ нашего околка, отчего и моя деревня гдѣ-то упомянута. Сіе произошло не отъ злаго какого либо намѣренія, но един-

ственно отъ недостатка воображенія“. Ненародовскій помѣщикъ не усматривалъ у Ивана Петровича даже такого „воображенія“, какое требуется для того, чтобы вставить въ повѣсть вымышленное названіе деревни. Онъ былъ, видимо, искренно расположенъ къ Ивану Петровичу, но въ числѣ его похвалъ нѣтъ ни одного слова объ умѣ, блестящей фантазіи или дарѣ слова Бѣлкина. Ненародовскій помѣщикъ, какъ видно, никогда не заслушивалъ я Ивана Петровича, хотя и привыкъ коротать съ нимъ часы досуга. Въ его расположеніи къ Ивану Петровичу чувствуется большая доза покровительственнаго отношенія и состраданія. Иванъ Петровичъ привлекалъ ненародовскаго помѣщика своею кротостью и честностью, а также тѣми чувствами уваженія и привязанности, которыя Бѣлкинъ ему выказывалъ. Но степенный ненародовскій помѣщикъ не могъ относиться къ своему легкомысленному пріятелю, какъ къ равному, и о неволью смотрѣлъ на него сверху внизъ, не только, какъ на молодого, но и какъ на дочулы о пусто-го человѣка. Когда Иванъ Петровичъ заснулъ при учетѣ плута-старосты, раздосадованный ненародовскій помѣщикъ разъ навсегда махнулъ на него

рукой. „Съ тѣхъ поръ пересталъ я вмѣшиваться въ его хозяйственныя распоряженія и передалъ его дѣла (какъ и онъ самъ) распоряженію Всевышняго“.

Ненарадовскій помѣщикъ не злой, и, говоря вообще, честный человѣкъ. Онъ не могъ выдумать пороха, но, не смотря на свой неповоротливый умъ и тяжеловѣсныя обороты своей письменной рѣчи, былъ, по сѣому, въ сферѣ тѣхъ несложныхъ заботъ, съ какими имѣлъ дѣло, весьма толковымъ человѣкомъ. Къ нему вполне приложима его характеристика Бѣлкина—отца: „Онъ былъ человѣкъ не богатый, но умѣренный и, по части хозяйства, весьма смысленный“. Своимъ крестьянамъ онъ не давалъ потачки, но, несмотря на свою строгость и взыскательность, навѣрное не считался жестокимъ и несправедливымъ помѣщикомъ. Въ немъ не было ни заносчивости, ни самомнѣнія. Онъ называлъ свою бесѣду простою и не старался бросать пыль въ глаза. Онъ былъ разчетливъ, но не скупъ. Его нельзя представить себѣ иначе, какъ угловатымъ, и не особенно рѣчистымъ домохозяиномъ. Но онъ, ужъ конечно, не былъ ни желчнымъ, ни угрюмымъ, ни злорѣчивымъ нелюдимымъ. Онъ сочувствен-

но вспоминалъ о Бѣлкинѣ—отцѣ, а объ Иванѣ Петровичѣ говорилъ съ теплотою, отзывавшейся даже нѣжностью. Онъ желалъ ему всякаго добра и не на словахъ только. „Бывъ пріятель покойному родителю Ивана Петровича, я почиталъ долгомъ предлагать и сыну свои совѣты, и неоднократно вызывался возстановить прежній, имъ упущенный, порядокъ“. Ненарадовскій помѣщикъ не одобрялъ попойекъ и всякаго рода излишествъ своихъ сосѣдей и тѣсно сблизился съ Иваномъ Петровичемъ, съ которымъ у него было, повидимому, мало общаго. „Я искренно любилъ Ивана Петровича, говорить онъ: да нельзя было и не любить молодого человѣка, столь кроткаго и честнаго“. Это замѣчаніе даетъ намъ выгодное понятіе о ненарадовскомъ помѣщикѣ. Подъ его грубоватую внѣшность скрывалось доброе и отзывчивое сердце, чуждое, впрочемъ, дряблости и сентиментальности.

XX.

О „Русланѣ и Людмилѣ“.

Откуда взялъ Пушкинъ имена героевъ и героинь „Руслана и Людмилы?“ По общепринятому мнѣнію, Русланъ есть сокращенное имя Еруслана, а Ерусланъ—видоизмѣненіе имени персидскаго сказочнаго витязя Рустема. * Весьма можетъ быть, однако, что Пушкинъ придумалъ своему герою имя такимъ же путемъ, какимъ создавались старинными нашими писателями имена Плѣвиры, Прелесты, До́рады, Милона или Милана и т. д. Русланъ, вѣроятно, значить *русскій витязь*. Русланъ встрѣчается еще въ числѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ Богдановича „Славяне“. Русланъ Богдановича проноситъ нѣсколько витіеватыхъ тирадъ передъ Александромъ Македонскимъ о его доблестяхъ и о своеобразной простотѣ и чистотѣ быта

---

* „Исторія русской литературы“ А. Н. Пыпина, т. II, стр. 500, 502.

древнихъ славянъ. Этимъ, собственно, и ограничивается вся его роль. Русланъ Богдановича не имѣеть никакого характера и, ужъ конечно, не могъ имѣть никакого вліянія на поэму Пушкина.

Имя Людмилы, а также, имя, отчасти, и характеръ Родая, Пушкинъ взялъ, вѣроятно, у Жуковского.

Людмила—героиня русской сказки Жуковского „Три пояса“, написанной въ 1808 г. и имѣющей весьма мало русскаго. Въ противоположность своимъ тщеславнымъ злымъ и коварнымъ сестрамъ, Пересвѣтъ и Мирославъ, гордящимися своей красотой, Людмила отличается добротой, скромностью, простосердечіемъ и отсутствіемъ всякой суетности. Она не помышляетъ ни о богатствѣ, ни о величіи, готовится къ простой жизни, ечитаетъ себя дурнушкою и полагаетъ верхъ блаженства въ томъ, что бы любить сестеръ, ходить за цвѣтами и распѣвать пѣсни. Когда великій князь Владиміръ собираетъ въ Кіевъ молодыхъ дѣвушекъ для выбора невѣсты своему сыну, Святославу,—Святославъ, къ ужасу Пересвѣты и Мирославы, останавливаетъ свой выборъ на Людмилѣ, которая, въ концѣ концовъ и дѣлается его же-

ной при помощи волшебницы Добрады, обращающей въ ничто интриги и хитрости ея сестеръ, направленные къ тому, чтобы оттолкнуть Святослава отъ его невѣсты. Характеры Людмилы Жуковскаго и Людмилы Пушкина не имѣютъ ничего общаго. Все, что могъ извлечь Пушкинъ изъ „Трехъ поясовъ“, исчерпывается романтически красивымъ именемъ героини его поэмы.

„Старинное преданіе“ Жуковскаго „Марьяна роца“, въ которомъ мы встрѣчаемъ Рогдая, было написано также, какъ и „Три пояса“, въ 1808 году. Дѣйствіе „Марьиной роци“ происходитъ не въ Кіевѣ, а въ Москвѣ. Въ „Марьиной роцѣ“ тоже нѣтъ и тѣни вѣрнаго воспроизведенія русской старины. Въ „Вѣстникѣ Европы“, въ которомъ была напечатана „Марьяна роца“ въ 1809 году, при имени Рогдая было сдѣлано Жуковскимъ примѣчаніе: „Одинъ изъ предковъ злодѣя Кучки, * если вѣрить преданію“. Жуковскій называетъ Рогдая славнымъ и могучимъ богатыремъ. „Онъ долго

---

* На чемъ основывался Жуковскій, называя Рогдая предполагаемымъ предкомъ боярина Кучки, къ которому, будто бы, принадлежало село, лежавшее нѣкогда тамъ, гдѣ теперь находится Москва,—не

служилъ могущественною мышцею великому Новгороду; сподвижники называли его Рогдай булатная рука, а прочіе люди—Рогдай жестокое сердце; ибо ни одно человѣколюбивое чувство не было ему и-вѣстно, никогда на челѣ его не разглаживались морщины; грозный, неукротимый во мщеніи, ни вопли, ни улыбка невиннаго младенца не проникали въ его неприступную душу. Умертвивъ на сборищѣ народномъ одно о изъ знаменитѣйшихъ посадниковъ новгородскихъ, и принужденный поспѣшно съ вѣрною дружиною скрыться изъ великаго града, пошелъ онъ въ знаменитый Кіевъ, къ великому князю Владиміру, дабы служить ему вмѣстѣ съ богатырями Ильею, Чурилою и Добрынею“. На перепутьи изъ Новгорода въ Кіевъ, Рогдай останавливается въ своемъ теремѣ, расположенномъ на берегу Москвы—рѣки, случайно встрѣчается съ прекрасной поселянкой Маріей, любившей деревенска о пѣвца Услава и, пользуясь его отсутствіемъ, соблазняетъ красавицу своимъ богатствомъ

известно. Карамзинъ, говоря о началѣ Москвы и перечисляя всѣ пріурочиваемыя къ нему легенды, о мнѣ ой генеалогической связи Рахдая съ Кучкой, не упоминаетъ („Исторія Гос. Росс.“, II, прим. 301).

и своею знатностью. Она дѣлается женой Рогдая, но, измѣнивъ Усладу, не забываетъ его, и все болѣе и болѣе тоскуетъ по немъ. Когда Рогдай убѣждается, что сердце Маріи принадлежитъ не ему, а Усладу, онъ убиваетъ ее, а самъ тонетъ въ Яузѣ, куда его заноситъ конь, испугавшись волка. Усладъ узнаетъ обо всемъ этомъ отъ отшельника Аркадія, похоронившаго Марію, поселяется въ его хижинѣ, отказывается отъ міра и умираетъ около могилы Маріи. Рогдай Жуковский—мелодраматическій злодѣй. Рассказывая о первой встрѣчѣ его съ Маріей, Жуковский такъ описываетъ его внѣшность: „Вдругъ представляется взору ея незнакомый витязь: на немъ сіяла блестящая броня; голова покрыта была шишакомъ, на плечахъ лежала медвѣжья кожа. Лицо неизвѣстнаго было величественно и сурово: глаза, глубоко впавшіе, ярко блистали изъ-подъ густыхъ бровей; черная всклокоченная борода закрывала до половины смуглыя его щеки. Марія оторопѣла. Незнакомецъ поглядѣлъ на нее пристально. Кто ты, красная дѣвица? спросилъ онъ, Марія испугалась громозвучнаго голоса, не посмѣла поднять своихъ глазъ и побѣжала опретью въ хижину“. А вотъ какъ

изображаетъ Жуковскій ревность Рогдая: „Рогдай замѣтилъ ея тоску; часто съ видомъ угрюмаго подозрѣнія устремлялъ онъ свои взоры на блѣдное лицо Маріи: она содрагалась и потупляла глаза свои въ землю“... Когда Марія, въ полубезпамятствѣ принимаетъ Рогдая за Улада и обращается къ мнимому Уладу съ словами любви, „лицо его побагровѣло, глаза его зсверкали; онъ страшно заскрежеталъ зубами“. Выслушавъ дальнѣйшія признанія Маріи, „Рогдай затрпеталъ, въ изступленіи обхватилъ ее одною рукою поперекъ тѣла и помчалъ, какъ дикій волкъ свою добычу на высоту горы къ ужасному своему терему“. А вотъ какъ подруга Маріи, Ольга, вспоминаетъ объ ея бракосочетаніи съ Рогдаемъ: „Лицо ужаснаго витязя во все продолженіе вѣнчальнаго обряда было мрачно: съ суровымъ подозрѣніемъ разсматривалъ онъ свою невѣсту, которая стояла предъ алтаремъ, какъ жертва, пригеденная на закланіе“. Назвавъ именемъ героя „Марьиной роши“ своего Рогдая, Пушкинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, придалъ ему черты, напоминающія о Рогдаѣ Жуковскаго.

Имя Рогдай было извѣстно Пушкину не только изъ „Марьиной роши“,

но и изъ „Исторіи государства Россійскаго“ Карамзина, а также, можетъ быть, и изъ лѣтописей. О Рогдаѣ или, собственно, о Рахдаѣ, какъ объ одномъ изъ богатырей временъ Владиміра Св., говорится въ концѣ девятой главы перваго тома „Исторіи“ Карамзина, при чемъ сообщается о немъ преданіе, записанное въ „новѣйшихъ, отчасти, баснословныхъ“ лѣтописяхъ, будто онъ ходилъ одинъ на триста воиновъ (въ примѣчаніи Карамзинъ ссылается на Никоновскую лѣтопись). Въ 483-мъ примѣчаніи того же I-го тома „Исторіи“, Карамзинъ, переислая „вымыслы“ Никоновской лѣтописи о событіяхъ 1000-го года, которымъ давали вѣру наши историки XVIII-го вѣка, упоминаетъ, между прочимъ, о смерти Рахдая Уда-лою.

Имя Ратмира Пушкинъ взялъ изъ „Старинной повѣсти“ Батюшкова „Предслава и Добрыня“. Предслава — дочь великаго князя, Владиміра. Она любитъ Добрыню, но отецъ выдаетъ ее за мужъ за болгарскаго князя, христіанина Радмира. Радмиръ застаётъ Предславу съ Добрыней и убиваетъ молодого богатыря. Предслава падаетъ мертвая на его трупъ. Разказы ач о его прибытіи въ Кіевъ и о первомъ

свиданіи съ Владиміромъ, Батюшковъ говоритъ: „Видъ его былъ величественъ, но суровъ; взоры пронизательны, но мрачны; стройный станъ его былъ препоясанъ искривленнымъ мечемъ, руки обнажены; грудь покрыта легкою кольчугой, а внизъ раменъ висѣла кожа ужаснаго леопарда“... „Рѣшительность въ битвахъ, пылкая храбрость и духъ величія Болгарскаго владыки, духъ, алкающій славы и подвиговъ, давно были извѣстны Владиміру; гордые слова, гордый и величавый видъ его, напоминали ему о годахъ его юности“. Пушкинъ передѣлалъ батюшковскаго Радміра въ Ратмира, но между Радміромъ изъ „Предславы и Добрыни“ и Ратмиромъ изъ „Руслана и Людмилы“ нѣтъ ничего общаго. По характеру, Радміръ Батюшкова принадлежитъ къ тому же типу, къ какому принадлежатъ Рогдай Пушкина и Рогдай Жуковскаго.

Имя гаряжскаго витязя, Фарлафа не вымышлено Пушкинымъ. Фарлафъ въ нѣкоторомъ родѣ историческое лицо, такъ какъ онъ принадлежалъ къ числу дружинниковъ, подписавшихъ договоръ Игоря съ греками*.

---

* Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго“, т. I, гл. V.

Имя Фарлафа заимствовано Пушкинымъ, несомнѣнно, у Карамзина. Но у Карамзина нѣтъ никакихъ указаній на характеръ Фарлафа. Характеръ Фарлафа долженъ быть признанъ всецѣло созданиемъ Пушкина. И въ „Неистовомъ Роландѣ“ и въ другихъ старинныхъ западноевропейскихъ романахъ, поэмахъ и сказкахъ, на ряду съ рыцарями *sans peur et sans reproche*, встрѣчаются хитрые, трусливые, коварные рыцари. Но Пушкинъ едва ли имѣлъ ихъ въ виду, когда писалъ Фарлафа. Если бы можно было утверждать, что въ 1818 и 1819 году Пушкинъ былъ знакомъ съ историческими хрониками Шекспира, то можно было бы допустить, что онъ, создавая Фарлафа, имѣлъ въ виду шекспировскаго Фальстафа. Но въ томъ то и дѣло, что знакомство Пушкина съ историческими хрониками Шекспира въ концѣ десятихъ годовъ болѣе, чѣмъ сомнительно. Всего вѣроятнѣе, поэтому, что Пушкинъ руководился личными наблюденіями, когда писалъ своего Фарлафа. Для такого предположенія есть основанія и въ рукописяхъ поэта. Въ замѣткѣ Пушкина, относящейся къ 1844 г. о Шейлокѣ, Анджело и Фальстафѣ Шекспира, находимъ харак-

теристику шекспировскаго и одного русскаго Фальстафа, наводящую мысль на Фарлафа и, кажется, объясняющую тайну его созданія. „Нигдѣ, можетъ быть, многосторонній геній Шекспера, говоритъ Пушкинъ: не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, коего пороки, одинъ съ другимъ связанные, составляютъ забавную, уродливую цѣпь, подобную древней вакханаліи. Разбирая характеръ, Фальстафа, мы видимъ, что главная черта его есть сластолюбіе. Смолоду, вѣроятно, грубое, дешевое волокитство было первою для него заботою, но ему уже за пятьдесятъ. Онъ растолстѣлъ, одряхъ; обжорство и вино взяли верхъ надъ Венерою. Во-вторыхъ, онъ трусъ; но, проведя свою жизнь съ молодыми повѣсами, поминутно подверженный ихъ насмѣшкамъ и проказамъ, онъ прикрываетъ свою трусость дерзостью уклончивой и насмѣшливой, онъ хвастливъ по привычкѣ и по расчету. Фальстафъ совсѣмъ не глупъ; напротивъ, онъ имѣетъ и нѣкоторыя привычки челоувѣка, нрѣдко выдавшаго хорошее общество. Правиль нѣтъ у него никакихъ. Онъ слабъ, какъ баба. Ему нужно крѣпкое испанское вино, жирный обѣдъ и деньги для своихъ лю-

бовницъ; чтобъ достать ихъ, онъ готовъ на все, только бъ не на явную опасность. Въ молодости моей случай сблизилъ меня съ человѣкомъ, въ коемъ природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его гениальное созданіе. *** былъ второй Фальстафъ: сластолюбивъ, трусь, хвастивъ, не глупъ, забавенъ, безъ всякихъ правилъ, слезливъ и толстъ. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Онъ былъ женатъ. Шекспиръ не успѣлъ женить своего холостяка. Фальстафъ умеръ у своихъ пріятельницъ, не успѣвъ быть ни рогаатымъ супругомъ, ни отцомъ семейства. Сколько сценъ, потерянныхъ для кисти Шекспира! Вотъ черта изъ домашней жизни моего почтеннаго друга. Четырехлѣтній сынокъ, его вылитый отецъ, маленькій Фальстафъ III, однажды, въ его отсутствіи, повторялъ про себя: „какой папенька хлаблій! какъ папеньку госудаль любить!“ Мальчика подслушали и кликнули. „Кто тебѣ это сказалъ, Володя?“ „Папенька“, сказалъ Володя“. Типъ пушкинскаго Фарлафа сразу сдѣлался однимъ изъ любимыхъ сценическихъ типовъ въ Россіи и былъ повторенъ послѣ „Руслана и Людмилы“ въ цѣломъ рядѣ драматическихъ пьесъ. Особенно же онъ

сдѣлался популярень на русской сценѣ послѣ постановки „Руслана и Людмилы“ Глинки и оперы „Аскольдова могила“ (слова Загоскина, музыка Верстовскаго). Въ книжкѣ г-на Н. Ф. „Алексѣй Николаевичъ Верстовскій“ мы нашли слѣдующія строки о Фарлафѣ:

„Фрелафъ въ „Аскольдовой Могилѣ“ — жалкая карриатура трусливаго, но хитраго Фарлафа Пушкина, въ его „Русланъ и Людмилѣ“. Пушкинъ и Глинка дали намъ высокохудожественный типъ трусливаго варяжскаго витязя, Загоскинъ-же и Верстовскій только карриатуру его. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что ни у Пушкина, ни у Загоскина этотъ образъ не является собственнымъ—оба заимствовали Фарлафа и Фрелафа изъ трагедій Озерова (если не ошибаюсь—Фрелафъ выведенъ въ его трагедіи „Дмитрій Донской“).

Г. Н. Ф. ошибается: въ „Дмитрій Донскомъ“ нѣтъ Фарлафа. Не мѣшало бы, однако, провѣрить, не было ли его въ какомънибудь сценическомъ произведеніи допушкинской эпохи?

Разгадку имени Черномора находимъ въ 185 примѣчаніи къ 1 тому „Исторіи Государства Россійскаго“

Карамзина: „Имя *черта*, которымъ Христіанскіе Славяне назвали Діанола, произошло, думаю, отъ Чернобога. Въ Верхнемъ Лаузицѣ есть гора, именуемая *Чернебогъ*; а въ Сербіи былъ городокъ *Чернобожскій*“. Въ повѣсти Батюшкова „Предлага и Добрыня“, о которой мы уже упоминали, говорится о Чернобогѣ, какъ о гнѣвномъ божествѣ, котораго трепетали русскіе люди временъ Владиміра Святого: „Внезапно воздухъ помрачился тучами. Зашумѣли вихри, и громъ трижды ударилъ надъ главами зрителей. Сердца малодушныхъ женъ и старцевъ, которые втайнѣ поклонялись мстительному Чернобогу исполнились ужасомъ. Празднество кончилось, мечи и копья витязей опустили долу; но дождь и снѣгъ безпрестанно шумѣли и наполняли внезапными ручьями путь и окрестную равнину. Порывистый вихрь сорвалъ воткнутыя древки и разметалъ далеко наметы княжескіе. Народъ укрывался подъ развалинами древнихъ капищъ и толпами бѣжалъ къ городу“. (Сочиненія Батюшкова, изд. 2, стр. 286). Напомнимъ, кстати, что въ „Сказкѣ о царѣ Салтанѣ“, подъ именемъ Черномора выведенъ чародѣй, не имѣющій ничего общаго съ похитителемъ Людмилы. Первый намекъ

на него находимъ въ прологѣ къ „Руслану и Людмилѣ“.

Тамъ о зарѣ прихлынуть волны
 На брегъ песчаный и пустой,
 И тридцать витязей прекрасныхъ
 Чредой изъ водъ выходитьъ ясныхъ,
 И съ ними дядька ихъ морской.

Въ „Сказкѣ о царѣ Салтанѣ“ ко-
 рабельщики, рассказывая о чудесахъ,
 видѣнныхъ ими на островѣ Баянѣ во
 владѣніяхъ князя Гвидона, между
 прочимъ, говорятъ:

Тамъ еще другое диво:
 Море вадуетъ бурливо,
 Закипитъ подыметъ вой,
 Хлынетъ на берегъ пустой,
 Расплетется въ скоромъ бѣгѣ
 И очутятся на брегѣ,*

* Прибавимъ, мимоходомъ, нѣсколько
 словъ о происхожденіи именъ героевъ
 пушкинскихъ сказокъ: князя Гвидона и
 царя Дадона, встрѣчающихся и въ из-
 вѣстной столь распространенной сказкѣ, о
 Бовѣ—королевичѣ. Гвидонъ Дикій—одно
 изъ дѣйствующихъ лицъ „Орlando“ Аріосто
 (см. XX и XXXI пѣсни „Неистоваго Ролан-
 да“). Гвидонъ, какъ и Дадонъ, итальянска-
 го происхожденія: пушкинскій Дадонъ на-
 поминаетъ, по созвучію, древне греческій
 городъ, Дадонъ, славившійся въ Эпирѣ
 своимъ оракуломъ и аріостова палладина
 Дудона (см. XXXIX и XZ пѣсни „Неисто-
 ваго Роланда“). Кромѣ сказки „О Бовѣ—
 королевичѣ, Дадонъ встрѣчался и въ
 другихъ повѣстяхъ XVII вѣка („Исторія
 русской литературы“ А. Н. Пыпина, II,
 стр. 596).

Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
 Тридцать три богатыря,
 Всѣ красавцы удалые,
 Великаны молодые,
 Всѣ равны, какъ на подборъ,
 Съ ними дядька Черноморъ.

Черноморъ изъ „Руслана и Людмилы“ напоминаетъ *черный моръ*, а черноморъ изъ „Сказки о царѣ Салтанѣ“ — *Черное море*.

Толки о вліяніи „Orlando Furioso“ Аріоста на „Руслана и Людмилу“ сдѣлались общими мѣстами и выдвигаются, обыкновенно, впередъ, какъ только заходитъ рѣчь о первой пушкинской поэмѣ, хотя, кажется, одинъ только Поливановъ сдѣлалъ попытку опредѣлить точно: въ чемъ, именно, сказалось это вліяніе. Было бы ошибочно, однако, думать, что Пушкинъ рабски подражалъ Аріосто, и что его поэма принадлежитъ къ числу копій, которыми изобилуетъ каждая литература и которыя не заключаютъ въ себѣ ничего оригинальнаго. Въ „Русланѣ и Людмилѣ“ несравненно больше пушкинскаго, чѣмъ аріостовскаго. Даже тамъ, гдѣ Пушкинъ вдохновлялся Аріосто, гениальный юноша-поэтъ умѣлъ оставаться самимъ собой, и мы долго не кончили бы, еслибъ задались цѣлью перечислить всѣ особенности

„Руслана и Людмилы“ сравнительно съ знаменитой поэмой Аріосто. Различіе между этими двумя произведеніями столь рѣзко, что бросается въ глаза.

„Orlando Furioso“, прежде всего, въ нѣсколько разъ превышаетъ своими размѣрами „Руслана и Людмилу“. Аріосто чуть не на каждой страницѣ переноситъ дѣйствія своей поэмы изъ одной страны въ другую. Онъ, видимо, хотѣлъ придать своей поэмѣ значеніе одного изъ тѣхъ всеобъемлющихъ поэтическихъ созданій, въ которыхъ отражается весь міръ, все человѣчество. Это ему не удалось, но объ его, только что указанномъ, намѣреніи не можетъ быть двухъ мнѣній: оно очевидно. Въ „Русланѣ и Людмилѣ“ Пушкинъ не имѣлъ въ виду такой широкой задачи, какую намѣтилъ для себя Аріосто. Дѣйствія его поэмы ограничиваются предѣлами Россіи, а художественный размахъ „Руслана и Людмилы“ такъ былъ очерченъ самимъ авторомъ въ VIII-ой главѣ „Евгенія Онѣгина“:

Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: муза въ ней
Открыла пиръ младыхъ затѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья
*И славу нашей старины,
И сердца трепетныя сны.*

Въ „Orlando Furioso“ фабула отличается необыкновенною сложностью и запутанностью. Ничего подобного нѣтъ въ „Русланъ и Людмилъ“. Фабула Пушкинскоіи поэмы проста, ясна и легко усваивается, даже при бѣгломъ чтеніи. Въ „Orlando Furioso“ происшествія сплетаются съ происшествіями такимъ причудливымъ узоромъ, въ которомъ мудрено сразу разобраться. Число происшествій въ „Русланъ и Людмилъ“ весьма ограничено. Другими словами: „Orlando Furioso“ страдаетъ недостаткомъ единства и стройности замысла, но этого упрека ужь никоимъ образомъ нельзя сдѣлать „Руслану и Людмилъ“.

Въ „Orlando Furioso“ множество дѣйствующихъ лицъ, дѣйствующія лица „Руслана и Людмилы“ всѣ наперечетъ.

Въ „Orlando Furioso“ поминутно и, притомъ, весьма однообразно, описываются рыцарскія схватки, и воспроизводятся картины батальной живописи. Этого нѣтъ въ „Русланъ и Людмилъ“. Въ поэмѣ Пушкина мы имѣемъ лишь превосходныя по пластичности картины боя Руслана съ Рогдаемъ и съ печенѣгами и бѣгло набросанныя картины нападенія Рогдая на Фарлафа и единоборства Руслана

съ Черноморомъ. Тамъ, гдѣ Пушкинъ явно вдохновлялся Аріосто, онъ ни минути не забывалъ, что онъ писалъ не для тѣхъ читателей, на которыхъ рассчитывалъ Аріосто. Поэтому, въ „Русланъ и Людмилъ“ нѣтъ тѣхъ психологическихъ и бытовыхъ несообразностей, которыми изобилуютъ „Orlando Furioso“. Поведеніе Руслана, на примѣръ, въ замкѣ Черномора нѣсколько напоминаетъ неистовство Роланда, убѣдившагося въ измѣнѣ Анджелики. Но какая разница между тѣмъ, что дѣлаетъ Русланъ Пушкина, и что заставилъ дѣлать Аріосто своего Роланда! Неистовство Руслана и его успокоеніе психологически вполне понятны. Развязка-же безумія Роланда у Аріосто отличается тѣмъ произволомъ, къ которому прибѣгалъ Аріосто, когда хотѣлъ выйти изъ затрудненій, мѣшавшихъ дальнѣйшему ходу повѣствованія. Роландъ Аріосто, подъ вліяніемъ ревности и оскорбленной любви, превращается въ дикаго и свирѣпаго звѣря и совершаетъ цѣлый рядъ нелѣпыхъ жестокостей. Ничего подобнаго не происходитъ съ пушкинскимъ Русланомъ. Неистовства Аріостова Роланда легко поддаются пародіи, и этимъ воспользовался Сервантесъ въ 25-й и

и 26-й главахъ I-го тома „Донъ-Кихота“, рассказывая о кувыркинѣхъ Рыцаря Печальнаго Образа въ ущельяхъ Сіеры-Морены. Поведеніе Руслана въ замкѣ Черномора не представляетъ ничего страннаго и смѣшнаго и не напрашивается на карикатуру ни съ какой точки зрѣнія.

Въ числѣ поэмъ, вліяніе которыхъ отразилось на „Русланѣ и Людмилѣ“, слѣдуетъ упомянуть и „La Pucelle“ Вольтера, котораго Пушкинъ прекрасно зналъ и высоко цѣнилъ въ ранней молодости. Основная идея „Руслана и Людмилы“ не имѣетъ ничего общаго съ основной мыслью Вольтера, но въ отдѣльныхъ частностяхъ поэма Пушкина и поэма Вольтера во многомъ сходятся. Такъ, на примѣръ, Черноморъ Пушкина положительно напоминаетъ вольтеровскаго Гермафродита, а расправа Людмилы съ Черноморомъ — расправу Орлеанской Дѣвственницы съ Гермафродитомъ изъ 4-й пѣсни „La Pucelle“.

Déjà du jour la belle avant-courrière
De l'orient entr'ouvrait la barrière.
Or vous savez que cet instant prefix
En cavalier changeait Hermaphrodix.
Alors, brûlant d'une flamme nouvelle,
Il s'en va droit au lit de la Pucelle,

Les rideaux tire, et lui fourrant au sein
 Sans compliment son imprudente main
 En lui donnant un baiser immodeste,
 Attente en maître à sa pudeur céleste:
 Plus il s'agite, et plus il devient laid.
 Jeanne, qu'anime une chrétienne rage,
 D'un bras nerveux lui détache un soufflet
 A poing fermé sur son vilain visage.
 Ainsi j'ai vu, dans mes fertiles champs,
 Sur un pré vert, une de mes cavales,
 Au poil de tigre, aux taches inégales,
 Aux pieds légers, aux jarrets bondissans,
 Réprimander d'une fière ruade
 Un bourriquet de sa croupe amoureux.
 Qui dans sa lourde et grossière embrassade,
 Dressait l'oreille et se croyait heureux.
 Jeanne en cela fit, sans doute, une faute;
 Elle devait des égards à son hôte.
 De la pudeur je prends les intérêts,
 Cette vertu n'est point chez moi bannie;
 Mais quand un prince, et surtout un génie,
 De vous baiser à quelque douce envie,
 Il ne faut pas lui donner des soufflets.

По всей вѣроятности, только что
 приведенный отрывокъ изъ Вольтера
 оказалъ свою долю влiянiя и на „Гра-
 фа Нулина“, хотя, вѣроятно, и самъ
 Пушкинъ не созвaвалъ этого.

Великолѣпная русская баня въ вол-
 шебномъ замкѣ Наины, въ которомъ
 Ратмиръ забываетъ о Людмилѣ, на-
 поминаетъ слѣдующее мѣсто изъ „La
 Ruscelle“, повѣствующей о любви и
 образѣ жизни „добраго короля Кар-
 ла“ и его возлюбленной Агнессы Со-
 рель.

A leur retour on les conduit aux bains;
Pâtes, parfums, odeurs de l'Arabie,
Qui font la peau douce, fraîche et polie,
Sont prodigués sur eux à pleines mains.

Да и вообще, въ первой пѣснѣ „La Ruselle“ разбросано много чертъ, напоминающихъ тѣ чары, которыми Наина опутала чувственнаго Ратмира въ своемъ замкѣ.

Оказалъ ли на „Руслана и Людмилу“ вліяніе „Оберонъ“ Виланда, весьма популярный въ свое время и написанный въ подражаніе „Аріосто“? Вѣрность Руслана Людмилѣ и преслѣдованіе разъ намѣченной цѣли напоминаетъ вѣрность рыцаря Гіона вавилонской принцессѣ Аманзѣ. Вотъ все, что можно сказать по этому поводу. Можно было бы сдѣлать и еще кое-какія сближенія, но мы не будемъ на нихъ останавливаться, такъ какъ черты дальнѣйшаго сходства могутъ быть объяснены стилемъ „Оберона“, съ одной стороны, „Руслана и Людмилы“ съ другой. Общими чертами этого стиля легко объясняется параллельность нѣкоторыхъ мѣстъ обѣихъ поэмъ, доброжелательное вмѣшательство въ дѣла ихъ героевъ и героинь Оберона и Финна и т. д.

Замокъ Наины, въ чары которой попался Ратмиръ и замокъ Черномора,

въ которомъ Людмила тосковала о своемъ Русланѣ, наводятъ на мысль, что Пушкинъ хотѣлъ дать рядъ сценъ и картинъ во вкусъ XVI главы „Освобожденнаго Іерусалима“ Торквато Тассо, описывающей сады волшебницы Армиды. Эти сады были, конечно, хорошо извѣстны Пушкину. Пушкинъ вспоминалъ объ Армидѣ въ посланіи князю Юсупу („Къ вельможѣ“) въ тридцатыхъ годахъ, называя Армидою французскую королеву Марію Антуаннету. Замѣтимъ, кстати, что нѣкоторое подобіе чертоговъ Наины и Черномора существовало въ русской литературѣ и раньше Пушкина: мы имѣемъ въ виду описаніе дворца Амура и его чудесь, дворца, въ которомъ Душенька (Психея) Богдановича такъ долго ломала голову надъ вопросомъ, кого именно дали ей боги въ мужья*.

---

* Отразилось ли вліяніе „Душеньки“ Богдановича на „Русланъ и Людмилу“? Несомнѣнно. И это подтверждается сличеніемъ параллельныхъ мѣстъ обѣихъ поэмъ. Взять хотя бы исчезновеніе Людмилы изъ опочивальни и ту картину, когда Душенька жаждетъ удержать своего прекраснаго мужа, явившагося ей во снѣ:

Царевна, въ ономъ снѣ обманута
мечтой,

Хватаетъ тѣнь, кричить: постой!

Призракъ въ восторгъ ее приводитъ,

Не нужно думать, что поэма „Русланъ и Людмила“ обязана своимъ происхожденіемъ иностраннымъ образцамъ. Въ основѣ пушкинской поэмы лежитъ тема, присущая цѣлому ряду русскихъ народныхъ сказокъ, въ которыхъ похищеніе молодой дѣвушки, царевны или царицы, и ихъ освобожденіе удалцомъ встрѣчаются очень часто (см., напр. „Народныя русскія сказки“ Аванасьева, изд. 2-е, 1873 г., стр. 249, 282, 286, 290, 350, 366, 398, 405, 446, 458, 478, 484, 499). Смѣло можно сказать, что нѣтъ ни одного сборника русскихъ сказокъ, въ которомъ нельзя было найти сказки, напоминающей въ общихъ чертахъ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ фабулы „Руслана и Людмилы“. Передъ нами лежатъ въ настоящее время „Сказки и преданія Самарскаго края“, собранныя Садовскимъ (см. Записки Импер. рус. геогр. Общ. по отдѣлу этнографіи, т. XII). Въ этой

Но сей призракъ отъ ней уходитъ,
 Какъ будто-бъ удалялся онъ.
 Она зоветъ, бѣжитъ и бѣглеца хватаетъ.
 Сіе движеніе вполнѣ прерываетъ
 Ея невѣрный сонъ;
 И Душенька въ рукахъ, проснувшись,
 ошущаетъ,
 На мѣсто бѣглеца, свой спальнй ба-
 лахонъ.

книгѣ помѣщена, между прочимъ, интересная, для нашей пѣли, сказка, объ Иванѣ Туртыгинѣ. Вотъ ея содержаніе:

У одного царя была одна единственная дочь. Разъ она пошла погулять въ садъ, вдругъ поднялся вихрь и унесъ ее. Царь кликнулъ кличъ — не отыщеть ли кто ее. Приѣхали короли, — никто не могъ отыскать. Тогда собралъ царь простонародье. Мастеровой Иванъ Туртыгинъ, стоявшій позади всѣхъ, сказалъ: „Если мнѣ царь половину царства, а царевну въ жены отдастъ, — я ее отыщу. Царь далъ слово. Туртыгинъ потребовалъ себѣ корабль и матросовъ и отправился къ Змѣю Горынычу, похитившему царскую дочь. Придя въ палаты къ Змѣю Горынычу, Туртыгинъ нашелъ тамъ царевну, увелъ ее съ собою на корабль, когда же Змѣй Горынычъ бросился въ погоню, приказалъ зажечь порохъ, заранѣе приготовленный на кораблѣ и опалилъ чудовищу крылья. Подобнымъ же образомъ онъ расправился съ его сестрою, Лютой Змѣицей, и съ его дѣдушкой, „Кривымъ (одноглазымъ) Богатыремъ, и благополучно спасается отъ гибели, которую они ему готовили. Отправивъ царевну на родину

морскимъ путемъ, онъ возвращается самъ сухимъ путемъ. Когда онъ шелъ путемъ дорогой, на него напалъ Заплетай Заплетаевичъ, охватившій его своими сорока руками и сорока ногами. Долго носилъ его на себѣ Туртыгинъ; однажды онъ „запнулся за мертвую богатырскую голову“ и толкнулъ ее ногой. Та и говоритъ: „Не толкай меня, Иванъ Туртыгинъ! Лучше схорони въ песокъ. Я отъ его рукъ въ землю пошелъ“ (отъ Заплетая Заплетаича стало быть). Присѣлъ Иванъ, вырылъ ямку и положилъ голову въ песокъ. Голова и говоритъ: „Я тебѣ скажу, какъ отъ него избавиться: пойдешь ты вотъ этимъ доломъ и нападешь на ягоды сладкія и манныя, а другія ягоды — пьяныя; сладкихъ самъ поѣшь, а пьяныхъ ему бросай, черезъ плечо... Иванъ Туртыгинъ все это сдѣлалъ. Заплетай Заплетаичъ опьянѣлъ, уснулъ: и руки, и ноги расплелись. Иванъ убѣжалъ, а его тутъ оставилъ“. Далѣе въ сказкѣ рассказывается, что Туртыгинъ получилъ коверъ - самолетъ и шапку-невидимку отъ „окаяннаго“ и Льва, которые дрались между собой и хотѣли, каждый, склонить Туртыгина на свою сторону... Похищеніе царевны, подвигъ Туртыгина, богатырская голова и услуга,

оказанная ею Туртыгину, напоминаютъ похищеніе Людмилы, отъѣздъ Руслана, его бой съ Черноморомъ, Голову пушкинской поэмѣ и тайну, которую открыла она Руслану. Генералы, появляющіеся въ концѣ сказки, и возвращеніе Туртыгина, напоминаютъ нѣсколько плутни Фарлафа и торжество Руслана.

Въ царствѣ—звонъ страшный; народу по улицамъ страсть ходитъ. Ивачъ и спрашиваетъ: „Что у васъ за звонъ“? „Да у нашего царя свадьба скоро будетъ. Генералы ѣздили, царевну привезли; такъ за одного она выходитъ“ (царевна то ему при разставаньи, кольцо дала). „Чай посмотрѣть можно?“ „Можно. Царевна у насъ все изъ своихъ рукъ всякому подноситъ“. Приходятъ, докладываютъ, что и иностранецъ съ поздравленіемъ пришелъ. Она выходитъ и выноситъ ему стаканъ вина. Онъ принимаетъ; она у увидала на немъ свое кольцо. Беретъ его за руку, ведетъ къ отцу въ палату. „Вотъ, сатюшка, мой избавитель!“ Женихъ осердился. „Ну“, говорятъ,—„расскажи, какъ вы ее достали?“ Онъ и не можетъ. Генерала повѣсили, и Ивана Туртыгина въ царскую одежду одѣли. Веселымъ пиркомъ да за свадебку“.— (стр. 19—22).

Сходство между фавулой „Руслана и Людмилы“ и фавулой сказки объ Иванѣ Туртыинѣ, понынѣ разсказываемой въ Саратовской губерніи, очевидна.

Но былъ ли Пушкинъ знакомъ съ народными русскими сказками, когда писалъ „Руслана и Людмилу“? Нѣкоторые изъ біографовъ и критиковъ великаго поэта отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно, или, по крайней мѣрѣ, не видятъ основанія отвѣчать на него утвердительно. При этомъ, обыкновенно, имѣется въ виду, что Пушкинъ лишь въ зрѣлые года ознакомился съ русскимъ сказочнымъ міромъ, частью изъ книгъ, частью изъ разсказовъ своей няни, Арины Родіоновны. Но, вѣдь, Пушкинъ, какъ и всякій русскій ребенокъ, не мало слышалъ сказокъ еще въ дѣтствѣ. Это не только разумѣется само собою, но подтверждается и стихотвореніемъ „Сонъ“:

Забуду ли то время золотое,
 Забуду ли блаженный нѣ и часъ,
 Когда въ углу подъ вечеръ притаясь.
 Я призывалъ и ждалъ тебя въ покоѣ?
 Я самъ не радъ болтливости своей;
 Но съ дѣтскихъ лѣтъ люблю воспо-
 инанье,
 Ахъ, умолчу ль о мамушкѣ моей,

О прелести таинственныхъ ночей,
 Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣ-
 янѣ.

Она духовъ молитвой уклоня,
 Съ усердіемъ перекрестить меня,
 И шопотомъ рассказывать мнѣ ста-
 нетъ

О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы,
 Отъ ужаса не шелохнусь, бывало;
 Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло,
 Не чувствуя ни ногъ, ни головы.
 Подъ образомъ простой ночникъ изъ
 глины

Чуть освѣшалъ глубокія морщины.
 Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ,
 И длинный ротъ, гдѣ зуба два сту-
 чало,

Все въ душу страхъ невольный по-
 селяло;

Я трепеталъ, и тихо наконецъ
 Томленье сна на очи упадало.
 Тогда толпой съ лазурной высоты,
 На ложе розъ крылатая мечта,
 Волшебники, волшебницы слетали.
 Обманамъ мой сонъ обворожали;
 Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ;
 Въ глуши лѣсной, средь муромскихъ
 пусыней,

Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Доб-
 рыней —

И въ вымыслахъ носился юный умъ ..

Бѣлинскій порѣшилъ, что поэма
 „Русланъ и Людмила“ не болѣе, какъ
 шалость, что она представляетъ па-
 родію на Аріосто, страдаетъ от-
 сутствіемъ народности и съ такимъ
 же основаніемъ можетъ быть названа

русскою поэмою, какъ нѣмецкою или китайскою. Этотъ рѣкій приговоръ доселѣ пользуется въ нашей критикѣ безусловнымъ авторитетомъ. Иначе смотрѣлъ Пушкинъ, привыкшій относиться къ себѣ строго, на свою первую поэму. Въ прологѣ, написанномъ къ ней въ 1828-омъ году, когда поэтъ уже наслушался самыхъ различныхъ, въ томъ числѣ и самыхъ враждебныхъ отзывовъ о своей поэмѣ, онъ настаивалъ на томъ, что русскія сказки даютъ обильный матеріалъ для фантастическихъ произведеній, и что характеры, фабулы и отдѣльные эпизоды „Руслана и Людмилы“ являются воспроизведеніемъ русскаго сказочнаго міра.

Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пах-
нетъ!

И тамъ я былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню — сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту...

Въ „Русланъ и Людмилѣ“, конечно, не выдержанъ тонъ русскихъ сказокъ, но, вѣдь, „Русланъ и Людмила“ не сказка, а поэма, и Пушкинъ писалъ ее совсѣмъ не въ томъ стилѣ, въ какомъ онъ писалъ свои сказки.

Само собой разумѣется, къ тому же, что юноша—поэтъ не могъ достигнуть такого глубокаго постиженія русской народности, какимъ запечатлѣны его позднѣйшія произведенія, но изъ этого не слѣдуетъ, что героя „Руслана и Людмилы“ носятъ какой-то международный характеръ. Давно пора отказаться отъ привычки смотрѣть на „Руслана и Людмилу“ свысока и повторять выводы Бѣлинскаго. Пушкинъ показалъ намъ, что русская поэзія можетъ идти гораздо дальше „Руслана и Людмилы“. Но еслибъ его литературная дѣятельность пресѣклась на этой поэмѣ, эта поэма доселѣ оставалась бы въ своемъ родѣ единственнымъ и непревзойденнымъ произведеніемъ. Не даромъ она вдохновила нашего великаго композитора Глинку написать лучшую русскую оперу, о которой ужъ смѣло можно сказать:

Тамъ русскій духъ.. тамъ Русью пахнетъ...

„Русланъ и Людмила“ Глинки навсегда останется вѣрнѣйшимъ и проницательнѣйшимъ истолкованіемъ первой поэмы Пушкина. Увертюра оперы, интродукція: „Дѣла давно минувшихъ дней“, арія: „О поле, поле!“, персидскій хоръ: „Ложится въ полѣ мракъ ночной“, маршъ Черномора, ро-

мансь: „Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость“ и цѣлый рядъ другихъ №№ „Руслана и Людмилы“ Глинки, какъ нельзя лучше, передаютъ художественный смыслъ и, вообще, духъ пушкинской поэмы и даютъ ей несравненно болѣе справедливую оцѣнку, чѣмъ та оцѣнка, которую далъ Бѣлинскій, увлеченный предвзятой мыслью о мнимой бѣдности русскаго сказочнаго міра и мнимой несостоятельности перваго крупнаго созданія Пушкина. По мнѣнію Бѣлинскаго, въ „Русланѣ и Людмилѣ“ русская народность сказывается лишь въ самомъ началѣ поэмы. Нѣтъ ничего несправедливѣе такого мнѣнія. Русланъ и Людмила—чисто русскіе типы. Тѣ сцены въ которыхъ является Черноморъ и голова, проникнуты насквозь духомъ русскихъ сказокъ. Голова, напимѣръ, —этотъ полубогатырь, это пололучудовище, очерчена превосходно во всѣхъ отношеніяхъ, и принадлежитъ къ лучшимъ созданіямъ Пушкинскаго рѣзца. Ея ограниченность, ея безсиліе, ея злоба и ея гнѣвъ—все это передано поистинѣ мастерски, передано такъ, что лучшаго и желать нельзя.

„Руслану и Людмилѣ“ принадлежитъ громадное историко-литературное зна-

ченіе, доселѣ не оцѣненное по достоинству. Первая поэма Пушкина читается и теперь съ наслажденіемъ, даже послѣ самыхъ зрѣлыхъ созданій его генія. Чарующая прелесть ея стиха и вообще формы была замѣчена и вѣрно понята еще современниками, но къ ея содержанію критика 20-хъ и послѣдующихъ годовъ отнеслась довольно поверхностно, какъ къ чему то крайне незрѣлому. Въ обрисовкѣ характеровъ „Руслана и Людмилы“ и въ ея психологіи мѣстами, конечно, чувствуется юношеская, хотя и геніальная, рука, но тутъ же обыкновенно чувствуются и задатки великаго художника, задатки великаго знатока человѣческаго сердца. Вообще „Русланъ и Людмила“ заслуживаетъ самаго пристальнаго изученія, какъ одно изъ чудныхъ произведеній искусства. Не забудемъ, что первая поэма Пушкина принадлежитъ къ числу крупнѣйшихъ созданій его, и по своимъ размѣрамъ оставляетъ за собою всѣ его другія поэмы. Какъ поэма, воспѣвшая „преданія темной старины“, она предрекала появленіе „Бориса Годунова“, „Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ“, „Арапа Петра Великаго“, „Полтаву“ и т. д. Вліяніе игриваго и легкаго стиля нѣкоторыхъ мѣстъ „Руслана и

Людмилы“ сказалося и на первыхъ двухъ пѣсняхъ „Евгенія Онѣгина“, и на „Графѣ Нулинѣ“, и на „Домикѣ въ Коломнѣ“, и на „Барышнѣ-крестьянкѣ“.* Отмѣтимъ, кстати, несомнѣнное вліяніе фабулы „Руслана и Людмилы“ на фабулу „Капитанской дочки“. Со времени взятія Бѣлогорской крѣпости Пугачевымъ передъ молодымъ Гриневымъ, этимъ Русланомъ XVIII вѣка, явилась та же самая задача, которую предстояло разрѣшить юному мужу Людмилы. Въ „Капитанской дочкѣ“ нѣтъ Черномора и Финна, но въ ней есть Пугачевъ, пугачевцы и Швабринъ, вырвать же Марью Ивановну изъ когтей Шварина и самозванца было столь же рискованно, какъ ѣхать во владѣнія Черномора. Счастье молодого

---

* Прим.: „Сродство отдѣльныхъ мѣстъ изъ „Руслана и Людмилы“ со многими произведеніями Пушкина бросается въ глаза. Рогдай является предшес венникомъ всѣхъ байроновскихъ типовъ Пушкина. Описаніе волшебнаго замка Наины служитъ какъ бы первымъ наброскомъ „Бахчисарайскаго фонтана“. Монологъ Руслана: „О поле, поле“... отзывается духомъ „Черепя“. Монологъ Ратмира „Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость“ былъ какъ бы программой для элегіи „я помню чудное мгновенье“. Описание долины, мервой воды было какъ бы программой для страшной пустыни „Анчара“.

го Гринева—такое же завоеванное счастье. какъ и счастье Руслана. Честь и вѣрность въ любви были такими же путеводными звѣздами для молодого Гринева, какъ и для Руслана. Вообще параллельность нѣкоторыхъ сценъ и положеній „Руслана и Людмилы“ съ одной стороны и „Капитанской дочки“ съ другой, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнiю, и это одно уже сообщаетъ „Руслану и Людмилѣ“ важное значенiе, какъ необходимой подготовительной ступени къ созданiю лучшаго русскаго романа.

XXI.

Вмѣсто заключенія.

*Подъ впечатльнiемъ Пушкинскихъ дней
1899 года.*

... Безвременная смерть Пушкина была для Россiи тяжкимъ и ничѣмъ вознаградимымъ ударомъ. Если-бъ современники великаго поэта, всѣ безъ исключенiя, знали Пушкина и понимали, кого они въ немъ лишились, вся страна облеклась бы въ глубокой трауръ и кончина „раба Божьяго Александра“ оплакивалась бы на всемъ пространствѣ Имперiи, какъ тяжелое, всенародное и національное горе. Не забудемъ, что Пушкинъ умеръ въ расцвѣтѣ силъ и мощнаго дарованiя, когда носилъ въ себѣ неисчерпаемый родникъ творческихъ замысловъ и великихъ созданiй. Его смерть положила конецъ тѣмъ грандіознымъ надеждамъ, которыя возлагались на него лучшими людьми Россiи.

Съ чувствомъ благоговѣнiя и благодарности долженъ вспоминать каж

дый русский о Пушкинѣ, какъ о своего рода Прометееѣ, у котораго мы все находимся въ неоплатномъ долгу.

Перечитывая Пушкина, поражаешься размѣрами и мощью его генія. Пушкинъ былъ одинъ изъ величайшихъ поэтовъ, когда либо рождавшихся на землѣ. Онъ былъ убитъ въ такіе годы, когда Шекспиръ, Мольеръ, Сервантесъ, Гете и такъ далѣе, еще не написали ничего великаго и только приступали къ тѣмъ созданіямъ, которыми обезсмертили себя и, несмотря на то, — несмотря на все невзгоды своей жизни, — Пушкинъ упрочилъ за собою право на славу мірового поэта. Что же, если-бы онъ дожилъ до такихъ лѣтъ, до какихъ дожилъ Гете? Что же, если бы онъ осуществилъ хотя тѣ творческіе замыслы, которые преслѣдовали его въ послѣдніе годы жизни? Онъ затмилъ бы и оставилъ бы за собою чуть ли не всехъ великихъ поэтовъ. А что Пушкинъ осуществилъ бы свои замыслы, — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Порукою за то служатъ многосторонній размахъ его генія, широкій кругозоръ Пушкина, его страстная любовь къ искусству, его необычайная плодовитость, его желѣзное здоровье и та изумительная легкость, съ которою онъ творилъ.

Какъ поэтъ, Пушкинъ росъ не по днямъ, а по часамъ, словно сказочный богатырь, предназначенный къ невиданнымъ подвѣхамъ подъ солнцемъ подвигамъ. Какимъ же титантомъ сдѣлался бы этотъ богатырь, если-бъ нить его жизни не была оборвана, когда онъ только что созналъ необъятное богатство тѣхъ даровъ, которыми осыпало его Провидѣнье? Подобно Рафаэлю и Моцарту, Пушкинъ рано сошелъ въ могилу. И странное дѣло: онъ какъ бы предчувствовалъ, что не будетъ долго жить. Мысль о смерти преслѣдовала его съ молодыхъ лѣтъ и онъ почти былъ увѣренъ, что не достигнетъ старости. „Мы, любимцы боговъ, не долговѣчны“, сказалъ онъ какъ-то полушутя, полусерьезно въ обществѣ своихъ друзей, когда зашла рѣчь о возрастѣ, до котораго доживали великіе поэты, художники и музыканты. Эти слова оказались пророческими для Пушкина. Пушкинъ жилъ не долго, но сдѣлалъ столько, что русская мысль доселѣ не можетъ обратиться въ оставленномъ ей наслѣдїи; доселѣ не можетъ подвести его итоговъ; доселѣ не можетъ, какъ слѣдуетъ, понять его значеніе и впитать въ себя тѣ духовныя сокровища, которыми изобилуетъ поэзія Пуш-

кина. Теперь уже никто не рѣшится „съ дѣтской рѣзвостью“ колебать треножникъ великаго поэта, но пройдетъ еще не одинъ десятокъ, а можетъ быть и не одна сотня лѣтъ прежде, чѣмъ поймутъ Пушкина во всей его бездонной глубинѣ и во всѣхъ изгибахъ его генія. Шопенгауэръ гдѣ то замѣтилъ, что великіе поэты и мыслители перелааютъ людямъ свои творенія черезъ головы нѣсколькихъ поколѣній. Это замѣчаніе можно цѣликомъ отнести къ Пушкину. Россія только тогда пойметъ и оцѣнитъ надлежащимъ образомъ поэзію Пушкина, когда наша образованность и культурность дадутъ намъ возможность высидѣться до постиженія пушкинскаго творчества, пушкинскихъ идеаловъ. А покамѣстъ въ дѣлѣ пониманія Пушкина, мы все еще блуждаемъ, какъ въ потемкахъ; до сихъ поръ мы еще подобны карликамаъ, которые никакъ не могутъ стагъ лицомъ къ лицу великана и заглянуть ему въ глаза.

Значеніе Пушкина можно опредѣлить въ немногихъ словахъ: Пушкинъ былъ великимъ русскимъ и великимъ мировымъ поэтомъ.

По глубинѣ и многосторонности своего генія Пушкинъ представляетъ въ полномъ смыслѣ слова исключитель-

ное явленіе. Эсхиль, Софокль, Эврипидъ, Аристофанъ, Шекспиръ, Мольеръ были только драматурги; Сервантесъ, Вальтеръ - Скоттъ, Диккенсъ, Теккерей и т. д. были только романисты; Петрарка, Данте, Байронъ писали только стихами. Пушкинъ же равно великъ и въ лирикѣ, и въ эпосѣ, и въ драмѣ. Онъ былъ не только геніальнымъ поэтомъ - стихотворцемъ, но и геніальнымъ поэтомъ-прозаикомъ. Онъ чувствовалъ себя мощнымъ властелиномъ во всѣхъ областяхъ поэзіи. Съ равнымъ совершенствомъ онъ владѣлъ всѣми ея формами и въ этомъ отношеніи не имѣетъ соперниковъ. По разносторонности дарованія съ нимъ можно сравнить развѣ только одного Гете, но въ лучшихъ созданіяхъ Гете, особенно въ его „Фаустѣ“, постоянно чувствуется, какъ мѣтко выразился Гоголь, что-то „научнообразное“. Этого нѣтъ у Пушкина. Его поэзія исполнена идеальной красоты и никогда не утратитъ своего вліянія надъ умами и сердцами. Его поэзія навсегда остается вѣчно юною. Его произведенія всегда будутъ служить дивными образцами, предметами изученія, удивленія и восторговъ. Творя во всѣхъ областяхъ поэзіи и рано сойдя въ могилу, Пушкинъ не написалъ и де-

сятой доли столькихъ драмъ, сколько ихъ написалъ Шекспиръ; Пушкинъ не написалъ и десятой доли столькихъ романовъ, сколько ихъ написалъ Вальтеръ-Скоттъ, но, во-первыхъ, онъ написалъ, въ общемъ, не мало, а во-вторыхъ, все, что онъ написалъ въ зрѣлые годы,—дивно прекрасно и можетъ выдержать какое угодно сравненіе. Каждый первоклассный поэтъ обѣими руками подписался бы подъ такими вещами, какъ „Капитанская дочка“, „Евгеній Онегинъ“, „Борисъ Годуновъ“, „Мопартъ и Сальери“, „Каменный гость“ и пр., и пр. Даже такія произведенія, которымъ Пушкинъ не придавалъ большого значенія, какъ, на примѣръ, „Графъ Нулинъ“ или „Домикъ въ Коломнѣ“, были бы замѣтны въ собраніи сочиненій любаго изъ гениальныхъ поэтовъ. Не говоримъ уже о небольшихъ стихотвореніяхъ Пушкина: лучшія изъ нихъ—это такія роскошныя жемчужины поэзіи, прелестнѣе которыхъ ничего нельзя себѣ представить.

Пушкина еще мало знаютъ на Западѣ, но тѣ иностранные критики, которые имѣли и имѣютъ о немъ ясное понятіе, всегда отдавали должную дань справедливости Пушкину и его поэзіи. Если Пушкинъ не еще на-

столько извѣстенъ за границую, какъ другіе великіе поѣты, то это значитъ тол ко, что противъ нашей родины все еще существуетъ въ Европѣ сильное предуѣжденіе. Когда это предуѣжденіе исчезнетъ, имя Пушкина будетъ гремѣть во всемъ цивилизованномъ мірѣ на ряду съ именами другихъ великихъ поѣтовъ, одинаково близкихъ всѣмъ народамъ. Тому, что теперь Пушкинъ извѣстенъ главнымъ образомъ только въ Россіи и среди славянъ, нечего удивляться. Давно ли упрочились слава Шекспира на европейскомъ континентѣ? Сравнительно, очень недавно. А во Франціи Шекспира и теперь еще понимаютъ лишь очень немногіе. Пушкинъ былъ чуждъ всякой заносчивости, но онъ не могъ не сознавать своихъ необъятныхъ силъ и колоссальныхъ размѣровъ своего генія. Не задолго до своей смерти онъ написалъ:

Нѣтъ! весь я не умру! Душа въ завѣт-
ной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣ-
жить—
И славенъ буду я, доколь въ подлун-
номъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пиить.

Пушкинъ былъ правъ: такіе поѣты, какъ онъ, никогда не забываются и

никогда не утрачиваютъ своего значенія. Онъ могъ бы быть забытъ лишь въ томъ случаѣ, если бы въ людяхъ изсякло чувство прекраснаго, а вмѣстѣ съ нимъ и потребность въ искусствѣ. А такъ какъ этого никогда не случится, то смѣло можно сказать, что извѣстность Пушкина съ каждымъ годомъ будетъ расти все больше и больше, по мѣрѣ выясненія той неуядаемой красоты и той художественной глубины, которыми отличается его поэзія. Есть прекрасное стихотвореніе А. Н. Майкова, какъ нельзя лучше опредѣляющее значеніе Пушкина среди другихъ міровыхъ гениевъ:

О, царство вѣчной юности
 И вѣчной красоты!
 Въ твореньяхъ свѣтлыхъ гениевъ
 Намъ чувствуешься ты!
 Сіяющіе мраморы
 Лизиппъ и Пракситель!..
 Съ безсмертными Мадоннами
 Счастливый Рафаэль!..
Святая мира Пушкина,
Его кристальный стихъ,
 Мацартовы мелодіи,
 Все радостное въ нихъ.
 Все то—не откровенья-ль
 Съ надзвѣздной высоты,

Изъ царства вѣчной юности
И вѣчной красоты?..

Такія „откровенія“ никогда не блекнутъ и не старѣютъ и никогда не утрачиваютъ своего обаянiя надъ людьми всѣхъ временъ и народовъ.

Для русской литературы значенiе Пушкина необъятно. Въ лицѣ Пушкина мы имѣемъ единственнаго великаго поэта. Въ сравненiи съ нимъ всѣ остальные наши писатели-художники кажутся звѣздами четвертой, пятой величины, и даже того меньше. Комедiя Грибоѣдова „Горе отъ ума“, конечно, прелестна, но въ „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина есть одна сцена, написанная въ стилѣ „Горя отъ ума“ (сцена Марины съ Рузкою), и каждый, кто прочтетъ внимательно эту сцену, пойметъ, какой великанъ былъ Пушкинъ сравнительно съ Грибоѣдовымъ. Нѣкоторые изъ критиковъ ставили на одну доску съ Пушкинымъ Лермонтова. Но Лермонтовъ, какъ поэтъ и стихотворецъ, былъ, въ сущности, ничѣмъ инымъ, какъ повторенiемъ Пушкина того времени, когда Пушкинъ находился подъ влiенiемъ Байрона. Приравнивать его стихи къ стихамъ Пушкина—значить впадать въ грубую ошибку. Лер-

монтовъ еще долго будетъ читаться съ наслажденіемъ, особенно, какъ поэтъ-прозаикъ. Но Лермонтовъ не создалъ ничего подобнаго „Капитанской дочкѣ“, „Дубровскому“, „Пиковой дамѣ“, „Повѣстямъ Бѣлкина“ и т. д. А Гоголь? Лучшія произведенія Гоголя — „Мертвыя души“ и „Ревизоръ“ были написаны по инициативѣ, по идеѣ и по плану Пушкина, передъ которымъ Гоголь преклонялся, какъ передъ учителемъ и недосыгаемымъ идеаломъ. Не забудемъ при этомъ, что Гоголь былъ только поэтомъ-прозаикомъ. Ни по силѣ таланта, ни по его разносторонности, онъ не можетъ быть сравниваемъ съ Пушкинымъ. А Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Островскій, Григоровичъ, Писемскій, гр. Л. Н. Толстой? Они составляютъ гордость нашей новѣйшей литературы, но сравнительно съ Пушкинымъ они то же самое, что планета Марсъ въ сравненіи съ солнцемъ или Бештау въ сравненіи съ Эверестомъ и Дава-лагери. Пройдетъ пятьдесятъ—шестьдесятъ лѣтъ и Тургеневъ, Достоевскій и т. д. будутъ также мало читаться, какъ Озеровъ, Батюшковъ и Баратынскій. Что же касается до Пушкина, то, чѣмъ больше будетъ развиваться наша образованность, тѣмъ больше будетъ

расти и его слава, ибо каждое поколѣніе будетъ находить въ Пушкинѣ что нибудь новаго для себя—что нибудь такое, что недостаточно было понято и оцѣнено или даже совершенно упущено изъ виду предшествовавшими поколѣніями. Изучать Пушкина—тоже самое, что изучать Рафаэля, Шекспира и Моцарта: о немъ никто и никогда не скажетъ „последняго слова“, также точно, какъ никто и никогда не скажетъ „последняго слова“ о тайнахъ природы и человѣческой души.

Пушкинъ важенъ для Россіи не только какъ поэтъ, но и какъ единственное живое доказательство способности русскаго народа къ самобытному творчеству. Съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій приобщилъ насъ къ европейской цивилиаціи и сблизилъ съ Европою, иностранцы не перестаютъ задавать намъ вопросъ: „Гдѣ ваши права на мировую роль? Чѣмъ заявили вы себя въ наукѣ и искусствѣ? Вы умѣете только подражать и перенимать плоды чужихъ трудовъ, чужого ума и чужого генія!“ Съ тѣхъ поръ, какъ появились въ печати величайшія созданія Пушкина, намъ не трудно доказать иноземцамъ, даже мало знакомымъ съ исторіей Россіи

что русскій народъ не обдѣленъ Провидѣніемъ духовными дарами, что лучшіе русскіе люди вправѣ думать о самобытной русской культурѣ, и что она будетъ не менѣе своеобразна и роскошна, чѣмъ культура западно-европейскихъ народовъ. Народъ, имѣющій такого поэта, какъ Пушкинъ, можетъ безъ хвастовства говорить о своей даровитости и считать себя самобытнымъ. Народъ, давшій человѣчеству Пушкина, смѣло можетъ смотрѣть въ свое будущее и не падать духомъ отъ того, что у него нѣтъ еще такихъ ученыхъ, какъ Кеплеръ и Коперникъ, такихъ изобрѣтателей, какъ Уайтъ и Фультонъ, такихъ мыслителей, какъ Декартъ и Лейбницъ. Наша образованность—очень молодая образованность, и если, тѣмъ не менѣе, она уже успѣла породить Пушкина, значить ей некому и нечему завидовать. Кто усомнится въ русской даровитости и въ способности русскихъ людей идти своимъ путемъ, тому стоитъ только вспомнить о Пушкинѣ и вчитаться въ него, и онъ пойметъ, какъ нелѣпы толки о томъ, что русскій народъ силенъ лишь чужимъ умомъ, своею численностью, да пространствомъ своей территоріи. Создавая свои великія про-

изведенія, Пушкинъ тѣмъ самымъ давалъ надежную опору для русскаго національнаго самосознанія и подготовлялъ прекращеніе того духовнаго ивеземнаго плѣненія, въ которомъ находится наше общество со времени петровской реформы.

Нѣкоторые изъ замѣченныхъ ошибокъ и пропусковъ.

<i>Стр.</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
62	2 снизу	fleure	fleur
107	13 сверху	онъ	Софіано
108	19 "	напоминаеть	напоминають
160	13—14 "	изъ Шекспира	Шекспира
164	3—4 снизу	въ разсказѣ	въ разсказъ
169	11 "	къ тому же,	къ тому, что
173	11 сверху	гербельскаго	гербелевскаго
183	19—20 "	исторіи	исторія
203	6 снизу	drist	drist
204	11 сверху	Всѣхъ	Всѣмъ
225	8 "	незаслуженной	заслуженной
"	9 "	Онъ	Она
228	9 снизу	не прибавилъ	не придалъ
252	2 "	такъ	то
253	7—8 сверху	болѣзнь Марья Гавриловны.	болѣзнь
258	6—7 снизу	Марья Гавриловнѣ	Марью Гавриловну
290	11—12 "	Въ этомъ отношеніи	Въ этомъ отношеніи, по сложности фабулы,
292	1 сверху	безподобная	безподобное
299	21 "	съ нимъ	съ Вѣлкинымъ
303	18 "	о характера	и характера
313	9 снизу	въ которыхъ	въ которыхъ излагаются
362	18 "	1825 г.	1829 г.
387	9 "	свѣтъ	цвѣтъ
403	9 "	о родниѣ	о роднѣ
405	13 "	думалъ, что	думалъ
411	9 сверху	скандинава	скандинавовъ-язычниковъ
414	13 "	у современниковъ	у современниковъ Пушкина
528	11 "	упомянуть	упоминать
579	5 "	эридицію	эрудицію
612	17 "	Аманъ	Амантъ

На стр. 414 вмѣсто 7-ой, 6-ой, 5-ой, 4-ой и 3-ей строкъ снизу, слѣдуетъ читать: „не могъ брать съ собой попутчиковъ за своей отвѣтственностью: подорожная не давала ему этого права. Вотъ что значить“ и т. д.

Будущимъ назывался тотъ пассажиръ, который ѣхалъ съ лицомъ, взявшимъ подорожную, и вносился въ нее подъ условіемъ уплатить за него денегъ владѣльцемъ подорожной.

ЦѢНА 1 р. 50 к.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

— „О русскомъ самодержавіи“. Москва. 1895 г. Цѣна 75 к.

— „Капитанская дочка“ Пушкина. Историко-критическій этюдъ. Москва. 1897 г. Цѣна 1 руб.

— „Пророкъ“ Пушкина въ связи съ его же „Подражаніями корану“. Москва. 1898 г. Цѣна 50 к.
